ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 12

ДЕКАБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
МОСКВА—1928

Главлит № А—26532. Тираж 6.500.

Тип. газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Гр. Баммель.—Памяти Иосифа Дицгена	5
М. Фурщик.—Об одной „защите“ диалектического материализма. (По поводу книги Л. И. Аксельрод „В защиту диалектического материализма“).	26
Н. Панкевич.—Историко-социологические взгляды Н. А. Добролюбова	54
З. Атлас.—Монополистический капитализм и политическая экономия	78
И. Бутаев.—О методологии изучения мирового хозяйства	137
Я. Захер.—Жак Ру до падения Жиронды.	160
И. Орлов.—Об об'ективном изучении синтетической деятельности мозга	179

Критика и библиография.

А. Рубин.—Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом	196
В. Позняков.—Макс Косвен. Происхождение обмена и меры ценности.	201
Гр. Деборин.—Ф. Петри. Социальное содержание теории ценности Маркса	204
А. Михайлов.—Ф. И. Шмит. Предмет и границы социологического искусствоведения.	210
М. Байч.—Б. В. Беляев-Башкиров. Статистический метод в психологии	214

Сообщения и заметки.

От правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков	216
Устав Общества воинствующих материалистов-диалектиков.	218
Программы семинарских занятий кафедры истории и философии естествознания на Физмате 1 МГУ	225
Содержание журнала „Под Знаменем Марксизма“ за 1928 г.	235

Памяти Иосифа Дицгена.

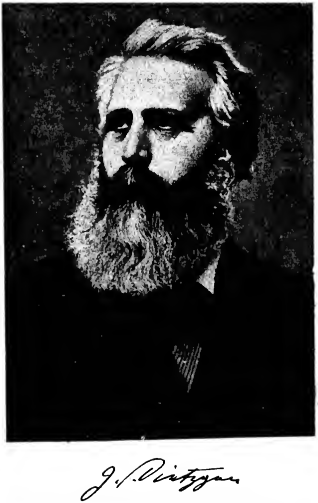
(К столетию со дня его рождения).

Гр. Баммель.

1.

«Наш философ»—так представил его Маркс рабочим-делегатам в 1872 г. на Гаагском конгрессе Интернационала.

Дицген действительно—наш философ. По профессии рабочий-кожевник, он собственным упорным трудом, своей пролетарской волей, самостоятельно усвоил последние выводы современной ему науки и проник в самое «святилище» буржуазной философии — в теорию познания; выросший на физическом труде, он овладел искусством «головной работы», самостоятельно дошел до основных идей диалектического материализма и, примкнув к основоположникам коммунистического мировоззрения, остался до конца дней своих стойким борцом и пропагандистом философии пролетариата.



Дицген соединял в себе мыслителя и борца, теоретика и просветителя, агитатора и пропагандиста. Защита материализма в самых абстрактных областях, даже изложение самых отвлеченных философских теорий были подчинены у Дицгена более общей идее борьбы за дело рабочего класса «Раскрепощение

народа, освобождение его от подневольного труда, нищеты и нужды есть высшее благо, к которому стремится наш ум», — писал Дицген в «Письмах о логике». Интеллектуальный рост, идейное завоевание масс,—вот что является важнейшим орудием для достижения этой цели. Теоретическая, пропагандистская борьба за идейное завоевание масс есть важнейшая и притом органическая часть рабочего движения. «...Я очень рад, что в самом деле произошло то, на что я вряд ли мог рассчитывать, — писал Дицген Марксу 15 декабря 1872 года [1),— а именно, что ты, по крайней мере, хочешь воздержаться от подпольной политики, чтобы располагать временем для выработки своей социальной теории. Я не отрицаю значения агитации, но она происходит, так сказать, сама собой, между тем как нет никого, кто был бы способен продолжать твои труд. И успехи, достигаемые благодаря теории, кажутся мне более верными и более важными, чем агитаторская практика».

Новое пролетарское мировоззрение, рожденное в муках, взращенное борьбой, горем, заботами, есть боевая материалистическая философия. Пролетарская философия должна быть сознательным призывом к борьбе и активности. «Философия должна быть близка рабочему классу,—говорит Дицген,—это еще не значит, что каждый рабочий должен стать философом, должен изучить отношение между идеей и материей. Ведь из того, что каждый из нас ест хлеб, еще не следует, что все должны молоть муку и печь хлеб. Но как рабочему классу необходимы мельники и пекари, так ему нужны серьезные исследователи, которые вскрыли бы тайные происки жрецов Ваала и вывели бы их на чистую воду. Высокое значение умственной работы пока еще недостаточно оценивается людьми физического труда. Инстинкт подсказывает им, что люди, задающие тон в нашем буржуазном обществе,—его естественные враги. Они видят, что под прикрытием умственного труда производится плутовство. Надо еще прибавить вполне понятную склонность с их стороны умственный труд недооценивать, а физический труд переоценивать. Такому грубому материализму надо противодействовать»,—говорил Дицген в брошюре о «Религии социал-демократии». В рецензии на «Капитал» Маркса он возвращается к этому вопросу. Умственный труд, — говорит там Дицген, — не должен пугать рабочего, который привык «в поте лица своего» добывать не только свои собственные радости, но и создавать возможность в десять раз больше радостей для других. «Когда я вначале не мог понимать трудов наших философов, я себе снова и снова говорил: то, что умеют другие, ты должен также уметь. Мышление не есть привилегия профессоров. Для него требуется, как и для любого занятия, лишь привычное упражнение. А ведь огромная масса рабочих, наконец, начинает понимать, что нет спасения вне упражнений в самостоятельном мышлении».

---

1) Опубликовано в «Vorwärts'e» в № от 9 дек. 1928 г.

Рабочий класс должен осознать необходимость абсолютной идейной независимости, идейной самостоятельности. Дицген стремится это сделать практическим лозунгом своей жизни. «Я в скромном положении лучше себя чувствую, чем в привилегированном. Монашество нравится мне потому, что только при этом условии я могу сохранить абсолютно необходимую мне независимость»,—пишет Дицген в письме к Зорге от 23/XII 1886 г. И Дицген вновь и вновь повторяет, что духовное преимущество буржуазии превращается в материальную эксплоатацию. Каждый рабочий, желающий принять участие в деле освобождения своего класса, должен ясно представлять себе задачи своего класса, должен з н а т ь своего противника — капитал. Такова мысль, руководившая Дицгеном в его работах. И в этом—своеобразный просветительский характер деятельности Дицгена. Даже на стиле его работ отразилась эта черта. Едва ли работы Дицгена не являются единственными в философской литературе по простоте изложения. Дицген излагал свои мысли в самой популярной форме, обращаясь непосредственно к читателю-рабочему.

От всех работ Дицгена веет этим могучим стремлением подчинять рассмотрение самых абстрактных вопросов философии революционным задачам рабочего класса. Он звал рабочих к усвоению последних выводов науки, подчеркивая огромное значение теории и философии в практике классовой борьбы пролетариата. Негодования на несправедливость еще недостаточно. На помощь должно явиться еще и духовное орудие. Понимание познавательного метода представляет сильное оружие против религии, оружие, которым побивается эта последняя в самых отдаленных и тайных своих норах. «С уничтожением дуализма духа и материи падает и последняя теоретическая опора господствовавшего до сих пор подразделения на приказывающих и повинующихся, на угнетателей и угнетенных».

Философский монизм,—по мнению Дицгена,—это «пролетарский», «демократический» монизм. Теория познания проникается демократическим духом универсального, естественного равенства.

Искусство мышления не есть чистая, голая, но связанная с практикой теория, теоретическая практика. Ничего мистического, никакой «вещи в себе» нет в нашей способности мыслить. Человеческий мозг так же непроизвольно отправляет функцию мышления, как грудь производит дыхание. Профессорская буржуазная философия изображает философию, абстрактное мышление или теорию познания, как «святое святых», куда простым смертным вход запрещен; профессорская мудрость помещает способность мышления на высокий алтарь религиозного божества. Дицген разоблачает классовый смысл «аристократии духа», этого жалкого суеверия, лицемерно превозносящего «дух», доказывая, что так называемая свободная наука превращается в оплаченную адвокатуру.

Дицген метил прямо в цель. В основе дицгеновской «пролетарской логики», или теории познания, в сущности лежит то мнение, что в способности управлять государством нет ничего сверхъестественного, демократ не должен смотреть на правителя государства, как на двуногое божество. «Все мы—прирожденные правители, а тот, кто является правителем, только случайно заведует обыкновенными делами, простой управляющий, каких в массе можно найти сотнями» [1]).

Против каких врагов пролетарской идеологии боролся Дицген? Неокантианство Ланге, агностицизм Дюбуа-Реймона, Вирхова, Негели, позитивизм Э. Геккеля—эти течения были подвергнуты Дицгеном резкой критике с точки зрения последовательной материалистической философии. На примере критики этих течений Дицген показывает, как глубоко ошибаются те, кто из науки делает какой-то фетиш, превращая научное знание в нечто непогрешимое, жреческое, стоящее выше всякой критики. Разве не заслуживает серьезного внимания то, что Дицген требовал критического, именно диалектически-материалистического отношения к естествознанию? Научное знание надо нести в массы, рабочий класс надо вооружать последними выводами науки, но естествознание с изучения отдельных фактов должно подняться на более высокий уровень теоретического философского обобщения. Дицген понимал необходимость диалектически-материалистического обоснования естественно-научного знания. Защита теории и философии составляла одну из важнейших задач работ Дицгена. «Решающее слово все-таки остается за философами, ибо они являются специалистами в логике, — говорил он в «Письмах о логике». — Естествознание игнорирует исторические выводы философской работы мысли. Естественник работает над своей собственной специальностью, оказывая услуги диалектике скорее мимоходом и помимо собственного желания» [2]).

Мысль, что естествознание не может обойтись без философии, получила, как известно, глубокое развитие в заметках Энгельса по «Диалектике природы». Эту мысль мы встречаем и у Дицгена.

Дицген—враг узкого, ползучего эмпиризма. Специальные знания необходимы, но они должны быть поняты на основе монизма, единства методологии, «известного общего освещения», как «фундамента всякого исследования».

Дицген подчеркивает, что естествоиспытатель должен сознательно применять диалектически - материалистическую методологию. «Они,—говорит Дицген об естествоиспытателях,—далеко продвинулись в область знания, но лишь постольку, поскольку они трактуют о реально - осязаемых предметах. При всякой другой, абстрактной теме мы находим вместо «доказывающих фактов» адвокатские дока-

---

[1]) «Религия социал-демократии», русский пер., Петроград 1915 г., стр. 15.
[2]) Ges. Schr., II, 76.

зательства, потому что, если натуралисты и понимают, что такое факт, заключение, правило, истина, то только в применении к отдельному случаю, только инстинктивно, а не принципиально, не сознательно, не теоретически».

Развенчав фетишизацию так называемой беспартийной, «специальной науки», разоблачив классовый смысл прикрывающейся именем «свободного» естественно-научного знания профессорской мудрости, Дицген, полный гнева и негодования, обрушивался на менее завуалированных лакеев реакции, мистики и поповщины.

Дицген бросал ядовитые стрелы презрения и негодования против библейски - божественного откровения, охраняемого жандармерией в рясах. Дицген боролся против титулованных приспешников и наемных слуг капитализма—профессоров, судей, адвокатов и других дипломированных лакеев поповщины, сознательно или бессознательно поощряющих самое низменное затмение умов. Дицген писал статьи и против профессиональных хамелеонов, торгующих пером, продающих свой стыд и совесть, защищающих «метафизику и религию, как старые опоры государственной мудрости». Книжники и фарисеи буржуазного общества знают, что делают: «Если народ перестает веровать, кто же сочтет нашу собственность священной и кто будет поставлять пушечное мясо отечеству?». Разве буржуазная профессорская мудрость не проповедует терпение и покорность, ограничивая науку познанием «явлений», но не сущности? Разве под высокой сугубо - философской терминологией не скрывается тут проповедь идолопоклонства, сулящего загробную жизнь и побрякушки «вечной» справедливости, любви и нравственности?

Дицген проповедует энергию и активность. ««Беспощадность» есть слово, которое я избрал своим девизом»,—говорит Дицген в письме к Марксу 20 мая 1868 г. Елейные речи ханжества и лицемерия внушали ему отвращение. И он с неумолимой беспощадностью разоблачает лицемерие, скрывающееся под оболочкой «возвышенных чувств» идеализма, срывая все фетишистские покровы. Привилегированная клика старается держать под пеплом ярко разгорающиеся искры пробуждающегося классового сознания. «Но, товарищи, не будем смущаться: угольки все же тлеют!» «Теперь время разрыхлить почву и заложить фундамент,—говорит Дицген.—Я всегда думаю, что семя должно быть посеяно, и я уже наполовину вознагражден за свой труд, хотя бы на каждую милю плодородной почвы падало бы и дало бы плоды только одно зернышко» [1]).

Все те, против которых боролся Дицген, все те, которых он бичевал и клеймил со страстью истинного революционера, продолжают свою гнусную работу. Проводниками религиозного дурмана являются ныне представители той партии, в рядах которой

[1]) Письмо к Зорге от 15/VII—1885 г.

когда-то Дицген боролся против поповщины. Шейдемановцы проповедуют религиозную терпимость, социал-предатели все откровеннее, все подлее плетут опутывающие сознание масс сети христианской покорности, ханжества и лицемерия. Марксизм давно отодвинут в сторону. О материализме не может быть и речи,—не станут социал-лакеи компрометировать себя перед буржуазией. Так называемая свободная наука еще наглее выступает в союзе с жандармерией в рясах.

Атеистические памфлеты Дицгена сохранили все свое значение. Хлещущие, боевые, полные сарказма и железной логики фактов, они помогут рабочим стать сознательными борцами за духовное раскрепощение рабочего класса. Неутомимый страстный борец за материализм, неуклонно разоблачающий классовые позиции буржуазии и в официальной профессорской философии и в официальной науке, понесший четкое классовое мышление в широкие массы,—таким останется Дицген в памяти революционных рабочих.

2.

Иосиф Дицген родился 9 декабря 1828 года в Бланкенберге, недалеко от Кельна. В деревне Укерате он посещал сначала народную школу, потом городское училище в Кельне, потом частную латинскую школу в местечке Оберплейс. Он был еще юношей, когда отец, по ремеслу кожевник, определил его в свою мастерскую. Работая в мастерской отца, Дицген еще юношей знакомится с французским социализмом, самостоятельно изучает политическую экономию и философию. Философия Фейербаха при этом была главным «пробудителем» его мышления. Переломными этапами в жизни Дицгена явились, кроме знакомства с Фейербахом, революционный 48-й год и знакомство с «Коммунистическим Манифестом». Сам Дицген об этом впоследствии рассказывал следующее: «Хотя я родился в 1828 году, тем не менее моя сознательная жизнь началась с так называемого «безумного 1848 г.». Я изучал ремесло своего отца в его собственной мастерской, когда из «Кельнской Газеты» я узнал, что в Берлине народ победил прусского короля и завоевал себе «свободу» [2]). Отныне эта свобода стала для меня прежде всего предметом раздумья». «1848 год с его реакционерами, констатуционалистами, демократами и социалистами пробудил в моей, тогда юношеской, душе совершенно непреодолимую потребность—добраться до критически устойчивой и исключающей сомнения точки зрения и положительного суждения о том, что из всего написанного и услышанного за и против является несомненно истинным, хорошим и справедливым. Так как я—вполне основательно—сомневался в существовании бога, а в церковь и вовсе не верил, то мне было очень трудно справиться со всем этим. Во время этих исканий я

---

[1]) Ges. Schr., Bd. II, S. 257.

ознакомился с Людвигом Фейербахом, старательное изучение которого значительно подвинуло меня вперед»[1]).

В июне 1849 года реакция гонит Дицгена в Америку, где, как рассказывает его сын, Евгений Дицген, он «в течение двух лет работал в качестве кожевенного подмастерья, маляра и учителя, но большей частью путешествовал, пешком или плывя в лодке, по огромной территории Соединенных Штатов от Висконсина, на севере, до Мексиканского залива, на юге, и от Гудсона до Миссисиппи с запада на восток». В 1851 году мы его вновь видим в мастерской отца. В 1859 году, стремясь добиться материальной независимости и обеспечить себе возможность научных занятий, Дицген переселяется в Америку. Он поселился в штате Алабама, открыл кожевенную мастерскую, но пробыл там недолго. Начавшаяся гражданская война заставила его в 1861 году вновь переехать на Рейн.

В 1859 году Дицген изучает «К критике политической экономии», он становится убежденным марксистом. Замечательно уже то проникновение в сущность марксистского мировоззрения, которое обнаружил Дицген, ознакомившись с этой книгой сейчас же по выходе ее в свет. В письме Марксу от 5 ноября 1867 г. Дицген говорит: «В свое время я прилежно изучил вышедший в Берлине первый выпуск «К критике политической экономии» и признаюсь, что никогда ни одна книга, как бы об'емиста она ни была, не дала мне столько новых положительных знаний и не была так поучительна, как эта маленькая тетрадь. С большим нетерпением ожидал я продолжения. Вы первый выразили в ясной, неопровержимой, научной форме мысль, которая отныне станет с о з н а т е л ь н о й тенденцией исторического развития, а именно мысль о подчинении слепой естественной силы общественного процесса производства человеческому разуму. Вы помогли уразумению этой тенденции, и вы содействовали выработке взгляда на наше производство, как на бесплановое,—и в этом заключается ваше бессмертное дело. Время должно принести и принесет вам всеобщее признание за это. Между строками вашего труда я читаю, что предпосылкой вашей обоснованной политической экономии является обоснованная философия».

По об'явлению «Кельнской Газеты» Дицген в 1864 году принял предложение заведывать технической частью большого казенного кожевенного завода в Петербурге. В Петербурге Дицген пробыл пять лет. Здесь была написана им «Сущность головной работы человека». К этому времени относится, кроме цитированного выше, ряд писем к Марксу. Эти письма чрезвычайно интересны как документы, характеризующие яркую личность пролетарского философа. Дицген называет Маркса вождем движения, своим учителем, главой школы. Он пишет Марксу из Петербурга (20 мая 1868 г.)[2]): «... Я обязан вам пони-

[1]) Ib., S. 192.

[2]) Опубликовано в «Vorwärts'e» в № от 9 декабря 1928 г.

манием исторического движения человечества,—сокровищем, которое возвышает меня над очень многими житейскими невзгодами, над всяким убожеством моего времени и окружающей среды. Мало того. Дав мне возможность вникнуть в общую сущность буржуазной экономии, вы тем самым дали мне возможность сознательно отстаивать мою личную точку зрения в этом обществе. Этой сознательности я в значительной степени обязан тем успехам, которым я до сих пор могу похвалиться в этом неизбежном буржуазном существовании».

На Гаагском конгрессе Интернационала Дицген говорил с Марксом о продолжении его «Капитала». 15 декабря 1872 года Дицген пишет Марксу: «Теперь я пишу статью, в которой стараюсь доказать что учение современного социализма и коммунизма, т.-е. теория Маркса, является законным порождением немецкой философии, что они представляют собой не что иное, как применение индуктивного метода к дисциплинам, в которых до сих пор злоупотребляли умозрением. Я имею в виду сделать еще многое, я постоянно занят то за письменным столом, то в мастерской, в которой я тоже люблю работать, но в которой я, кроме того, вынужден работать для заработка».

В Петербурге же Дицген пишет и в августе 1868 г. публикует в лейпцигском «Demokratische Wochenblatt» рецензию о вышедшем в 1867 г. первом томе «Капитала».

Дицген видит основную заслугу Маркса в том, что он показал «социальную с у щ н о с т ь нашего частным образом организованного труда». Мы производим не единичным, а общественным, социальным трудом, хотя каждый знает, что этот труд я в л я е т с я не как общественный, а как частный труд. «Открыв в ней социальную сущность, Маркс—такова задача подлинной науки—показал, что эта видимость обманывает». Политическая экономия является для него не твердой субстанцией, суммой вечных истин, а чем-то текучим, развитием. Она—основа истории культуры». В живой, политически заостренной форме Дицген дает сжатое изложение хода мысли в «Капитале» и кончает, что «при этом изложении нельзя избегнуть убеждения, что социальный вопрос есть не только вопрос рабочего класса, но и вообще вопрос жизни и смерти всего общества».

Меринг писал об этой рецензии в «Истории германской социал-демократии»: «Первый немецкий рабочий, которому принадлежит честь идейного овладения основным произведением научного коммунизма, был Иосиф Дицген, кожевник» [1]). Вильгельм Либкнехт также писал в своем некрологе о Дицгене об этой рецензии: «Оригинальность изложения, глубина мысли, замечательная форма мысли наполнили меня удивлением, и я тотчас понял, какой выдающийся ум вошел в ряды борцов нашего движения» [2]).

---

[1]) Gesch. d. deutsch. Sozialdem., 2 Aufl., Bd. III, S. 307.

[2]) «Die Neue Welt Kalender» 1890, S. 65 (подписано: W. L.).

В сентябре 1869 г., когда Дицген вновь переехал из Петербурга в Германию, в Зигбург, в городок на Рейне, Маркс посетил Дицгена, чтобы лично с ним познакомиться.

Спустя год появляется первая и основная философская работа Дицгена: «Сущность головной работы человека».

Дицген переслал рукопись Марксу. В письме к Кугельману от 5 декабря 1868 года Маркс так отозвался о рукописи: «Дицген прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», который, несмотря на некоторую путаницу в понятиях и на слишком частые повторения, содержит в себе много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей». Маркс переслал рукопись к Энгельсу. «В рукописи много остроумия,—отвечал Энгельс,—и, несмотря на недостатки в грамматике, значительный стилистический талант. В общем же замечательный инстинкт, который помог придумать так много правильного при такой недостаточной подготовке».

За время пребывания в Зигбурге с 1869 г. по 1884 г. Дицген публикует большое количество статей на экономические и философские темы во всех сменяющих друг друга партийных органах—«Volksstaat (1870—1876 гг.), «Vorwärts» (1877 г.), «Sozialdemokrat» (Цюрих, 1880—1888 гг.), «Neue Geselschaft» (Цюрих) и др., а также ряд брошюр: «Религия социал-демократии» (1870—1875 гг.), «Буржуазное общество» (1876 г.), «Очерки политической экономии» (1870 г.), «Социал-демократическая философия» (1876 г.), «О вере неверующих» (1880 г.) и серию «Писем о логике» (1880—1883 гг.).

В 1884 г. Дицген вновь переселился в Соединенные Штаты, где взял на себя редактирование партийного органа «Der Sozialist». В 1886 году он берет на себя редактирование газеты «Chikagoer Arbeiter-Zeitung» в тот критический момент, когда ее редакторы были арестованы в связи с известным анархистским покушением: когда, как рассказывал впоследствии Зорге [1]), «осторожные и добродетельные люди нашли нужным не признавать арестованных редакторов «Arbeiter-Zeitung», как людей, которых они совершенно не знают»; Дицген хотел броситься и заполнить брешь, образовавшуюся в рядах борющихся, и заменить в борьбе тех, кто был вырван реакцией. «Социалистическое издательство» («Soc. Publishing Society») приняло его предложение и вскоре назначило его главным редактором выпускаемых названным издательством газет: «Arbeiter-Zeitung», «Fackel» и «Vorbote».

В поведении Дицгена по отношению к анархистам нет и тени какой-либо беспринципности («я за него спокоен»,—писал Энгельс в одном из писем к Зорге этого периода),—это поведение вытекало из убеждения, что важнее и существеннее выдвигать на первый план не то,

---

[1]) «Neue Zeit» 1895, Bd. II, S. 339. См. также биографию Дицгена, написанную его сыном, Евгением Дицгеном, Ges. Schr., 1911, Bd. I.

что разделяет, а то, что связывает, что об'единяет, что является общим для анархистов и социалистов.

В последние два года своей жизни (1886—1888 гг.) Дицген написал две брошюры: «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1886 г.) и «Аквизит философии» (1887 г.). Это была последняя работа Дицгена. Он умер 15 апреля 1888 года. Смерть сразила его внезапно. Он беседовал о политической сущности забастовок, подчеркивая, что в забастовках неминуемо ставится вопрос о захвате власти, о грядущем крахе капитализма и недалеком дне победы рабочего класса. «Сорок лет назад я уже предвидел современное рабочее движение»,—с этими словами он откинул голову, задыхаясь, и—его не стало. «Сорок лет,—писал «Der Sozialdemokrat» в № 19 в 1888 году,—Дицген целиком принадлежал социалистическому движению. Он был скорее человеком мысли, чем человеком дела,—именно, он поставил своей задачей словом и мыслью распространять и внедрять в сознание немецких рабочих ясное мышление, в своих работах он в первую очередь стремился разбудить, развить, усовершенствовать «способность суждения» у читателей, т.-е. рабочих, и укрепить в них силу противодействия всем религиозным суевериям» [1]).

Так писал центральный орган партии в некрологе о Дицгене.

3.

Поскольку материалистическое мировоззрение означает взгляд на природу, как на нечто первоначальное, и на сознание, как на нечто вторичное, производное, Иосиф Дицген является последовательным материалистом. «С прежними материалистами общего у нас только то, что мы признали материю предпосылкой или первоосновой идеи»,—писал И. Дицген. Диалектический материализм открывает звено, связывающее дух и материю, определяя последнюю,—как первичное, а дух—как вторичное.

Метафизическое мышление замечает только различия и не видит их относительности. Метафизика в этом смысле есть «чрезмерность», по выражению Дицгена, т.-е. чрезмерное выпячивание одной из сторон, одной из черточек бесконечно сложной и бесконечно разнообразной действительности. Дицген обвинял представителей различных направлений идеалистической философии, усматривая у них метафизически-чрезмерную односторонность. Например, ошибка Канта состоит в том, что различие между сущностью и явлением он сделал ч р е з м е р н ы м, он превратил сущность в нечто отличное, обособленное, чудесное, таинственное и непознаваемое. Между тем нет мира сущности и отдельно мира явлений, но мир един. Сущность не отделена от явления, не скрыта позади него, и сущность отличается

---

[1]) «Der Sozialdemokrat» № 19, 1888.

от явления не больше, чем целое от части. Там, где метафизика видит различия и противоположности, Дицген подчеркивает переходы, связи, непрерывность.

«Диалектическое искусство», «новая, пролетарская логика», «пролетарский монизм»—под этими названиями Дицген, как он сам говорит, разумеет учение о развитии. «Вся вообще природа находится в процессе постоянного развития, мир—это целое, не имеющее конца и состоящее из конечных частей, мир есть и будет вечным движением, вечным изменением» [1]). Стало быть, продолжает Дицген, нет в мире абсолютно индивидуальных, неповторимых явлений: в мире все явления связаны.

Любимой и едва ли не главнейшей идеей Дицгена была идея взаимной связи и зависимости всех вещей, всеобщей обусловленности, мировой связи, естественного единства духа и природы, органического единства всего существующего. Не под сводами храма и не в головах ученых, но в живой взаимной связи всего мира следует искать критерий истинности,—писал часто Дицген. Любой предмет из окружающей действительности тысячами связей об'единен с нею. Напр., возьмем камень. Камень «имеет» цвет, но без солнечного света он был бы черным, т.-е. бесцветным. Но цвет камня зависит не только от света, но и от глаза. Человек, слепой к восприятию цветов, видит камень совершенно другим. Далее говорят, что камень «имеет» тяжесть. Но тяжесть зависит не только от собственной массы камня, но и от силы притяжения земли. Также и теплота, которую я чувствую в камне, зависит от солнечных лучей, а также от того, теплой или холодной рукой я беру камень. Камень, который я держу в руке, нельзя таким образом вырвать из всеобщей связи явлений.

Возьмем другой пример. Вот, напр., капля воды. «Она различно видоизменяется, в зависимости от того, в связи с какими предметами она находится. Прежде всего капля воды может существовать лишь при известной температуре. В зависимости от изменения температуры она может принимать форму льда или пара: в жирном составе она остается компактной, в соли распускается. В зависимости от удельного веса жидкости, с которой она входит в соприкосновение, она плавает на поверхности или же падает вниз. Без связи с землей, с температурой и силой тяжести эта капелька, да и вообще все капли воды исчезли бы в бесконечном пространстве и не имели бы бытия. Следовательно, формы вещей изменяются в зависимости от их взаимной связи с другими вещами, и они являются именно теми, а не другими вещами, только как части мирового целого». Сказанное о капле воды и камне, по Дицгену, приложимо ко всем вещам. Величайшей заслугой Дицгена является то, что он последовательно развил и сделал все выводы из всеобщей взаимной связи явлений.

---

[1]) Письма о логике, русск. перев., 1908 г., П. Дауге, стр. 141.

Особенность работ Дицгена по теории познания состоит именно в том, что мысль о всеобщей взаимной связи явлений он прилагает и к нашему познанию. Способность мышления неразрывно связана со всем остальным материальным миром. Сущность познавательной способности можно понять не в ее «чистом» виде, как она существует сама по себе, а лишь в связи с чем-либо другим, напр., с историей культуры («Письма о логике», изд. 1908 г., стр. 126) или в ее естественной связи с природой, в связи с остальным материальным миром. «Вот это-то признание органического единства всего существующего и составляет главный базис моей логики»,—говорит Дицген в «Письмах о логике». «Чтобы мыслить действительно связно, ни одну вещь ты не должен рассматривать, как нечто самостоятельное. Но все только как текучее свойство единой субстанции»,—пишет Дицген сыну. Но это относится и к самой мысли!

Теория познания не совпадает с формальным учением об интеллекте, а непосредственно связывается с учением о мире вообще, или, как выражается Дицген, с учением о других вещах. Логика является продуктом не «головной работы» в ее чистом виде, но естественного развития самой природы. Ее законы—это не законы, существующие только в голове, в мысли. Если в мире все связано, если вещь, вырванная из всеобщей мировой связи, есть нечто нереальное, мертвое, как пустая абстракция, то и мысль должна быть реальным отрезком действительности, действительным куском всеобщей связи явлений. Реально все, «все, даже чрезмерное, если только оно совершается сознательно, в известное время и при известной обстановке». Идеальное существует лишь в связи со всем остальным, «реальным» миром, поэтому идеальное только относительно идеально. «Мысль есть часть всей совокупности бытия. Мысль, интеллект существует реально. «Фантазия и истина, идея и действительность — суть два явления единой природы». «Как логика является действительной, так и действительность является логичной.

Обычно проводят резкое различие между тем, что действительно, и тем, что только мыслимо. Это различие правомерно, говорит Дицген. Если бы Дицген не проводил этого различия, он смог бы провести грани между материализмом и идеализмом. Для материалиста действительность существует независимо от того, мыслится ли она или нет. Но, говорит Дицген, этого различия не следует преувеличивать до такой степени, что будто бы мыслимое существует лишь в нашей голове, а на деле не имеет реального бытия. Но на самом деле мысль бесконечными отношениями связана со всем остальным материальным миром, и она не менее реальна, чем весь мир, частью которого она является.

Формальная же логика преувеличивает значение различия и различения. Она не понимает диалектической природы вещей, которые не только существуют порознь, раздельно, но и взаимно связаны

между собою. Мы должны знать, что «разнообразие есть единство, изменчивость постоянна и постоянное изменчиво». В мире нет никаких существенных различий, не имеющих между собою никаких связей, никаких посредствующих звеньев, ничего общего: «одинаковое различно, и различное одинаково», «все является одновременно вечным и временным, истинным и неистинным, великим и малым, все не только односторонне, но и разносторонне и, следовательно, противоречиво».

Логика исследует формы мысли, но мысли в том виде, в каком она существует в действительности. Логика не только учение о мышлении. Она стремится расширить область своего применения до «бесконечных пределов», по выражению Дицгена, до «последних вопросов всякого знания», в противоположность формальной логике, довольствующейся исследованием ограниченной области «логического» порядка. Дицген неправильно называет эту новую реальную логику «метафизической», но в основе его критики формальной логики у него лежит совершенно правильная мысль. Дицген говорит, что «формалисты похожи на отливальщика фарфоровых изделий, который думает, что его ремесло может ограничиться лишь формой посуды, горшков и кувшинов, но что ему нет никакого дела до вещества, из которого он их приготовляет. Однако он забывает при этом, что он должен как форму наполнять веществом, так и веществу придавать форму. Эти вещи можно разделять только на словах, но не в действительности...» [1]).

Итак, всеобщая мировая связь явлений приводит нас вместе с Дицгеном к утверждению, что мысль, сознание, логика не менее «действительны», если так можно выразиться, чем природа.

Точка зрения Дицгена целиком совпадает с тем пониманием основной противоположности духа и материи, какое мы имеем в философии марксизма—в диалектическом материализме. Материализм, говорил Ленин, состоит не в том, что сознание существует менее реально, чем материя, а в том, что сознание есть нечто вторичное, а материя — первичное. В «Конспекте «Науки логики» Гегеля» Ленин делает пометку: «Против вульгарного материализма. NB: различие идеального от материального тоже не безусловно, не «непереходимо». И дальше, в известном фрагменте о диалектике: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы». Идеализм есть пустоцвет, бесспорно, но, подчеркивает Ленин, пустоцвет, растущий на живом дереве живого,

[1]) Письма о логике, русск. пер. 1908 г. (изд. П. Дауге).

плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания».

Вот почему Дицген вполне последовательно конкретизирует идею всеобщей мировой связи, когда выступает с неслыханным для формальной логики утверждением, что общее не менее реально, чем единичное и особенное.

Но что такое «общее»?

Мышление,—говорит Дицген,—есть «физическая работа, которая, как и всякая другая работа, не может существовать и функционировать без материала». Для мышления я еще нуждаюсь в веществе, которое я и должен мыслить. Такое вещество или материал для мышления даны в явлениях природы и жизни. Это и есть то,—говорит Дицген,—что мы называем конкретным, частным. Это—«конкретные, особые чувственные формы вещей, которые мы познаем непосредственно в опыте» [1]). Из этого конкретного, чувственного, многообразного мышление извлекает его однородное или всеобщее содержание.

Мыслительная способность состоит, именно, в том, что об'екты чувственного восприятия превращаются в простые понятия путем извлечения их сходных черт и однородного или всеобщего содержания. Глаз исследует то, что можно видеть, ухо воспринимает то, что можно слышать, а наш мозг—то всеобщее, что может быть об'ектом знания. К анализу нашей мыслительной способности не применимы ни физические инструменты, ни химические реактивы, но, продолжает Дицген, здесь недостаточно и просто чувственного наблюдения: здесь необходима еще способность образовывать понятия или теоретический анализ. Сущность мыслительного акта, образующего понятия, заключается в том, что он «в предметах, разнообразных в своей чувственной телесности, отыскивает всеобщее содержание, родовое единство». Теоретический анализ, который в учении о мышлении заменяет и физические инструменты, и химические реактивы, состоит в том, чтобы «вывести из особенного всеобщее» (aus dem Besonderen das Allgemeine zu erforschen), «из чувственного, конкретного развить абстрактное или всеобщее». «Всеобщее есть содержание всех понятий, всякого познания, всякой науки, всех мыслительных актов». «То общее, в чем сходны различные животные или различные явления света, образует элемент, который составляет понятие животного вообще или света вообще». Мышь и слон теряют свои различия в тождественном, общем понятии животного вообще. «Понятие об'единяет многое в единство, из частного развивает общее» [2]). И Дицген заключает этот ход мысли следующим положением: «Если развитие всеобщего из особенного есть общий метод (die generëlle Methode), форма и способ вообще, которыми разум достигает познания, то тем самым установлено, что разум состоит в способности выводить общее из особен-

[1]) Ges. Schriften, Bd. I, S. 23.

[2]) Ibid., S. 22.

ного»[1]), «состоит в развитии общего из особенного, в отыскании синтетического или абстрактного в конкретном и чувственно данном»[2]).

Но из предыдущего мы знаем, что «мир существует как связь и что вещь, вырванная из этой связи, перестает существовать»[3]). Стало быть, диалектика всеобщей мировой связи такова, что общее неразрывно связано с особенным, абстрактное—с конкретным. Всеобщая мировая связь учит об относительности, о переходе, о текучести, о развитии общего из частного и частного из общего.

В этом и только в этом состоит диалектически-материалистическое учение о реальности общего. «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему,—говорит Ленин.—Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д.». Следовательно, общее не менее реально, чем отдельное. Общее, абстрактное не есть только в голове существующее, как бы менее реальное, чем конкретное, чувственно воспринимаемое и обособляемое. Общее, напротив, входит в определение отдельного и конкретного. «Мы говорим: Иван есть человек, и уже здесь есть диалектика: отдельное есть общее».

Никоим образом общее по своему содержанию не может быть беднее особенного или частного. С точки зрения формальной логики, чем более обще понятие, тем оно бессодержательнее. На самом деле, в частном нет ничего, что не содержалось бы в общем. Но в частном, действительно, содержатся только некоторые, именно частные, особенные, отдельные, но не все возможные черты. Выходит, что общее, наоборот, богаче, содержательнее, чем частное. До тех же пор, пока общее нами не определено в связи с частным, не расчленено, не развито как единство в многообразии частного,—оно выступает, как нечто более бедное, чем частное. Такова точка зрения формальной логики: общее есть механическая сумма сходных черт,—следовательно, общее противопоставлено частному, обособлено от частного. Отсюда Гегель правильно заключает о том, что формальная логика не в состоянии понять общего, как общего, т.-е. конкретного, реального общего, так как принуждена рассматривать и само общее, как «частное». Это и есть формальное логическое учение об абстрактном общем или об абстрактном тождестве. Диалектика требует, чтобы брали общее и частное в их внутренней связи, переходах , конкретности. Частное противоположно общему, но оно существует в связи с об-

[1]) Sämtl. Schr., Bd. 1, S. 20.
[2]) Ibid., S. 23.
[3]) Ibid., S. 21.

щим, и это единство противоположностей частного и общего и образует то, что называется конкретным понятием [1]). Абстрактное понятие или абстрактно-общее—это то же понятие об единичном, это, строго говоря, — то же частное, но лишенное некоторой группы определений, это—тень того же частного, это—именно только понятие, суб'ективное, «логическое», формальное, мертвое. Наоборот, конкретно-общее дано во взаимном проникновении частного и общего. Конкретно-общее есть одно целое, охватывающее все частное в единстве, в связи. Поэтому бесcмысленно противопоставлять конкретно-общее частному,—конкретность общего в диалектике в том и состоит, что она позволяет различать общее, дифференцировать, отличать от другого общего, как одно целое от другого.

Мы не собираемся, разумеется, развивать здесь высказанные положения о конкретном понятии (здесь, разумеется, оказалось бы необходимым обосновать их историко - материалистически, а также в связи с развитием естествознания). Проблема конкретного понятия нас интересует здесь лишь в той связи, в какой необходимо подчеркнуть огромное диалектическое значение учения Дицгена об относительности противоположностей общего и частного.

В то время как формальная логика в общем и частном видит только застывшее различие, противоположность,—«теория познания или диалектика» (выражение Дицгена) учит, что как форма неразрывно связана с ее противоположностью, содержанием, как тождественность и неподвижность—с текучестью и изменяемостью, так общее неразрывно связано с частным. Вот почему, «поднявшись на высоту логической диалектики или диалектической логики, философия должна исследовать не только мышление, но также и отображаемый мышлением оригинал». Формальная логика забыла о связи противоположностей и чрезмерно противопоставила мышление бытию, оторвав его от последнего.

Дицген правильно указывает на имманентную противоречивость мышления, сознания, понятия, об'единяющего противоположности частного и общего. Он говорит: «Сознание обобщает различное и различает общее. Сознание противоречиво,—и притом настолько, что оно... обобщает противоречие. Оно устанавливает, что все явления, все части природы противоречивы и что все реально существующее является тем, что оно есть, благодаря взаимодействию с другим, с противоположностью» [2]). Бытие дано не в общем, т.-е. оно не вообще дано, но «общее существует в действительности или чувственности только особенным способом» [3]). С другой стороны, «каждое особенное бытие имеет также свою особенную общность» [4]).

[1]) Выражение «конкретное понятие», а также первое обоснование этого понятия принадлежит, как известно, т. А. М. Деборину.

[2]) Ibid., S. 23.

[3]) Ibid., S. 32.

[4]) Ibid., S. 33.

Вот почему познание состоит в выделении, отыскании общего в частном, особенном. «Особенное есть мера общего» [1]).

Далее, Дицген на примере теории эволюции Дарвина показывает огромное значение реальности видов, как целых, органических единств, позволяющих отличать одну совокупность разновидностей от других совокупностей разновидностей, противопоставлять одни виды другим.

Дарвин не только обогатил естествознание. Дарвин оказал неоценимую услугу также и логике. «Доказав, что птицы произошли от амфибий, он пробил брешь в неподвижной раньше классификации». Он внес в нее движение и жизнь. Зоологическое деление не постоянно, но сплошь изменчиво. «Происхождение видов» в живой форме рисует переход от одного животного вида к другому, их изменчивость и текучесть. Дицген видит величайшую заслугу Дарвина в том, что он показал, каким образом всеобщая мировая с в я з ь, мировая органическая связанность, родственность и взаимозависимость всех разновидностей есть реальный естественный факт.

Дицген правильно указывает на глубокую внутреннюю связь Дарвина с Гегелем. Гегель был гениальным предшественником теории эволюции Дарвина, Дарвин был гениальным завершителем теории познания Гегеля. «Эта последняя,—говорит Дицген,—есть учение о развитии, включающее не только возникновение всех видов животной жизни, но также возникновение и развитие всех вещей; это космическая теория всякого развития».

Дарвин устранил пропасти, вырытые религиозным мировоззрением между классами и видами, и заменил трансцендентальное сверх'естественное создание реальным саморазвитием. Как у Дарвина виды животных переходят один в другой, так и у Гегеля—все понятия, все группы явлений, все области духа и знания. И тот и другой учат, что везде имеются различия и противоположности, но они относительны, не чрезмерны. «Гегель предвосхитил Дарвина, но Дарвин, к сожалению, не знал нашего Гегеля»,—говорит Дицген.

И подобно тому, как из всеобщей мировой связи противоположностей Дицген выводит и развивает мысль о р е а л ь н о с т и о б щ е г о, так и примером Дарвина он пользуется для того, чтобы показать, как реально выражается относительный характер противоположности общего и частного, родового и видового в о р г а н и ч е с к о й ж и з н и. Заслугу Дарвина в этом отношении Дицген видит в ясном, фактическом обнаружении реальности общего, т.-е. вида. Соединение разновидностей в вид или соединение видов в единое царство есть не только дело л о г и ч е с к о г о акта, но и жизненный ф а к т. До Дарвина классификация видов была делом чисто механическим. «До Дарвина соединение в одно царство всех животных от самых ничтожных до самых больших представлялось классификацией, суще-

---

[1]) «Das Besondere ist dass Mass des Allgemeinen», Ibid., S. 35.

ующей лишь в мысли, мысленной классификацией; после Дарвина классификация стала классификацией, существующей в природе»[1]. о Дарвина,—пишет Дицген,—нам были известны только живущие дельные экземпляры животных, животное вообще существовало шь как отвлеченное понятие. Но со времени Дарвина мы узнали, что только отдельные экземпляры, но и животное вообще ляется живым существом. Это собирательное животное шествует, движется и изменяется, переживает историю, представляет собою организм, состоящий из многих членов... Он доказал м, что собирательное животное представляет собою не ертвое отвлеченное понятие, а движущийся процесс, лишь удную картину которого давало нам до сих пор наше познание».

Дицген совершенно ясно указывает, что под «животным вообще» разумеет «собирательное животное». Из слов Дицгена совершенно сно следует, что Дицген, как материалист, не мог допустить, чтобы ивотное вообще существовало рядом с отдельными экземплярами животного вида.

4.

В знаменательную дату столетия рождения рабочего-философа ыдающегося идеолога-социалиста и просветителя-пропагандиста иалектического материализма, рабочий класс отмечает память одного з наиболее близких марксистских писателей-философов. Но мы бы овершили грубую ошибку, не подчеркнув, что рабочий читатель, изучая Дицгена, должен знать, что Дицген дает не всегда верное изложение марксистской философии. Дицген часто выражает свои мысли асплывчато и неясно.

Когда неокантианские и эмпириокритические ревизионисты были разбиты на-голову, за неясности и расплывчатые формулировки И. Дицгена ухватились так наз. «дицгенисты», рассматривавшие философию Дицгена как «дополнение» к марксизму. Кое-где И. Дицген путал, кое-где, благодаря расплывчатым формулировкам, он отступал от ыдержанного материализма, и вместо того, чтобы в этой путанице некоторых понятий видеть слабость Дицгена, в ней ревизионисты видели его силу. За эти неясности, как известно, ухватились ревизионисты—«дицгенисты» и «махисты»: Евгений Дицген, Паннекук, Унтерманн, Фр. Адлер, Г. Экштейн. По стопам ревизионистов идут и наши механисты, порицающие Дицгена в «путанице» как раз за то, что на самом деле является заслугой Дицгена, как диалектического материалиста (А. Тимирязев и К°)[2]. По стопам ревизионистов, впрочем, и раньше шла Л. Аксельрод, критиковавшая его за кантианство и махизм как раз в том, в чем Ленин (в «Материа-

[1]) Письма о логике, русск. перев., изд. Дауге, 1908 г., стр. 131.

[2]) «Диалектика в природе», сб. 3, стр. 22 и сл.

лизме и эмпириокритицизме») видел у Дицгена выдержанный материализм [1]).

В чем выражаются слабые стороны Дицгена?

В наши задачи не входит рассмотрение всех встречающихся у Дицгена недостатков, ошибок, неясностей, неточностей. Несомненно, при подробном анализе его рассуждений, у Дицгена не трудно открыть и путаницу в понятиях, и ошибки. В данной связи мы отметим лишь общий характер его слабых сторон.

Это, во-первых, расплывчатость формулировок. Дицген, обращаясь непосредственно к рабочему, стремится к максимальной простоте изложения. Не давая точного определения употребляемых понятий, он прибегает к образам и аллегориям для пояснения своей мысли. Но язык образов и аллегорий мстит Дицгену. Его формулировкам не хватает ясности. Дицген сам сознавал и стремился выправить стиль.

«Я вынужден разрабатывать свои мысли,—писал он к Зорге 15 июня 1885 г.,—до полной ясности. И вина—в моей слабости, если мне это не всегда удается. И так как я имею теперь возможность повторяться, то у меня есть также возможность совершенствовать форму изложения».

Это, во-вторых, расплывчатая двусмысленная местами характеристика основных направлений в философии, стушевывающая грань между ними, как и вообще между всеми противоположностями и различиями.

Дицген,—на это в свое время обратил внимание Ленин,—выступил на философское поприще тогда, когда плоская материалистическая философия Дюринга и Бюхнера была наиболее распространенным течением в передовой интеллигенции вообще и в рабочих кругах в частности. Совершенно естественно,—подмечал Ленин,—что Дицген, как и Маркс и Энгельс, должен был не на повторение старого обратить все свое внимание, а на подчеркивание того, чего у старых материалистов о с о б е н н о недоставало, именно: д и а л е к т и к и. Дицген скорее боролся против вульгаризации материализма. Отсюда все его учение о всеобщей мировой связи, об относительности всех различий и противоположностей, о недопустимости всех «чрезмерностей» различения и обособления, наконец, о реальности идеального и общего.

Но Дицген не всегда замечает г р а н и, отделяющей диалектику от релятивизма. Дицген нередко ограничивался подчеркиванием условности, относительности всех различий и противоположностей, но в относительном он видел только относительное и ничего более. Дицген боролся против представления о мире, как о чем-то мертвом, застывшем, неподвижном, но он не всегда умел отмежеваться самым решительным и недвусмысленным образом от идеализма. Например, по мнению Дицгена, различие между материей и сознанием не чрез-

[1]) В «Нашей Заре» 1913 г., № 9, стр. 7, и в сб. «Против идеализма». Ср. У А М. Ш и ф р и н а, И. Дицген. Против идеализма и поповщины, Гиз, 1926 г., стр. 16.

мерно, не абсолютно, а относительно. Однако Дицген прав только в том смысле, что и то и другое реально существует, и что как раз этого не понимает старый антидиалектический, метафизический материализм. Но Дицген ошибается, когда благодаря расплывчатой формулировке, не замечая грани между релятивизмом и диалектикой, делает вывод, что недостаточен не старый, метафизический материализм, а материализм вообще [1]), и что противоположность между идеализмом и материализмом также условна. И уже совсем нельзя согласиться с Дицгеном, когда он предлагает расширить понятие материи, чтобы в него отнести и способность познания [2]).

Дицген не замечает, что сказать: «сознание есть часть бытия» значит допустить неясность, сделать шаг к путанице, к смешению идеализма и материализма. Для диалектического материализма Маркса и Энгельса мышление и сознание являются не просто «частью» бытия, но и его о т р а ж е н и е м. Дицген «уничтожение противоположностей» проводит дальше, чем требует м а т е р и а л и с т и ч е с к а я диалектика. Ни Маркс и Энгельс, ни Плеханов, ни Ленин не уничтожали противоположности между идеализмом и материализмом: они решительно об'явили себя сторонниками материализма. Противоположность между материализмом и идеализмом не «примирима».

Это, в-третьих, недостаток диалектики. Он сказывается уже в выше отмеченном неумении Дицгена видеть в относительном не только относительное, но и абсолютное. Но недостаток материалистическо-диалектической школы еще глубже чувствуется и в способе мыслить, и в форме изложения. Маркс раскритиковал первое произведение Дицгена за слишком частые повторения, но, в сущности, и позднейшие произведения Дицгена являются лишь повторениями первого. Ни одна крупная работа Дицгена не дает органического развития темы. Дицген повторяет, доказывает, приводит новые и новые факты, оттенки, формулировки, но мысль не развивается как одно связное целое. Прав Маркс в своем отзыве о Дицгене в письме к Энгельсу от 4 октября 1886 г. Он писал в нем: «Дицген всего лучше сделает, если изложит все свои мысли на двух печатных листах и напечатает это, от своего имени, как кожевника. Если он опубликует их в том об'еме, в каком он предполагает это сделать, то он осрамится благодаря недостатку диалектического развития и в р а щ е н и ю в к р у г е». Энгельс согласился с мнением Маркса и в ответном письме добавил: «Диалектика есть, но больше в виде проблесков, чем в с в я з и»... «Повторения,—писал Энгельс,—являются результатом и непривычки к л о г и ч е с к о й ш к о л е». В ответе (от 7 ноября 1868 г.) на это письмо Маркс замечает: «очень для Дицгена плохо, что он не изучил Гегеля».

Таковы слабые стороны произведений Иосифа Дицгена. За неясности и ошибки Иосифа Дицгена ухватились ревизионисты, пытаясь

[1]) Ср. Ges. Schr., Bd. I, S. 54, Bd. II, S. 213.

[2]) Ibid., S. 55.

создать из них «дополнение» к Марксу и Энгельсу. Социал-демократический «Форвертс» в статье, посвященной столетию со дня рождения Дицгена в № от 9 декабря 1928 г., также проводит параллель между Дицгеном и Махом, усматривая положительное значение Дицгена в близости его к Маху и восхваляя Дицгена за отступления от «узкого материализма».

Мы чтим в Дицгене борца за диалектический материализм, но отметаем «дицгенизм», созданный из его неясных, расплывчатых формулировок. Никакого «добавления» к марксизму Иосиф Дицген не дал и не мог дать. «Дицгенизм» в отличие от диалектического материализма,—говорил Ленин,—есть путаница, есть шаг к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Дицгене (в этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!), а из того, что есть у него слабого».

Мы с Иосифом Дицгеном, но с «дицгенизмом» нам не по пути.

Об одной „защите“ диалектического материализма.

(По поводу книги Л. И. Аксельрод-Ортодокс „В защиту диалектического материализма“, Госиздат, 1928 г.).

М Фурщик.

Посвященная дискуссии между диалектиками и механистами, книга Аксельрод-Ортодокс заслуживает сугубого внимания. Ее содержание и тон свидетельствуют о глубоких разногласиях, затрагивающих самые основные вопросы марксистского мировоззрения, кардинальнейшие вопросы нашей методологии. Книга несомненно будет способствовать уяснению идейной физиономии того течения, которое именуется у нас механистическим. В этом об'ективная полезность книги Аксельрод.

В ряде основных, кардинальных вопросов, служащих предметом разногласий и спора, философское лицо автора, возглавляющего, как известно, группу товарищей механистов, уже нашло свое ясно очерченное выражение. В других пунктах автор предпочитает пока говорить намеками, подчас довольно искусно пряча концы в воду.

В настоящей статье мы подвергнем анализу ряд основных положений автора, в которых, как в зеркале, отображается вся его философия.

1. О природе отвлеченного понятия.

Аксельрод-Ортодокс защищает в этом вопросе явно не марксистскую и не диалектическую позицию, выставляя тезис, согласно которому отвлеченное общее понятие не есть отражение того общего, что есть в самих вещах. При этом она ссылается на «Диалектику природы» и на «Святое семейство», где, по ее словам, «прямо и непосредственно высмеивается взгляд на отвлеченное понятие, как на о т р а ж е н и е п о д л и н н о й реальности» (стр. 232; разрядка автора). Остается только пожалеть, почему она эту свою «ссылку» не подтверждает цитатами и соответствующим анализом.

В «Диалектике природы» мы находим очень интересную полемику Энгельса с агностическим эмпириком Негели, в которой Энгельс действительно высмеивает агностического эмпирика Негели не за то, что он считает общие понятия отражением реальности, а за то, что он им отказывает в реальности на том основании, что он их не может видеть и обонять. Агностический эмпирик считает реальным лишь то, что поддается чувственному измерению, а общие понятия, как время и пространство, материя, движение, плод и т. д., для него нереальны потому,

что их нельзя воспринимать непосредственно чувствами. Энгельс высмеивает Негели за то, что он хочет видеть время и обонять пространство, за то, что он хочет «умственные вещи» познать чувственным образом. В противовес этому взгляду Энгельс считает общие понятия не выдумками, а отражениями подлинной реальности. «Материя,—заявляет Энгельс,—не что иное, как совокупность веществ, из которой это понятие абстрагировано»; «слова в роде материи и движения—только сокращения, в которых мы соединяем много различных чувственно воспринимаемых вещей по их общим свойствам» (Энгельс, Диалектика природы, стр. 151—153). И мы спрашиваем Аксельрод: совокупность многих различных чувственно воспринимаемых вещей, совокупность веществ—реальность или нет? Если она на этот вопрос ответит утвердительно, тогда она должна взять свой тезис назад. Если же она ответит отрицательно, тогда она отрицает об'ективную реальность материи. Мы ставим этот вопрос Аксельрод-Ортодокс, выпустившей книгу, в которой она хочет защищать диалектический материализм от всяких его извратителей. Роль защитника диалектического материализма обязывает отвечать ясно и прямо на ясно и прямо поставленные вопросы. Согласны ли вы с Энгельсом в его определении материи или нет?

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс также высмеивают вовсе не то, что думает Аксельрод. Они высмеивают там положение, согласно которому груши, яблоки, сливы являются модусами субстанции «плод». Они высмеивают насаждение мира субстанциями, метафизическими сущностями, так как с этой точки зрения все действительное, все живое разнообразие мира превращается в призраки. Маркс и Энгельс считают груши, сливы, все разнообразные предметы не призраками, а реальностями, понятие плод не сущностью груши и сливы, а отвлечением от них. Плод не существует вне меня, как сущность груши и сливы, но плод существует вне меня, как совокупность груш, яблок, слив, миндалей и т. д. Маркс и Энгельс в «Святом семействе» высмеивают превращение отвлеченного общего понятия в абсолют, но это не означает, что они считают его не отражающим того общего, что есть в вещах.

Но приведем одну выдержку из «Святого семейства»: «Умозрительная философия, делающая из различных действительных плодов единый отвлеченный «Плод», чтобы притти к какому-нибудь положительному содержанию, должна пытаться тем или другим способом снова перейти от «Плода», от «Субстанции» к различным действительным грешным плодам: к яблоку, к груше, к миндалю и т. д. Но заставить отвлеченное представление «Плод» породить действительные плоды так же трудно, как легко создать это представление на основании знакомства с действительными плодами. Не покинув абстракции, нельзя притти к тому, что составляет ее прямую противоположность. Поэтому умозрительный философ и покидает ее, но покидает на особый умозрительный, мистический лад... Он только, повидимому, возвышается над абстракцией. Он рассуждает так: «Если яблоко, груша, миндаль, земляника на самом деле суть не что иное, как «Субстанция», «Плод», то спрашивается, почему же плод является мне то яблоком, то грушей, то миндалем; откуда берется этот призрак разнообразия, который сильно противоречит моему умозрительному представлению Единства, «Субстанции», «Плода»? «Это происходит от того,—отвечает умозритель-

ный философ,—что «Плод» есть не мертвая, безразличная, неподвижная, а живая, сама из себя развивающаяся, подвижная сущность. Разнообразие действительных грешных плодов имеет значение не только для моего конечного рассудка, но и для самого «Плода», для умозрительного разума. Различные грешные плоды представляют собою различные проявления жизни единого Плода... в яблоке Плод дает себе яблоковидное, в груше—грушевидное бытие... Он полагает себя в виде яблока, груши, миндаля; различия, существующие между этими плодами, суть лишь саморазличения плода, и именно потому различные плоды являются различными членами п р о ц е с с а ж и з н и «П л о д а» (Цитировано по Плеханову «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1906, стр. 96—97).

Плеханов, приводя это рассуждение Маркса и Энгельса, говорит: «Все это очень едко, но вместе с тем безусловно справедливо. Олицетворяя наш собственный мыслительный процесс в виде Абсолютной Идеи и ища в этой Идее разгадки всех явлений, идеализм тем самым заводил себя в тупой переулок, из которого выбраться можно было только покинув «Идею», т.-е. р а с п р о с т и в ш и с ь с и д е а л и з м о м» (Там же, стр. 97).

Думается, что теперь и слепому должно быть видно, что Маркс и Энгельс борются здесь с абсолютным идеализмом, с его олицетворением процесса нашего логического мышления, в результате чего общие понятия, на деле абстрагированные, отвлеченные от реальных вещей, превращались в абсолюты, оторванные, от действительности, в метафизические, потусторонние сущности, а действительные вещи,— в призраки. «Различные действительные плоды рассматриваются им (умозрительным философом),—говорится в «Святом семействе»,— лишь как плоды-п р и з р а к и, истинной сущностью, «Субстанцией» которых является «П л о д». «Я об'являю,—говорит умозрительный философ,—яблоки, груши, миндаль и т. д. простыми видами существования—«Плода».

Маркс и Энгельс распростились с идеализмом, отрывающим истину от действительности, сущность от самих вещей, рассматривая общие понятия как отвлечения от действительного многообразия вещей, как с о к р а щ е н н ы е выражения реальных совокупностей вещей. О б щ и е п о н я т и я о т р а ж а ю т о б щ и е с в о й с т в а в е щ е й.

Аксельрод-Ортодокс считает этот взгляд схоластикой. Но схоластиками оказываются не только ученики тов. Деборина, от которых она «защищает» диалектический материализм, но и Маркс и Энгельс. Это очень интересный вывод. Но пойдем дальше.

Понятия плод и животное,—формулирует Аксельрод,—«представляют собою абстракцию, п о л у ч е н н у ю н а о с н о в а н и и о б щ и х с в о й с т в п л о д о в и о б щ и х с в о й с т в и н д и в и д о в ж и в о т н о г о ц а р с т в а. О т в л е ч е н н о м у п о н я т и ю с о о т в е т с т в у е т, т а к и м о б р а з о м, о б'е к т и в н о о б щ е е с в о й с т в о, н о н е с у щ н о с т ь» (стр. 232; разрядка Аксельрод). Тут что-то неясно и даже неладно. Если общему понятию соответствует общее свойство, то против чего Аксельрод спорит? Очевидно, аксельродовский «секрет» в словечке с о о т в е т с т в у е т. Общее понятие не о т р а ж а е т общего свойства, а ему с о о т в е т с т в у е т общее свойство. Аксельрод, очевидно, г н о с е о л о г и ч е с к и п л а в а е т в а г н о с т и ч е с к и х в о д а х. Н а ш и м п о н я т и я м о б'е к т и в н о с о о т в е т с т в у ю т н е к и е т о ж д е с т в а и не-

кие различия, но они не отражают об'ективной реальности.

И далее:

Противопоставлением свойств сущности Аксельрод выдает себя головой. Общему понятию,—говорит она,—соответствует общее свойство, но не сущность. Иначе говоря, общему понятию об'ективно соответствует общее свойство, но это общее свойство не имеет никакого касательства к сущности представляемых общим понятием вещей. Одно дело свойство, другое дело сущность. Предикаты, свойства вещей еще ничего не говорят о ее сущности. Но всякому сколько-нибудь грамотному марксисту известно, что это типичная философия позитивизма, агностицизма, для которого бытие и сущность принципиально отличны, для кторого сущность принципиально непознаваема.

Аксельрод категорически заявляет еще следующее: «Согласно подлинному определению Маркса отвлеченное мышление и, стало быть, отвлеченное общее понятие есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное» (Там же, разрядка автора). Это заявление есть не что иное, как вольная и, стало быть, неправильная передача известного положения Маркса из предисловия ко 2-му изданию первого тома «Капитала». В точном ленинском переводе это положение гласит: «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». (Статья Ленина «Карл Маркс») [1]. Обычные русские переводы, неправильно передающие смысл марксовых слов umgesetzte und übersetzte, пришлись по вкусу агностику Аксельрод. Ибо само собой разумеется, что суть-то не в неправильном переводе; Аксельрод в состоянии читать Маркса в оригинале и при желании исправить, если нужно, неправильный перевод. Дело в неправильном толковании Маркса, в сознательном искажении его. Так, например, кантианец Макс Адлер в своей книге «Marx als Denker» трактует эти же слова Маркса в духе кантовского априоризма. Неправильный перевод пришелся по вкусу Аксельрод-Ортодокс, так как Аксельрод, как мы еще увидим, не прочь при «удобном» и неудобном случае «дополнить», «поправить» Маркса и Энгельса «критицизмом».

Чтобы лучше уяснить себе и понять теперешнюю философскую позицию Аксельрод, необходимо вспомнить ее старую рецензию на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Рецензия написана в 1909 году и перепечатана теперь в «Приложениях» к XIII тому нового издания Сочинений Ленина. Нас интересует в данный момент аксельродовская защита плехановской теории символов от Ленина.

В этой любопытной рецензии Аксельрод заявляет с похвальной откровенностью следующее: «Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материии, не похожи на об'ективные процессы, порождающие их. Теория символов связана, следовательно, с материалистическим об'яснением природы самым тесным и неразрывным образом» (разрядка наша). На этом основании Аксельрод бросает Ленину, защищающему взгляд на ощущение, как на отражение об'ективной реальности, упрек в отождествлении наивного реализма с материализмом, попутно выгораживая эмпириокритиков, которых

[1] Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 10—11 (изд. Института Ленина. 1925).

она называет «настоящими наивными реалистами». Нечего говорить о том, что тут все стоит на голове. Эмпириокритики—не наивные реалисты, а суб'ективные идеалисты, и Ленин, следовательно, не отождествляет наивного реализма с материализмом. Все дело в том, что Ленин последовательный материалист, для которого недостаточно одного признания существования некых вещей вне нас, который требует от материалиста признания, что наше ощущение, сознание, мышление отражает об'ективный мир таким, каким он есть на самом деле. Материализм,—говорит Ленин,—не мирится с теорией символов, «ибо она вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств. Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает об'ективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [1]). Ленин стоит за открытый, ясный и последовательный материализм, не делающий никаких уступок агностицизму. С полным правом Ленин при этом ссылается на Энгельса, который «не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей» [2]).

Стало быть, упрек Аксельрод Ленину в отождествлении наивного реализма с материализмом не выдерживает никакой критики. Энгельс и Ленин знают, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но они настаивают на принципиальной согласованности между нашим мышлением, как продуктом природы, с самой природой. А в теории символов эта именно согласованность ограничивается, подвергается сомнению. Теория символов есть совершенно непозволительная уступка агностицизму, прямехонько ведущая к кантианству и к эмпириокритицизму. По Аксельрод же теория символов связана с материализмом самым тесным и неразрывным образом. Совершенно очевидно, что Аксельрод была в 1909 году непоследовательным материалистом.

Не лишне при этом заметить, что Плеханов исправил, хотя и недостаточно решительно, свою ошибку еще в 1905 году. Аксельрод же отстаивает эту ошибку в 1909 году и, углубляя ее, скатывается к феноменализму, в чем мы скоро убедимся.

Необходимо с особой силой подчеркнуть, что шаг вперед, сделанный Лениным по сравнению с Плехановым в философском материализме, состоит именно в том, что он восстановил и дальше развивал подлинные взгляды Маркса и Энгельса на теснейшую связь между материалистическим признанием существования внешнего мира и признанием его познаваемости. Критикуя гельмгольцевскую теорию символов, Ленин говорит, между прочим, следующее: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает

[1]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 237—238.
[2]) Там же, стр. 231.

примеры т а к и х знаков или символов» [1]). Основная материалистическая посылка о существовании мира вне нас начинает колебаться в тот момент, когда мы в той или иной форме, в той или иной степени сдаем позиции в вопросе о познаваемости.

Эти ленинские взгляды, как уже сказано выше, целиком совпадают здесь с взглядами Энгельса. В своем «Л. Фейербахе» Энгельс, формулируя материализм и идеализм по признаку того, как каждое из этих двух основных философских направлений разрешает вопрос об основном начале, продолжает свое рассуждение так: «Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся к окружающему нас миру наши мысли о нем? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир? Могут ли наши представления и понятия о действительном мире быть верными его отражениями?». Энгельс, стало быть, считает вопрос о познаваемости, вопрос о том, являются ли наши представления и понятия о действительном мире верными его отражениями, «другой стороной» вопроса об отношении мышления к бытию. Одна сторона «великого основного вопроса»—это, что является основным началом, другая сторона его,—верно ли мы мир отражаем. И Энгельс, как известно, в том же «Л. Фейербахе» приходит к выводу, что мы мир в е р н о отражаем, что доказывается практикой, т.-е. опытом, и промышленностью. Недостаток места не позволяет нам привлечь «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы», где Энгельс отстаивает взгляд на наше познание, как на верно отражающее мир. Кстати сказать, в «Диалектике природы» мы находим полемику Энгельса с Гельмгольцем в той же принципиальной плоскости, в какой Ленин спорит с Гельмгольцем.

Возвращаясь снова к Аксельрод, надо сказать, что ее попытка опереться на неправильный перевод марксова выражения umgesetzte und übersetzte никак нельзя признать удавшейся. Так как совершенно ясно, что Маркс, стоя вместе с Энгельсом на точке зрения согласованности между суб'ектом и об'ектом познания, говорил не о переводе действительности на язык символов и не о переработке в человеческой голове неких тождеств и неких различий, а о пересадке, о снимке с действительных вещей, которые, разумеется, не обходятся без преобразования, так как на то мысль и есть мысль, чтобы не непосредственно, без дальнейшего совпадать с действительностью. «Понятие вещи и ее действительность, — говорит Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г.,—движутся рядом, как две ассимптоты, все время приближаясь друг к другу, но никогда не встречаясь. Это различие их обоих и есть то различие, которое делает то, что понятие не является прямо, непосредственно реальностью, а реальность не есть непосредственно ее собственное понятие. По той причине, что понятие обладает существенной природой понятия (die wesentliche Natur des Begriffes hat)... что оно, следовательно, не совпадает прямо, prima facie, с реальностью, из которой оно должно было быть сначала (erst) отвлечено—по этой причине понятие все же больше, чем фикция. Разве только вы об'явите все результаты мышления фикциями на том основании, что действительность соответствует им только через большой окольный путь (Umweg), да и то лишь ассимптотически» («Sozialistische Monatshefte», B. 55, S. 1004). Тов. Адоратский в своем переводе этого письма допустил ошибку, передав немецкое слово «Ве-

---

[1]) Там же, стр. 236—237.

griff» словом «идея». Слову «идея» соответствует немецкое «Idee»; Begriff же означает понятие. Энгельс трактует в письме о всеобщей норме прибыли, стоимости, феодализме, рыбе и т. п., которые, само собою разумеется, являются понятиями, а не идеями. Понятие материи, примерно, непосредственно не совпадает с совокупностью веществ, из которых оно отвлечено,—оно является преобразованием в том смысле, что оно есть сокращение, в котором мы соединяем много различных чувственно воспринимаемых вещей по их общему свойству. Такими же сокращениями-отвлечениями являются философские понятия движения, времени и пространства и др. экономические понятия стоимости, нормы прибыли и др., естественно-научные понятия вида, разновидности, млекопитающегося, земноводного и др., и социально-исторические понятия класса, государства, феодализма, капитализма и т. д., и т. п.

Аксельрод же утверждает совершенно другое, а именно, что отвлеченное понятие общего свойства не отражает.

Даваемый ею бой по вопросу об отвлеченном понятии есть стратегический бой,—цель лежит глубже. Цель—отрицание за мышлением и сознанием способности отражать об'ективный мир таким, каким он есть в действительности.

II. Позитивизм или материализм.

Тов. Деборин в своей статье «Ревизионизм под маской ортодоксии» совершенно правильно обратил внимание на старую статью Аксельрод «О проблемах идеализма». В этой статье она на вопрос о возникновении сознания в угоду Булгакову, обвинявшему диалектический материализм в метафизике, отвечает так, как отвечают все агностики кантианского и махистского толка в угоду профессорской буржуазной науке.

Одно место в этой статье особенно «достойно» того, чтобы быть воспроизведенным. Его воспроизводит сама Аксельрод в своей книге, настаивая на правильности высказываемых в нем мыслей. Оно гласит:

«На этот вопрос (о возникновении сознания), который в то же время является и возражением, материалистическое учение всегда отвечает, что происхождение сознания в его метафизическом смысле оно и не берется об'яснять, но что неразрешимость этого вопроса в смысле последних причин всего сущего нам нисколько не мешает познать законы сознания, его реальное содержание, условия его развития и его связь с материальными процессами, как внутренними, так и внешними» (разрядка Аксельрод).

Деборин, характеризуя это рассуждение, справедливо замечает, что «формулировка вопроса о «последних причинах всего сущего» и о неразрешимости вопроса в «метафизическом смысле» проникнута не только позитивистским агностицизмом, но здесь невольно мелькают перед глазами читателя «призраки» из сверхопытного мира».

Аксельрод отвечает тов. Деборину следующим образом: «Деборин совершенно не понял смысла сказанного мною в этой выдержке. Сущность всего сказанного в ней заключается в словах «в метафизическом смысле», направленных против обвинения Булгакова диалектического материализма в метафизике. Сущность метафизики состоит в том, что она, метафизика, всегда выходила за пределы человеческого опыта и человеческого мышления. Вследствие этого во-

просы, поставленные метафизикой, лишены всякого конкретного содержания, имея своим предметом так называемое «чистое мышление», т.-е., серьезно говоря, не мышление, а иллюзию мышления. Материализм вообще, и диалектический материализм в особенности, исключает беспредметное мышление. Вследствие этого, с точки зрения диалектического материализма, вопросы, выходящие за все пределы человеческого опыта и человеческого мышления, являются просто-напросто бессмысленно и незаконно поставленными во просами» (стр. 168—169; разрядка Аксельрод).

В этом «раз'яснении» Аксельрод обнаруживает свое философское лицо полностью и целиком. Она как нельзя лучше подтверждает справедливость обвинения, брошенного ей тов. Дебориным, в позитивистском агностицизме. На самом деле. Вопрос о возникновении сознания, по мнению Аксельрод, есть метафизический вопрос, так как он неразрешим, выходит за пределы человеческого опыта и человеческого мышления, следовательно, всякое обсуждение его, рассуждение о нем и по поводу него является лишенным всякого конкретного содержания—беспредметным. Более того, этот вопрос является простонапросто бессмысленным и незаконно поставленным. Согласно Аксельрод, для материализма и тем паче для диалектического материализма этот вопрос не существует. Но тогда спрашивается, как быть с французскими материалистами, с Фейербахом, который, как известно, также был материалистом? Ведь все они ставили этот вопрос и гносеологически его разрешали определенным образом, а именно, что сознание и мышление есть продукт мозга. Как быть с Марксом и Энгельсом, которые в «Анти-Дюринге» ставят вопрос о происхождении мышления и сознания и отвечают, что они «продукты человеческого мозга», «порождения человеческого мозга» [1])? Как быть с Энгельсом, который в своем «Л. Фейербахе» считает дух «высочайшим порождением материи» и что «наше сознание и мышление порождаются вещественным органом, частью нашего тела — мозгом» [2]). Как быть с Плехановым и Лениным, (между которыми в этом вопросе нет и тени разногласия), стоящими на точке зрения первичности материи по отношению к духу и рассматривающими мозг, как орган мышления и сознания,—обстоятельство, известное любому нашему рабфаковцу? С точки зрения Аксельрод все перечисленные мыслители-материалисты, и диалектические материалисты—творцы диалектического материализма в том числе, были метафизиками, выходили за пределы человеческого опыта и занимались, ставя и разрешая вопрос о происхождении сознания, беспредметным мышлением.

Обвинение диалектического материализма в метафизике старо, ему ровно столько же лет, сколько лет насчитывает борьба революционного пролетариата с буржуазией и ее идеологической агентурой среди пролетариата. Целый ряд буржуазных идеологов и за ними все без исключения философствующие ревизионисты защищают тезис Аксельрод, что постановка вопроса о происхождении сознания неправильная, ненаучная, метафизическая. Так, Авенариус считает «мышление мозга» «фетишизмом естествознания» [3]). Авенариус сознает, что расходится в этом пункте с естествознанием. Мах крайне сожалеет, что «большинство естествоиспытателей придерживается еще в настоя-

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 30.
[2]) Энгельс, Фейербах, 1928, стр. 44.
[3]) Авенариус, Человеческое понятие о мире, 2-е нем. издание, стр. 70.

щее время, в качестве философов, материализма» в вопросе о психическом и физическом [1]). Характеризуя свою точку зрения, состоящую в отождествлении физического с психическим, Мах говорит: «В ее задачу не входит разрешать одну или семь, или девять мировых загадок... Мы даем, прежде всего, только отрицательный регулятив естественно-научному исследованию» [2]). Этот отрицательный регулятив—не что иное, как призыв к естествоиспытателям: не будьте материалистами, или, на языке Аксельрод, не занимайтесь поисками последних причин всего сущего. Смысл всей своей философии Мах видит в преодолении «естественного дуализма», как он выражается, между духом и материей, физическим и психическим; он старается избежать необходимости «оценки значения физического и психического..., что из них считать фундаментальным, основным и что вторичным, выведенным из основного» [3]). «Наука» не должна, по Маху, заниматься этими вопросами,—ее задача в установлении зависимости между психическим и физическим.

Кантианец и профессор Венского университета ревизионист Макс Адлер, который трудится всю жизнь над соединением Маркса с Кантом, толкует материализм Маркса и Энгельса точь в точь, как Аксельрод. В своей брошюре «Энгельс как мыслитель» Макс Адлер заявляет: «Материализм» у Энгельса—не метафизика, не вопрос о сущности вещей и даже, как это могло бы казаться, не в том смысле, что он рассматривает мышление, как продукт мозга... Для него этот метафизический вопрос, а именно, порождает ли мышление бытие или, наоборот, не существует вовсе... Во взглядах Энгельса на вопрос об отношении мышления к бытию нельзя найти ничего из того, что составляет сущность философского материализма, ибо этот последний никогда не удовлетворится одним постоянным отношением связи между бытием и мышлением... Это опять-таки только позитивизм, рассматривающий и этот вопрос не философски, а чисто эмпирически... этот «диалектический материализм» фактически — не что иное, как позитивизм современной научной работы вообще» [4]). «Левый» фразер Макс Адлер, желая сделать Энгельса «приемлемым» для буржуазии, превращает Энгельса в позитивиста. Но, с другой стороны, его выгодно отличает от Аксельрод то, что он признает, что позитивизм не есть философский материализм. Замена тезиса о порождении мышления мозгом тезисом о связи «между обоими элементами опыта» (слова Макса Адлера) им правильно называется отходом от позиции философского материализма на позицию позитивизма.

И эту замену, означающую принципиально иную постановку вопроса, Макс Адлер, Мах и др., кантианцы и махисты совершенно правильно связывают с отказом от познания сущности вещей, с ограничением познания чисто эмпирическим, чисто внешним описанием, констатированием одних связей явлений. «Позорящая» этикетка — «метафизика» по адресу философского материализма призвана отпугнуть «широкую публику» от материализма в пользу позитивизма, вы-

---

[1]) Э. Мах, Познание и заблуждение, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 14.
[4]) Max Adler, Engels als Denker, 1925, S. 85—87 (разрядка наша).

даваемого за «современную науку», чтобы тем легче и шире открыть двери фидеизму.

Читатель видит, что выдержка из статьи Аксельрод «О проблеме идеализма» содержит те же мысли, обнаруживает ту же принципиальную установку, какую мы имеем у кантианца Макса Адлера и у эмпириокритиков Маха и Авенариуса. Разница лишь та, что Мах и Макс Адлер—открытые противники материализма. Аксельрод же, защищая явно не материалистические, чисто позитивистские тезисы, считает их, однако, материалистическими. Макс Адлер клевещет на Энгельса, но не клевещет на материализм. Аксельрод клевещет на материализм и на Маркса и Энгельса вместе.

Способы, приемы при этом поистине изумительные. Вот образчик.

В своей подготовительной работе к «Святому семейству» Маркс называет вопрос о сотворении мира и человека продиктованным неправильной точкой зрения. «Когда ты спрашиваешь, — говорит Маркс,—о сотворении природы и человека, то ты абстрагируешь от природы и от человека. Ты принимаешь их небытие и все же хочешь, чтобы я доказал тебе их бытие. Я говорю тебе: откажись от своей абстракции, и ты откажешься от своего вопроса». Это замечательно глубокое диалектическое рассуждение Маркса Аксельрод приводит в защиту своего тезиса о метафизичности вопроса, о возникновении сознания. Это невероятно, но, к сожалению, это так. И добивается она этого при помощи весьма несложного фокуса подмены вопроса о сотворении природы и человека (о чем речь идет у Маркса) вопросом о «возникновении как таковом». Маркс считал вопрос о сотворении неправильным, продуктом абстрагирования от бытия и, следовательно, бессмысленным. Аксельрод представляет дело так, что Маркс считает бессмысленным вопрос о «возникновении природы или даже человека (о возникновении как таковом)» [1]). Невероятная путаница. Возникновение природы в ее теперешнем виде—вполне научный вопрос. Возникновение человека—не менее научный вопрос. «Возникновение как таковое» — это выдумка Аксельрод, мягко выражаясь, подстановка с целью легкой «победы» над противником.

Чувствуя все неудобство своей аргументации, Аксельрод следующим образом «поправляет» самое себя. «Совершенно ясно, — говорит она,—что возникновение человека в пределах самой природы, как и возникновение самой природы, точно так же, как и возникновение сознания в тех же самых пределах—познаваемы, и возможность познания их не подлежит никакому сомнению. Но возникновение вообще, как таковое, выходит за пределы человеческого, как выражается Маркс, разумного мышления» [2]). Читатель видит, что в этой «поправке» правильное самым чудовищным образом перемешано с неправильным. На ряду с вопросами о возникновении человека и сознания об'является правомерным и вопрос о возникновении самой природы. Такой общей формулировкой Аксельрод становится на точку зрения правомерности вопроса о сотворении мира, т. е. вопроса, отвергнутого Марксом, как неправильно поставленного. И, спрашивается, какая цена после этого ее оппозиции против «возникновения вообще как такового»? Ведь вопрос о возникновении самой природы и есть вопрос о возникновении вообще, как

---

[1]) Л. И. Аксельрод-Ортодокс, В защиту диалектического материализма. стр. 169.

[2]) Там же, стр. 170 (разрядка Аксельрод).

таковом, т.-е. самый что ни на есть метафизический вопрос. Борясь якобы с метафизикой, наш автор обеими ногами стал на почву старой метафизики.

Очень неприятно, до тошноты противно разбирать такую философию, выдаваемую за защиту диалектического материализма. Но мы просим у читателя еще немного терпения. Чтобы оправдать свой агностицизм, в котором ее уличил т. Деборин, Аксельрод решается на совершенно неслыханное и невиданное легкомыслие. Она решается об'явить Энгельса агностиком. В «Диалектике природы» на стр. 27 Энгельс, говоря о взаимодействии, как о causa finalis (конечной причине) вещей, между прочим высказывает следующую подлинно материалистическую мысль: «Weiter zurück als zur Erkenntnis dieser Wechselwirkung können wir nicht, weil eben dahinter nichts zu Erkennendes liegt». В точном и правильном русском переводе это значит: «Дальше, чем к познанию этого взаимодействия, мы итти не можем, и это именно потому, что позади него нет ничего для познания». Аксельрод очень хорошо знает немецкий язык и сличить русский перевод с тут же отпечатанным оригиналом не составляло бы для нее никакого труда. Но она предпочитает преподнести русскому читателю неправильный официальный перевод, который гласит: «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия, ибо позади него нет ничего познаваемого». И эту фразу, явно искажающую мысль Энгельса, Аксельрод сопровождает ироническим замечанием: «И снова мелькают перед глазами Деборина призраки из потустороннего мира» (стр. 170, сноска). Фальшивое замечание и фальшивая ирония. Одержана победа над тов. Дебориным ценой об'явления Энгельса агностиком на основании фальшивого перевода.

Пусть читатель судит о чистоте теоретических «доспехов» Аксельрод и о весомости ее «успехов».

III. О единстве суб'екта и об'екта.

Позитивист и агностик Аксельрод упорно считает себя материалистом на том основании, что она признает «о б ' е к т» вне нас. «Истинной реальностью,—говорит она,—являются противостоящие нам предметы, воспринимаемые нашими чувствами» (стр. 221). Это она называет «основным принципом» материализма. Но спрашивается тогда, на каком основании на стр. 153 эмпириокритицизм об'является ею «суб'ективным материализмом»? Если она не шутит с собственным понятием реальности, согласно которому истинной реальностью обладают исключительно противостоящие нам предметы, воспринимаемые нашими чувствами, то эмпириокритицизм, «отбрасывающий», по ее словам, «об'ект и механическую причинность» (стр. 152), не может быть назван материализмом, да еще «с полным логическим правом».

Аксельрод скажет, что она его называет не просто материализмом, а суб'ективным материализмом. Но тогда тем хуже. Суб'ективный материализм, как понятие, имеет столько же «логического права», сколько, скажем, деревянное железо, т.-е. и то и другое—бессмыслица. Ясно, что у Аксельрод путаница в самом понятии «материализм». Аксельрод неслучайно дает неправильную оценку эмпириокритицизму. В ее понятие материализм включен критицизм, и в ее «материалистической» философии обильно представлена критическая философия. Общая почва агностицизма роднит ее «материализм» с Кантом и Махом. Расхождение лишь в оттенках.

Дело в том, что «об'ект», который она считает «исходным пунктом познания», на самом деле не об'ект в материалистическом значении этого слова, т.-е. не об'ективная реальность, а некто x, неизвестное. Мы по Аксельрод об об'ектах, как таковых, как они есть в действительности, ничего не знаем, другими словами, мы знаем только наши представления. Ее об'ект, в качестве «исходного пункта познания», ровно ничем не отличается от такового у Канта. Кантовское «данное» (das Gegebene) также является исходным пунктом познания. Но в чем недостаток этого исходного пункта? Недостаток его в том, что об'ект лишен «об'ективности», как говорит Фейербах в своей критике Канта, что он берет неизвестное, x, принципиально непознаваемую вещь в себе. Материалистический исходный пункт Канта еще не делает Канта материалистом.

Нельзя смешивать,—твердит Аксельрод,—«два различных понятия: исходный пункт познания, который является об'ектом, и представление, которое есть единство об'екта и суб'екта» (стр. 89—90). В том - то и дело, что Кант также не «смешивал» исходного пункта с представлениями; явление, по Канту, есть равнодействующая двух факторов—вещи в себе, от которой мы получаем впечатление, и рассудка, оформляющего это впечатление. Аксельрод говорит по существу то же, что Кант, но в марксистской терминологии.

Аксельрод глубоко заблуждается как насчет того, что понимает материализм под исходным пунктом познания, так и насчет того, что материализм понимает под единством об'екта и суб'екта. Материализм никак не может согласиться с таким «исходным пунктом познания», который сводится к признанию абстрактного, неизвестного существования. Материализм ни в коем случае не может согласиться с аксельродовским «об'ектом», который есть не об'ект, а по существу некая вещь в себе, некий сырой материал, оформляемый суб'ектом. Аксельрод со всех крыш кричит о необходимости конкретного, предметного мышления, а в «исходном пункте познания» у нее совершенно неконкретное, аморфное нечто. Аксельрод имеет право на звание сенсуалиста, но не на звание материалиста. Она застряла безнадежно и беспомощно на стадии непоследовательного сенсуализма—непоследовательного, так как последовательный сенсуализм, т.-е. сенсуализм, доверяющий показаниям наших чувств, и есть материализм.

И далее. Материализм точно также никак не может согласиться с аксельродовским пониманием единства суб'екта и об'екта. В 1909 году она понимала это единство вот как. В ее рецензии на книгу Ленина мы читаем:

«Признать ощущения образами или копиями предметов значит снова создавать непроходимую дуалистическую пропасть между об'ектом и суб'ектом. Теория символов, **утверждая существование и суб'екта, и об'екта, об'единяет оба фактора, рассматривая суб'ект, как своеобразный об'ект, а его ощущения, как продукт взаимодействия между двумя об'ектами, из которых один есть в то же время и суб'ект**. На этой именно **об'ективной и монистической** точке зрения стоит современная наука» (разрядка Аксельрод). В своей последней книге она шагнула еще дальше. Послушайте: «Что же касается содержания взаимоотношения суб'екта с об'ектом, то тут дело обстоит следующим образом: так как наше представление, полученное от воздействия на наш организм предметов об'ективной действительности, не тождественно с самой этой действи-

тельностью, как вследствие ограниченности познающего суб'екта и его суб'ективных форм познания, так и вследствие неисчерпаемости об'ективного мира (Энгельс), то наше представление об об'екте являет собою результат взаимодействия об'екта с суб'ектом, и потому выражает собою не тождество, но лишь единство суб'екта и об'екта» (стр. 91).

Налицо полное приближение к неокантианству. В 1909 году она, стоя на точке зрения теории символов, вносила элемент недоверия к показаниям наших чувств, делая серьезную уступку агностицизму. В 1928 году эта уступка превратилась в полную сдачу материалистической позиции в одном из самых основных вопросов гносеологии. Аксельрод совершенно ясно и недвусмысленно говорит о суб'ективных формах нашего познания. В 1909 году она не считала возможным признать ощущения образами или копиями предметов, предпочитая символы, которые, как она там говорит, относятся к действительности так, как относится 2d к треугольнику. Между математическим выражением суммы углов треугольника и самим треугольником существует известное соответствие; 2d не дают образа, копии углов треугольника, но они дают их адэкватное числовое выражение, односторонне, абстрактно, худосочно их воспроизводят. Тут еще сохраняется узенькая тропинка от об'екта к суб'екту. Но эта тропинка, этот остаточек реализма исчезает бесследно, когда становятся на точку зрения суб'ективных форм познания. Суб'ективные формы познания предполагают a priori, а это значит пропасть между об'ектом и суб'ектом, их абсолютное противоположение. «Суб'ективные формы познания» — это значит перенесение действительного об'екта в суб'ект и тем самым фактический отказ от об'екта, как исходного пункта познания. Единство суб'екта и об'екта лишается всякого содержания. В аксельродовском единстве об'екта с суб'ектом нет об'екта— единство сводится к одному представлению. Аксельрод за период 1909—1928 растеряла последние остатки материализма.

Но если от материализма у нее на деле ничего не осталось, кроме терминологии, то желание слыть, считаться материалистом осталось. Отсюда систематическое искажение Энгельса.

Нужно потерять не только материализм, но и всякий стыд, чтобы к теории «суб'ективных форм познания» приобщить Энгельса. Место, на которое Аксельрод «намекает», находится в «Анти-Дюринге», и оно гласит: «Фактически каждое мысленное изображение системы мира ограничено об'ективно—историческим моментом, суб'ективно—физической и духовной организацией автора его» (изд. 1928 г., стр. 32). Энгельс говорит здесь о суб'ективной ограниченности отдельного человека, что совсем другое, нежели суб'ективные формы познания человека вообще. Человеческую способность познания Энгельс, наоборот, считает «внутренне неограниченной» (стр. 110). И эта вера Энгельса в неограниченную способность человека к познанию покоится на гносеологической посылке о согласии между бытием и мышлением. Мышление и сознание—продукты человеческого мозга, человек сам—продукт природы; «отсюда,—говорит Энгельс,—уже само собою следует, что порождения человеческого мозга, являющиеся ведь в последней инстанции тоже продуктами природы, не противоречат, а согласуются со всей остальной природой» (стр. 30—31).

На этой гносеологической посылке и построена марксистская теория единства суб'екта и об'екта. Идея, понятие есть только копия,

образ, отображение действительного, которое никогда не может всецело сравняться с моделью. Понятие и действительность приближаются друг к другу, как две ассимптоты, но никогда не встречаются.—говорит Энгельс. Они находятся в диалектическом противоречии. Но оба—суб'ект и об'ект—продукты природы; они образуют единство; это единство является единством противоположностей. Противоречие между иими разрешается и воспроизводится на высшей основе с тем, чтобы еще раз разрешиться и снова воспроизводиться и т. д. до бесконечности.

Еще раз: диалектическая теория единства суб'екта и об'екта—к сведению Аксельрод — имеет своей предпосылкой с о г л а с и е м е ж д у б ы т и е м и м ы ш л е н и е м. Без этой предпосылки теория единства неизбежно превращается в игру словами, в игру очень опасную, в игру, ведущую к идеализму независимо от того, хотят ли этого или нет.

Аксельродовский взгляд на мышление является взглядом н а т у р а л и с т и ч е с к и м, т.-е. таким взглядом, который принимает мышление за нечто данное, заранее уже противоположное бытию, природе. И поэтому ее единство на деле сводится к тождеству. Аксельрод всуе употребляет понятие «об'ект», так как она его самого не знает,—она у з н а е т о н е м по представлению. Спрашивается, какое тут может быть е д и н с т в о? Аксельрод играет в теорию единства, не более. На деле она подает руку неокантианству, махизму, которые также говорят о единстве физического и психического, а на деле отождествляют физическое с психическим. Аксельрод пытается отмежеваться от эмпириокритицизма указанием, что он отрицает об'ект в отличие от нее, признающей об'ект. Но она этого ничем не доказывает. Недостаток места не позволяет нам на основании трудов основателей эмпириокритицизма показать, что об'ект в аксельродовском смысле признается и эмпириокритицизмом и... даже Шопенгауэром. Мы на этом сравнительно подробно остановились в нашей работе о Каутском.

В этот тупой переулок идеализма Аксельрод заводит ее предпосылка, что наша чувственность не отражает мир таким, каким он есть на самом деле.

Она настолько предубеждена против теории Энгельса и Ленина об отражении об'ективной реальности в нашей голове, что она с возмущением в своей рецензии заявляет: «Если бы ощущения были образами или копиями вещей, то на какого дьявола, спрашивается, понадобились бы нам вещи, которые в таком случае действительно оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова?». На это надо ответить, что вещи нам нужны для поддержания жизни в первую голову, и пригодны они для этой цели в той мере, в какой мы познали их свойства, другими словами, поскольку мы их познали как вещи в себе в абсолютном смысле этого слова. И еще раз: необходимым условием такого познания является наша способность отражать мир таким, каким он есть на самом деле.

В этой реплике Аксельрод, кроме того, обнаруживает себя метафизиком, не понимающим отношения между относительной и абсолютной истиной. Она рассуждает по дилемме: либо мы познаем сегодня, ежечасно мир вещей исчерпывающе и абсолютно, либо мы о вещах, как таковых, ничего не знаем, создавая себе о них (для наших утилитарных целей) условные знаки, представления. С точки зрения диалектического материализма неверно как то, так и другое. Отвечая Дюрингу, Энгельс говорит: «Люди стоят перед противоречием: с одной

стороны, они стремятся познать мировую систему исчерпывающим образом в ее совокупной связи, а, с другой, в силу законов своей собственной природы и природы мировой системы, они никогда не будут в состоянии вполне решить эту задачу. Но противоречие это не только лежит в природе обоих факторов—мира и человека,—оно есть также главный рычаг всего интеллектуального прогресса и постоянно, ежедневно разрешается в бесконечном прогрессивном развитии человечества» («Анти-Дюринг», 1928, стр. 32). И еще и еще раз надо заметить, что Энгельс потому считает это противоречие разрешающимся ежедневно в бесконечном прогрессивном развитии человечества, что его гносеологическая предпосылка гласит: между бытием и мышлением существует согласие.

IV. Об „опыте" и о причинности.

Вспомним, что Аксельрод вопрос о возникновении сознания считает метафизическим. Вспомним вместе с этим ее формулировку метафизики: «Сущность метафизики состоит в том, что она, метафизика, всегда выходила за пределы человеческого опыта и человеческого мышления» (стр. 168). Стало быть, вопрос о возникновении сознания на ряду со всеми другими «последними причинами всего сущего» выходит за пределы человеческого опыта и человеческого мышления. И если воспроизвести еще в памяти ее отказ от познания сущности вещей, то спрашивается, что остается в аксельродовском «опыте», в ее «научном опыте» или «научном эмпиризме» (стр. 222, 223)? Совершенно очевидно, что она в понятие опыт вкладывает то содержание, какое в него вкладывают все позитивисты, т.-е. констатирование связи явлений, связи без причинной необходимости.

В своей статье «О проблемах идеализма» она уверяет нас, что «неразрешимость» вопроса о возникновении сознания «в смысле последних причин всего сущего» нам нисколько не мешает познать законы сознания, его реальное содержание, условия его развития и его связь с материальными процессами, как внутренними, так и внешними». Аксельрод ни слова не говорит здесь о причинной связи. Дух и материя в причинной связи не находятся,—они находятся в связи, т.-е. мы в состоянии констатировать, что дух встречается только вместе с материей, не больше. Как можно при таком понимании связи духа с материей «познать законы сознания, его реальное содержание и условия его развития», остается секретом Аксельрод. Можно ли с этой точки зрения причинно об'яснить общественное сознание из общественного бытия, если бытие и сознание не находятся в причинной связи, если общественное сознание не порождается бытием общественного человека, в нем и из него не возникает?

Аксельрод очень громко, много и страстно говорит об «опыте», о «научном опыте» и о необходимости его обоснования с точки зрения диалектического материализма, но понимает она опыт не материалистически. Словечком «опыт» она прикрывает свою феноменалистскую по существу философию. И это лучше всего видно из ее трактовки причинности.

Вот как агностик Аксельрод «опровергает» агностика Юма в вопросе причинности.

Ошибка Юма состоит, по ее мнению, во-первых, в том, что он смешивает проверенный опыт с непроверенным, фантастические связи—

с действительной причинностью. «Во-вторых,—говорит она по адресу Юма,—неверно, что все прошедшее состоит сплошь и исключительно из прошедших моментов. Всякий прошедший момент был в свое время и будущим моментом. Накопление опытов прошедшего, каждый из которых был и будущим, создает уверенность в повторении» (стр. 225; разрядка Аксельрод). Вот все ее возражения Юму.

Самое характерное в этом рассуждении то, что оно от начала до конца не материалистическое. Материализм противопоставляет суб'ективно-психологической точке зрения Юма, усматривающей основу причинности в нашей привычке связывать явления, точку зрения, согласно которой причинная связь присуща самим вещам, самой об'ективной реальности. Диалектический материализм, отличая между нашим человеческим понятием причинности и причинностью, как таковой, решительно отвергает юмовскую точку зрения, сводящую причинность к одному понятию, как суб'ективно-идеалистическую. Преодолеть юмизм можно, исключительно признав об'ективную закономерность в природе, отражаемую верно и приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, причинности, законе и т. д.

Аксельрод же возражает Юму, оставаясь на почве юмизма. Ее стремление—поправить Юма, но не преодолеть его. Но «поправляет» Юма и Мах. Так, известно его требование: «Приспособление мыслей к фактам» и роль, уделяемая им эксперименту. О последнем он говорит: «Руководимый мышлением эксперимент образует краеугольный камень науки, сознательно и намеренно расширяет опыт» («Познание и заблуждение», стр. 191). Таких примеров ссылки на опыт, эксперимент у Маха, Авенариуса, Петцольда, Пирсона и др. эмпириокритиков можно найти сколько угодно. Но эти писатели тем не менее в вопросе опыта, в вопросе причинности, закономерности стоят на почве юмизма. Так, Мах с сожалением говорит о философах, подразумевая материалистов, что они «повторенный ряд восприятий... проецируют вне себя и рассматривают как часть внешнего мира, необусловленного и независимого от человека. В этом смысле слова,—смысле, к сожалению, слишком распространенном в наше время,—естественный закон мог бы существовать и ранее, чем он был познан человеком» (там же, стр. 448). Ни от чего на свете идеалист, идеолог социальной реакции не приходит в такой ужас, как от мысли, что мир управляется об'ективными законами. Свое понимание закона Мах формулирует так:

«Согласно нашему пониманию, законы природы порождаются нашей психологической потребностью найтись среди явлений природы и т. д.» (Там же, стр. 452). И о причинности тот же Мах говорит: «Раз предпосылка постоянства связи элементов укрепилась в нашем мышлении, как инстинктивная привычка или как сознательная методологическая черта, то при каждом наступлении нового неожиданного изменения мы сейчас же спрашиваем о его причине» (Там же, стр. 282; разрядка Маха).

Вывод: Аксельрод может говорить об «опыте», о «проверенном опыте» и о «действительной причинности» сколько угодно—от этого она не перестает быть юмисткой, поскольку она ни одним словом не обмолвилась о том, что порядок, законы и т. д. присущи самой природе. Словечко «действительная причинность», противопоставляемое ею «фантастическим связям», есть только перефразировка маховского «устойчивого постоянства связей», данного в ощущении.

Не лучше обстоит дело с ее вторым возражением Юму. Аксельрод говорит, что во всяком прошедшем моменте был в свое время и будущий момент, и что, следовательно, накопление опытов прошедшего создает уверенность в повторении. Аксельрод, как видит читатель, раньше всего важна *уверенность* в повторении, а не факт повторяемости в природе. Далее, обоснование этой уверенности поистине «оригинально».

Тут в форме *заумной*, т.-е. вульгаризированной, диалектики преподнесен философский трюк: *юмистка Аксельрод юмовское понятие «веры» переводит на эзоповский язык, сохраняя его философское содержание.* Из того, что вчерашний день позавчера был завтрашним, и что это происходило много раз, Аксельрод заключает, что так будет и впредь. Но проблема Юма в том и состояла, что повторяющееся post hoc не может обосновать propter hoc, что propter hoc, следовательно, дело инстинкта и веры. То, что говорит Аксельрод, сводится в той же юмовской вере или к маховскому «инстинктивному ожиданию», что то же самое.

В «Диалектике природы» Энгельс в очень интересном и поучительном фрагменте, посвященном причинности, говорит, между прочим, следующее: «Одно правильное чередование известных естественных явлений может, правда, породить [1]) представление о причинности— теплота и свет, получаемые от солнца,—но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся post hoc никогда не может обосновать propter hoc. Но деятельность человека *испытывает* причинности [2]). Если, взявши зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем им такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота. Если мы вложим в ружье порох, капсюлю и пулю, и затем выстрелим, рассчитывая на известный заранее по опыту эффект, то мы должны быть в состоянии проследить во всех его деталях весь процесс зажигания, сгорания взрыва от внезапного превращения в газы, давления газа на пулю. И в этом случае скептик уже не может сказать, что из прошлого опыта не следует вовсе, будто и в следующий раз повторится то же самое» («Диалектика природы», 25). Энгельс *обосновывает* propter hoc. Он противопоставляет юмовскому скептицизму в вопросе причинности, вытекающему из его общей агностической предпосылки в гносеологии, опыт в *материалистическом понимании этого слова*, т.-е. опыт, в основе которого положена об'ективная реальность, отображаемая в нашей голове. Юмовской *вере* Энгельс противопоставляет человеческую *деятельность, доказывающую* на деле, практически, что причинность основана не на нашей вере, не является исключительно нашим понятием, а что она обоснована в самих вещах, в природе, и что наше понятие о причинности есть отражение об'ективной причинной связи самих вещей. Propter hoc не основан на юмовской вере или маховском «инстинктивном ожидании», что то же самое, а на об'ективной необходимости, существующей независимо от человека. *Между post hoc и propter hoc нет никакой принципиальной раз-*

[1]) «Erzeugen» переведено словами: «дать начало». Перевод исправлен.

[2]) В оригинале: «Aber die Tätigkeit des Menschen *macht die Probe* auf die Kausalität». Перевод гласит: «Но деятельность человека дает возможность *проверки* причастности». Налицо искажение мысли Энгельса.

ницы, так как причинная связь в природе существует независимо от того, констатировал ли ее человек или еще не констатировал. В этом именно смысле Энгельс в той же «Диалектике природы», в другом фрагменте, говорит: «Но доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу сделать некоторое post hoc, то оно становится тождественным cpropter hoc» (стр. 217; разрядка наша).

Читатель видит, что аргументация Аксельрод против юмовского скептицизма ничего общего не имеет с взглядами Энгельса. Аксельрод Юма поправляет, Энгельс преодолевает его. Энгельс—материалист. Аксельрод—агностик, юмист. И далее, цитируя энгельсовский фрагмент на стр. 23—25, Аксельрод комментирует его так, как может комментировать человек, либо разучившийся понимать Энгельса, либо сознательно искажающий его. Вот пример. Она говорит: «Возражение против Юма относительно нашей уверенности в будущей повторности на том основании, что все прошедшее состоит из накопления будущих моментов, не противоречит практическому критерию, на который указывается здесь Энгельсом, но, как и другие, высказанные мною соображения против скепсиса, является лишь дополнением» (стр. 231). Вся эта тирада—не что иное, как маневр в целях заметания следов полного отступления от материалистической позиции в вопросе о причинности. Свою юмистскую позицию она хочет прикрыть энгельсовским понятием практики, и это она называет «дополнением» к Энгельсу. Энгельсовское материалистическое понятие практики, доказывающей причинность, она «дополняет» верой в причинность. Она дополняет Энгельса Юмом. Это «дополнение» действительно дополняет картину аксельродовского падения.

В результате этого «дополнения» юмизируется, махизируется марксистское понятие практики. Практика, как критерий истины, как доказательство об'ективной причинности, исчезает. На сцену выступает всеспасительное словечко «опыт», от которого «мышление неотрывно», читай: мышление и опыт едино суть. Мышление и сознание, не отражающее об'ективной реальности, естественно, не нуждается в об'ективном критерии, доказательстве своей правильности или неправильности, в об'ективном свидетельстве своей истинности. В чем такое «мышление» нуждается, так это, выражаясь языком Эрнста Маха, в «устойчивом постоянстве связей», данном в «опыте», т.-е. в ощущении в отличие от «случайных ассоциаций» и т. д.

И еще один пример. Энгельс свое рассуждение начинает так: «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это—взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собою, их обусловленность друг другом. Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), по крайней мере не встречаются именно в таком виде, и что мы можем придать этому движению заранее определенные направление и размеры» («Диалектика природы», стр. 23). Это рассуждение Энгельса Аксельрод комментирует коротко: «Коренной основной взаимной причинной связи явлений Энгельс считает движение материи: «это взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собою, их обусловленность друг другом»

(стр. 230). Это сплошная путаница. Энгельс вовсе не ищет основы причинной связи явлений, так как она имеет свое основание в самой себе. Движение материи совершается не иначе, как в причинной связи. О чем Энгельс в приведенных нами строках говорит, так это о том, как создается наше человеческое понятие о причинности. «Первое,—говорит Энгельс,—что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собою, их обусловленность друг другом». Взаимная связь, обусловленность—это первое, что человеку бросается в глаза, но он на этом первом этапе не останавливается. Человек своей деятельностью, воспроизводя определенное движение, вызывая движения, которые в природе не встречаются в таком виде, определяя заранее направление и размеры движения, делает следующий и решающий шаг в познании причинной связи. Первый этап в познании причинности, это—наблюдение взаимной связи, видимой обусловленности явлений. Второй этап — познание причинной связи, в которой находятся определенные, конкретные явления. На первом этапе задерживается эмпиризм, второй характеризует диалектический материализм. Аксельрод, как эмпирист, застряла, остановилась на первом этапе познания причинности. Цитируя начальные строки энгельсовского фрагмента, она «только» не «приметила» энгельсовского слова «первое» и выдает взаимную связь, обусловленность за причинность; второго этапа, характеризующего познание диалектического материализма в вопросе причинности, для нее не существует.

Останавливаясь на первом этапе, эмпиристы (в том числе и Юм), а за ним его сторонница Аксельрод, и попадают в тупой переулок; не умея об'яснить propter hoc, они прибегают для об'яснения его, для об'яснения причинности, к вере, к маховскому «ожиданию» и тому подобным панацеям, открывающим дверь всякой чертовщине. Причинность—суб'ективная категория, создаваемая человеком на основе его наблюдений неких связей и некой обусловленности явлений,—вот подлинный взгляд Аксельрод. Еслиб у Аксельрод хватило мужества открыто и последовательно делать выводы из своих гносеологических посылок, она должна была бы сказать: причинность есть результат взаимодействия между суб'ектом и об'ектом в моем, аксельродовском, понимании этого единства, т.-е. представление. Но так как такого мужества ей не хватает, то она прячет концы в воду, делая вид, что критикует Юма с материалистической точки зрения.

V. О случайности и необходимости.

Теперь несколько замечаний по вопросу о необходимости и случайности. Не признавая об'ективной причинности и, следовательно, необходимости, она, естественно, никак не может понять отношения между необходимостью и случайностью, как его понимают Энгельс, Плеханов и Ленин. Она упорно настаивает на том, что случайность—категория суб'ективного порядка. Аксельрод занимается здесь шутовством. Она, не знающая, как мы видели, никакой об'ективной необходимости, выступает в роли защитника необходимости от покушений на нее со стороны «деборинцев». Во всем виновны деборинцы. Вместо того, чтобы честно и открыто выступить против Энгельса, Плеханова и Ленина, она набрасывается на «деборинцев» и под шумок беззастенчиво искажает Энгельса, а Плеханова и Ленина игнорирует.

Аксельрод цитирует «Диалектику природы» Энгельса, но цитирует так, как может цитировать только человек, потерявший уважение к гениальному творцу научного социализма. Она цитирует из фрагмента «Случайность и необходимость» строки, критически излагающие точку зрения естествоиспытателей, стоящих на точке зрения вольфовской метафизики, но совершенно игнорирует, скрывает от читателя заключительную часть фрагмента, где Энгельс подробно и ясно в положительной форме излагает свои взгляды, исходя из Гегеля и опираясь на Дарвина. Аксельрод, поступая таким образом, желает представить Энгельса борцом за детерминизм вообще, скрывая от читателя, что Энгельс борется против механического детерминизма за диалектический.

Читатель не посетует на нас, если мы на этом важном и сложном вопросе несколько остановимся.

Но сначала о самой постановке вопроса, данной в первых строках фрагмента. Энгельс начинает свои рассуждения следующим образом: «Другая противоположность, в плену которой находится метафизика, это—противоположность между случайностью и необходимостью. Что может больше и резче противоречить друг другу, нежели эти два мыслительных определения («Denkbestimmungen»)? Как это возможно, что оба тождественны, что случайное необходимо, а необходимое так же случайно? Обычный здравый смысл и с ним широкая масса естествоиспытателей рассматривает случайность и необходимость как определения, раз навсегда друг друга исключающие. Вещь, отношение, процесс («Vorgang») либо случайны, либо необходимы, но не и то и другое» [1]). Постановка вопроса Энгельсом настолько ясна, что не нуждается ни в каких пояснениях. Энгельс против взгляда на случайность и необходимость, как на друг друга исключающие, как на полярные противоположности. Так ставит вопрос Энгельс, намечая тут же его разрешение, состоящее в том, что случайность и необходимость образуют диалектическое единство, т.-е. что случайное необходимо, а необходимое так же случайно.

Вслед за этой постановкой вопроса Энгельс излагает точку зрения вольфовских метафизиков в естествознании, сводящуюся к тому, что в природе «заключаются всякого рода предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, при чем важно только одно— не смешивать их между собою». «Так, например, — продолжает Энгельс,—принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов одного и того же вида случайными; и это относится к кристаллам, как и к растениям и животным. При этом, в свою очередь, низшая группа рассматривается, как случайная по сравнению с высшей... А затем об'являют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное безразличным для науки». Дальше следует то место, на которое опирается Аксельрод, делая вывод, что Энгельс вместе с нею считает случайность суб'ективной категорией:

«Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, з н а ю т, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы н е

---

[1]) Э н г е л ь с, Диалектика природы, стр. 190. Мы и в этом фрагменте местами отступаем от официального перевода.

знаем. Это означает следующее: что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может об'яснить, сводя непонятное ей к сверх'естественным причинам. При этом по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки. Наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь» («Диалектика природы», стр. 193). Такова энгельсовская критика вольфовских метафизиков. На основании этой критики Аксельрод приходит к следующему сногсшибательному выводу. «Энгельс,—говорит она,—называет случайными те явления, которые фактически непознаны, и ставит в упрек естествоиспытателям, что они непознанные явления называют «случайными», считая их на этом именно основании недостойными научного познания... По Энгельсу, естествоиспытатели называют случайными те явления, которые не подведены под общий закон. Стало быть, для Энгельса «случайность» есть явление непознанное, т.-е. не подведенное под общий закон. Иными словами, естествоиспытатели считают случайность об'ективной категорией, Энгельс же суб'ективной» (стр. 244; разрядка Аксельрод). Легко видеть, что и этом «выводе» все поставлено вверх ногами. Неверно, что Энгельс называет непознанное случайным. Наоборот, Энгельс в том и упрекает вольфовских метафизиков, что они, разделяя мир на две части, в одной из которых господствует необходимость, а в другой — случайность, фактически этим об'являют непознанное случайным, суживая круг и задачи науки и ставя на ряду с естественным сверх'естественное. Неверно также, что взгляд Энгельса тем отличается от таковового вольфовских метафизиков, что он считает случайность суб'ективной. Наоборот, он сугубо подчеркивает, что различия индивидов одного и того же вида между низшей группой и высшей, число родов и порядков в классе и т. д., которые вольфовские метафизики считали совершенно случайными и, следовательно, безразличными для науки, ничем принципиально не отличаются от главных видовых признаков высшей группы и т. д., с той стороны, что они существуют об'ективно и требуют научного изучения. Неверно, наконец, что Энгельс требует подведения всех, игнорировавшихся вольфовскими метафизиками, явлений под всеобщий закон. Путает, невероятно путает Аксельрод. В том-то и дело, что стремление подводить все явления под всеобщий закон и завело вольфовских метафизиков в тупик, откуда был один выход: к сверх'естественному. В том-то и дело, что Энгельс отбрасывает вольфовский всеобщий закон, вольфовскую всеобщую и абстрактную необходимость, оказавшуюся непригодной для об'яснения разнообразия явлений природы. Неужели трудно понять, что Энгельс—против абстрактной необходимости, но за необходимость, которая проявляется всюду, во всей природе без исключения, за необходимость, которая проявляется и в различиях у индивидуумов одного и того же вида, т.-е. в случайности. Энгельс—строгий и последовательный детерминист, и именно поэтому он против подведения различий и т. д. под всеобщий закон, которое невозможно, которое, практически терпя крах, ведет к сверх'естественному.

Диалектика является раньше всего методом **историческим**, который ставит себе задачу понимать универсальное движение в его конкретных и исторически развивающихся формах проявления. Марксизму чуждо, поэтому, стремление «подводить» и «сводить» к всеобщим законам. Достаточно вспомнить известное письмо Маркса к Кугельману, в котором Маркс едко высмеивает Альберта Ланге за его «подведение» классовой борьбы под всеобщий закон борьбы за существование. Недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на этом вопросе, по которому Маркс и Энгельс высказывались ясно и определенно. Тема заслуживает особой статьи. Вернемся к Аксельрод.

Нельзя не отметить пропуск целого предложения в цитируемом Аксельрод в своей книге месте из энгельсовской критики вольфовских метафизиков,—пропуск, не отмеченный пунктиром, как это издревле водится. Пропущенное предложение, выделенное нами разрядкой, гласит: «**Это означает следующее:** что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным». Это предложение, направленное против вольфовских метафизиков, опрокидывает целиком и полностью аксельродовский «вывод». Пусть читатель судит, **является ли этот пропуск «случайным» или «необходимым»**.

Но оставим снова на минутку Аксельрод с тем, чтобы проследить дальнейшие рассуждения Энгельса, представляющие высокий научный интерес.

Другую, противоположную позицию,—продолжает Энгельс, — занимает абсолютный детерминизм,—он отрицает случайность. Он утверждает, что нет ничего случайного, что абсолютно все происходящее, вплоть до укуса блохи в такой-то час и в такую-то часть тела, связано с незыблемой необходимостью. Энгельс считает и эту точку зрения неправильной, все еще не выходящей из границ теологического взгляда на природу. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, с этой точки зрения может быть понято только так, что в первичном устройстве солнечной системы был уже предвиден этот факт. Такое понимание необходимости не подвигает нас ни на шаг дальше в смысле действительно научного об'яснения мира. Мало того, случайность здесь не только не об'ясняется из необходимости, а скорее, наоборот, необходимость низводится до чего-то случайного,—говорит Энгельс: «Если тот факт, что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, явление того же порядка, как закон движения солнечной системы, или закон превращения энергии, тогда не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградируется до уровня случайности». И Энгельс, продолжая критику этой точки зрения, настаивает на том, что в природе сплошь и рядом имеет место случайность. «Можно сколько угодно утверждать,—говорит он,—что разнообразие находящихся на определенном участке бок-о-бок органических и неорганических видов и индивидов покоится на ненарушимой необходимости, но для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т.-е. случайным. Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно застает вокруг себя, какие враги и сколько именно врагов угрожает ему. Для материнского растения случайно, куда ветер занесет его семя; для дочернего растения, где это семя найдет почву, откуда оно вырастает; и уверение, что и здесь все покоится на ненарушимой необходимости, является очень жалким утешением. Беспорядочное соединение (Die Zusammenwürfelung) предметов природы в какой-ни-

будь определенной области или даже на всей земле остается, при всем извечном, первичном детерминировании его, таким, каким оно было, случайным».

Уже из этой критики абстрактной необходимости, при помощи которой нельзя об'яснить конкретные явления и, следовательно, нельзя двинуться вперед в деле об'яснения явлений природы ни на шаг, видно, что он этой абстрактной необходимости противопоставляет конкретную необходимость, т.-е. такую необходимость, которая не исключает случайности, которая может иметь своим конкретным выражением случайность. Уже из этой критики видно, что извечному, первичному детерминированию, которое не в состоянии об'яснить отдельной, конкретной необходимости, Энгельс противопоставляет конкретное детерминирование, которое находит свое выражение также и в случайности. А в следующем за этой критикой рассуждении Энгельс в положительной форме излагает свои взгляды, философски опираясь на Гегеля и практически-научно на Дарвина. Эти рассуждения настолько содержательны и поучительны, что их следует привести целиком:

«В противовес обоим взглядам выступает Гегель с до того неслыханными положениями, что случайность имеет основание, так как оно случайно, и точно также не имеет основания, так как оно случайно, что случайное необходимо, что необходимость сама себя определяет как случайность, и что с другой стороны эта случайность скорее является абсолютной необходимостью («Logik», II книга, отдел: Действительность). Естествознание предпочло игнорировать эти положения, как парадоксальную игру слов («Spielereien»), как противоречащую себе самой бессмыслицу, закоснев теоретически, с одной стороны, в бессодержательности вольфовской метафизики, согласно которой нечто либо случайно, либо необходимо, но не одновременно и то и другое, или, с другой стороны, в едва менее бессодержательном механическом детерминизме, который случайность вообще на словах отрицает, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае.

«В то время, как естествознание продолжало так думать, что сделало оно в лице Дарвина?

«Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его поставить под вопрос прежнюю основу всякой закономерности в биологии—понятие вида в его прежней метафизической неизменности и постоянстве. Но без понятия вида вся наука теряла смысл (war nichts). Все ее отрасли имели своей основой понятие вида: анатомия человека и антропология, зоология, палеонтология, ботаника и т. д.,—что они без понятия вида? Все их результаты были не только поставлены под вопрос, а прямо таки уничтожены. Случайность опрокинула («wirft über den Haufen») необходимость, как ее до сих пор понимали. Прежнее представление необходимости отказывается служить. Сохранить его—означает навязать природе, в качестве закона, противоречащее самому себе и действительности произвольное определение («Willkürbestimmung») человека, означает этим отрицать всякую внутреннюю необходимость в живой природе, означает об'явить хаотическое царство случая единственным законом жи-

вой природы вообще. Закон и пророки стали недействительны!—вполне последовательно кричали биологи всех школ.

«Накопленный между тем материал относительно случайности смял и совершил пролом («erdrückt und durchbrochen») в старом представлении необходимости» (разрядка наша. Стр. 194) [1]).

Энгельс, как это совершенно наглядно показывают приведенные рассуждения, одинаково решительно высказывается против обеих точек зрения, как против метафизики вольфовской школы, так и против бессодержательного механического детерминизма. Обще обоим старое представление о необходимости, ведущее к отрицанию всякой внутренней необходимости в живой природе. Новое представление о необходимости, формулированное Гегелем и научно практически подтвержденное Дарвином, разрушает старое представление о необходимости.

Интересно отметить, что Энгельс не щадит здесь механического детерминизма, несмотря на то, что его родоначальником является французский материализм. Общее же отношение Маркса и Энгельса к французскому материализму общеизвестно. Энгельс не щадит здесь механического детерминизма за то, что он рассчитывает покончить со случайностью тем, что отрицает ее, а на деле признает ее в каждом отдельном случае. Энгельс стремится научно преодолеть «случайность», т.-е. понять ее из необходимости и в связи с необходимостью. Механический детерминизм попадает в противоречие с самим собою: абсолютное детерминирование в теории, а на деле господство случая.

В это противоречие механический детерминизм попадает потому, что он метафизически, т.-е. абсолютно, не конкретно мыслит необходимость. Такая необходимость сводится к предопределению, поскольку она не в состоянии об'яснить конкретные явления. Теория Дарвина пробила брешь в старом представлении необходимости, дав практическое доказательство, что Гегель был прав, впервые установив внутреннюю связь между необходимостью и случайностью. Согласно новому представлению о необходимости, необходимость и случайность не полярные противоположности. Необходимость выражается в случайности. Вид не перестает быть видом оттого, что он, благодаря усиливающимся случайным отклонениям, может изменить свой характер. Это только означает, что образуется новый вид или разновидность. Изменчивость видов биологи-метафизики принимали за уничтожение вида вообще. Их крик был, поэтому, свидетельством кризиса старого понятия необходимости, но не кризиса биологии, как таковой.

Тот же казус повторился и с Аксельрод. Она говорит по адресу «деборинцев», защищающих энгельсовское полоежние в вопросе о случайности и необходимости: «Такая постановка и решение вопроса ведут прямым путем к вере в чудеса» (стр. 245). Этот выкрик Аксельрод ничем не отличается от крика биологов - метафизиков по адресу Дарвина: «Закон и пророки стали недействительны».

Когда в человеческом мышлении, исторически развивающемся, наступает переломный момент, представители рутины, старого считают для себя выгодным напялить на себя благородную маску защиты закона.

Иной читатель, все еще не отделавшийся от старой привычки считать Аксельрод марксисткой, материалистской, может подумать, что Аксельрод сделала здесь случайную ошибку, не разобравшись в соот-

[1]) Перевод мой.—М. Ф.

ветствующем фрагменте «Диалектики природы». Такому читателю мы хотим напомнить, что в своем «Л. Фейербахе» Энгельс, говоря об относительном характере противоположностей, буквально заявляет: «Мы знаем, наконец, что необходимость составляется из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость» (стр. 61, изд. 1928 г.). Аксельрод не может не знать этого места в «Л. Фейербахе» Энгельса.

Загвоздка в том, что Аксельрод не только не материалистка, но и не диалектик. Она мыслит противоположности, как полярные. Другими словами, она не признает основного закона диалектики, закона о взаимопроникновении противоположностей.

Теперь обратимся к Плеханову.

В своей статье «О роли личности в истории» Плеханов трактует вопрос о случайности в духе Энгельса. «Сластолюбие Людовика XV,— говорит Плеханов,—было необходимым следствием состояния его организма. Но по отношению к общему ходу развития Франции это состояние было случайно. А между тем оно не осталось, как мы уже сказали, без влияния на дальнейшую судьбу Франции, и само вошло в число причин, обусловивших собою эту судьбу... «In allem Endlichen ist ein Element des Zufälligen»,—говорил Гегель («Во всем конечном есть элемент случайного»)... Не исключает ли это возможность научного познания явлений? Нет. Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 294). Комментариев не требуется. Плеханов рассуждает здесь по Энгельсу. Сластолюбие Людовика XV по отношению к общему ходу развития Франции было случайностью (хотя и необходимо обусловленной), стало быть, сластолюбие Людовика XV было об'ективным фактом. Далее, эта случайность вошла в число причин, обусловивших собою эту судьбу. Случайность стала необходимостью.

Ссылка Плеханова на Гегеля, взгляд на случайность, как на нечто относительное, как на точку зрения пересечения необходимых рядов,—все это ясно показывает, что Плеханов в основном стоит на позиции Энгельса. О сведении случайности к общему закону, чего требует Аксельрод, ни одного слова, ни одного намека. Да и мудрено было бы сластолюбие Людовика XV, другие случайные моменты в экономике, политике и идеологии тогдашней Франции свести к одному общему закону. Это просто-напросто невозможно, если под этим общим законом понимать что-либо более конкретное, чем газовый шар, из которого возникла солнечная система. Плеханов был далек от такой точки зрения настолько, насколько Аксельрод далека от Плеханова.

Ленин характеризует эмпириокритика Петцольда, по мнению которого закон природы или закон духа не терпит «никаких исключений», следующим образом: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого» («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 161). Эта характеристика Ленина целиком и полностью относится и к Аксельрод. Она—чистейший метафизик, который не понимает диалектического отношения между случайностью и необходимостью.

К концу необходимо заметить и подчеркнуть еще следующее:

Аксельродовская точка зрения на отношение между необходимостью и случайностью не имеет ничего общего не только с взглядами

Энгельса, Плеханова и Ленина, но и с взглядами абстрактных детерминистов. От абстрактного детерминизма, идущего от французских материалистов, ее отличает то, что она в вопросе причинности и, следственно, необходимости является сторонником Юма и Маха, т.-е. суб'ективистом. Аксельрод—индетерминист. Во всей книге нигде не высказано определенно и недвусмысленно, что причинность и необходимость присущи самой природе, самим вещам. Ее «поправки» к Юму и «дополнение» Энгельса Юмом, равно как и все рассуждение о причинности и вся ее аргументация, очень недвусмысленно свидетельствуют о том, что ее агностицизм сквозной, т.-е. проходит через всю ее теорию познания. С французским материализмом, который был чужд всякого агностицизма, Аксельрод ничего общего не имеет и иметь не может.

Ее «механическая причинность», называемая ею «душой материализма», так же мало похожа на механический, абстрактный детерминизм французских материалистов, как мало похож ее «материализм» на материализм Гельвеция, Гольбаха, Дидро и Ламетри. Ее понятия «механическая причинность» и «общий закон»—не что иное, как позитивистское признание эмпирически констатируемой взаимной связи явлений, о сущности которых мы ровно ничего не знаем и знать не можем. Эти понятия заострены и направлены против теологических представлений о творце, плане и цели, но они лишены всякого положительного научного и материалистического содержания.

Между необходимостью и случайностью Аксельрод отличает, как отличают позитивисты: необходимо то, что эмпирически взаимно связано или, на языке Аксельрод, что «подведено под общий закон», а случайно то, что в эмпирически констатируемую связь не уложено, не укладывается или, на языке Аксельрод, «непознано». Случайность потому, по ее мнению, суб'ективна, что «общий закон» не терпит никаких исключений,—все находится, должно находиться во взаимной связи.

Агностический позитивизм и метафизика действительно находятся во «взаимной связи» всегда и неизменно. Аксельрод не составляет «исключения» из этого общего правила. Так, Мах, например, вводит «постулат единообразия природы» в целях достижения своего «научного» идеала, «идеала однозначной определенности» («Позн. и забл.», стр. 455—457). Аксельродовский «общий закон»—такой же выдуманный, привнесенный постулат, от которого на версту отдает суб'ективизмом и самой доподлинной схоластикой самого «современного» образца. Живая, движущаяся и развивающаяся материя с ее богатым, живым разнообразием должна уложиться в «общий закон», не знающий «никаких исключений». Ну, и диалектический материализм, ну, и «защита»!

VI. Что такое идеализм и материализм?

Л. И. Аксельрод - Ортодокс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Материализм..., отрицая творца, не признавая акта творения и исключая, следовательно, всякий предшествующий природе и развертывающийся в ней план, исходит из самого факта существования природы и изучает ее законы, исходя из самой природы» (стр. 209; разрядка автора). Под противоположным материализму основным философским направлением—идеализмом—автор понимает признание, «что дух суще-

ствовал до природы, значит, что природа создана чем-то сознательно, по определенному плану» (Там же, разрядка автора). Эти определения материализма и идеализма стоят в противоречии с известным определением Энгельса. Называя вопрос об отношении мышления к бытию «великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии», Энгельс говорит: «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма» («Людвиг Фейербах», 1928, стр. 41—42).

Легко видеть разницу в постановке вопроса у Энгельса и у Аксельрод. Энгельс основную линию водораздела между двумя большими лагерями философов видит в различном ответе на вопрос об основном начале, что чему предшествовало—дух природе или природа духу, а признание идеализмом сотворения мира Энгельс считает следствием, производным из взгляда на дух, как на основное начало. Аксельрод - Ортодокс основной линией водораздела между идеализмом и материализмом считает не ответ на вопрос об основном начале, а признание или непризнание акта творения. Эту разницу, повторяем, легко увидеть,—ее увидит всякий грамотный человек. Не видит ее только Аксельрод - Ортодокс. Точнее, она не хочет ее увидеть, ссылаясь на «внутренний смысл» энгельсовского определения, который, по ее мнению, состоит именно в том, как она определяет материализм и идеализм (там же). Всякому грамотному читателю опять - таки ясно, что в энгельсовском определении есть только один смысл, и что «внутренний смысл» есть выдумка Аксельрод. Энгельс умел ясно писать, т.-е. облекать свои мысли в ясные слова, и поиски Аксельрод какого-то «внутреннего смысла» должны вызвать у всякого грамотного читателя подозрение во «внутреннем умысле» у Аксельрод - Ортодокс явно на глазах у публики исказить Энгельса.

Наш автор приводит определение Плеханова, в котором, между прочим, говорится следующее: «Все те философы, в глазах которых первичным фактом является материя, принадлежат к лагерю материалистов; все же те, которые считают таким фактором дух,—идеалисты... Материализм и идеализм исчерпывают главнейшие важнейшие направления философской мысли». Аксельрод сопровождает это определение Плеханова замечанием: «В общем и Плеханов, в этом своем определении, следует мысли Энгельса, который главными и основными философскими направлениями также считает материализм и идеализм» (Там же, стр. 208; разрядка наша). Откуда, спрашивается, следует, что Плеханов следует мысли Энгельса только в общем? Здесь у нашего автора снова фигурирует «внутренний смысл», т.-е. внутренний умысел. В плехановском определении он подчеркивает только ту мысль, что материализм и идеализм являются основными философскими направлениями, и совершенно игнорирует центральную мысль плехановского определения, выраженную совершенно ясно,—мысль, что материалисты считают материю первичной, а идеалисты, наоборот, считают первичным дух. Плеханов в этом вопросе следует мысли Энгельса не в общем, а во всем. Аксельрод - Ортодокс умышленно игнорирует центральную мысль плехановского определения, именно ту самую мысль, где Плеханов повторяет Энгельса, т.-е. мысль о первичности материи, природы. Всякий грамотный читатель вынужден после этого притти к выводу, что Аксельрод - Ортодокс, мягко выражаясь, не долюбли-

вает этой мысли, не приемлет марксистского тезиса о первичности материи по отношению к духу. И этот вывод становится *обязательным* после того, как мы убедились, что на протяжении всей книги в 250 страниц нет ни одной мысли, которая не подтвердила бы его. Книга Аксельрод - Ортодокс представляет собою некую «системку» философских мыслей, противоречащую основному марксистскому тезису о первичности материи по отношению к духу. А это и есть идеализм.

Аксельрод - Ортодокс своим определением материализма и идеализма устраняет самый вопрос об отношении мышления к бытию, духа к материи, заменяя его противоположением науки и религии. Вековой спор между двумя философскими лагерями по основному гносеологическому вопросу—существует ли от века материя, а дух является ее высочайшим порождением или наоборот—она об'являет несуществующим. Аксельрод поступает здесь, как все махисты, позитивисты. Это—трусливый идеализм.

Идеализм отождествляется ею с религией, материализм—с наукой. Гносеологические посылки, лежащие в основе религии и науки, Аксельрод смазываются. Смазывается противоположение материи и духа, и этим прокладывается мост к их отождествлению, которое на деле ведет к примату духа над материей, т.-е. к идеализму.

Философия Аксельрод-Ортодокс—не что иное, как идеализм на почве эмпиризма. И само собою разумеется, что эта философия не имеет ничего общего с диалектическим материализмом.

Историко-социологические взгляды Н. А. Добролюбова.

П. Панкевич.

Если в области философии природы Добролюбов приближался к точке зрения диалектического материализма, то в области философии истории он был идеалистом. Тогда, как по первому вопросу он написал весьма немного, по второму вопросу, наоборот, оставил нам сравнительно обильный материал, который позволяет с достаточной полнотой судить об его историко-социологических взглядах. Но и здесь Добролюбов не всегда был откровенен. Невыносимые условия царской цензуры заставляли его иногда не договаривать своих мыслей до конца, особенно в той части, которая имела отношение к революционному переустройству современного общества. Вот почему Добролюбов при поверхностном анализе может показаться не более, как реформистом, тогда как на самом деле он был революционным демократом. Читая Добролюбова, надо уметь его понимать. Его наиболее революционные мысли следует читать между строк. Осторожные выражения, предназначенные для царской цензуры, **д о л ж н ы б ы т ь р а с ш и ф р о в а н ы**, и тогда раскроется для читателя их революционный смысл. Чтобы использовать легальные возможности для своей революционной пропаганды, Добролюбов вынужден был прибегать к оригинальному средству: он незаметно излагал свои взгляды тогда, когда об'ективно знакомил читателя с содержанием какой-нибудь рецензируемой книги.

Ни слова не говоря от себя, он в таких случаях с преднамеренным подчеркиванием давал изложение именно тех мыслей, которые принадлежали другим авторам, но которые помогали читателю уяснить подлинную точку зрения самого рецензента. Поэтому при изучении мировоззрения Добролюбова необходимо в первую очередь правильно установить отношение писателя к тем авторам и к тем социально-экономическим учениям, разбором которых он занимается в своих статьях.

Характерным для Добролюбова является и то, что в некоторых случаях он не делает выводов из анализа исторических событий, а предоставляет это делать самим читателям. И здесь писатель очень часто руководствуется соображениями осторожности в условиях свирепой царской цензуры. Приводя два мнения о реакционной политике пьемонтского министра Кавура—одно мнение враждебное, высказанное Мацции, а другое похвальное, принадлежащее Петручелли делла Гаттина, Добролюбов замечает следующее: «В этих двух отзывах я не нахожу резкой разницы, что касается фактических оснований: оба признают, что Кавур думал только о Пьемонте, что он не мог опи-

раться на народную силу, что он искал только победы над Австрией и в результате променял одно иностранное влияние на другое. А кто из двух авторов справедливее смотрит на дело,—пусть опять решат читатели. А наше дело—летописное» [1]). Вот именно Добролюбов часто поступал, как летописец: он сообщал факты, но не давал им соответствующего анализа, и не делал из них необходимых обобщений. Такой метод был продиктован ему условиями царской цензуры. Однако иногда, даже и при этих условиях, наш писатель не мог удержаться от радикальных выводов, которые он смело формулировал в своих статьях. *Добролюбов не был по природе летописцем*: его ум был приспособлен к широким философским обобщениям. Но политическая обстановка России 60-х годов не позволяла свободно размышлять. В области истории и политики приходилось нередко ради предосторожности ограничиваться фактами, действуя по методу летописца без излишних комментариев и обобщений.

Добролюбов требовал для историков одного из двух: или строго придерживаться абсолютно летописности, избегая произвольных толкований фактического материала, или, уж если давать свои комментарии к историческим событиям, то группировать факты под определенным углом зрения, освещая их «общей идеей»...

Излагая историю царствований Петра Великого по книге Устрялова, Добролюбов делает следующее критическое замечание по поводу практиковавшегося автором метода писания: «*Удаляясь общих выводов* и подробных рассуждений о значении Петра в нашей истории, мы старались только группировать однородные факты, разрозненные в летописном порядке изложения г. Устрялова. Эта *летописность* изложения составляет особенность г. Устрялова, бросающуюся в глаза каждому читателю «Истории Петра». Она могла бы быть названа *большим достоинством, если бы была совершенно выдержана, т. е. если бы автор отказался уже решительно от всяких рассуждений и взглядов, рассказывая одни только факты.* Но в изложении г. Устрялова заметно отчасти стремление выразить *известный взгляд*; у него нередко попадаются красноречивые громкие фразы, украшающие простую истину событий; заметен даже в некоторых местах *выбор* [2]) фактов, так что иногда рассказ его вовсе не сообщает того впечатления, какое сообщается приложенным в конце книги документом, на который тут же и ссылается сам историк... Поэтому *летописность, имея искусственный характер и не будучи выдержана, скорее вредит достоинству книги г. Устрялова, нежели возвышает его.* Кажется, лучше было бы, если бы историк позаботился о том, *чтобы сгруппировать факты истории Петра, осветивши их общей идеей, не приданной им извне и насильственно, а прямо и строго выведенной из них самих.* Тогда общее впечатление было бы живее и полнее, факты не терялись бы для читателя в разрозненности, как бы случайности. Г. Устрялов мог озарить истинным и ярким светом все события, относящиеся к царствованию Петра» [3]). Добролюбов осуждает Устрялова за то, что он «придал своему труду характер преимущественно

---

[1]) *Добролюбов*, Сочинения, изд. 3, изд. «Книжный магазин для иногородних» М. П. Надеина, С.-Петербург 1876 г., т. IV, стр. 279.

[2]) Разрядка автора цитаты. Если не оговорено, разрядка наша.

[3]) Сочинения, т. II, стр. 193.

биографический» и «не обратил внимания на общие задачи истории страны и времени» [1]), благодаря чему «отнял у себя оружие высшей исторической критики».

Как указано выше, Добролюбов считает летописность «большим достоинством», если она выдержана и свободна от предвзятых рассуждений и взглядов. В противном случае он считает, ее даже вредной, ибо произвольное толкование фактов и документов со стороны автора извращают подлинную картину исторической действительности.

Добролюбов решительно борется против всякой проникающей в науку ложной идеи, которая старается «утвердиться посредством ложного толкования фактов». «Ложь, облекающаяся покровом научного, серьезного изложения и несколькими блестками либеральных тенденций,—говорит он,—всегда и везде опасна, но особенную опасность представляет она в наше время у нас» [2]). Поэтому «противодействовать ложной идее «составляет» одну из важнейших обязанностей современной критики». Довольно легко порождается «заблуждение при исследованиях исторических», ибо история, подобно самой жизни, представляет собой известный беспорядочный набор фактов, такое же «разнообразие, отрывочность и смешанность элементов», какие встречаются в действительности. «Поэтому здесь—чего хочешь, того просишь: можно найти данные для подтверждения какой-угодно теории,—говорит Добролюбов.—И даже уличить в неправде трудно, потому что итоги фактов не подведены окончательно и группировка их в наших книжках довольно еще бесхарактерна. Невольно соблазняется даже самый добросовестный исследователь и об'ясняет факты по тем философским убеждениям, какие уже составились у него в голове. Трудно найти человека, который бы занимался историческими изысканиями, вовсе не предполагая, что из них выйдет—опровержение ли его убеждений или подтверждение их. Чтобы достигнуть этого, надобно стать выше всех человеческих пристрастий. Можно, конечно, желать этого; но нельзя слишком строго требовать от всякого, занимающегося историей» [3]). Каждый историк находится во власти своих философских взглядов, и это определяет его характер исследования. Если нельзя от каждого требовать отречений от своего философского мировоззрения, то каждому можно пред'явить требование быть добросовестным при научных занятиях. «Пусть человек приступит к своим занятиям не вполне свободный от известных идей, заранее им усвоенных; пусть у него вначале будет даже желание разработать факты именно для подтверждения этих идей. Но пусть он не простирает пристрастия к своим идеям до того, чтобы для них искажать факты и прибегать к обману» [4])—так взывает к истине Добролюбов. Особенно резко нападает наш писатель на так называемых, недобросовестных исследователей, которые в угоду своим ложным убеждениям занимаются подтасовыванием фактов. Бесплодную недобросовестную работу этих «ученых» Добролюбов рисует так: «Если им представляется пять фактов,—одни в пользу их мнения, один сомнительный и три против них,—то они последние три бросят, сомнительный переделают на свой лад и с особенным ожесточением налягут на тот один, который для них выгоден» [4]). Такие исследователи являются «язвой общества», и с ними надо бороться посредством самой-

[1]) Сочинения, т. II, стр. 193.
[2]) Там же, стр. 301.
[3]) Там же, стр. 302.
[4]) Там же, стр. 303.

жестокой критики. В качестве недобросовестных исследователей Добролюбов называет: Жеребцова, Ведрова, Шевырева и др. Против Жеребцова, написавшего книгу о русской цивилизации, наш писатель выдвигает такие обвинения: у него «искусственная точка зрения», под «отвлеченные принципы подводится живое народное развитие», «делается искусственная классификация», «произвольно ставятся общие начала» и т. д. И с каким презрением Добролюбов делает по поводу Жеребцова следующее замечание: «Нет, прежде всего ставят над народом собственные, условные идейки и затем смотрят только на то, в какой степени удовлетворяет он этим идейкам. И какой мертвечиной схоластики веет от самых идеек этих» [1]). Надо отметить, что указанные «идейки» являлись выражением идеалистической философии и патриотического настроения упомянутого автора.

Итак, Добролюбов от историка требует быть совершенно об'ективным при изучении исторических фактов, не искажать действительности, добросовестно пользоваться источниками и документами, умело группировать материал, давать свои комментарии без предвзятых взглядов и делать обобщения с точки зрения «общей идеи» или определенного философского принципа, который не противоречит современной науке. «Скрывать или искажать исторические факты...— говорит Добролюбов,—было бы крайне невежественным и зловредным, почти иезуитским поступком» [2]). Говоря об освещении исторических фактов «общей идеей», он, несомненно, имеет в виду не идеалистическую философию, а материалистическую. Критикуя книгу профессора Шевырева: «История русской словесности», он разоблачает его идеалистический подход к вопросам истории. Шевырев утверждал, будто «для вечной истины нет различия между XIX и XV веком». Не соглашаясь с таким выводом «просвещенного профессора», Добролюбов справедливо замечает, что «успокоение на неизменной истине, отысканной им (профессором.—П. П.) в древней Руси, ведет к самому унылому застою и смерти», и что такая истина чужда всем жизненным интересам новой России» [3]). «Мы давно знаем,—иронизирует Добролюбов,—что г. Шевырев проповедывал печатно что-то в роде того, что философия Гегеля заимствована из «Поучения» Владимира Мономаха» [4]). Здесь Гегель упоминается не случайно. Добролюбов хочет показать, что Шевырев не видит того прогрессивного развития, которое пережито человеческой культурой со времени Мономаха до Гегеля и что поэтому указанный профессор опрометчиво отождествляет совершенно противоположные вещи. Здесь Гегель с его философией о вечном движении противопоставляется Шевыреву с его философией о вечной истине. Симпатии Добролюбова в этом отношении остаются, разумеется, на стороне первого.

Теперь целесообразно разобрать вопрос,—в какой степени Добролюбов является идеалистом в области истории. Плеханов считает, что Добролюбов имел «ч и с т о - и д е а л и с т и ч е с к и й в з г л я д н а и с т о р и ю [5]) и был «типичным критиком - просветителем». «Он стал критиком-просветителем, между прочим, по той причине,—говорит Плеханов,—что смотрел на историю с той самой точки зрения, с какой всегда и везде смотрели на нее п р о с в е т и т е л и, т.-е. с точ-

---

[1]) Сочинения, т. II, стр. 284.
[2]) Там же, т. I, стр. 113.
[3]) Там же, т. II. стр. 488.
[4]) Там же, стр.487.
[5]) Г. В. П л е х а н о в. Сочинения, т. XXIV, стр. 44—45.

ки зрения того убеждения, что «мнение правит миром». Но его просветительные взгляды на историю и на литературу носили на себе печать своего времени. Они были тесно связаны с философией Фейербаха» [1]). Сравнивая Добролюбова с Чернышевским, Плеханов находит, что первый был еще более просветителем, нежели второй, ибо Добролюбов более, чем Чернышевский, руководствовался принципом отвлеченного разума. Добролюбов «не стоял на классовой точке зрения», любил народ и верил в него, однако, «в своих статьях обращался не к народу, а к интеллигенции», усматривал в нашем обществе борьбу двух сил—произвола и образования, неправильно рассуждая, будто «первоначальное неумение людей создать разумный,—иначе естественный,—общественный строй ведет к возникновению искусственных общественных комбинаций, которые вызывают у них не менее искусственные стремления» [2]). Таковы основные погрешности Добролюбова, которые отмечает Плеханов. Эти погрешности свидетельствуют об идеалистической точке зрения нашего писателя в области истории. Однако назвать Добролюбова последовательным историческим идеалистом никак нельзя. То обстоятельство, что он находился под влиянием философии Фейербаха и что являлся последовательным материалистом в области философии природы, не могло не отразиться известным образом и на его исторических взглядах.

Философия истории Добролюбова имеет в себе немало противоречий. На эти противоречия обращает внимание и Плеханов. «Но исторический идеализм,—говорит он,—был непоследовательностью, диссонансом в миросозерцании Добролюбова, Чернышевского и Фейербаха. В своих основах миросозерцание это было материалистическим» [3]). Добролюбов отчасти понимал, что «не мышление определяет собой бытие, а бытие определяет собой мышление» [4]), что «стремления и взгляды людей определяются свойствами общественной среды» [5]), что «искусственные стремления вырастают на почве классового господства и направлены к его поддержке» [4]), что «человеком управляют не отвлеченные взгляды и верования, а жизненные факты» [6]). Указанные положения противоречат историческому идеализму. Плеханов об'ясняет это тем, что Добролюбов, будучи материалистом, еще не умел последовательно приложить материализм к анализу общественной жизни. «Добролюбов был логичен даже в своих противоречиях,—справедливо отмечает он.—В этих противоречиях виновата была не его собственная мысль, а недостаточная разработанность той материалистической философии, которой он держался и которая еще не успела и не могла отказаться от идеалистического взгляда на общественную жизнь. Этот недостаток материалистической философии был устранен только Марксом и Энгельсом» [7]). Таким образом, Плеханов устанавливает наличие двух совершенно противоположных тенденций в философии истории Добролюбова: с одной стороны—идеалистических взглядов, а с другой—материалистических.

---

[1]) Там же, стр. 49.
[2]) Там же, стр. 46.
[3]) Там же, стр. 52.
[4]) Там же, стр. 61.
[5]) Там же, стр. 53.
[6]) Там же, стр. 56.
[7]) Там же, стр. 62.

Мы должны подробно остановиться на материалистических взглядах. В своих статьях Добролюбов неоднократно поднимает вопрос об отношении личности к обществу и разрешает этот вопрос почти всегда, как последовательный материалист. Он признает историческую необходимость и решительно выступает против тех, кто отстаивает в истории принцип случайности. Существует две теории об исторической роли личности, и обе эти теории, по мнению Добролюбова являются «ошибочными в своих крайностях». Одна теория приводит «к неумеренному, безрассудному поклонению нескольким исключительным личностям». Поражаясь какими-нибудь выдающимися свойствами героя, люди начинают его выделять из ряда обыкновенных явлений, воздавать ему хвалу и чрезмерно перед ним преклоняться. Уважая и почитая личность героев, человек тем самым выражает неуважение к своей собственной личности. Поэтому стремление восхвалять и преклоняться перед избранниками судьбы и гениальными натурами должно быть подвергнуто осуждению и противодействию. Другая теория, наоборот, уничтожает личность, недооценивая ее роль в истории. По мнению Добролюбова, такая теория обнаруживает «неуменье обращаться с общими философскими положениями применительно к частным случаям». Таким образом Добролюбов, как видно отсюда, не соглашается с тем, чтобы переоценивать или преуменьшать роль личности в истории. Наш писатель занимает какую-то среднюю позицию. «Конечно,—говорит он,—ход развития человечества не изменяется от личности. В истории прогресса целого человечества не имеют особенного значения не только Станкевичи, но и Белинские, и не только Белинские, но и Байроны и Гете; не будь их—то, что сделано ими, сделали бы другие. Не потому известное направление является в известную эпоху, что такой-то гений принес его откуда-то с другой планеты, а потому гений выражает известное направление, что элементы его уже выработались в обществе и только выразились и осуществились в одной личности более, чем в других» [1]). Личность является продуктом общественных отношений. Гений отличается от обычных людей тем, что он выражает и осуществляет в своей личности влияние основных тенденций общественного развития гораздо больше и ярче, чем все остальные. Ход истории не определяется личностью, тогда как личность определяется историей. Тем не менее роль личности в истории не сводится к нулю и не уничтожается бесследно. В отношении частных случаев истории, применительно к действительной жизни, личность имеет известное значение. Добролюбов приводит такой пример. В городе N имеется врач, который вылечил много тяжелых больных. Население чрезвычайно довольно им и уважает его за умелое лечение. Несмотря на эту деятельность врача, «движение народонаселения в человечестве, и даже в России, и даже в N-ской губернии вовсе не изменилось». Добролюбов считает неблагоразумным отрицать известные результаты деятельности врача только на том основании, что человечество от этого нисколько не выигрывает. Если личность может иметь влияние на частное явление истории, то она уже никак не может изменить общее направление исторического развития. Эту мысль Добролюбов не обронил случайно: он повторяет ее неоднократно в своих различных произведениях. Одна из основных его работ: «Первые годы царствования Петра Великого» почти целиком посвящена вопросу о взаимоотношении между личностью и обще-

---

[1]) Сочинения. т. II, стр. 6.

ством, при чем автор все время придерживается одной и той же точки зрения, что личность Петра Великого формировалась под влиянием изменяющихся общественных отношений, и что вся деятельность этого царя естественно вытекала из сложившихся исторических условий. Под таким же углом зрения Добролюбов подходит к анализу деятельности Магомета. Он выражает большое удовольствие, что Вашингтон Ирвинг, вопреки установившейся традиции, считает деятельность Магомета «следствием его природных наклонностей, воспитания, характера страны, в которой он жил,—всех обстоятельств, под влиянием которых сложился его характер и взгляд на вещи» [1]). Здесь снова подчеркивается мысль, что не общественные отношения являются результатом деятельности той или другой выдающейся личности, а что, наоборот, эта личность является продуктом общественных отношений. Добролюбов концентрирует свое внимание на изучении определенных общественных отношений и тем самым он изучает деятельность реальных личностей. А это уже есть материалистический подход к истории. «Другими словами,—говорит т. Ленин,—социолог - материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных л и ч н о с т е й, из действий которых и слагаются эти отношения» [2]). В этом смысле Добролюбов значительно приближается к позиции социолога-материалиста. Чтобы яснее себе представить его отношение к истории, необходимо привести следующую, хотя и пространную, выдержку:

«На историческое развитие народа, на естественную, живую связь событий никогда не хотят обратить ни малейшего внимания наши историки. Их история представляет обыкновенно не историю, а какую-то плохо составленную «Всеобщую биографию великих людей». Это—Плутарх для юношества, написанный в дурном духе и без всякого такта. Все в наших историях предоставляется влиянию личностей: государство основалось оттого, что нашелся великий человек, который основал его; пало государство оттого, что пять—шесть государей дурно им правили и допустили развращение нравов; новая религия явилась оттого, что явился человек, который ее выдумал; война проиграна оттого, что полководцы были ненадежные; восстание произошло оттого, что несколько неблагонамеренных человек раздражили народ... И так далее, и так далее, за что ни возьмитесь. Но ведь был же какой-нибудь материал, над которым все эти полководцы, правители и прочие великие люди производили свои упражнения? Ведь не один же, сам собою, полководец вел войну, не сам же собою какой-нибудь молодец, ни с того, ни с сего, основал вдруг целое «гражданское общество», как выражаются наши историки. Верно, кто-нибудь помогал ему, служил орудием его планов и, верно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностям тех, которые согласились содействовать ему? Что же это были за люди, каково было их положение? Отчего они слушались людей неблагонамеренных, а не слушались благонамеренных? И какие были в них самих качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить их орудием в своих замыслах? Все эти вопросы рождаются непременно в голове всякого ребенка, не совсем еще забитого схоластикой; но ответов нет на эти вопросы. Наши исторические учебники совсем не хотят обращать внимания на эти вопросы» [3]).

---

[1]) Сочинения, т. I, стр. 503.
[2]) Л е н и н, Сочинения. изд. 2, т. I. стр. 280.
[3]) Д о б р о л ю б о в, Сочинения, т. I, стр. 559.

Мы видели, что Добролюбов не удовлетворяется историей, построенной на основе идеализма, и блестяще показывает несостоятельность ее в отношении об'яснения целого ряда простейших фактов поведения того или другого исторического лица. Критикуя историков старой школы, он сам отвечает на поставленные вопросы таким образом: «Не хотят понять, что ведь историческая личность, даже и великая, составляет не более, как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенить камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала, скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда подготовляется обстоятельствами исторического развития народа, и что вследствие исторических-то обстоятельств и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени» [1]). Сказано ясно: историческая личность является продуктом исторических обстоятельств и выражает в себе потребности общества и времени. Это есть материалистический подход к истории. Такие формулировки попадаются у Добролюбова довольно часто. Но недостатком этих формулировок является то, что автор не отмечает в них социально-классовые корни той или другой исторической личности. Тем не менее Добролюбов правильно поступает в том смысле, что в своих исторических рассуждениях пытается твердо держаться принципов исторической необходимости. Это можно наблюдать по многим его отдельным замечаниям. «К сожалению,—говорит он,—историки никогда почти не избегают странного увлечения личностями, в ущерб исторической необходимости. Вместе с тем сильно высказывается во всех историях пренебрежение к народной жизни в пользу каких-нибудь исключительных интересов» [2]). Говоря об истории Петра, можно легче, чем где-нибудь, стать на путь «исторической случайности, совершенно отрешиться от анализа исторических корней петровских реформ и представить себе дело так, будто весь переворот в эту эпоху был совершен волею одного лица и будто участие всего народа... стирается здесь перед могуществом его повелителя» [3]). Тем не менее Добролюбов и здесь не соглашается признать историческую случайность и продолжает твердо стоять на почве социально-экономической обусловленности поведения Петра. Если бы историк, по его мнению, стал рассказывать только о делах героя, не упоминая о народной жизни, он написал бы в лучшем случае биографию, а не историю. «История занимается людьми, даже и великими, только потому,—говорит Добролюбов,—что они имели важное значение для народа или человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе. Смотреть иначе, значило бы придавать гению значение, невозможное для человека. Известно всем и каждому, что человек не творит ничего нового, а только перерабатывает существующее; значит, история приписывает человеку невозможное, как скоро намеренно уклоняется от своей прямой задачи: рассмотреть деятельность исторического лица, как результат взаимного отношения между ним и тем живым материалом (если можно так выразиться о народе), который подвергался его влиянию» [4]). В основе исторических исследований

[1]) Добролюбов. Сочинения, т. I, стр. 560. Разрядка наша.—П. П.
[2]) Там же, т. II, стр. 74.
[3]) Там же, стр 73
[4]) Там же, стр. 74

должна лежать идея об отношении исторических событий к характеру, положению и степени развития народа. «Всякое историческое изложение, не одушевленное этой идеей,—справедливо указывает Добролюбов,—будет сбором случайных фактов, может быть и связанных между собою, но оторванных от всего окружающего, от всего прошедшего и будущего. Таким образом история, самая живая и красноречивая, будет все-таки не более, как прекрасно сгрупированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа» [1]). Эта последняя мысль Добролюбова об участии в исторических событиях самого народа имеет особенно важное значение. До сих пор мы подчеркивали, что Добролюбов рассматривает личность, как продукт общественных отношений. Здесь, разумеется, ничего нового нет. На такой точке зрения стояли и французские материалисты XVIII в. Это положение признается теперь и марксизмом, который, между прочим, выставляет тезис о том, что история делает людей. Но Добролюбов идет дальше французских материалистов: он говорит не только о том, что история делает людей, но и о том, что люди делают историю. А это утверждение приближает Добролюбова к позиции исторического материализма. Он рассматривает народ не как пассивный исторический материал, а как движущую силу истории. Однако существенным недостатком теории Добролюбова является то, что он в данном случае не говорит о классовом расслоении общества, а все время упоминает только народ, тогда как последний в отношении классового состава не был однородным уже и в 60-х годах прошлого столетия. Эта ошибка Добролюбова естественна: экономическая отсталость дореформенной России и неразвитость классовой борьбы не могли не отразиться на идеологии нашего писателя.

Признавая народ не только об'ектом, но и суб'ектом истории, Добролюбов тем самым уже отказывается от тех идеалистических выводов, к которым неизбежно приходили в конце концов французские материалисты. Последние, утверждая, что человек является продуктом общественных отношений, думали, будто эти общественные отношения могут изменяться какими-нибудь исключительными людьми, которые руководствуются принципом разума. Таким образом поддерживался тезис—«мнение правит миром». К числу исключительных людей французские материалисты относили в первую очередь философов, а затем королей и законодателей. Необходимо точно установить, какую позицию занимал в этом вопросе Добролюбов. Плеханов утверждает, что и Добролюбов был сторонником вышеуказанного тезиса. Но это не совсем верно. У Добролюбова мы действительно находим идеалистические взгляды, но такие взгляды у него не были постоянным явлением. Очень часто он высказывался в духе исторического материализма, что, между прочим, подтверждает и Плеханов, вскрывая противоречия в мировоззрении Добролюбова. Уже вышеприведенные цитаты в достаточной степени показывают, каким образом Добролюбов оценивал историческую роль исключительных людей-героев. Эта оценка является правильной. Для подтверждения данного факта мы приведем еще несколько выдержек. Определяя отношение великой личности к историческим событиям, Добролюбов, между прочим, пишет: «Без сомнения, великие исторические преобразователи имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем

[1]) Сочинения, т. II, стр. 73.

начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силой своего гения» [1]). А вот еще одно место: «Но более внимательное рассмотрение открывает всегда, что история в своем ходе совершенно независима от произвола частных лиц, что путь ее определяется свойством самих событий, а вовсе не программою, составленной тем или другим историческим деятелем. Напротив, деятельность всех исторических лиц развивается не иначе, как под влиянием обстоятельств, предшествовавших появлению их на историческом поприще и сопровождавших его. Поэтому приписывать замечательным двигателям истории ясное сознание отдаленных последствий их действий, или все самые мелкие и частные их деяния подчинить одной господствующей идее, представителями которой они являются, во всей жизни, делать это—значит ставить частный произвол выше, чем неизбежная связь и последовательность исторических явлений. Мало того,—это значит, детски повергаясь ниц пред великими людьми, совершенно забывать, что они—все-таки люди и следовательно подвержены общей всем людям ограниченности сил и знаний» [2]).

Вышеприведенные цитаты показывают, что Добролюбов здесь вовсе не является сторонником тезиса—«мнение правит миром». Даже исключительные люди у него рассматриваются, как продукт тех же самых общественных отношений, которые обуславливают поведение и остальных людей. Критикуя философию истории французских материалистов XVIII века, Маркс, между прочим, отметил, что эти философы, правильно разрешая проблему о влиянии общественных отношений на поведение людей, совсем неправильно думали, будто эти общественные отношения могут изменяться силою разума самих философов и будто таким образом поведение последних остается вне влияния социальной среды, тогда как на самом деле «воспитатели» для того, чтобы воспитывать других, должны быть и сами воспитаны. Добролюбов, как мы видели, тоже утверждал, что поведение исключительных людей обусловливается влиянием социальной среды. Таким образом у него «разум» теряет характер движущей силы истории, отрицается влияние «произвола частных лиц» на исторический процесс и признается только ограниченное влияние гениальных людей на частные моменты исторических событий. Это уже не то, что говорили французские материалисты. Поэтому отождествлять теорию Добролюбова с учением просветителей XVIII века является, безусловно, ошибкой.

Гениальный человек отличается от обычных людей тем, что оказывается способным ранее, чем другие, уловить основные тенденции общественного развития, сделать отсюда необходимые выводы о перспективах будущего, определить на основании настоящего ближайшую цель своей деятельности и приступить к осуществлению поставленной задачи.

Политические планы и философские системы рождаются не сами по себе и не под влиянием отвлеченного разума, а в результате воздействия на людей конкретных условий социальной среды. «В самом же деле, как бы человек ни был умен и гениален,—справедливо указывает Добролюбов,—он может производить свои соображения только

---

[1]) Сочинения, т. II, стр. 73.
[2]) Там же, стр. 138. Разрядка наша.—П. П.

на основании данных, имеющихся у него под руками. Поэтому все великие планы, высокие идеи, сложные замыслы ограничиваются обыкновенно достижением ближайшей цели. Когда эта цель достигнута, тогда уже начинается дальнейшее развитие идеи, планы расширяются, прежняя цель в свою очередь становится основанием, точкой отправления для новых целей и т. д. Но чем далее в будущее простирается замысел, чем более он должен опираться на событиях еще не совершившихся, а только задуманных, тем глубже уходит он из мира действительности в область фантазии. Всякий исторический деятель хорошо чувствует это, и всякий, естественно, старается остерегаться от этих воздушных замков» [1]). Таким образом Добролюбов не рекомендует историческому деятелю увлекаться фантастическими планами, которые непосредственно не вырастают из условий развития современного общества. Практические деятели пользуются успехом именно по той причине, что они «твердо и прямо идут к ближайшей цели, видимой для всех, предоставляя конечную цель дальнейшему течению событий». Однако и конечные цели не должны оставаться вне поля человеческого внимания, хотя бы они и не имели практического значения на ближайший день. Как думает Добролюбов, «более отдаленные потребности, которых еще не чувствует масса, могут быть поняты и обсуждены теоретиками и философами, стоящими обыкновенно вне движения настоящей минуты» [2]). Подобные люди не имеют большого влияния на текущую жизнь, они не являются «великими двигателями событий своего времени». «Их оценивают потом, когда идеи не подтверждаются фактами и делаются современными, т.-е. соответствующими сознанию большинства» [3]). Идеи одного лица не имеют силы, покуда они не станут идеями массы. Если даже гений поймет те последствия, к которым неизбежно ведет совокупность условий исторического развития, то это отнюдь не значит, что уже явилась возможность изменить общественные отношения в ту или другую сторону, чтобы избежать или скорее достигнуть предполагаемых последствий. «Не тогда,—справедливо указывает Добролюбов,—изменяется известная мера, установление, вообще положение вещей, когда гениальный ум сообразит, что оно может повести к дурным последствиям через несколько столетий так, как повело к ним за несколько веков перед тем. Нет, оно изменяется тогда, когда уже делается несоответствующим настоящему положению вещей, когда неблагоприятное его влияние уже не некоторыми только предвидится, а делается ощутительным для большинства» [3]). «Только тогда,—продолжает Добролюбов,—человек может заставить людей сделать что-нибудь, когда он является как бы воплощением общей мысли, олицетворением той потребности, какая выработалась уже предшествующими событиями» [4]).

Французские материалисты XVIII века ошибочно считали двигателем истории отвлеченный разум, представителем которого будто бы выступают философы, стоящие над массой. Добролюбов же отстаивал совершенно противоположную точку зрения. Согласно его утверждению, исторические деятели являются не более, как выдающимися представителями народа, и их идеи, порождаемые историческими

[1]) Сочинения, т. II, стр. 139
[2]) Там же, стр. 140.
[3]) Там же, стр. 138. Разрядка наша.—П. П.
[4]) Там же, стр. 139.

условиями, могли получать реальное осуществление лишь тогда, когда соответствовали потребностям общества. Историю делает не отдельная личность, хотя бы и самая гениальная, а народ. Поэтому историк, если он хочет придерживаться научного принципа в своих исследованиях, должен изучать не историю великих людей, а историю народа. В свете последней раскрывается и история великих людей. При анализе исторических событий необходимо усматривать в них не проявление беспричинной случайности, а действие строгой закономерности и выражение исторической необходимости.

Что такое народ? На этот вопрос Добролюбов не отвечает определенно. Смысл данного понятия можно уловить только по той связи, в которой указанное слово употребляется в статьях. Писатель не отождествляет народ с обществом, а, наоборот, рассматривает его частью общества, которой противопоставлены так называемые, образованные классы. Под народом здесь разумеются эксплоатируемые массы трудящихся. Так как последние составляют большинство населения данной страны, народ поэтому является самым типичным представителем нации. Эксплоатируемые массы трудящихся существовали и существуют в классовом обществе на различных ступенях исторического развития. Поэтому Добролюбов усматривает наличие народа на всем протяжении истории человечества. Здесь понятие «народ» употребляется в отвлеченном смысле. Этим понятием охватываются различные общественные классы, которые имеют лишь то общее, что являются представителями труда данной эпохи или различных исторических эпох. Добролюбов не всегда подходит к анализу классового состава общества с точки зрения отношения различных социальных групп к средствам производства. Это и дало повод Плеханову отметить, что «Добролюбов еще не стоял на классовой точке зрения» [1]. Такое утверждение Плеханова в общем и целом правильно, но оно требует известных оговорок. У Добролюбова есть места, которые показывают, что писатель рассматривал историю человеческого общества, как историю классовой борьбы. Следовательно, писатель иногда становится на классовую точку зрения, несмотря на то, что его философия истории носила идеалистический характер. Плеханов пишет, что Добролюбов «часто изображал борьбу сил в нашем обществе, как борьбу произвола, с одной стороны, и образования— с другой» [1]. Действительно, такие факты наблюдаются в произведениях нашего писателя, но не всегда. Нередко мы находим у него и противоположные факты. На счет произвола в истории уже достаточно сказано выше. Что же касается образования, то попадаются у Добролюбова, например, такие мысли: «Всеми средствами образованности, всеми преимуществами новейших открытий и изобретений владеют неработающие классы общества, которым нет никакой выгоды передавать оружие против себя тем, чьим трудом они до сих пор пользовались даром. Следовательно, без участия особенных, необыкновенных обстоятельств, нечего и ждать благотворного распространения образования и здравых тенденций в массе народа. Пройдут века, и все будет по-старому по вековой рутине, новые успехи цивилизации будут только помогать тунеядцам монополистам в эксплоатации рабочих людей; и по той же рутине—рабочие будут обращаться за советом и судом к своим эксплоататорам» [2]. Что хочет сказать

[1]) Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 53.
[2]) Добролюбов. Сочинения, т. IV, стр. 62. Разрядка наша.—П. П.

Добролюбов в указанной цитате? А он хочет сказать следующее. Образование в современном обществе является монополией господствующих («неработающих») классов. Если не произойдут какие-нибудь «особенные, необыкновенные обстоятельства», образование, как идеологическое оружие, никогда не будет выпущено господствующими классами из своих рук, и масса народа останется в темноте и невежестве. Здесь образование не рассматривается, как самостоятельная сила, независимая от классовой борьбы. Наоборот, оно в условиях современности трактуется, как идеологическое оружие господствующих классов в связи с борьбой последних против трудящихся масс. Тут мы имеем налицо не историю борьбы произвола и образования, а историю классовой борьбы, в которой образование выступает одним из средств. То обстоятельство, что Добролюбов вовсе не думает приписывать образованию роль движущей силы истории, говорит еще и следующее место: «Не одно скромное ученье, под руководством опытных наставников, не одна литература, всегда более или менее фразистая, ведет народ к нравственному развитию и к самостоятельным улучшениям материального быта. Есть другой путь—путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо. Факты жизни не пропускают никого мимо; они действуют и на безграмотного крестьянского парня, и на отупевшего от фухтелей кантониста, как действуют на студента университета. Холод и голод, отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека — всегда действуют несравненно возбудительнее, нежели самые громкие и высокие фразы о правде и чести. Точно так и наоборот: материальное довольство и полное признание всех нравственных прав человека успокаивает его несравненно более, нежели все глубокомысленные внушения о кротости и благодушном терпении» [1]). Значит, не только образование, но и материальные условия ведут к нравственному развитию, при чем «жизненные факты» действуют несравненно возбудительнее, чем нравственное настапление. Таким образом Добролюбов не переоценивает роль идеологического фактора в истории: образование он связывает с материальными условиями, без которых оно не может иметь необходимой силы влияния, тогда как материальные условия и без образования могут вызвать известный результат. «Образованность именно ведет к большей или меньшей степени ясности сознания, и затем к уменью формулировать то, что сознается...— говорит наш писатель.—Но и неформулированное страдание—все-таки страдание. Пусть оно таится, пусть не принимает определенного выражения, это не должно обманывать нас: есть предел, за которым оно может ярко обозначиться, и тогда без всяких книг, без всяких отвлеченных соображений, не говоря никаких фраз, даже не принимая особого имени для себя, оно проявится на самом деле. Действительный факт, отразившись в практической жизни деятельного, рабочего человека, породит тоже действительный факт, тогда как книжные теории и предположения образованных людей, может быть, так и останутся только теоретическими предположениями» [2]). Проще говоря, Добролюбов хочет здесь сказать, что страдание трудящихся масс, вызванное чрезмерной эксплоатацией, может повести их к восстанию против угнета-

[1]) Добролюбов, Сочинения. г. IV, стр. 63- 64.

[2]) Там же, стр. 64.

телей, хотя бы эти массы и не имели образования. Но если бы трудовой народ получил образование, то это способствовало бы тому, что массы скорее уяснили бы действительность, правильнее бы оценили свое настоящее положение и легче определили бы средства и цели борьбы.

Добролюбов «любит народ и верит в него». Он радуется тому, что «коренная народная масса» лишена предрассудков цивилизованного общества, и что она способна на такие самоотверженные поступки, которые не встречаются среди людей господствующих классов. «Но, к счастью, в народе, в коренном народе,—говорит он,—нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе» [1]). Народ не умеет «красно говорить» и не любит останавливаться на слове, которое является пустым звуком в пространстве. Слово народных масс всегда связано с действием. «Сотни тысяч народа,—рассказывает Добролюбов,— в каких-нибудь пять—шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства, отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате. Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах. В этой-то способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы, величие, которого никогда не можем достичь мы, со всей нашей отвлеченной образованностью и прививной гуманностью» [2]).

Отсюда легко заключить, что Добролюбов вовсе не был сторонником той мысли, будто народ не способен самостоятельно совершать великие дела и будто он всегда нуждается в руководстве со стороны интеллигенции. Наоборот, здесь автор подчеркивает самостоятельное движение народа, возникшее «без всяких предварительных побуждений и прокламаций». Он отмечает, что интеллигенция со всей ее «отвлеченной образованностью и прививной гуманностью» никогда не в состоянии достигнуть такого величия, как народ в отношении способности к самопожертвованию для революционного дела. «Да, в этом народе,—категорически утверждает Добролюбов,—есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное» [3]). Мы видим, что Добролюбов относится к образованному обществу отрицательно, и что проявляет глубокую уверенность в силу самостоятельного народного движения. Поэтому было бы неправильно думать, будто у Добролюбова имеются тенденции игнорировать народ и, так сказать, через голову народных масс обращаться к интеллигенции. Если бы это было так, то интеллигенция, как представительница образованного общества, заслужила бы со стороны Добролюбова совсем другое отношение, чем это наблюдается в действительности.

Открывая в народных массах «силу на добро», Добролюбов отнюдь не склонен идеализировать народ. На ряду с положительными сторонами, он видит в нем и немало отрицательного. Разбирая произведения Щедрина, он считает их достоинством то, что здесь отображается действительная жизнь народа без всякого прикрашивания.

[1]) Сочинения, т. IV, стр. 97.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 97.

«Тут нет сантиментальничанья и ложной идеализации,—указывает он,—народ является как есть с своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тут и горе, и бедность, и лохмотья, и голод являются на сцену, тут и песни о том, что пришло время антихристово... Но эти бедные, невежественные странники, эти суеверные крестьянки возбуждают в нас не насмешку, не отвращение, а жалость и сочувствие» [1]). Народники идеализировали крестьянство и считали его единственной революционной силой. Добролюбов стоял на другой позиции. Говоря о народе, он имел в виду не только крестьян, но и трудящихся города. И при этом, не отрываясь от реальности, он сумел подметить в народе как положительные стороны, так и недостатки, которые создавали затруднения для революционизирования трудящихся масс.

Добролюбов рассматривает историю человеческого общества, как историю классовой борьбы. «Конечно, борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории» [2]),—утверждает он. Под аристократией он понимает класс крупных землевладельцев, а под демократией—трудящиеся массы. Тут еще нет точных формулировок. Добролюбов не совсем ясно представляет себе границы классового расслоения общества, а также процесс постоянной смены борющихся классов на протяжении истории человечества. Он видит в каждом обществе наличие двух противоположных сил—эксплоататоров и эксплоатируемых, между которыми существует непримиримая борьба. Но каковы характерные особенности эксплоататоров и эксплоатируемых на каждом этапе исторического развития—вот это именно Добролюбов не всегда указывает. Правда, и здесь у него есть некоторые намеки: иногда он правильно подчеркивает отношения между классами-антиподами, например: отношения между аристократами и демократами, боярами и смердами, браминами и париями, капиталистами и пролетариатом. Но эти намеки дальше общих указаний не идут. Поэтому классовая борьба у Добролюбова получает отвлеченный характер в виде борьбы трудящихся, с одной стороны, и дармоедов, с другой. А что представляют собою трудящиеся и дармоеды в классовом смысле на каждом этапе истории, он не раз'ясняет.

Говоря о борьбе дармоедства с трудом, Добролюбов, разумеется, об'являет себя сторонником труда и выражает уверенность в том, что трудящиеся в конце концов восторжествуют. «Уничтожение дармоедов и возвеличение труда,—указывает он,—вот постоянная тенденция истории» [3]). Отмечая тяжелое время крепостничества, Добролюбов с отвращением говорит о презренном дармоедстве помещиков и с глубоким сожалением подчеркивает приниженность крестьянского труда в современном обществе. «Да,—заявляет он,—все эти поколения, прожившие свою жизнь даром, на счет других,—все они должны были бы почувствовать стыд, горький стыд, при виде самоотверженного, бескорыстного труда своих крестьян. Они должны бы были вдохновиться примером этих людей и взяться за дело, с полным сознанием, что жизнь тунеядца презренна и что только труд дает право на наслаждение жизнью. А они не совестились присвоить себе это наслаждение, отнимая его у других. Горькое, тяжелое чувство сдавливает грудь при воспоминании о давно минувших несправедливостях и насилиях... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блестит уже новый день, что грядущие поколения ожи-

[1]) Добролюбов, Сочинения, т. I, стр. 468.
[2]) Там же, т. II, стр. 321.
[3]) Там же.

дает не принужденный труд без вознаграждения, а свободная, живая деятельность, полная радостных надежд на собрание плодов, на неот'емлемую, собственную жатву того, что посеяно. Скорее же прочь все остатки отживших свое время предрассудков. Своекорыстные расчеты и привычная лень должны умолкнуть пред величием общего начинания ко благу человечества» [1]). Прозвучавший здесь оптимизм автора нельзя об'яснить тем, будто бы Добролюбов, вспоминая тяжелые времена крепостничества, удовлетворен современной жизнью. Нет, такого отношения к действительности у него мы нигде не находим. В вышеприведенной цитате автор выражает глубокую веру в победу труда. Эту победу труда он предвидит в ближайшем будущем, ибо, исходя из анализа существующих социальных отношений, он приходит к выводу о неизбежности гибели того строя, который связан с эпохой крепостного права. Ему кажется, что с падением помещиков крестьянский труд получит освобождение. Но здесь Добролюбов на время забывает, что последующая историческая эпоха, а именно— эпоха промышленного капитализма также ведет к эксплоатации труда как в городе, так и в деревне. Добролюбов еще не совсем понимает, что освобождение крестьянского труда в условиях капитализма невозможно и что освобождение всякого труда возможно лишь в условиях уничтожения всякой эксплоатации, т.-е. в условиях социалистического общества.

Добролюбов справедливо утверждает, что степень цивилизации народа определяется тем, в каком именно положении находится труд в данном обществе. Невежественные народы, у которых грабеж служил важнейшим средством существования, относились к труду с презрением. В древнем мире получили права гражданства только некоторые виды труда, при чем физический труд был предоставлен рабам. При феодализме признавались приличными умственные занятия, а остальные работы пренебрегались. Только «в новой истории совершилось признание всякого труда». Однако и здесь труд не оценивается по его полезности. «Но до сих пор,—говорит Добролюбов,—ни одна страна еще не достигла до уменья правильно оценивать труд, вполне соответственно его полезности. Часто пользуются почетом занятия вовсе непроизводительные и пренебрегаются труды в высшей степени полезные. Дармоедство теперь прячется, правда, под покровом капитала и разных коммерческих предприятий, но тем не менее оно существует везде, эксплоатируя и придавливая бедных тружеников, которых труд не оценивается с достаточной справедливостью. Ясно, что все это происходит именно от того, что количество знаний, распространенных в массах, еще слишком ничтожно, чтобы сообщить им правильное понятие о сравнительном достоинстве предметов и о различных отношениях между ними. Оттого-то, отвергши и заклеймивши грабеж под его собственным именем, новые народы все-таки не могут распознать того же самого грабежа, когда он скрывается дармоедами под различными вымышленными именами» [2]).

Таким образом Добролюбов считает, что в современном обществе признан всякий труд, что этот труд еще не свободен, неправильно оценивается и эксплоатируется и что, наконец, одной из причин такого положения труда является ничтожный уровень культурного развития трудящихся масс. Последние еще не понимают сущности исто-

[1]) Сочинения, т. I, стр. 353.
[2]) Сочинения, т. II, стр. 322.

-рического процесса, общественных отношений и законов эксплоатации. Для освобождения труда необходимо образование, которое помогло бы трудящимся массам ориентироваться в окружающей действительности и правильно наметить путь борьбы за новое общество, где не было бы никакой эксплоатации. Образование само по себе не может уничтожить дармоедство, но, несомненно, способствует его уничтожению. «Нигде дармоедство не исчезло,—заявляет Добролюбов,—но оно постепенно везде уменьшается с развитием образованности»[1]). Это заявление еще раз подчеркивает, что Добролюбов не переоценивает исторической роли образования, но что вместе с тем он не допускает и того, чтобы роль образования свести к нулю.

Вслед за французскими материалистами XVIII века Добролюбов осуждает роскошь, называя ее выражением социальной безнравственности, по той причине, что она является результатом эксплоатации, указывая «на то печальное положение общества, при котором кровь и пот многих тружеников должны тратиться для содержания одного дармоеда»[2]).

Добролюбов обладает универсальными познаниями в области истории. У него не преобладает узкий интерес только к специальной истории—к истории какой-нибудь одной страны и одной эпохи. Он затрагивает вопросы общей истории человечества. Его одинаково занимает классовая борьба как в древнем мире, так и в эпоху средневекового феодализма и в современном капиталистическом обществе При этом особенное внимание он обращает на революционное движение в истории, неоднократно подчеркивая свое явное сочувствие всякой революции, направленной против отмирающих, реакционных сил общества. Говоря о революционных переворотах в прошлом, Добролюбов недвусмысленно намекает на неизбежность революции и в России.

Приведем несколько примеров. Разбирая историю восстания Катилины против Юлия Цезаря, Добролюбов не соглашается с тем утверждением, будто это восстание было вызвано личными качествами Катилины. Последний опирался на известные классовые силы общества. На стороне Катилины был народ, тогда как Цезарь, стоявший у власти, представлял интересы аристократии. Но что такое Добролюбов понимает под народом? В некоторых местах наш писатель выражается довольно определенно. Он указывает, что Катилина пользовался поддержкой плебеев и не хотел устанавливать связь с рабами. Главные силы восставших находились в провинциях и в римских колониях. Катилина выдвинул демократическую программу: он требовал «открыть дорогу к власти» каждому свободному гражданину. Эта программа была направлена против господства аристократов, но совершенно не предусматривала уничтожения основ древнеримского общества—рабовладения. Она явилась результатом борьбы плебеев против патрициев. Цитируя древне-римского автора Саллюстия, современника Цезаря, Добролюбов приводит две выдержки из речей Катилины, свидетельствующие о настроении участников восстания. «Мы должны вооружиться за свою свободу,—говорит Катилина.—С тех пор, как несколько аристократов заменили и суд и всякую власть в республике, им платят свои дани и цари, и правители, им идут деньги от всех народов и государств; а мы все остальные, при

[1]) Сочинения, т. II, стр. 321.
[2]) Там же, стр. 322.

всей своей деятельности и доблести, и незнатные и знатные, одинаково осталися затертыми в толпе, без всякой силы и влияния, мы рабы пред ними, тогда как могли бы страшить их, если бы республика была в силе. Можно ли сносить спокойно, что они отличаются богатством, которое расточают на постройку зданий на море и на срытие гор,—а у нас нет средств для самого необходимого; у них по два дома или более, а у нас своего угла нет?..» [1]). В другой речи Катилина призывает население к оружию, призывает «сражаться за отечество, за свободу, за жизнь», тогда как враги его «совершенно напрасно бьются для господства немногих аристократов». Воспроизводя некоторые места из речей Катилины, Добролюбов хочет подчеркнуть демократические устремления вождя восстания, не только «одно желание чужого имущества, а также и сочувствие к народу и ненависть к аристократам, захватившим правление в свои руки» [2]). Мы сейчас не занимаемся тем, насколько Добролюбов правильно понимает историю древнего Рима. Наш писатель не располагал еще достаточными источниками, чтобы можно было избежать ошибок при оценке отдельных исторических событий. Для нас важно то, что Добролюбов, рассматривая определенный период истории Рима, **видит в тогдашнем обществе классовую борьбу**. Именно с этой точки зрения он подходит к анализу истории восстания Катилины, несмотря на то, что документы, которыми располагал автор, чрезвычайно запутывали вопрос, стараясь свести предпосылки восстания к личному произволу вождя.

Особенно много останавливается Добролюбов иа классовой борьбе в капиталистическом обществе. В своей статье: «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» он говорит о промышленном перевороте в Англии в конце XVIII в. и о тех политических последствиях, которые были вызваны этим промышленным переворотом. Изобретение Уатта, Аркрайта и др. способствовали повышеиию производительности фабричного труда. Из всех отраслей промышленности Англии особенно сильно развилось хлопчатобумажное производство. Одиночная работа ремесленников была подорвана с введением машины. Многие ремесленники превратились в иаемных рабочих, продавая свою рабочую силу капиталистам. Вследствие беспрерывного процесса разрушения мелкого ремесленного производства, которое не было в состоянии конкурировать с крупиой промышленностью, увеличивалось предложение рабочих рук, тогда как спрос на рабочую силу, благодаря изобретению машин, уменьшался. Росла армия безработных, падала заработиая плата тех, кто был занят в производстве, рабочие оказались «в совершенной зависимости от капиталистов». Положение рабочего класса было беспомощным и безвыходным. Конкуренция между капиталистами-промышлениками, имевшая в своей основе стремление улучшить и удешевить производство, еще более ухудшала состояние рабочих. «Таким образом, товары все падали в цене, а сообразно с тем понижалась и заработиая плата» [3]). Среди рабочих «господствовало чувство неприязни и скрытого озлобления против капиталистов-хозяев» [3]). «Такое расположение рабочего класса,—указывает Добролюбов,—много вредило успешному ходу дел на фабриках и еще более внушало хозяевам

[1]) Сочинения, т. I, стр. 434—435.
[2]) Там же, стр. 435.
[3]) Сочинения, т. IV стр. 34.

какой-то неопределенный страх перед недовольными массами. Они чувствовали, что беспощадная эксплоатация рабочих сил может иметь конец не совсем приятный для самих капиталистов; но, несмотря на это сознание, им никак не хотелось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своих барышей для увеличения материальных средств рабочего класса. Им бы хотелось как-нибудь приискать средство эксплоатировать работника так, чтобы им было от этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрести игру, в которой бы все играющие оставались в выигрыше. Такую именно игру увидели эти люди в проектах Оуэна, и в этом заключается тайна его первых успехов в среднем классе общества» [1]). Таким образом, Добролюбов рассматривает проекты Оуэна, как попытку промышленной буржуазии не уничтожить, а только замаскировать эксплоатацию рабочего класса. Это показывает, что Добролюбов отнюдь не был солидарен с утопическими проектами переустройства общества. Вот как характеризует он политическую деятельность Оуэна: «...борьбу свою предпринял он совершенно безрассудно и в продолжение ее выказал много раз свое наивное добродушие. Этот чудак вздумал преобразовать Англию, Европу, целый мир:— и в чем же? в деле самом священном, самом милом для человеческих сердец, в деле личного интереса. Он хотел безделицы: чтобы лентяи и плуты не имели возможности обогащаться на счет чужого труда и чтобы дураки не могли записывать в преступники людей, не согласных с их мнениями... И наивный упрямец никак не хотел убедиться, что подобное предприятие безумно, что тут никакого успеха нельзя ожидать...» [2]). Такую мысль Добролюбов повторяет и в другом месте: «Все производя из обстоятельств,—говорит он,—Оуэн надеялся, что привычки эти легко будут забыты при новой обстановке, созданной им. Но и тут он был слишком легковерен и самонадеян: он выступал на борьбу с целым светом, противопоставляя свои вновь изобретенные условия жизни тем всемирным условиям, которыми до того определялась жизнь человеческая. Он считал нелепыми все эти условия; но он сам был нелеп, воображая, что эти освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом» [3]). Эти выдержки показывают в достаточной степени отрицательное отношение Добролюбова к утопическим идеям Оуэна. Наш писатель понимает, что переустройство общества можно совершить не путем добрых пожеланий одного лица, хотя бы самого гениального и авторитетного, а путем непримиримой борьбы угнетенного класса против эксплоататоров, приводящей неизбежно к революционному перевороту.

Промышленное развитие Англии в конце XVIII века сопровождалось политической победой буржуазии над земледельческой аристократией. «Английская аристократия,—говорит Добролюбов,—вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности Англии. С одной стороны, была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой—капитал и индустриальные стремления» [4]). «Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов пред земледельческими,—продолжает он,—сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах, значение поземель-

[1]) Сочинения, т. IV, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 43.
[4]) Там же, стр. 35.

ной аристократии падало, и коттон-лорды, владельцы больших хлопчатобумажных фабрик, сделались наконец опасными соперниками лэндлордов, поземельных владельцев» [1]). Добролюбов неоднократно подчеркивает, что в Англии с развитием промышленного капитализма «была во всей силе борьба буржуазии с аристократией». Таким образом, наш писатель, характеризуя эпоху промышленного переворота в Англии, все время рассматривает историю английского общества, как историю классовой борьбы. Он правильно отмечает классовый антагонизм между феодальной аристократией и буржуазией, с одной стороны, между буржуазией и пролетариатом, с другой. Буржуазия, выступая против феодального общества, является революционным классом до тех пор, покуда не захватывает власть. После этого она превращается в реакционную силу, против которой выступает пролетариат. «Прежде городские общины,—рассказывает Добролюбов,—боролись с феодалами, стараясь получить свою долю в благах, которые человечество, в своем прогрессивном движении, завоевывает у природы. Города отчасти успели в этом стремлении, но только отчасти, потому, что в правах, им, наконец, уступленных, только очень ничтожная доля взята была действительно от феодалов; значительную же часть этих прав приобрели мещане от народа, который и без того уже был очень скуден. И вышло то, что прежде феодалы налегали на мещан и на поселян, не избавив их и от феодалов. И вышло то, что рабочий народ остался под двумя гнетами: и старого феодализма, еще живущего в разных формах и под разными именами во всей Западной Европе, и мещанского сословия, захватившего в свои руки всю промышленную область. И теперь в рабочих классах накипает новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней» [2]). Под мещанским сословием автор здесь понимает ту часть городского населения, которая, по мере развития городов, превратилась в торговую и промышленную буржуазию и которая вела длительную борьбу с феодалами за свою политическую и экономическую самостоятельность. Несмотря на то, что со временем классовое господство перешло от феодалов к буржуазии, остатки феодализма в Западной Европе сохранились и в период промышленного капитализма. Тут немалую роль сыграло соглашательство буржуазии с феодалами, в то время, когда капиталисты, захватив политическую власть в свои руки, почувствовали опасность со стороны пролетариата, который начал активную борьбу против своих эксплоататоров. «Самая борьба городов с феодализмом,—справедливо замечает Добролюбов,—была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред той и другой стороною разница между буржуазией и работником. Как только это различие было понято, обе враждующие стороны стали сдерживать свои порывы и даже делать попытки к сближению, как бы в виду нового, общего врага. Это повторилось во всех переворотах, постигших Западную Европу, и, без сомнения, это обстоятельство было очень благоприятно для остатков феодализма, как для партии уже ослабевшей. Но для **м е щ а н** эти робость, сдержанность и уступчивость были вовсе невыгодны: вместо того, чтобы окончательно победить слабевшую партию и истребить самый принцип, ее поддерживавший, они дали ей усилиться, из малодушного опасения, что придется поделиться своими правами с остальною массою народа. Вследствие

[1]) Сочинения, т. IV, стр. 35.

[2]) Сочинения, т. III, стр. 190 191.

таких своекорыстных ошибок, остатки феодализма и принципы его, произвол, насилие и грабеж, до сих пор еще не совсем искоренены в Западной Европе, и часто сказываются то здесь, то там в самых разнообразных, даже цивилизованных формах...» [1]). Таким образом, Добролюбов отмечает не только противоречия между феодальной аристократией и буржуазией, но и родственную природу указанных классов. Такой родственной природой их является эксплоататорская сущность, благодаря которой при известных исторических условиях они и могли притти к обоюдному соглашению. Напротив, соглашение между буржуазией и пролетариатом невозможно ни при каких условиях, ибо указанные классы являются по самому своему существу непримиримыми врагами, стоящими друг против друга, как эксплоататоры, с одной стороны, и эксплоатируемые, с другой. Добролюбов глубоко убежден, что паллиативные меры, выдвигаемые реформистами, не могут разрешить этого противоречия и что последнее может разрешиться только в процессе революционного переворота со стороны пролетариата.

Добролюбов критикует взгляды Бабста, который надеялся спасти Европу от пролетарской революции посредством, так называемых, «отрицательных уступок» со стороны капиталистов, т.-е. путем обещаний не бить, не грабить, не морить с голоду и т. д. Наш писатель категорически утверждает, что «ни гласность, ни образованность, ни общественное мнение в Западной Европе не гарантируют спокойствие и довольство пролетария» [2]). Образование не может уничтожить эксплоатации. Добролюбов ссылается на историю, которая показывает, что «с развитием просвещения в эксплоатирующих классах только форма эксплоатации меняется и делается более ловкою и утонченною, но что сущность все-таки остается та же, пока остается попрежнему возможность эксплоатации» [3]).

Насколько наш писатель враждебно относится к реформизму, показывает следующая его мысль: «Как будто можно для фабричных работников считать прочным и существенным те уступки, какие им делаются хозяевами и вообще капиталистами, лордами, баронами и т. д. Милостыней не устраивается быт человека; тем, что дано из милости, не определяются ни гражданские права, ни материальное положение. Если капиталисты и лорды сделают уступку работникам и фермерам, так—или такую, которая им самим ничего не стоит, или такую, которая им даже выгодна... Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ,—все права ставятся ни во что и будут ставиться до тех пор, пока сила и власть общественная будут в их руках...» [3]). Здесь Добролюбов обрывает свою мысль на полуслове: он не договаривает относительно перехода «силы и власти общественной» из рук эксплоататоров в руки пролетариата. Но из вышеприведенной выдержки, несомненно, вытекает, что автор предвидит в будущем захват власти пролетариатом, как неизбежный результат развития и гибели капиталистического общества со всеми его классовыми противоречиями. Поэтому Добролюбов высказывается против всяких соглашений с эксплоататорами, приходя к выводу, что требования пролетариата могут быть удовлетворены не посредством милостыни и половинчатых уступок буржуазии, а посредством низвержения эксплоататорского строя. Только тяже-

[1]) Сочинения, т. III, стр. 198-199.
[2]) Там же, стр. 192.
[3]) Там же, стр. 191.

лые условия царской цензуры заставляли Добролюбова облекать свои революционные мысли в осторожные формулировки. Может быть, при других обстоятельствах он дал бы совершенно ясную формулировку относительно захвата власти пролетариатом. Что же касается устройства будущего общества, то по этому вопросу, к сожалению, он почти не высказывается.

Добролюбов был последовательным революционером. Какую бы историческую эпоху он ни рассматривал, он, как указано выше, всегда сочувственно относился к революционным переворотам, усматривая в них прогрессивный шаг вперед исторического движения. Для него революция есть скачкообразный переход данного общества на высшую степень развития. Занимаясь вопросами текущей политики, Добролюбов, между прочим, внимательно следил за революционным движением в Италии. Этому вопросу он посвятил несколько статей: «Непостижимая странность», «Из Турина», «Отец Александр Гавацци и его проповеди», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура». Указанные статьи свидетельствуют о глубокой политической проницательности автора, умевшего разбираться в тончайших вопросах дипломатии западно-европейских государств. На протяжении многих страниц Добролюбов правильно подчеркивает контрреволюционную роль пьемонтского министра Кавура, который был ставленником реакционных правительств Европы и который вел решительную борьбу с Гарибальди. При анализе причин революции наш писатель приходит к выводу, что успех Гарибальди был обусловлен не личными качествами вождя, а тем, что в революционном движении принял участие народ. Он понимает, что эта революция, выдвинувшая лозунг свободы и единства Италии, является буржуазной, будучи направлена против феодального уклада страны. Несмотря на буржуазный характер этой революции, Добролюбов ее приветствовал, как прогрессивный исторический факт. Тут он приближался к оценке Маркса и Энгельса, которые также положительно относились к итальянской революции.

Говоря о перспективах исторического развития России, Добролюбов отвергал теорию самобытности и доказывал, что и Россия должна пройти стадию промышленного капитализма наподобие Западной Европы. Сопоставляя крепостничество с буржуазным обществом, он правильно усматривал прогрессивный характер последнего по сравнению с первым. Поэтому он не колебался перед тем, чтобы открыто и решительно признать благотворное значение капитализма для российского общества 60-х годов. «Мы еще более желаем,—пишет он,—чтобы Россия достигла до того, что теперь есть хорошего в Западной Европе, и при этом убереглась от всех ее заблуждений, отвергла все, что было вредного и губительного в европейской истории; но мы не смеем утверждать, что это так именно и будет...» [1]).

Добролюбов уверен, что Россия, как и Западная Европа, пойдет по пути капиталистического развития. Принимая во внимание эту историческую необходимость, он хотел бы, чтобы при усвоении положительных сторон капиталистической культуры можно было бы учесть ошибки и заблуждения западно-европейских государств для устранения их в нашей стране. Но в то же время он понимает, что это не всегда будет достигнуто. «Да, счастье наше, — говорит он, — что мы позднее других народов вступили на поприще исторической

---

[1]) Сочинения, т. III, стр. 190.

жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно, и даже нисколько не прискорбно для нас... Что и мы на пути своего будущего развития не совершенно избегнем ошибок и уклонений,—в этом тоже сомневаться нечего. Но все-таки наш путь облегчен; все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное,—мы можем и должны итти решительнее и тверже потому, что уже вооружены опытом и знанием...» [1]).

Таким образом у Добролюбова мы находим следующие мысли. Историческое развитие России по сравнению с Западной Европой не представляет нечто самостоятельное, особенное, оригинальное. Наша страна проходит через те же этапы, через которые успели пройти культурные государства Европы. Это об'ясняется тем, что история не есть беспорядочный набор случайных событий и явлений, а есть выражение строгой закономерности. Различные части человеческого общества в каждый данный момент стоят на различных ступенях исторического развития, тем не менее все они развиваются по определенным историческим законам. Поэтому отсталые народы и государства в своем развитии идут уже по проторенному пути вслед за передовыми странами, но имеют и свои особенности. Однако эти особенности не так сильны, чтобы могли отклонить ту или другую страну от общего направления развития человеческого общества. Россия в этом отношении не представляет исключения. В основном она повторяет то, что уже пережито передовыми государствами Европы. Пройдя стадию феодализма, она неизбежно должна пройти стадию промышленного капитализма, на уровне которого стоят современные цивилизованные страны. К этому толкают Россию законы ее внутреннего развития. Но, имея перед собою опыт капиталистического общества Западной Европы, она может использовать этот опыт и пройти фазис капитализма сравнительно ускоренным темпом. Если возможно укоротить в отношении времени эпоху капиталистического развития России, значит возможно скорее притти к пролетарской революции. Именно таким революционным оптимизмом дышат вышеприведенные строки Добролюбова: «все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе».

Ленин ценил Добролюбова, как революционера. Говоря о демонстрации студентов в 1901 году по поводу запрещения генерал-губернатором вечера в память сорокалетия со дня смерти этого смелого борца и выдающегося публициста 60-х годов, он указал, что Добролюбов был «дорог всей образованной и мыслящей России, как писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок»,—против самодержавного правительства» [2]). Если Добролюбов был дорог для революционно-демократических слоев русского общества, он оставался ненавистным для либералов и всех других группировок классового врага. Известен резкий выпад Герцена против Чернышевского и Добролюбова в его

---

[1]) Сочинения, т. III, стр. 202. Разрядка наша. П. П.

[2]) Ленин, Сочинения, Госиздат, 1927 г., изд. 2. т. IV, стр. 346.

статье: «Лишние люди и желчевики». С нескрываемым презрением выступал и Тургенев, который указывал, что «в статьях Добролюбова виден инквизиторский прием осмеять, загрязнить всякое увлечение, все благородные порывы души писателя, что он возводит на пьедестал материализм, сердечную сухость и с нахальством глумится над поэзией» [1]). Тургенев призывал буржуазно-дворянскую общественность «употребить все усилия, чтобы избавить русскую литературу от кутейников-вандалов», т.-е. от Чернышевского и Добролюбова. Либералы ненавидели этих революционных демократов, ибо справедливо видели в них своих классовых врагов. Но для нас имя Чернышевского и Добролюбова остается дорогим и незабвенным.

Монополистический капитализм и политическая экономия[1]).

(К вопросу об исторических корнях современной экономии).

З. Атлас.

I. Экономика и экономия.

Закономерность эволюции политической экономии—это другая сторона закономерности эволюции капиталистического хозяйства. Взаимоотношения экономии (т.-е. политической экономии) и экономики сводятся к взаимоотношению «надстройки» и «базиса». Политическая экономия есть наука и, как таковая, составная часть идеологии соответствующей данной классовой психологии. Однако особенность экономии, как элемента идеологии, заключается в том, что об'ектом ее изучения служит сам «базис»—экономика. Это, так сказать, «базисная надстройка», т.-е. надстройка, в которой сравнительно с некоторыми другими областями идеологии более отчетливо представлен «базис» со всеми его противоречиями.

Давая социологическую характеристику тех или иных систем политической экономии, нет надобности заниматься «поисками» экономии, ибо эта последняя перед вами налицо, и сам материал говорит за себя, иллюстрируя связь между теоретическим знанием и экономическим фундаментом, его определяющим. В этом не трудно убедиться, если под углом зрения исторического материализма подойти к любой теоретико-экономической системе.

Так, если у Стаффорда в его знаменитом диалоге дворянина, купца и врача совершенно отсутствует промышленный капиталист, то разве уже одно это не говорит отчетливо о том базисе, на котором построена политическая экономия, как идеология того времени?

И если, в качестве яркого образца преимущества промышленности над индивидуальным производством ремесленника или кустаря, А. Смит берет булавочную мануфактуру, то совершенно ясно, что эта иллюстрация прямо указывает на «базис» данной теории [2]).

И, далее, все тот же материал исследования и иллюстраций накладывает яркую печать и на «Начала политической экономии и податного обложения» Д. Рикардо, поскольку здесь уже целые главы посвящены машинам, и именно противоречия между живым

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2]) Исследование В. Позднякова на основе более ранних чем «Богатство народов», «Лекций» А. Смита полностью подтвердило этот «мануфактурный уклон» экономических исследований А. Смита (См. В. Поздняков, У истоков трудовой теории ценности,—«Под Знаменем Марксизма» № 12 за 1925 г.).

и мертвым трудом (постоянным и повременным капиталом) и законом трудовой ценности поставили перед неразрешимой задачей этого гениального экономиста прошлого века.

Чтобы не забегать вперед, мы не будем приводить соответствующих иллюстраций из новейшей истории политической экономии, но эта последняя, как будет показано ниже, если правильно понять материал ее исследования, дает столь же отчетливое представление о тесной связи экономики и экономии.

Установленную Марксом связь основных элементов всякой общественной системы Г. Плеханов [1]) выражает в виде следующей широко распространенной схемы:

1) Состояние производительных сил.

2) Обусловленные им экономические отношения.

3) Социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе».

4) Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5) Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.

Эта монистическая формула, «насквозь пропитанная материализмом», как говорит Плеханов, не отрицает, конечно, возможности и даже необходимости взаимодействия между всеми звеньями.

Политическая экономия также не дает только фотографии бытия, не является пассивным фактором, но в свою очередь оказывает могучее влияние на развитие производительных сил и производственных отношений. Так, например, если появление классической школы политической экономии в Англии было целиком и полностью экономически обусловлено (как это признается не только марксистами, но и всеми солидными исследователями истории политической экономии и английского народного хозяйства), то совершенно очевидно, что, с другой стороны, развитие и популяризация выдвинутого ею принципа «laisser faire, laisser passer» привело к мощному росту производительных сил и обусловило дальнейшую эволюцию политической экономии. Кобден со своей «Лигой свободной торговли» добился отмены хлебных законов, а вместе с тем и раскрепощения английского промышленного капитализма. Но Кобдена трудно себе представить без Рикардо, как немецкий протекционизм без Листа—этого родоначальника старой исторической школы.

Еще С. Булгаков говорил, что «политическая экономия, как и социальная наука вообще, представляет собой единство экономической теории и экономической политики» [2]), и в этом он был совершенно прав. «Чистой», т.-е. не связанной с классовой психологией и интересами, и в этом смысле «абстрактной», политической экономии не существует точно так же, как не существует «чистой» философии или «чистого» искусства.

Если «политика», т.-е. классовое строение общества, оформленное в определенного типа государственном аппарате, накладывает печать на те или иные виды идеологии, то в отношении политической экономии (и само название «политическая» не случайно укоренилось,.

---

[1]) «Основные вопросы марксизма», Петроград 1917 г., стр. 96.

[2]) «Философия хозяйства», стр. 291.

несмотря на трансформацию значения этого термина), эта связь науки и «политики» еще более интимна и явственна.

Хотя каждый современный ученый экономист всегда торжественно заявляет о чисто об'ективных и «абсолютно научных» (т.-е. внеполитических) задачах исследования, но никогда еще и нигде ни одна экономическая теория не оставалась индифферентной к проблемам классовой экономической политики. И если даже сам автор не говорит об этой последней, то его теория сама говорит за себя.

Возьмем в качестве иллюстрации богатейшую, количественно и качественно, литературу о сущности денег. Кнапп [1]), конечно, ставил себе «чисто» научные цели—вскрыть сущность денег, но номинализм (точнее харталлизм), который он обосновал, является основой государственной политики, именно денежной политики, вокруг которой скрещиваются многообразные классовые и внутриклассовые интересы и антагонизмы. Номинализм и металлизм являются одновременно и теорией и политикой [2]); нет политики денежного обращения, которой бы не была созвучна та или иная денежная теория, и, наоборот, нет денежной теории, которая бы не решала одновременно с «абстрактно» теоретическими и кардинальные вопросы денежной политики, не давала бы для этой последней основного руководящего принципа.

Рикардо был главой Currency School («школа обращения») и одновременно в «Bullion Committee» («Комитет слитков») защищал принципы денежной политики, вполне соответствующие и вытекающие из абстрактно обоснованной им количественной теории. Его знаменитый памфлет «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банкнот» [3]), представляет собой яркий образчик синтеза экономической теории и экономической политики.

Другой пример. Английская промышленная буржуазия (в парламенте—виги) первой половины XIX века, именно базируясь на теоретических принципах классической школы, вела борьбу с движением в пользу фабричного законодательства (поскольку это последнее являлось нарушением принципа «laisser faire»), и потребовалось давление целой группы ториев, как лордов Shaftesbury, Fielden'a, Oastler'a и др., чтобы провести через парламент ряд фабричных законов [4]). Эти примеры мы могли бы во много раз умножить...

Установив единство экономической теории и экономической политики, мы хотели бы внести некоторое уточнение в приведенную плехановскую схему. Пять элементов этой последней не следует рассматривать, как «ступеньки», т.-е. как последовательную зависимость одного элемента от другого. Производительные силы лежат, конечно, в основе социального единства, но экономическая структура общества, которая непосредственно связана с произво-

[1]) «Staatlische Theorie des Geldes», IV Aufl., München u. Leipzig, 1923.

[2]) Этот тезис вполне доказан А. Эйдельмант в ее статьях «Предшественники новейшего номинализма» и «Номиналистическая теория денег и монополистические тенденции» в журнале «Социалистическое хозяйство», № 3 за 1925 г. и № 4 за 1926 г.

[3]) Д. Рикардо. Экономические памфлеты. Перев. с английского, под редакцией и с предисловием С. Б. Членова. Изд. «Московский Рабочий», 192..

[4]) См. B. Hibbins, The industrial History of England. 25 ed., pp. 185, 1..

дительными силами, по-разному связывается с элементами «надстройки».

Нельзя сказать, что общественная психология или идеология непосредственно соответствуют или отражают политический строй и лишь косвенно (через этот последний) связаны с экономическими основами общества.

Маркс говорит об «экономической структуре общества», как «реальном основании, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще» [1]) (подчеркнуто нами.—З. А.).

Здесь нет этой ступенчатости «надстройки» [2]). «Определенные формы общественного сознания» соответствуют «экономической структуре общества» так же, как и «политическая надстройка». В отношении к «базису» оба звена, так сказать, равноправны, но, конечно, взаимосвязаны постольку, поскольку обусловлены одной и той же основой.

Для нас этот корректив необходимо было внести потому, что в случае теории «ступенчатой» связи элементов «надстройки» нельзя правильно понять эволюцию политической экономии, как науки, как идеологии. В этом случае нам нужно было бы противопоставлять друг другу экономическую теорию и экономическую политику и признать prius последней, в то время как в одних случаях экономическая теория действительно только обосновывает («подпирает») уже сложившуюся систему экономической политики, а в других случаях ею выдвигаются новые принципы экономической политики, которые в дальнейшем усваиваются практикой господствующего класса или его группировок. Поэтому нельзя ставить вопрос о том, что «ближе» к «базису»—экономическая теория или экономическая политика. Когда первая только «подпирает» последнюю (как было с исторической школой в Германии), то обе они на «одинаковом расстоянии»; когда же экономическая теория выдвигает новые принципы экономической политики (классическая школа в Англии), то можно только сказать, что налицо противоречие между существующей системой экономической политики и той, которая диктуется в соответствии с линией развития производительных сил экономической теорией. Здесь конфликт между развитием производительных сил и экономической политикой, и этот конфликт разрешается введением новой системы экономической политики, подготовленной уже развитием экономической теории [3]). Так, американские политики долгие годы держались прин-

[1]) «К критике политической экономии», изд. «Московский Рабочий», М. 1922, стр. 38.

[2]) Также и у Энгельса нет ступенчатой «надстройки». «Экономическая структура общества,—говорит Энгельс,—образует реальную основу, из которой в последнем счете должна быть об'яснена вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и иных идей каждого исторического периода» (Анти-Дюринг, Петроград 1918, стр. 24). «Равно как», подчеркнутое нами, говорит именно об отсутствии этой ступенчатости.

[3]) Государственная надстройка, а следовательно, и осуществляемые ею принципы экономической политики по природе своей консервативны, и нередко еще очень долго новые экономические отношения не в силах освободиться от старых политических рамок. Полемизируя с теорией prius'a политики над экономикой Дюринга, Энгельс ссылается на Англию и Францию и говорит: «В политическом отношении дворянство было всем, буржуа—ничем; по социаль-

ципа запрета монополистических соглашений, но экономика в конечном счете оказалась сильнее политики, и экономическая теория, осуждавшая такого рода политику, вполне соответствовала тенденциям экономического развития.

Классическая школа в Англии еще при меркантильной системе теоретически обосновала принципы свободной торговли, что и завершилось в конце концов торжеством фритредерской экономической политики.

Далее, экономическую политику не следует понимать узко только как государственную политику, как, например, протекционизм или свободную торговлю. Господствующий класс вовсе не обязательно должен проводить свою политику через государство. Он, конечно, во всех случаях пользуется силой своего давления на государственный аппарат, требуя от законодательства определенной линии поведения, но этим не исчерпывается понятие экономической политики.

Так, например, картелирование и трестирование являются несомненно выражением определенной экономической политики господствующего слоя буржуазии, но эта политика картелирования (политика монополии вообще) осуществляется помимо государства, от которого, как, например, в Америке, крупная промышленно-финансовая буржуазия потребовала лишь невмешательства в этот процесс, следовательно, возродила принцип «laisser faire», но совершенно в иных условиях и с иными результатами, ибо этот принцип в первой половине XIX века являлся ничем иным, как средством развития свободной конкуренции, а здесь применение этого принципа направлено к развитию противоположности—монополии, следовательно, той системы, с которой как раз боролась классическая школа.

Экономическая политика—это не только государственные мероприятия, но вся совокупность действий всего класса в целом или отдельных его частей, направленных на укрепление и развитие их экономической силы [1]). Если же учесть противоречия не только междуклассовых (буржуазия, пролетариат, землевладельцы) и внутриклассовых (крупная и мелкая, промышленная и финансовая буржуазия, бедняцкий и кулацкий слои крестьянства, рабочая аристократия и неквалифицированные массы рабочих) интересов, но и противоречия одного и того же класса в мировом хозяйстве [2]),

---

ному же положению буржуазия была теперь важнейшим классом в государстве. При таких условиях буржуазия в сфере производства оставалась еще долго втиснутой в феодально-политические формы средневековья» («Анти-Дюринг», Петроград 1923 г., стр. 146).

[1]) Поэтому мы считаем слишком узким, а потому и неправильным определение проф. М. Н. Соболевым экономической политики, как «совокупности мероприятий государственной власти, посредством которых она стремится влиять на хозяйственную жизнь» («Экономическая политика капиталистических стран», изд. «Пролетарий», 1925 г., стр. 6). Мы показали, что классовая экономическая политика, хотя и связана с «мероприятиями государственной власти» и определяет эти мероприятия, однако не исчерпывается только этими последними. Поэтому ближе к истине скорее определение Филипповичем экономической политики, как «вмешательства организованных общежитий, в особенности государства, в развитие народного хозяйства» (там же), но и оно неправильно, ибо игнорирует самое основное во всякой экономической политике—ее классовую сущность.

[2]) Давая сравнительную оценку классиков и исторической школы, Бухарин приходит к совершенно правильному выводу о том, что «социально-генетически и классики и историческая школа «национальны», ибо и то и другое направление

ю понятие экономической политики приобретает богатое и многообразное содержание.

Если рассматривать все мировое хозяйство, как единое капиталистическое общество, то в нем по всем этим трем линиям шла и идет непрерывная экономическая борьба за долю каждой социальной группы в общественном продукте и, прежде всего, за дележ прибавочной стоимости, создаваемой рабочим классом. Всякая экономическая политика в конечном счете направлена на то, чтобы увеличить долю данной группы в общественном продукте и подчинить этой цели развитие производительных сил.

Вот почему недостаточно апеллирование к классовой экономической политике вообще, но необходимо, если речь идет, например, о промышленной буржуазии, учитывать положение этой последней (которая политически всегда ограничена своей государственной системой) в мировой экономической системе.

Из нашего определения экономической политики вытекает с полной очевидностью, что экономическая политика всегда есть не что иное, как классовая борьба. Политическая же экономия, которая лежит в основе той или иной системы экономической политики, должна создать для представляемого ею класса и то «общественное настроение», которое необходимо для осуществления ее экономических притязаний или укреплений ее экономического господства. И отсюда та апология капиталистического строя вообще (и ее конкретные формы в данную эпоху и в данной стране), которая является необходимой чертой любой буржуазной теоретико-экономической системы.

Из сказанного ясно, что и апология есть не что иное, как экономическая политика, ибо она является мощным орудием классового господства, и, следовательно, так же необходима буржуазии в ее борьбе за свое экономическое господство, как и покровительственные тарифы или империалистические происки Стандарт-Ойль-Компании...

* * *

«Всякая наука,—говорит Бухарин,—рождается из практики, из условий и потребностей жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией или с другими общественными группами» [1],—и это, конечно, является общепризнанным положением марксистской социологии.

Но взятое в такой общей форме это положение еще не достаточно для выяснения социальной физиономии той или иной теоретико-экономической системы. В этой последней, в соответствии с вышеска-

суть продукты исторически и территориально ограниченного развития» («Политическая экономия рантье», 3 изд., Гиз, стр. 11). Однако, учитывать роль моментов «исторически и территориально ограниченного развития»—это отнюдь не равносильно отрицанию общих закономерностей общественного развития, независимо от конкретных условий последнего в каждой данной стране. Поэтому выдвинутый О. Шпенглером в «Закате Европы» национально-морфологический принцип оценки исторического развития, который еще у русского философа, предшественника Шпенглера, Н. Я. Данилевского нашел яркую и законченную формулировку («...все явления общественного мира,—говорит Данилевский,—суть явления национальные, и, как таковые, только и могут быть изучаемы и рассматриваемы»,—«Россия и Европа», 3 изд., 1888 г., стр. 170),—диаметрально противоположен точке зрения исторического материализма. Национальные особенности для последней есть лишь не более, чем момент обще-социальных закономерностей развития.

[1] «Теория исторического материализма», стр. 181.

занным, мы должны различать два момента, которые тесно переплетены друг с другом.

Во-первых, выражая определенную классовую психологию, политическая экономия всегда подходит к анализу «экономической механики» социального целого, под углом зрения этого класса (или его определенной группировки), и именно этот подход определяет либо критику, либо апологию существующей экономической системы. Когда нужно было вести борьбу с задерживающими развитие производительных сил рогатками феодального строя, буржуазные экономисты выступили критиками этого последнего, но когда путь для развития капитализма оказался окончательно расчищенным, и на передний план выступили классовые противоречия иного порядка (буржуазия и пролетариат), буржуазные экономисты в лице, например, Сэя, Маклеода, Бастиа, Кэри и др., переходят от критики, т.-е. наступления, к апологии, т.-е. обороне. Они уже не нападают, но защищают тот строй, т.-е. ту систему производственных отношений, детищем которой они являются—капитализм.

Следовательно, экономисты всегда являются и критиками и апологетами, при чем, в зависимости от той или иной исторической обстановки, на передний план выдвигается либо тот, либо другой момент. Когда стала распространяться марксова революционная теория, буржуазная экономия перешла к наступлению—критике ее, но ясно, что здесь они придерживаются не более, чем тактического принципа «нападение—лучшая защита».

Таков Бем-Баверк с его развернутой критикой марксовой теории ценности, но ясно, что его критика не ставит себе никаких иных положительных задач, кроме одной единственной—доказать, что «в существе процента на капитал, таким образом, не лежит ничего, что делало бы его несправедливым или заслуживающим порицания», т.-е. защита того порядка вещей, который принес Бем-Баверку кафедру в Венском университете.

Однако если мы, установив единство различных теоретико-экономических систем, как идеологии одного определенного класса—буржуазии, хотим вскрыть и социально-генетически об'яснить различия между ними, то ссылка на апологию вообще (или на апологетическую критику) окажется совершенно недостаточным аргументом, ибо апологетическими являются все буржуазные теории.

Для выяснения этих различий мы не можем апеллировать к интеллектуальным особенностям отдельных авторов, но только к тому социальному материалу, который в данных конкретных условиях определяет об'ект апологии. В зависимости от исторических условий, то, что сначала было об'ектом критики, становится об'ектом апологии, а в дальнейшем развитии вновь об'ект апологии превращается в об'ект критики, и мы, следовательно, присутствуем при гегелевском «отрицании отрицания».

Буржуазная экономия родилась из отрицания (критики) феодальных монополий, перешла к апологии свободной конкуренции и заканчивает свое развитие критикой свободной конкуренции и апологией капиталистических монополий. Таков диалектический процесс и мы надеемся, нам удастся его проследить на ходе исторического развития новейшей политической экономии.

Но не только в разные исторические эпохи, но и в один и тот же период можно констатировать глубочайшие расхождения в апологетических настроениях буржуазных систем политической экономии. Так, несомненно, и Сисмонди и Бастиа суть буржуазные экономисты, но орудие критики Сисмонди как раз направлялось на об'ект апологии Бастиа и наоборот. Об'ясняется это противоречие очень просто. Процесс экономического развития раскалывает буржуазию, как единый класс, на ряд группировок, среди которых, прежде всего, может быть выделена мелкая буржуазия и противостоящая, эксплоатирующая и уничтожающая ее самостоятельность, — крупная промышленная буржуазия. Отсюда диаметральная противоположность двух указанных экономических систем.

Однако в дальнейшем анализе, говоря о буржуазной экономии, мы будем иметь в виду идеологию только руководящего слоя буржуазии, который господствует над всеми остальными ее слоями и, следовательно, во всем экономическом механизме общества. Естественно, что психология именно этого слоя буржуазии дает питательные соки для официальной экономической науки.

«Развитие политической экономии,—говорит Маркс,—и из нее самой вытекающего противоречия идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбы»[1]), и этот принцип служит основной руководящей нитью настоящего очерка. Развитие реальных противоречий капиталистического строя в корне изменяет как самый характер апологии и критики, так и все содержание экономической теории. Но это последнее не исчерпывается только апологией или критикой.

Если бы мы в качестве критерия выдвинули только этот момент апологии и критики, только эту, так сказать, сознательную или подсознательную целеустремленность буржуазной экономии, то мы не могли бы понять и об'яснить новейшей эволюции политической экономии. В этом случае можно притти к оценке австрийской школы, как «искусственного продукта, искусственного теоретического построения, порожденного потребностью, в противопоставлении системе марксизма своей законченной системы»[2]), которую мы находим в труде И. Блюмина. Конечно, процесс классовой борьбы стимулировал поиски новой и стройной экономической системы буржуазными теоретиками, но разве можно признать «искусственным», а следовательно, и случайным то, что три автора, совершенно независимо друг от друга—Джевонс, Вальрас и Менгер, в одно и то же время построили именно теорию предельной полезности, а не какую-либо иную «стройную» теоретическую систему?

Повидимому, то, что в поисках «системы» буржуазные экономисты в различных странах натолкнулись на один и тот же принцип предельной полезности, не может быть случайным, но должно иметь свое об'ективное основание. Чтобы открыть это «основание», недостаточно апеллировать только к идеологической борьбе на фронте экономической

[1]) Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III. стр. 389.

[2]) И. Г. Блюмин, Суб'ективная школа в политической экономии, т. I, М. 1928 г., стр. 56. Впрочем, мы находим у Блюмина и другое правильное об'яснение возникновения теории предельной полезности, о чем см. ниже.

ауки, как одной из форм (но не единственной формы) класовой борьбы, но необходимо обратиться к анализу новых задач кономической политики буржуазии.

Мы определили выше экономическую политику, как совокупность действий или мероприятий (осуществляемых через государственый аппарат или помимо его) всего класса в целом или отдельных его астей, направленную на укрепление и развитие их экономической илы, следовательно, прежде всего на увеличение их доли в общевенном продукте. Критика или апология представляют собой лишь дну сторону этой борьбы, а именно ее идеологичекую форму. Но критика или апология не самоцель, а средтво: они должны создать лишь подходящую общественную атмоферу для осуществления конечной цели этой борьбы—увеличения эксплоататорского пая буржуазии в совреенном обществе.

Политическая же экономия, как единство экономической теории экономической политики, должна дать ответ не только в общей орме о возможности такой эксплоатации, но и в конкретной орме—о путях такой эксплоатации. Она должна не олько доказать, что можно эксплоатировать, но и показать, как ужно эксплоатировать, какими методами с «минимумом затрат» ожно достигнуть «максимума результатов». И буржуазная политичекая экономия всегда и везде выполняла эту двоякую задачу: о-первых, оправдывала самую эксплоатацию вобще и, во-вторых, указывала те формы или выдвиала те принципы, которые могли дать при данных словиях максимальный эффект в этом направлении. Это единство экономической теории и экономической политики пронизывает собой все теоретико-экономические системы. Только этой точки зрения могут быть поняты и меркантилизм, и физиократизм, и классицизм, и историческая школа, и, наконец, австрийская школа, и все современные эклектические системы Маршаля, Кларка и др.

Старый апологет Маклеод был прав, когда он говорил, что «политическая экономия находит оправдание своим истинам в указаниях опыта» [1]). С этим «опытом» связаны самые архи-абстрактные «теоремы» буржуазной экономии, и свести эти последние к «опыту» задача марксиста-исследователя.

Буржуазная экономия, с одной стороны, постоянно питается этим «опытом», а, с другой стороны, является сама оружием этой борьбы, и в том случае, когда выдвигаемые ею принципы оказываются плохим оружием, происходит полная ревизия старых «истин», которые не соответствуют новому «опыту».

Следует оговориться, что выдвигаемый нами принцип анализа эволюции экономических теорий отнюдь не изобретен нами.

В «Политической экономии рантье» Бухарина весьма выпукло применен этот принцип при социологической оценке классической и исторической школ. Так, Бухарин полагает, что, «несмотря на то, что они (т.-е. экономисты классической школы.—З. А.) были выразителями интересов английског капитала, они говорили о законах хозяйственной жизни вообще» [2]).

---

[1]) Маклеод, Основания политической экономии. пер. Веселовского Спб. 1865 г., стр. 151.

[2]) «Политическая экономия рантье», 3 изд., Гиз, стр. 10.

Точно так же и историческая школа рассматривается Бухариным, как продукт отставшей, в сравнении с английской, немецкой промышленной буржуазии, «страдавшей самым чувствительным образом от конкуренции Англии [1]) (подчеркнуто нами.—З. А.). Следовательно, классическая и историческая школы разграничиваются Бухариным с точки зрения конкретных экономических интересов, а следовательно, и задач экономической политики буржуазии в различных странах и в различные эпохи. Этот метод единственно правильный и научный.

Если в оценке этих школ (классической и исторической) нет серьезных разногласий между марксистами, то социологическая оценка австрийской школы и современных направлений не лишена противоречивых взглядов [2]). Повидимому, это об'ясняется тем, что слишком уж незначительна та историческая перспектива, с которой мы можем подойти к оценке австрийской школы, а в особенности современных течений, где эта перспектива совсем исчезает.

* * *

Если взять обычную классификацию ступеней капиталистической эволюции — торговый, промышленный и финансовый (монополистический) капитализм,—то, поскольку между ними мы проводим водораздел, считая экономическую обстановку одного периода принципиально отличной от другого, постольку нам необходимо произвести соответствующий водораздел и в отношении эволюции политической экономии.

То, что эпохе торгового капитализма соответствует в общем так называемое меркантилистическое направление в политической экономии с его двумя последовательными ступенями—теориями денежного и торгового баланса,—является уже установленным фактом. Также установлено, что развивающемуся (но еще не закончившему свое развитие) промышленному капитализму в первой капиталистической стране—Англии соответствует теория классической школы.

Априорно можно сказать, что переход от конкуренто-промышленного к монополистически-финансовому капитализму должен был повлечь за собой коренное изменение и всего содержания буржуазной политической экономии. Этот поворот должен быть, во всяком случае, не менее резким, чем поворот от меркантилизма к классицизму.

Когда же этот поворот произошел и в чем именно он проявился? Ответ на этот вопрос дает сама буржуазная литература, в которой, как это будет показано ниже, мы имеем свидетельства некоторых экономистов, правильно уловивших новый дух экономии в соответствии с новым бытием капиталистической экономики.

Для того, чтобы охарактеризовать этот поворот в теории, нам необходимо хотя бы очень кратко изложить основы той теории, которая подверглась решительной ревизии в связи с новой экономической обстановкой, т.-е. классической школы. При этом нам по необходимо-

---

[1]) Ibidem.

[2]) См. критику различных точек зрения на этот вопрос — Бухарина, Марецкого, Эвентова и Вознесенского в I томе «Суб'ективной школы в политической экономии» И. Блюмина (стр. 54—58).

сти придется ограничить круг анализа только самыми основами теорий, но не всей системой.

Стержнем всякой экономической системы являются проблемы ценности (или цены), распределения (прибыль—процент—заработная плата—рента) и воспроизводства — кризисов. Основанием этого стержня системы может считаться теория ценности (базирующаяся на определенной формальной и принципиальной методологии), которая накладывает свою печать и в известной мере даже предопределяет (если система развивается последовательно—дедуктивно) решение всего комплекса основных экономических проблем. Вот почему анализ эволюции теории ценности—цены, выведенный на основе эволюции самой экономической действительности, дает ключ к пониманию эволюции теоретико-экономических систем в целом.

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, как и почему классическая теория ценности (и лежащий в ее основе принцип конкуренции) развилась в свое собственное отрицание, и на смену ей началось триумфальное шествие теории предельной полезности, закончившееся отрицанием всякой научной, выясняющей причинную зависимость явлений, теории. Но прежде всего несколько слов о социально-историческом фоне эволюции классической школы...

II. Закат классической экономии.

Английские экономисты классической школы явились певцами триумфального шествия промышленного капитализма, в результате создавших эпоху технических изобретений Уатта, Гаргривса, Аркрайта и Кромптона, изобретений, которые со времени Тойнби с полным основанием именуются «промышленной революцией» («Industrial Revolution»).

Правда, этот триумф уже с первых своих шагов был омрачен открытой борьбой рабочих, ссылавшихся на устарелый закон, запрещавший употребление машин, и, например, в результате беспорядков в Вильтшире и Соммертшире в 1802 году машины не были введены в суконном производстве этих округов. С другой стороны, в том же году появились «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 году опубликован первый труд Фурье, хотя основание его теории, как считает Ф. Энгельс, относится к 1799 году; наконец, 1 января 1800 года Роберт Оуэн, родоначальник кооперативного движения, взял на себя руководство фабрикой в Нью-Ланарке и приступил к осуществлению стяжавших ему историческую славу смелых социальных экспериментов.

Однако ни революционный протест против машин, как овеществленной формы новых социальных отношений, ни социально-утопические идеи и эксперименты Сен-Симона, Фурье и Оуэна не в силах были задержать той революции в социальных производственных отношениях, которая была неизбежным следствием технического переворота. «Если, следовательно,—говорит Ф. Энгельс,—около 1800 года соответствующие новому общественному строю конфликты только еще зарождались, то это еще более справедливо относительно средств их разрешения» [1]).

Капитализм явился мощным рычагом развития производительных сил, и момент «возмущения» производительных сил производ-

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1923 г., стр. 229.

ственными отношениями был еще впереди. Новая форма производственных отношений—капитализм—определила собой появление и, по мере роста капитализма, развитие и укрепление новой экономической доктрины, называемой «классической школой».

Все характерные черты учений Кенэ, Смита, Рикардо, которые резко отличали их от предшествующих и последующих экономических учений, общеизвестны, и мы ограничимся поэтому лишь тем, что оттеним те моменты, которые для контраста необходимы нам при анализе новейших экономических течений.

Если раньше в эпоху торгового капитализма единственной формой капиталистической прибыли была торговая прибыль, которая не имела непосредственной связи с промышленностью, а следовательно, и с трудом, то теперь, со второй половины XVIII века, положение резко изменилось.

Раньше при общей слабости торговых связей, при отсутствии удовлетворительных путей сообщения и необходимости совершать рискованные и длительные торговые походы в восточные страны, товары в этом капиталистическом обороте были в буквальном смысле редки, в установлении величины их ценности труд не мог играть той регулирующей роли, которая выпала на него в развитом меновом хозяйстве—промышленном капитализме.

Центром внимания идеологов торгового капитализма—меркантилистов была торговля, следовательно, обращение, и не было, с буржуазной точки зрения, никакого противоречия между учением о возникновении прибыли из обращения и действительностью.

Точка зрения обращения (и потребления) заменяется у классиков последовательной производственной точкой зрения, точкой зрения, прямо вытекавшей из того мощного роста производства, который имел место во второй половине XVIII и первой половине XIX веков.

Также и точка зрения монополий и всевозможных регламентаций хозяйственной жизни заменяется идеей свободной конкуренции и полного невмешательства государства в экономические отношения. Но свободный «экономический человек» («homo economicus»), как проявление высшей идеи «вечного разума», на самом деле был никем иным, как «средним бюргером того времени, превратившимся в буржуа, и его «природа» заключалась в том, что он производил продукты фабричным способом и торговал на почве господствовавших тогда исторически определенных отношений» (Энгельс).

Ставшая столь прозрачной, очевидной из самого «опыта» практика-капиталиста, связь прибыли и ценности с производством и трудом обусловила создание классической теории ценности и распределения Петти — Смита—Рикардо. Сокращение количества труда с введением крупного технически-дифференцированного, сначала ручного, затем машинного производства, давало возможность снижать цены товаров, расширять их сбыт, вытеснять с рынка продукцию ремесленников и кустарей и, наконец, увеличивать массу прибыли. Но это было возможно только при уничтожении всевозможных цеховых рогаток, как, например, закона об ученичестве, торговых монополий, хлебных пошлин и пр., которые задерживали процесс промышленно-капиталистического развития; то, что теории в качестве «незыблемых» и «есте-

ственных» принципов провозглашали классики,—на практике осуществила английская промышленная буржуазия в 1820—1850 гг.

С теорией ценности и распределения классиков тесно связано их учение о рынках и кризисах. Общеизвестен теоретический турнир между Мальтусом—Сисмонди, с одной стороны, Рикардо—Сэем, с другой стороны. По поводу этой дискуссии мы должны заметить только, что здесь спор шел отнюдь не между идеологами промышленной буржуазии, но в данном случае столкнулись интересы различных классовых группировок. И Мальтус и Сисмонди, которые доказывали невозможность «чистого» капиталистического общества, невозможность реализации прибавочной стоимости и, следовательно, неизбежность перманентного кризиса капитализма, выражали интересы классовой экономической политики, противоположные промышленной буржуазии. Их пессимизм—неверие в возможность прогрессивного капиталистического развития—являлся лишь теоретическим выражением вполне определенной классовой экономической политики, у Мальтуса—землевладельцев, у Сисмонди — мелкой буржуазии, самостоятельных мелких производителей, безжалостно растаптываемых «железной пятой» капитализма.

Сисмонди на континенте выступил с критикой «английского» промышленного капитализма и в мрачных красках нарисовал связанные с ним социальные бедствия. Это была вполне «континентальная» критика, ибо, как отмечает Туган-Барановский, положение ткачей на континенте, и в частности на родине Сисмонди—Швейцарии, где земледелие еще не было оторвано от ткачества, было несравненно лучшим, чем положение ручных ткачей в Англии. Но эта мелкобуржуазная критика капитализма в данном пункте целиком совпадала с лэндлордовской критикой Мальтуса [1]).

Итак, оппозиция классикам в экономической теории была классовой оппозицией. Спор, конечно, решился не теорией, но практикой, а именно мощным развитием промышленного капитализма. Победила теория прогрессивного класса, экономическая политика которого давала широчайший простор развитию производительных сил. Этим классом была промышленная буржуазия, а ее идеологами Смит—Сэй—Рикардо—Джемс Милль. Они оптимисты, для них нет социальных границ развитию производства; все наличные производительные силы могут быть полностью использованы, ибо та чисто социального порядка граница, которую выдвигали Мальтус—Сисмонди—Чомерс—Моффат, а именно спрос, расширяется в том же об'еме, в каком возрастает производство. Отсюда доктрина тождества спроса-предложения, замена обращения простым товарным обменом. «Производство никогда не может быть слишком быстрым по сравнению со спросом. Произ-

[1]) «В сущности. Рикардо и Мальтус, с полным основанием говорит Туган-Барановский,—явились выразителями двух соперничающих общественных классов. Мальтус, сочинения которого в высшей степени тенденциозны и всегда преследовали определенную политическую цель, выступил в защиту землевладельческого класса от тех нареканий в бесполезности, которым землевладельцы подвергались со стороны Адама Смита и его учеников. Такое отношение к общественной роли и значению земельной аристократии со стороны А. Смита вполне гармонировало с революционным характером той эпохи, во время которой А. Смит писал» (Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, изд. «Книга». 1923 г., стр. 168).

водство является причиной и единственной причиной спроса. Оно никогда не создает предложения, не создавая спроса в то же самое время и в том же самом об'еме» (Джемс Милль).

Единство спроса и предложения они подменяют их тождеством, следовательно, отождествляют товарное обращение (распадение Т—Т на Т—Д и Д—Т) с порстым товарным обменом (Т—Т). Отсюда— невозможность кризисов, их случайность, об'ясняемая не избытком, но исключительно недостаточностью производства отдельных продуктов.

Однако эта теоретическая ошибка имела под собой об'ективную экономическую почву. Капитализм еще находился, так сказать, в стадии формирования, и противоречия, присущие его развитию, еще не успели реализоваться в отчетливой, осязательной форме. Правда, и до Рикардо, «Principles» которого вышли первым изданием в 1817 году, и до Джемса Милля и Сэя, которые писали в течение первых двух десятилетий XIX века, уже имели место кризисы, но это были кризисы особого порядка, ибо они были вызваны чрезвычайными, по терминологии Бунятяна, экзогенными факторами. Таковы, например, кризис 1719 года в результате финансовых операций Джона Ло; английский кризис 1721 года, закончившийся крушением «Компании Южного Моря»; кризисы 1793 г. и 1810 г., вызванные наполеоновскими войнами. Факторы, нарушавшие равновесие экономической системы, шли извне, и, следовательно, они не могли ни подтвердить, ни опровергнуть той «естественной закономерности», которую, исходя из ложной теории воспроизводства Смита—разложения общественного продукта на V (переменный капитал) и M (прибавочная стоимость) и игнорирования C (постоянного капитала), проповедывали Рикардо—Сэй—Джемс Милль.

В этот начальный период развития промышленного капитализма если и были действительно какие-нибудь препятствия для развития производства, то это были пережитки устаревших экономических отношений—феодализма и цехового строя с его многочисленными регламентациями и монополиями.

Английский промышленный капиталист, вооруженный могучим средством экономической борьбы—техническими изобретениями,—требовал только одного—свободы производства и сбыта, ибо на первых порах расширявшееся производство, связанное с резким понижением издержек производства и резким понижением цен (однако менее резким, чем издержки, что увеличивало прибыль), было вполне конкурентоспособным; поэтому принципы свободной конкуренции и уничтожения монополий (старого образца), провозглашенные классиками и научно обоснованные в их теории ценности и воспроизводства, являлись правильным отражением требований экономической политики промышленной буржуазии Англии.

Монополия и монопольная цена осуждаются как порок: «Монопольная цена,—говорит примыкающий к классикам Шторх,— самая высшая, какая только может быть...; иногда монополия проистекает из самих законов природы, но гораздо чаще она следствие порочных постановлений людей» [1]) (подчеркнуто нами.— З. А.). С другой стороны, политическая экономия дает капиталистам директиву: все силы на расширение производства,

[1]) Генрих Шторх, Курс политической экономии, перев. с французского, 1881 г., стр. 38 (1-е изд. «Курса» вышло в 1815 г.).

ибо в этом одинаково *совпадают частные интересы* отдельных капиталистов и *интересы всего общества*. «Надо сказать так,—говорит Сэй:—нельзя продать потому, что мало других продуктов». Иными словами: хозяйственные затруднения возникают не из того, что слишком много произведено, но оттого, что слишком мало производится: «чем больше производителей и чем многочисленнее производства, тем легче, разнообразнее и обширнее сбыт продуктов».

Итак, политическая экономия классиков представляла собой яркий образец единства их экономической теории и экономической политики [1]).

Классическая экономия выступала не только в качестве *критика* феодализма и меркантильной системы и *апологета* промышленного капитализма, но она выдвигала и вполне определенные принципы *экономической политики*, которые соответствовали буржуазной практике, и именно этим об'ясняется огромный ее успех: «В конце концов,—говорит Hibbins,—учения экономистов были осуществлены на практике деловыми людьми». Это произошло в первой половине XIX века: триумфом фритредерства была отмена хлебных пошлин в 1846 году.

Но не успел еще английский капитализм окрепнуть в результате фритредерской политики и производственного энтузиазма английских промышленников, как уже начали расшатываться его устои. В 1825 г., при полном отсутствии каких бы то ни было «экзогенных факторов» и при энергичной идеализации экономистами нового экономического строя, разразился совершенно неожиданно промышленный кризис, и с тех пор, как известно, кризисы периодически стали возобновляться. И именно кризисам обязано выступление *Сисмонди*, который уже осознал противоречия труда и капитала, «и благодаря этому он начинает *новую эпоху в политической* экономии» (Маркс) [2]). *Ротбертус* определенно подчеркивает, что именно кризис 1818—1819 гг. превратил *Сисмонди* «из рьянейшего сторонника смитовской системы в ее решительного противника [3]). На ряду с Сисмонди также в 20-х годах критиками капитализма, на основе рикардовой теории ценности, выступают *Равенстон* и *Годскин* [4]). Но нас не интересуют сейчас экономичеcкие воззрения критиков капитализма, ибо нашей задачей является выяснение дальнейших этапов развития политической экономии, как идеологии промышленной буржуазии.

Не подлежит никакому сомнению, что революционное движение, с одной стороны (лионское восстание 1831 года, чартистское движение 1838—1842 гг. и т. д.), усиливающаяся критика капитализма в эконо-

---

[1]) Правда, здесь нам могут возразить, что хотя Сэя мы причисляли к одному направлению с Рикардо, но между ними при единстве взглядов на воспроизводство были существеннейшие расхождения в теории ценности. У Сэя же есть намеки на психологически-потребительскую точку зрения в теории ценности, но только намеки, ибо Сэй, выдвигая потребительский момент, не порывал связи с производством. Не имея возможности рассматривать здесь этот частный вопрос, заметим только, что вообще «...никогда не бывает абсолютно целостного «способа представления» (Н. *Бухарин*, Теория исторического материализма, стр. 273). Поэтому разногласия между Сэем и Рикардо в теории ценности ни на йоту не затрагивают нашей характеристики общего «теоретического стиля» классической экономии, как производственной, фритредерской и апологетической.

[2]) «Теории прибавочной ценности», т. III, стр. 215.

[3]) *Робертус-Ягецов*, «Социальное письмо к фон-Кирхману», стр. 18.

[4]) См. «Теории», т. III, стр. 214—262.

мической литературе еще до выхода «К критике политической экономии» Маркса, с другой стороны, не могли не отразиться на буржуазной экономии: «Факты,—говорит Энгельс,—все убедительнее обличали лживость учения буржуазных экономистов о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и всеобщем народном благосостоянии, как следствии свободной конкуренции» [1]).

Именно потому, что факты «обличали» экономистов и опрокидывали все гармонические теории Рикардо—Сэя—Джемса Милля, с точки зрения классовых интересов буржуазии необходимо было всяческое усиление апологетической стороны экономической теории, и на сцену всплывает вульгарная школа. Твердо держась за классический принцип свободной конкуренции, она развивает апологетическую сторону классической теории и именно в этих целях ее ревизует, ибо ведь по существу Рикардо своей теорией «открывает, формулирует экономическое противоречие классов,—как его обнаруживает внутренняя связь,—и таким образом в экономии формулируется, открывается историческая борьба и процесс развития в его корнях. Поэтому Кэри доносит на него, как на отца коммунизма» [2]).

Весьма знаменателен тот факт, что Англия, давшая политической экономии самых крупных экономистов, как Смит и Рикардо, в течение целого полустолетия (с 20-х до 70-х годов XIX века), вплоть до Ст. Джевонса, не выдвинула ни одного крупного экономиста, который мог бы создать самостоятельную школу. Зато в Германии под крылышком протекционизма крепнет и развивается историческая школа в лице Листа, Рошера, Гильдебранда, Книса, Шмоллера и др. Однако по мере того, как под эгидой протекционистской политики энергично развивался германский промышленный капитализм, росли и имманентно присущие капитализму противоречия также и в Германии. Буржуазная политическая экономия вступает в полосу длительного кризиса, причем в Германии ее выразителями явились историки, прямо провозгласившие своим принципом отказ от абстрактно-теоретического анализа экономических процессов, а в других странах вульгарные экономисты, как Маклеод, Бастиа, Кэри.

Однако ни Маклеоду, Дж. Ст. Миллю, Сеньору и Кернсу в Англии, ни Бастиа во Франции, ни Кэри в Америке не удалось создать нового направления именно потому, что все они, вульгаризируя в апологетическую сторону [3]) классическую теорию, стояли на прежней позиции—свободной конкуренции.

В этом отношении они целиком продолжали традиции классической школы. Так, Маклеод—«этот Конфуций Лондонского Сити»,—по выражению Энгельса [4]), утверждал, что «монополия в торговле есть одно из тяжких социальных зол: зато политическая экономия есть самый отважный разрушитель монополий» [5]).

Одновременно на континенте выступает и Фредерик Бастиа со своими приторными «экономическими софизмами»: он борется

---

[1]) «Анти-Дюринг», Петроград 1918 г., стр. 23.

[2]) «Теории», т. II, вып. 1, стр. 11.

[3]) За исключением Дж. Ст. Милля, который, будучи вульгаризатором классиков, подменив трудовую теорию ценности теорией издержек производства, отнюдь не стремился, в отличие от Кэри и Бастиа, подчинить политическую экономию апологетическим целям.

[4]) «Анти-Дюринг». стр. 228, 1923 г.

[5]) «Основания», стр. 18.

с Прудоном и защищает капитализм, который для него попрежнему является конкурентно-промышленным капитализмом. В одном из своих многочисленных памфлетов «Кобден и Лига» Бастиа пишет: «Свобода торговли должна вырвать у олигархии самые источники внутреннего хищения—монополии и хищения внешнего—колонии, потому что и монополии и колонии совершенно несовместимы со свободой торга, представляя собой не что иное, как произвольную грань этой свободы» [1]). Также и Кернс, который писал в 60—70-х годах, выступает горячим врагом монополий и защитником свободной конкуренции [2]).

Но, спрашивается, отвечал ли классовым экономическим интересам промышленной буржуазии этот принцип свободной конкуренции, который попрежнему лежал в основе густо окрашенной апологетическими тонами буржуазной экономической теории?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно, и вот почему. Производственный подход классиков к экономическим явлениям (прежде всего к ценности), учение о невозможности кризисов, о подчиненной роли спроса,—все эти принципы обанкротились на практике. Англия переживает жестокие промышленные кризисы в 1825, 1837, 1847, 1857, 1866 годах. В 70-х годах в течение шести лет, с 1873 до 1879 г., глубокая промышленная депрессия. Растет безработица, революционное движение, создаются организации рабочего класса. Протекционизм в Германии и С.-А. Соед. Штатах привел к мощному развитию капитализма в этих странах. Англия теряет в 70-х годах свою былую мировую гегемонию. Неравномерность капиталистического развития между Англией, Германией и Соединенными Штатами Северной Америки уменьшается. И в Англии, и на континенте, и в Америке происходит быстрый процесс концентрации и централизации капиталов, сфера внутренней конкуренции все более суживается, а вместе с тем обостряется конкуренция на мировом рынке. Производство все больше и больше связывается тем «узким базисом потребления» (Маркс), на котором оно покоится. Промышленные капиталисты чрезвычайно остро ощущают проблему сбыта, которая становится для них вопросом жизни и смерти. Классическая теория воспроизводства, сказки Сэя и Джемса Милля про тождество спроса и предложения для промышленного капиталиста звучат, как издевательство над их собственной практикой.

Вера в могущество производства, в его неограниченные возможности экспансии окончательно потеряна. «Свободная конкуренция» уже не только не является панацеей от всех бед, но, наоборот, рассматривается, как принцип, не гарантирующий абсолютно никакой устойчивости промышленности и торговли. Не имея уверенности в завтрашнем дне, постоянно находясь под дамокловым мечем кри-

[1]) «Кобден и Лига» в изд. Солдатенкова, стр 7.

[2]) Теория, которая составляла фундамент старых принципов экономической политики, была уже иной теорией. Вместо трудовой теории ценности Петти—Смита—Рикардо вульгарные экономисты развивают теорию спроса-предложения (Маклеод) и «услуг» (Кэрн, Бастиа). Характеризуя вульгарных экономистов разложившейся рикардовской школы, Маркс говорит: «... конкуренция является стимулирующим выражением их (земли, капитала и труда.—З. А.) гармонии» (Теории, т. III, стр. 391).

зисов и депрессий, промышленные капиталисты ищут путей овладения рынком, который теперь целиком господствует иад иими.

Прежнее орудие—техника производства, которое было главным козырем английской промышлеиности, уже ие является иадежным средством рыночной конкуренции и расширения сбыта. На глазах у всех происходят пертурбации цен (в период кризисов), которые неизбежно должны перевернуть все прежние представлеиия о цеиности, определяемой трудом или издержками производства: цеиы по внешней видимости растут и падают без всякой связи с издержками производства. В центре виимания промышленной буржуазии теперь уже ие техиика производства, не труд, но рынок, следовательно, обращение, спрос и предложение.

Таким образом, всем ходом экономического развития перед промышленной буржуазией была поставлена проблема решительного изменения основиого принципа экономической политики. Но ведь именно политическая экономия, как будет показано ниже, по природе своей призвана к тому, чтобы дать теоретическое выражение этим новым классовым экономическим требованиям.

Классическая экономия и ее столь же многочисленые, сколь и бесплодные вульгарные эпигоиы, которые на разиые лады пережевывали старые истины, находящиеся в вопиющем противоречии с действительностью, не удовлетворяли положительиым задачам буржуазии. Старая экономия зашла в тупик, выходом из которого могло быть создание совершенно иовой системы теоретической экономии, которая бы не только оправдывала капитализм, ио и сумела бы выдвинуть и обосновать иовые принципы экономической политики. Такой новой теорией, которая выдвинула прииципы, созвучные экономическим условиям последией четверти XIX века, и явилась теория предельной полезиости.

Нам остается еще заметить, что иеобходимость создания нового теоретического иаправления ощущалась в Германии (и Австрии) в такой же, если ие более сильной, мере, как и в Англии. Историческая школа более или менее правильно отражала интересы промышленной буржуазии, и поэтому до поры до времени последияя могла обходиться без всякой теории, ибо историческая школа по существу являлась отрицаиием экономической теории вообще. Однако оиа отвечала основиому экономическому требованию германской промышленной буржуазии—защиты иационального рынка и создаиия тепличной атмосферы для развития виутреиией промышлениости. Но к 70-м годам Германия уже ие столько иуждалась в защите внутренего рынка, сколько в завоевании мирового рынка, и поэтому одни протекциоиистские принципы уже были иедостаточны. С другой стороны, виутреиний рынок попрежнему оставался дезорганизованным, и конкурентная борьба внутри страны ослабляла силы германского капитала. Накоиец, с третьей стороны, в Германии (и Австрии) к этому времени уже распространяются экономические работы Маркса («К критике» вышли в 1859 г., а I том «Капитала» в 1867 г.), а господствующая в Германии школа не в силах была противопоставить Марксу своей стройиой системы. Все это, вместе взятое, дало буржуазной политической экономии крупнейший социальный заказ» на построение иовой теоретической системы, и этот «заказ» был выполнеи теоретиками предельной полезности.

III. Новая экономия—монополистическая экономия.

Экономические предпосылки новой экономии.

Критики теории предельной полезности очень часто приводят с полным одобрением следующую оценку этой теории Oldenberg'ом:

«Учение о предельной полезности несомненно имеет важное значение, но не для национально-экономической, а для частно-экономической теории. Оно представляет философию индивидуального хозяйства, производящего расходы, vademecum для теоретизирующих домашних хозяек...» [1]). Эта злая ирония на счет «важного значения» учения о предельной полезности для... «теоретизирующих домашних хозяек» при всей своей остроте и оригинальности, которая, повидимому, подкупила некоторых наших марксистских критиков, лишена однако, серьезного основания, ибо сводит социологический анализ целого, имеющего огромное влияние и общественный вес, теоретического направления к весьма поверхностной, исторически необоснованной характеристике. Как мы постараемся ниже показать, теория предельной полезности, хотя и занимается целым рядом абстрактных расчетов процессов индивидуального потребления, однако она представляет собой практическую «философию» не домашних хозяек, а самых доподлинных капиталистов.

В предыдущем разделе было показано, как всем ходом экономического развития классическая экономия оказалась загнанной в безысходный тупик, и в порядок дня была поставлена ревизия классической и создание новой экономии, созвучной изменившейся экономике.

60-е годы прошлого века были периодом всеобщего, но зато весьма кратковременного расцвета Фритредерства. Этот период начался трактатом 1860 года между Англией и Францией, согласно которому Франция—эта цитадель протекционизма до сих пор—обещалась уничтожить все запрещения в своем тарифе и понизить пошлины на британские изделия до 30% их ценности. Взамен этого Англия, за некоторыми маловажными исключениями, уничтожила все пошлины на французские фабрикаты. Вслед за французским трактатом последовал ряд аналогичных договоров с другими европейскими государствами: Бельгией (1862 г.), Италией (1863 г.), Германским Таможенным Союзом (1865 г.) и Австрией и Швейцарией (1864 г.) [2]).

Однако капиталистическое развитие в этих странах достигло уже такой точки, при которой процесс капиталистической концентрации вплотную подвел к необходимости устранения конкуренции внутри страны и прежде всего внутри отдельных отраслей промышленности. Между тем, образование монополий в целях повышения цен на внутреннем рынке абсолютно несовместимо с свободой внешней торговли, ибо требует в качестве одного из важнейших своих условий—охрану внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Отсюда вполне понятно, почему эта вспышка фритредерства была столь кратковременной: уже с 70-х годов констатируется всеобщий и резкий поворот от фритредерства к протекционизму.

---

[1]) Karl. Oldenberg, Zur Preistheorie. Festgaben für Adolph Wagner, S. 277.

[2]) См. Leone Levi, History of British Commerce, pp. 408—410.

В отличие от прежнего протекционизма с его «воспитательными», по выражению Листа, пошлинами, новый протекционизм ни на какое «воспитание» не претендовал и проводил повышательную политику цен, как самоцель. В жертву картельной политики приносились интересы внутреннего рынка: за счет повышения цен внутри страны картели могли понижать цены на внешнем рынке, и этим повышать на последнем свою конкурентоспособность. Отсюда качественное отличие прежней таможенной политики от современной: «если прежние пошлины имели своей целью защиту, то теперешние—нападение; если раньше облагались товары, производство которых в стране было настолько неразвитым, что не выдерживало конкуренции на мировом рынке, то теперь «покровительствуются» как раз наиболее способные к конкуренции отрасли производства»[1]).

Фридрих Энгельс как раз был свидетелем этой эры новейшего картельного протекционизма, которую он характеризовал следующим образом: «Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся производительные силы современной промышленности с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического обмена товаров, в рамках которого они должны функционировать, факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов (разрядка наша. З. А.). Во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается тем, что больше всего стремится охранять как раз продукты, способные к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных отраслей промышленности»[2]).

Также и в «Анти-Дюринге» Энгельс неоднократно указывает[3]) на эти новейшие явления капиталистической экономии, которые «делаются осязательными и для самих капиталистов» и приводят к образованию акционерных обществ, картелей и т. п.

Как отмечает Лифман[4]), картельное движение в Германии возникает еще в 60-е годы, когда уже организовались картели по добыванию соли, висмута, обработке белой жести и пр. Но широкое картельное движение развертывается только в 70-х годах, главным образом, в середине 70-х годов в результате промышленного кризиса и депрессии. В этот же период происходит решительный поворот от фритредерства к протекционизму, как в Германии, так и в других странах.

Ленин устанавливает следующие даты развития монополий: «1) 1860—70 гг.—высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии—лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, еще не прочны. Они—еще переходящее явление. 3) Под'ем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг. картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»[5]).

Итак, с 73-го года мы имеем «широкую полосу развития картелей». В эти же годы происходит «открытие» теории

[1]) Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм, 4 изд., стр. 65.
[2]) К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 95. Примеч. Энгельса.
[3]) «Анти-Дюринг», стр. 245, 246 и др.
[4]) «Картели и тресты». М. 1925 г., стр. 29.
[5]) Ленин. Империализм как новейший этап капитализма, 3 изд., Гиз, стр. 11

предельной полезности англичанином Джевонсом, французом Вальрасом и австрийцем Менгером, и широкий ее успех среди буржуазии. Вполне естественно возникает вопрос, случайно ли такое совпадение фактов эволюции экономики с фактами эволюции экономии, или они взаимно связаны таким образом, которым они только и могут быть связаны согласно теории исторического материализма, а именно экономика обусловила собой развитие экономии.

Поскольку мы не верим в «случайность» совпадения столь важных явлений исторического развития, нам необходимо прежде всего рассмотреть сущность теории предельной полезности под интересующим нас углом зрения для того, чтобы установить закономерность связи этих явлений. Далее, если нам удастся установить эту связь и доказать монополистическую сущность теории предельной полезности в таком виде, в каком она появилась на свет в 70-х годах, то, поскольку дальнейшая эволюция экономики представляет собой лишь развитие этих монополистических тенденций, ясно также, что и дальнейшая эволюция экономии должна подчиняться той же закономерности. Поэтому мы сочли необходимым иллюстрировать монополистические представления буржуазной экономии также и на сочинениях некоторых современных ее представителей.

Монополистические представления новейшей экономии.

Совершенно правильно положение Бухарина, которое разделяет также и Блюмин, что теория предельной полезности есть по существу теория спроса-предложения. Однако это не простое воспроизводство старой теории спроса-предложения, как, например, теории Мальтуса или Маклеода. У последних теория спроса-предложения имеет в качестве своей основной предпосылки свободную конкуренцию самостоятельных промышленных и торговых капиталистов, австрийская же теория спроса - предложения насквозь пронизана монополистическими представлениями, как соответствующими тем тенденциям эволюции экономики, которые выше были отмечены. Наконец, теории так наз. «англо-американцев» и «математиков» представляют собой модификацию «австрийской» теории спроса-предложения с тем же монополистическим «акцентом».

К этой точке зрения очень близок и автор капитального исследования, посвященного новейшим течениям в политической экономии,— И. Блюмин. Он утверждает, что «экономический суб'ективизм является идеологией буржуазии в эпоху монополистического капитализма. Об'яснение отдельных сторон суб'ективизма может быть дано, по нашему мнению, лишь на основании анализа эволюции новейшего капитализма» [1]). В нашей рецензии [2]) на этот ценный труд мы указывали, что совершенно ошибочно связывать современную буржуазную экономию с об'ективизмом, как методом исследования, и поэтому мы не согласны с родовой характеристикой новейшей буржуазной экономии, как «суб'ективной школы». Однако, по-

[1]) И. Блюмин, Суб'ективная школа в политической экономии, т. I, стр. 13.
[2]) «Под Знаменем Марксизма», № 7—8 за 1928 год.

скольку под этой последней И. Блюмин понимает так называемых «австрийцев», «англо-американцев» и «математиков», постольку с поправкой на «суб'ективизм» приведенное выше положение автора сохраняет всю свою силу.

Все же следует заметить, что, на ряду с этой правильной исторической оценкой новейших направлений, мы находим у И. Блюмина другое об'яснение возникновения теории предельной полезности. «Нам представляется, -говорит автор,—что существеннейшие особенности методологии австрийцев вытекают из их тенденции создать последовательный суб'ективизм. Последний, по нашему мнению, является искусственным продуктом, искусственным теоретическим построением, порожденным потребностью в противопоставлении системе марксизма своей законченной системы» [1]). Итак, здесь «австрийская» теория уже трактуется, как «искусственный продукт» идеологической борьбы, и, следовательно, отпадает органическая связь этой теории с монополистическим капитализмом.

С нашей же точки зрения, австрийская теория и выдвинутые ею принципы предельной полезности так быстро завоевали буржуазную экономическую мысль всех стран только потому, что эти принципы попали в ту именно цель, в какую, в силу общих закономерностей экономического развития, начиная с 70-х годов, повсюду метила сама буржуазия. Конечно, никогда не бывает «ни абсолютно целостного способа производства, ни тем более абсолютно целостного способа представления», но в отношении «австрийской» теории и ее эпигонов совсем не трудно указать те ее черты, которые «способ представления» приводил в соответствие с специфическими особенностями данного «способа производства»...

Во-первых, уже самый поворот экономической теории от производства к потреблению и обращению вполне соответствует буржуазной практике, ибо отражает те огромные затруднения со сбытом продукции быстро растущей промышленности, которые имели место в каждом кризисе и каждой депрессии, и которые в конце концов привели к картелированию и агрессивному протекционизму. Производство прочно уперлось в спрос, а спрос, конечно, есть не что иное, как совокупность так наз. «эффективных» (т.-е. платежеспособных) потребностей индивидов. Обострение проблемы сбыта и потребления на практике (чего не было ни в пору мировой промышленной и торговой гегемонии в Англии, ни в пору первоначальных успехов германского капитализма, защищенного протекционизмом) обусловило и соответствующий поворот в теории.

Но дело не только и даже не столько в этом изменении самого предмета политической экономии, сколько в самом содержании этого анализа, и в тех конкретных выводах классовой экономической политики, которые из него вытекали.

Возьмем хотя бы самый «шедевр» «открытия» Менгера—Джевонса—Вальраса—знаменитые «шкалы» предельной полезности, построенные в соответствии с так называемым первым законом Госсена, т.-е. убывающей полезности.

[1]) Ibidem. т. I. стр. 56.

предельной полезности англичанином Джевонсом французом Вальрасом и австрийцем Менгером, и широкий ее успех среди буржуазии. Вполне естественно возникает вопрос, случайно ли такое совпадение фактов эволюции экономики с фактами эволюции экономии, или они взаимно связаны таким образом, которым они только и могут быть связаны согласно теории исторического материализма, а именно экономика обусловила собой развитие экономии.

Поскольку мы не верим в «случайность» совпадения столь важных явлений исторического развития, нам необходимо прежде всего рассмотреть сущность теории предельной полезности под интересующим нас углом зрения для того, чтобы установить закономерность связи этих явлений. Далее, если нам удастся установить эту связь и доказать монополистическую сущность теории предельной полезности в таком виде, в каком она появилась на свет в 70-х годах, то, поскольку дальнейшая эволюция экономики представляет собой лишь развитие этих монополистических тенденций, ясно также, что и дальнейшая эволюция экономии должна подчиняться той же закономерности. Поэтому мы сочли необходимым иллюстрировать монополистические представления буржуазной экономии также и на сочинениях некоторых современных ее представителей.

Монополистические представления новейшей экономии.

Совершенно правильно положение Бухарина, которое разделяет также и Блюмин, что теория предельной полезности есть по существу теория спроса-предложения. Однако это не простое воспроизводство старой теории спроса-предложения, как, например, теории Мальтуса или Маклеода. У последних теория спроса-предложения имеет в качестве своей основной предпосылки свободную конкуренцию самостоятельных промышленных и торговых капиталистов, австрийская же теория спроса-предложения насквозь пронизана монополистическими представлениями, как соответствующими тем тенденциям эволюции экономики, которые выше были отмечены. Наконец, теории так наз. «англо-американцев» и «математиков» представляют собой модификацию «австрийской» теории спроса-предложения с тем же монополистическим «акцентом».

К этой точке зрения очень близок и автор капитального исследования, посвященного новейшим течениям в политической экономии,— И. Блюмин. Он утверждает, что «экономический суб'ективизм является идеологией буржуазии в эпоху монополистического капитализма. Об'яснение отдельных сторон суб'ективизма может быть дано, по нашему мнению, лишь на основании анализа эволюции новейшего капитализма» [1]). В нашей рецензии [2]) на этот ценный труд мы указывали, что совершенно ошибочно связывать современную буржуазную экономию с об'ективизмом, как методом исследования, и поэтому мы не согласны с родовой характеристикой новейшей буржуазной экономии, как «суб'ективной школы». Однако, по-

[1]) И. Блюмин, Суб'ективная школа в политической экономии, т. I, стр. 14.
[2]) «Под Знаменем Марксизма», № 7—8 за 1928 год.

скольку под этой последней И. Блюмин понимает так называемых «австрийцев», «англо-американцев» и «математиков», постольку с поправкой на «суб'ективизм» приведенное выше положение автора сохраняет всю свою силу.

Все же следует заметить, что, на ряду с этой правильной исторической оценкой новейших направлений, мы находим у И. Блюмина другое об'яснение возникновения теории предельной полезности. «Нам представляется,—говорит автор,—что существеннейшие особенности методологии австрийцев вытекают из их тенденции создать последовательный суб'ективизм. Последний, по нашему мнению, является искусственным продуктом, искусственным теоретическим построением, порожденным потребностью в противопоставлении системе марксизма своей законченной системы» [1]). Итак, здесь «австрийская» теория уже трактуется, как «искусственный продукт» идеологической борьбы, и, следовательно, отпадает органическая связь этой теории с монополистическим капитализмом.

С нашей же точки зрения, австрийская теория и выдвинутые ею принципы предельной полезности так быстро завоевали буржуазную экономическую мысль всех стран только потому, что эти принципы попали в ту именно цель, в какую, в силу общих закономерностей экономического развития, начиная с 70-х годов, повсюду метила сама буржуазия. Конечно, никогда не бывает «ни абсолютно целостного способа производства, ни тем более абсолютно целостного способа представления», но в отношении «австрийской» теории и ее эпигонов совсем не трудно указать те ее черты, которые «способ представления» приводил в соответствие с специфическими особенностями данного «способа производства»...

Во-первых, уже самый поворот экономической теории от производства к потреблению и обращению вполне соответствует буржуазной практике, ибо отражает те огромные затруднения со сбытом продукции быстро растущей промышленности, которые имели место в каждом кризисе и каждой депрессии, и которые в конце концов привели к картелированию и агрессивному протекционизму. Производство прочно уперлось в спрос, а спрос, конечно, есть не что иное, как совокупность так наз. «эффективных» (т.-е. платежеспособных) потребностей индивидов. Обострение проблемы сбыта и потребления на практике (чего не было ни в пору мировой промышленной и торговой гегемонии в Англии, ни в пору первоначальных успехов германского капитализма, защищенного протекционизмом) обусловило и соответствующий поворот в теории.

Но дело не только и даже не столько в этом изменении самого предмета политической экономии, сколько в самом содержании этого анализа, и в тех конкретных выводах классовой экономической политики, которые из него вытекали.

Возьмем хотя бы самый «шедевр» «открытия» Менгера—Джевонса—Вальраса—знаменитые «шкалы» предельной полезности, построенные в соответствии с так называемым первым законом Госсена, т.-е. убывающей полезности.

---

[1]) Ibidem, т. I. стр. 56.

Возьмем, например, шкалу Менгера:

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
В¹	80	70	60	50	40	30	20	10
В²	70	60	50	40	30	20	10	
В³	60	50	40	30	20	10		
В⁴	50	40	30	20	10			
В⁵	40	30	20	10				
В⁶	30	20	10					
В⁷	20	10						
В⁸	10							

Арабские цифры означают ценность поступающей в распоряжение «В»—1-й, 2-й, 3-й и т. д. лошадей, выраженных в ценности «мер хлеба», которым «В» располагает. Каждая последующая лошадь оценивается «В» ниже в мерах хлеба. Из этой схемы до очевидности ясно, какую торговую политику должны вести господа торговцы лошадьми по отношению к земледельцам, которые, конечно, хотят иметь как можно больше лошадей, но для которых первая лошадь более необходима, чем вторая, и т. д. На основе этой схемы Менгер упражняется в элементарных математических операциях, которые всегда также развлекают и наших студентов после сложных рассуждений об «абстрактно-всеобщем труде».

Допустим, что господин конноторговец имеет солидный табун из 36 лошадей. Его задача—реализовать свой запас, при чем его лично, конечно, совсем не интересует вопрос о том, насколько полезны лошади в хозяйстве. Эту «полезность» он узнает из спроса на них, а спрос обозначен ясно на шкалах его (конноторговца) теоретика—Менгера.

Дело конноторговца—реализовать запас с максимальной выгодой для себя. В былую пору, когда конноторговец учился политической экономии у Рикардо и Сэя, для него не было никаких сомнений в том, что «то, что произведено, должно быть и потреблено», и что, конечно, все, что произведено, должно быть продано. Это была «истина», а теперь это «истина наоборот». Благодаря любезности Менгера конноторговец теперь решительно изменил свои представления о принципах торговли.

Взяв в руки карандаш и бумагу, он высчитал, что если он выведет на рынок трех лошадей, то цена установится на уровне, примерно, 70 мер хлеба за лошадь, и он выручит 210 мер (1 крестьянин купит 2, второй—1 лошадь), если он выведет 6 лошадей, то продаст их по цене около 60 мер за лошадь и выручит 360 мер. Если он выведет 18 лошадей, то предельный покупатель согласится дать 40 мер, и он выручит 720 мер. Уже здесь он заметил нечто ненормальное, но продолжение калькуляции в том же направлении, наконец, доводит его почти до безумия, когда его расчеты точно указывают, что, если он продаст, как и полагается честному—не спекулянту—торговцу, весь свой табун, состоящий из 36 лошадей, то предельный покупатель согласится ему уплатить только 10 мер и этим собьет общую цену, так что он выручит 36×10=360 мер!!! Выручить за 36 столько же, сколько за 5 лошадей, и вдвое меньше, чем за 18 лошадей,—да ведь это же противоречит всем коммерческим правилам!

Конноторговец, конечно, до глубины души поблагодарит г-на Менгера за его полезный совет и продаст только 18 лошадей. Но что делать с остальными лошадьми? Конечно, их нужно сплавить на какой-нибудь другом рынке во что бы то ни стало и по какой бы то ни было

цене, пусть даже по цене 10 мер, которая ему, конноторговцу, не воз мещает даже издержек производства.

Но если внутренний рынок исчерпывается этими 18 лошадьми, то ясно, что «другим рынком» будет внешний рынок: это свой остаток лошадей он продаст за границей, и, получив внутри страны огромный барыш, а за границей солидный убыток, и подведя сальдо, останется доволен своей операцией, и еще раз поблагодарит г-на Менгера.

Но, чтобы осуществить такой удачный коммерческий оборот конноторговец, помимо ценнейшего совета Менгера, должен еще добиться осуществления двух весьма важных условий, а именно: ограждения конного рынка от притока лошадей, во-первых, со стороны других его коллег и, во-вторых, со стороны иностранных, например французских конноторговцев, которые, к его несчастью, уже успели побывать в **Лозанне** и прослушать полный курс лекций г-на **Вальраса**. Для осуществления первого условия он обратится к своим коллегам с обоюдовыгодным предложением образовать торговый союз (который они назовут синдикатом) для эксплоатации внутреннего рынка; а второе условие уже постарается осуществить сам синдикат через правительственные органы.

Итак, мы показали, что скрывается за «земледельцами» и «конным рынком» **Менгера**, которым также оперирует и **Бем-Баверк**.

Если вы сравните расчеты по схемам Менгера нашего абстрактного «конноторговца» с практикой синдикатов, допустим, **Рейнско-Вестфальского Угольного Синдиката**, цены которого на уголь приводит Лифманн с 1881 по 1923 г., или с известной всем деятельностью **картелированной сахарной промышленности** довоенной России, то вы найдете, что их торговая политика и практика **есть прямо слепок со схемы Менгера** и торговой политики его «конноторговца».

Необходимость образования монополий для организованной эксплоатации внутреннего рынка и агрессивный протекционизм, как необходимое условие этой монополии,—таков непосредственный вывод из «чисто» «абстрактных» схем Менгера, которые, как это теперь ясно, прямо заключают в себе реальные тенденции промышленной буржуазии в отношении политики реализации своей продукции.

Далее, поскольку в Англии, и Франции, и Германии, и С.-А. С. Ш. имеются свои Менгеры и свои «земледельцы» и «конноторговцы», ведущие отчаянную борьбу за рынок, постольку каждая из этих стран, придерживаясь одной и той же теории и одних и тех же принципов торговой политики, вынуждена вести **империалистическую политику**. Следовательно, «абстрактные» схемы Менгера прямо приводят нас к... империализму, а теория предельной полезности рассматривается нами, как **«национальная теория» промышленно-финансовой буржуазии каждой империалистической страны.**

Обязательной предпосылкой как этих элементарных схем **Менгера** и **Бем-Баверка**, так и весьма сложных математических построений **Вальраса**, **Парето**, **Касселя** и др., является **данность предложения** (австрийцы) или **неизменность з**

паса первичных производственных факторов (Кассель).

Никто из классиков и эпигонов классицизма не выдвигал, да и не мог выдвинуть такой предпосылки, ибо в условиях свободной конкуренции такая абстракция была нелепостью, представляя собой совершенно нереальную посылку. На самом деле, какой смысл производить кропотливые исчисления цены при данной величине предложения и переменной величине спроса, или исчислять спрос по данному предложению и цене? Эта предпосылка была нелепостью потому, что основная масса благ была свободно воспроизводимой неограниченным числом производителей. Поэтому Рикардо поступал вполне логично и в полном соответствии с коммерческим «опытом», когда он выделял «редкие блага», ценность которых определяется не трудом, но спросом-предложением, в особую группу, являющуюся исключением из общего правила, исключением, которое ни в коей мере не нарушало общего закона.

Общеизвестно, что теорию предельной полезности еще в конце первой половины XIX века развил Госсен. Но Госсен не имел никакого успеха. Почему? Да просто потому, что уже известный нам «конноторговец» не мог бы воспользоваться советом г-на Госсена с таким же успехом, с каким он ныне пользуется советом Менгера. Так как на ряду с ним в качестве конкурентов фигурирует бесчисленное множество других торговцев, то все его калькуляционные расчеты с понижением сбыта в целях повышения цены повисли бы в воздухе, ибо в то время, как он сокращал бы предложение, другие не преминули бы воспользоваться этим удобным случаем, чтобы сбыть с рук всю продукцию, которой они располагали. Вот почему книга Госсена, даже если бы она и была написана абсолютно популярным языком, могла только вызвать раздражение у капиталистов по поводу беспочвенных рассуждений «какого-то» там Госсена! И если Госсену удалось продать лишь несколько экземпляров своей книги, то иного отношения со стороны читающей публики, сиречь буржуазии, он, конечно, не заслужил...

Но та же самая посылка — данность предложения — становится уже вполне реальной, когда концентрация производства привела к такому сокращению производителей и такому обострению конкурентной борьбы (60—70-е годы прошлого столетия), что прекращение конкуренции и образование добровольных или насильственных об'единений в целях установления рыночных монополий становится не только возможностью (как в эпоху промышленного капитализма), но более того — необходимостью. При таких условиях не приходится удивляться тому, что ряд экономистов, независимо друг от друга и сознавая необходимость замены классической экономии новой теорией, построили теорию предельной полезности, в основу которой положена предпосылка о данности запаса, т. е. та самая предпосылка, необходимость реального осуществления которой на практике диктовалась всем ходом экономического развития во всех передовых капиталистических странах.

И еще менее приходится удивляться тому, что теория с подобной основной посылкой, раз появившись на свет, так восторженно была принята буржуазным миром. Она явилась «символом веры» промышленных капиталистов, которые, подобно нашему конноторговцу, смогли сделать необходимые выводы из этого учения. И если для анализа предельной полезности Бем-Баверк, Визер и Менгер склонны

пользоваться натуралистически-индивидуалистическими примерами вроде Робинзона, путешественника по Сахаре, и вообще отрезанных от мира сего, то напрасно некоторые критики принимают эти рассуждения за чистую монету и всерьез доказывают, что такое, мол, положение в нормальных условиях капитализма немыслимо, и что поэтому предельная полезность, выведенная из оценки при данном запасе, является досужей фантазией *Бем-Баверка*. Правда, все эти робинзонады сами по себе, как форма анализа,—ненужная шелуха австрийской теории, равно как и вообще ее мнимо-последовательный суб'ективистический монизм, но, отбросив эту шелуху, совершенно нетрудно вскрыть *рациональное зерно этой теории, отражающей процесс монополистического ценообразования*. И если при самом появлении этой теории монополии были еще редки, то зато *все предпосылки для их образования уже созрели*. Зерно теории предельной полезности было брошено на благоприятную почву и дало обильные плоды вскоре же после 1871 года.

Итак, самые схемы полезностей, регулирующая роль предельной полезности, и, наконец, предпосылка о *данном запасе*, который реализуется произвольно выбранными частями на рынке, суть теоретические построения, отражающие монополистические тенденции капиталистов. Если конкуренция продолжается, если запас еще не «дан», то вывод из теории предельной полезности ясен,—*он должен быть «дан»*, чтобы можно было воспользоваться максимальными оценками потребителей так, как это сделал наш «конноторговец»—благодарный ученик *Менгера*. Отсюда ясно, что теория предельной полезности не только «теория», но и *определенная система экономической политики промышленной буржуазии на определенной ступени капиталистического развития*. Таким образом, и *«австрийская» теория представляет собой такое же единство экономической теории и экономической политики, как и теория классиков и исторической школы («воспитательно-протекционистской»)*.

Наконец, то сугубое внимание, которое уделяют австрийцы и их эпигоны *анализу процессов индивидуального потребления*, при том условии, если предложение «дано», не есть простая игра воображения философов-гедонистов, но имеет вполне реальный смысл и огромное практическое значение. Разве нашего «конноторговца»-монополиста не интересует процесс суб'ективных оценок так наз. «земледельцев», которые прямо определяются суммой имеющихся у них—«покупательской силы»—«мер хлеба»? Конечно, чрезвычайно интересует, ибо от этих «оценок» (которые целиком об'ективно обусловлены, во-первых, величиной их доходов, т.-е. законами капиталистического распределения, и, во-вторых, существующим общим уровнем цен, который опять-таки обусловлен законом трудовой ценности) зависят все его калькуляции и нахождение той массы сбыта, которая дает максимально возможную цену, а следовательно, и *оптимальную прибыль*. Современные монополистические организации на практике постоянно производят те самые исчисления, которые в очень грубой и упрощенной, игнорирующей массу конкретных моментов, форме производил наш «конноторговец» по схемам Менгера. Собственно *отличие* так называемых *«математиков»* (*Вальрас, Кассель и К°*) и *англо-американцев* (*Маршаль,*

Кларк и К°) от австрийцев, главным образом, в том и заключается, что они стараются по возможности освободиться от излишнего психологизма и ненужного в их «практических целях» научного монизма. Превратив австрийскую теорию в то, чем она должна быть,—а именно: в вульгарную теорию спроса-предложения с монополистическим акцентом, они ввели в нее целый ряд поправок и условий, уточняющих решение задачи (нахождение оптимальной цены).

В основном же и «австрийцы», и «англо-американцы», и «математики» об'единены единой монополистической целеустановкой и, несмотря на все различия между их теориями, прочно держатся за этот фундамент, что и обеспечивает им успех и влияние на буржуазную мысль.

В силу этого мы можем дать родовую характеристику всей современной буржуазной экономии, как новейшей формы вульгарной экономии, а именно как монополистической экономии. Дальнейшее будет заключаться лишь в том, что мы приведем ряд отдельных моментов, иллюстрирующих ту же мысль, а также показывающих, как изменилась под влиянием тех же условий апологетическая сторона вульгарной экономии...

Ценность запаса и политика дифференциальных цен.

Злополучная контроверза о ценности всего запаса и предельной его единицы, возникшая внутри самой австрийской школы и служащая излюбленным об'ектом критики (в том числе марксистской), отнюдь не является просто научным курьезом и лишь одним только показателем дефективности чисто логических конструкций австрийской теории. В свете нашего анализа эта контроверза приобретает совершенно иное значение, поскольку по видимости исключительно теоретический спор имеет под собой реальную экономическую почву.

Раскол в австрийской школе по этому вопросу произошел между Бем-Баверком [1]) и Визером [2]). Последний считает, что ценность всего запаса определяется оценкой предельной единицы, помноженной на число единиц запаса; по Бем-Баверку же эта совокупная ценность запаса определяется суммой предельных оценок всех единиц, ибо каждая единица имеет свою самостоятельную оценку. Если мы имеем убывающий ряд 10, 9, 8, то по Бем-Баверку совокупная ценность этого запаса равна 27, по Визеру—24. Расхождение, конечно, весьма существенное... Поскольку в капиталистическом хозяйстве суб'ективная предельная оценка в реальном процессе ценообразования есть не что иное, как предельная рыночная цена, постольку решение Визера на первый взгляд правильнее улавливает внешнюю форму процесса ценообразования. Здесь вступает в силу так называемый «закон безразличия» (равенства цен для однородных товаров), а при наличии этого закона не может быть никаких сомнений, что, независимо от полезности каждой конкретной единицы блага для индивида, цена, уплаченная за 10 единиц, будет ровно в 10 раз больше цены, уплаченной за 1 единицу.

---

[1]) «Kapital und Kapitalzins», B. II, 1921, S. 136 и др.

[2]) Wieser, Theorie des gesellschaftlichen, Wirtschaft. Thübingen. 1924, S. 192 и след.

Это так, но все дело в том, что «закон безразличия» применим лишь к тому *территориально-ограниченному рынку*, на котором существует взаимодействие различных расценок покупателей, и, следовательно, налицо регулирующая роль предельной оценки. Однако та самая торговая практика, на которую опирается *Визер*, имеет дело не с одним рынком, но с рядом рынков, при чем таким образом расположенных, что каждый из них может иметь своего собственного предельного покупателя. Это возможно и внутри страны с большой территорией, и постоянно имеет место в различных странах, особенно при том *неопротекционизме*, который так пышно расцвел как раз в тот период, когда *Визер* и *Бем* спорили друг с другом. Если запас в 3 единицы мы передадим в руки синдиката, который реализует каждую из этих единиц в трех различных странах, то ясно, что «суб'ективная оценка» будет различна в каждой стране, а *ценность всего запаса окажется равной 27*, а не 24, *как утверждает Визер*.

Если мы логически, анализируя посылки и выводы, опровергаем и *Бема*, и *Визера* и вскрываем их теоретические ошибки, то ведь этого еще недостаточно, ибо нужно показать, какие внешние противоречивые явления (в сущность которых австрийская теория вообще не проникает) дают *об'ективную* почву для этих ошибок. Если считать скрытой предпосылкой обеих теорий монополистические условия ценообразования, то решение *Визера* имеет силу к практике монополистической организации *внутри одной страны* (или *даже ее определенного округа*), *Бема*—*в различных районах или странах*. Визеровское решение вопроса таким образом лишь *частично* охватывает картельную практику, Бема—*полностью*.

Наш «коннноторговец», конечно, последует совету Бема, а не Визера, который никакой Америки для него не открывает, ибо то, что за одни и те же блага покупатели на территориально-ограниченном рынке платят одну цену, он прекрасно знает и поэтому остается безразличным к «теории безразличия». Зато метод расценки совокупного запаса *Бема* ему вполне по душе, ибо ставит перед ним весьма важную и реально-осуществимую задачу такого распределения своего запаса между более или менее изолированными друг от друга рынками, при котором общая ценность запаса будет максимальной. *Эту задачу как раз решает на практике каждая синдикатская организация, проводя политику дифференциальных цен на различных рынках*. В результате «ценность» отдельных «единиц» запаса оказывается различной, а совокупная ценность всего запаса равной не произведению, но сумме «суб'ективных ценностей». Наш «конноторговец» получил за свой запас 27, а не 24 и, таким образом, на практике опроверг учение Визера.

Итак, за контроверзой о совокупной ценности запаса по существу скрывается спор о различных принципах синдикатской торговой политики, т.-е. вопрос о том, следует ли придерживаться политики единой цены или политики дифференциальных цен.

Конечно, на практике спор этот решается в пользу второй точки зрения.

То, что дифференциальные цены, в отличие от единой цены, специфичны для монопольного или «односторонне-конкурентного отно-

шения» на рынке, подчеркивается последователями теории предельной полезности. Так, первый основной вывод «американца» Зелигмана (очень близкого к главе этой школы—Кларку) из анализа рыночной цены и спроса-предложения сводится как раз к тому, что при конкуренции возможна только одна цена, а при монополии—дифференциальные цены [1]).

А Роберт Лифманн, также вполне разделяющий принципы монополистической экономии, на основе анализа богатого материала из практики германского картельного движения показывает, какое огромное значение имеет для синдикатов эта политика дифференциальных цен, при чем он указывает, что разрыв цен имеет место не только между различными странами, но и в пределах одной и той же страны между ее областями.

«Обычно картели,—говорит Лифманн,—охватывают только какую-либо ограниченную область; нередко всю Германскую империю, но часто и более узкий район, определяемый естественными условиями, например, издержками транспорта. Монопольное господство картеля не выходит за эти пределы; вследствие этого образуется разница в ценах: внутри об'единенной области и вне ее» [2]).

Но особенно сильный разрыв цен имеет место между различными странами, вследствие так наз. «dumping'a» или «бросового экспорта», и не без основания Лифманн видит в этой картельной политике одну из причин мировой войны: «хотя вовсе не одна Германия применяла этот способ,—оправдывается Лифманн,—противники наши воспользовались им, чтобы возбудить везде за границей ненависть против Германии, что способствовало мировой войне» [3]).

Итак, на первый взгляд «чисто» абстрактный и как будто даже схоластический вопрос на деле оказывается огромной важности проблемой картельной политики, которая прямо ведет к империализму и войнам. Вожди картельных организаций всегда, конечно, рассуждают по методу Бема—8+9+10, а их многочисленные противники, блюстители интересов внутреннего рынка, по методу Визера—3×8. Но, несмотря на оппозицию, картелям удается, как это показывает опыт, довольно часто получать «оценку» совокупного запаса, равную именно 27, а не 24. Опять-таки здесь мы должны заметить, что эта контроверза о ценности единицы и всего запаса не могла стоять перед классической школой, ибо при наличии широкой конкуренции такая постановка вопроса вообще была нелепа.

И все прочие важнейшие проблемы, обсуждаемые как «австрийцами», так и другими направлениями монополистической экономии, так или иначе связаны с новейшими коренными изменениями в рыночной ситуации, отражающими органические изменения в самой капиталистической системе. Второе основное отличие конкурентной от монопольной цены, по Зелигману, заключается в следующем. При конкуренции «всегда устанавливается такая рыночная цена, при которой возможно наибольшее число меновых сделок», а «там, где действует монополия, этот принцип не применяется, так как вся наличность данного товара находится в руках монополиста, то продажа меньшего количества по более высоким ценам может доставить большую при-

[1]) «Основы политической экономии», перев. со 2-го американского издания, Спб., 1908 г., стр. 211—212.

[2]) «Картели и тресты», стр. 99.

[3]) Ibidem, стр. 99—100.

быть, чем продажа большего количества по низшей цене. Момент, когда монополист может продать наибольшее количество товара с наибольшей для себя выгодой, зависит от быстроты, с какой возрастает спрос по мере уменьшения предложения [1]).

Что касается приведенного здесь различия монополии и конкуренции, то таковое, как мы выше показали, прямо вытекает из так называемого первого закона Госсена и схем полезностей «австрийцев». Но указать общий принцип монополистической политики еще не достаточно для монополистической экономии: она должна более точно определить и этот указанный Зелигманом «момент, когда монополист может продать наибольшее количество товаров с наибольшей для себя выгодой». Старания «математиков» и «американцев» в том именно и заключаются, чтобы по возможности точнее определить этот «момент», что для теории представляет нелегкую задачу, ибо требует учета целого ряда конкретных моментов.

Эластичность спроса и закон равнозначного потребления в теории и практике.

Одним из важнейших путей к решению этой, по сути дела чисто практической, задачи (которую в конце концов решают синдикатские экономисты возможно также с применением приемов математического анализа, разработанных Вальраса, Парето и др.), является учение об эластичности спроса, играющее столь большую роль у большинства теоретиков монополистической экономии.

Кассель, утверждая, что «эластичность спроса имеет огромное значение для политической экономии» [2]), выражает этим общую всей монополистической экономии точку зрения. Нет ничего удивительного в том, что для классической экономии эта проблема не только не имела «огромного значения», но даже вообще не существовала, если исключать рассмотрение некоторыми авторами подобных вопросов «мимоходом». Эта проблема не стояла перед классиками опять-таки потому, что при полной анархии предложения учет эластичности спроса того или иного товара не мог оказать влияния на установление рыночной цены. Правда, отдельные капиталисты-конкуренты всегда «щупали рынок» в целях учета этой самой эластичности, но весь этот учет в конце концов опрокидывался его соседом-конкурентом, который по-своему «учел» эластичность спроса. В результате решающее значение имели издержки производства, которые давали возможность продажи по предельно-низким ценам, а не учет спроса.

Не то в современном капитализме. Если налицо монополистическая организация, охватывающая все или почти все производство и защищенная пошлинами от иностранной конкуренции, то учет спроса и его эластичности является для нее самым жизненным вопросом. И если Кассель от имени всех своих коллег заявляет об «огромном значении» этой проблемы для политической экономии «вообще» то он этим хочет только доказать «огромное значение» буржуазной экономии для капиталистов-монополистов. И он правильно поступает, и в этом raison d'être всей монополистической экономии.

Мы, конечно, здесь не будем заниматься изучением разных формул спроса и его эластичности, ибо для целей нашего анализа доста-

---

[1]) «Основы». стр. 212—213.

[2]) G. Cassel, Theoretische Socialökonomik, III Aufl. Leipzig. 1923. S. 63.

точно только определить социальную природу этой теории. Заметим только, что формулы спроса монополистической экономии для буржуазной практики имеют не более, чем общее экономико-политическое и методологическое значение, ибо «каждый товар имеет свою относительную эластичность спроса» [1]), и поэтому решение вопроса может быть дано только по отношению к каждому отдельному товару каждой синдикатской организацией...

Также в связи с актуальным и практическим значением определения величины спроса для монополистических организаций становится понятной та роль, которую играет так называемый второй закон Госсена в системе монополистической экономии, особенно у «математиков» и «чистого» психологиста—Лифманна.

Содержание этого закона в двух словах сводится к следующему. Человек, которому предстоит свободный выбор между несколькими наслаждениями, но который не имеет возможности воспользоваться всеми ими целиком, в целях получения совокупного максимума наслаждений, распределит пользование этими наслаждениями таким образом, «чтобы величина наслаждений в тот момент, когда будет прекращено получение последних, была одинакова» [2]).

Более подробно с содержанием этого закона, который мы могли бы назвать законом равнозначного потребления, читатель может познакомиться из нашей статьи, посвященной критике Лифманна [3]), и более подробно из критического очерка И. Блюмина специально о Госсене [4]).

Мы сказали, что теории так наз. «математиков» и «англо-американцев», по сравнению с «австрийцами», являются ничем иным, как более реалистическим или «практическим» приспособлением «способа представления»—монополистической экономии к «способу производства»—монополистическому капитализму. Закон равномерного потребления, который является базой теории «математиков» и Лифманна, как раз и дает им возможность сделать шаг вперед по сравнению с «австрийцами» в этом направлении. «Математики» изучают «условия общего равновесия» в отличие от «теории частичного равновесия» «австрийцев» и «англо-американцев». Иными словами, «австрийцы», оперируя только законом убывающей полезности (первый закон Госсена), выясняют взаимозависимость между количеством и суб'ективной оценкой только одного какого-нибудь блага; «математики» же и Лифманн анализируют также, мы бы сказали, процесс комбинированного потребления, следовательно, суб'ективные оценки по данному количеству одновременно нескольких благ. Лифмановский «закон равенства предельных доходов» в потребительском хозяйстве или вальрасовская формула пропорциональности цен и предельных полезностей по существу констатируют лишь факт известной пропорциональности в строении элементов потребительских бюджетов при наличии данного уровня цен.

Сильное повышение или понижение цены какого-нибудь одного товара естественно приводит к перестройке потребительского бюджета, при чем, конечно, ясно, что определяющим фактором этих изменений является об'ективный феномен—цена.

---

[1]) Зелигман, Основы, стр. 217.
[2]) Gossen, Die Entwicklung der Lehre des menschlichen Verkehrs, S. 12.
[3]) «Под Знаменем Марксизма», № 6. 1927 г.
[4]) «Суб'ективная школа в политической экономии», т. II, гл. IV.

Конечно, здесь суб'ективизм терпит полное банкротство, ибо выясняется причинозависимость обратного порядка по сравнению с суб'ективистическим принципом. Но дело не в том, что второй госсеновский закон в приложении к теории цен опрокидывает суб'ективизм; за вычетом этого, по сути дела самими «математиками» и Лифманном выброшенного за борт суб'ективизма, остается все же в действительности та определенная закономерность в строении потребительского бюджета, которая имеет огромное значение для определения величины спроса на данный товар и нахождения картелем оптимальной цены. Поэтому закон равнозначного потребления не простая игра слов, но, имеющий огромное практическое значение, корректив к тем принципам картельной политики реализации, которые прямо вытекают из закона убывающей полезности и соответствующих ему схем австрийских теоретиков.

На ряду с законом эластичности спроса, закон равнозначного потребления является вторым важным дополнением к основному принципу картельной политики цен. Также и этот закон в эпоху господства в производстве множества предприятий и полной дезорганизации предложения, т.-е. в эпоху свободно-конкурентного промышленного капитализма, не имел никакого практического смысла по тем же основаниям, и поэтому не удивительно, что у классиков и их эпигонов мы не находим и намека на этот закон.

Для монополистов же этот закон имеет весьма существенное значение, ибо служит, так сказать, предохранительным клапаном против чрезмерного, могущего только повредить делу, повышения цен. Монополист прекрасно знает, что изолированная «суб'ективная оценка» только одного блага и, следовательно, определение величины спроса на данный товар при данной «указной» (по терминологии П. Струве) цене синдиката—вещь совершенно нереальная.

Электрический свет потребитель, конечно, ценит выше газового, но при чрезмерном повышении цен на электроэнергию потребитель не остановится перед заменой электричества газом, а газа—керосином. На данную потребность потребитель может затратить лишь определенную максимальную сумму своего дохода, и закон равнозначного потребления как раз постоянно напоминает монополистам о существовании этой точки «предельного потребительского дохода», выше которой прыгнуть чрезвычайно опасно для синдиката.

Монополистическая же экономия правильно поучает монополистов или правильно отображает их практику относительно значения таких моментов, как строго-закономерное строение потребительских бюджетов или «потенциальная конкуренция» (по выражению Лифманна) товаров (удовлетворяющих аналогичную потребность) для учета спроса и нахождения оптимальной цены.

Существенным коррективом к общим принципам монополистической практики служат также и следующие шесть «законов потребления» Паттена: 1) «необходимости», 2) «разнообразия», 3) «согласования», 4) «издержек», 5) «группировки» и 6) «отрицательной полезности» [1]). Конечно, монополистическая практика не может не счи-

[1]) Simon Patten. Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen in Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1891, S. 481—534

таться с тем, как потребитель реагирует на синдикатскую политику цен: выделяя все эти моменты «разнообразия», «согласования», «необходимости», «группировки» и т. п., монополистическая экономия пытается разложить потребительский бюджет на составляющие его элементы и вскрыть эмпирические закономерности сочетания этих элементов.

Но если на этом пути приближения новейшей теории к новейшей практике (монополистической) Паттен делает в отношении детализации рыночного спроса шаг вперед по сравнению с Бемом и Визером, то Кларк идет значительно дальше Паттена. Если Паттен пытается разложить потребительский бюджет на отдельные элементы и установить законы их сочетания, то Кларк не удовлетворяется этим и разлагает полезность одного блага на ряд составляющих ее частных полезностей, устанавливая закон предельной полезности не по отношению к товару, как целому, но по отношению «к предельным инкрементам богатства в данном товаре» [1]). Так, автомобиль как средство сообщения имеет бóльшую полезность, чем экипаж, потому что он заключает в себе больше «инкрементов богатства» в смысле скорости передвижения, комфорта и т. п. Отсюда бóльшая цена, которую потребитель согласен уплатить за данное средство сообщения в отличие от другого, менее удобного, определяется этими дополнительными атомами полезности. Задача, одинаково как теории, так и практики, сводится к установлению точки предельных оценок этих атомов полезности: если же монополист не сумел найти этой точки, то либо его монопольная цена будет взорвана (при чрезмерной цене), либо цена не достигнет своей оптимальной точки, и монополист не получит оптимальной прибыли. Отсюда ясно, что кларковский закон, равно как и паттеновские законы, имеет далеко не маловажное значение для монополистической практики, при чем сам Паттен, как будет показано ниже, даже вполне осознал это практическое значение своей теории.

«Атомистические» законы потребления и оценки Паттена и Кларка являются по существу детализированием и уточнением проанализированного выше общего закона падающей полезности и его двух основных коррективов: закона эластичности и закона равнозначного потребления. В самом деле, если мы возьмем, например, этот последний закон, т.-е. 2-й закон Госсена, который в исправленной редакции Лифманна превращен в «закон равенства предельных доходов» [2]), и сравним его с законом Паттена, то убедимся, что закон Госсена—Лифманна фигурирует и у Паттена, но не в одном, а в двух законах. Третий закон Паттена гласит: «полезность блага зависит от группы тех благ, совместно с которыми оно потребляется». Здесь уже сделан большой шаг вперед по сравнению с «чистой» теорией предельной полезности на пути реальной, практической анализа потребления—спроса, ибо вместо изолированной расценки у австрийцев здесь речь идет об обязательном согласовании расценок всех благ, потребляемых суб'ектом. И на этом как раз построены развернутые «формулы равновесия» цен у «математиков». С этим «равновесием» не может, конечно, не считаться монополистическая организация..

---

[1]) Ср. Зелигман. Основы политической экономии, пер. с 2-го нем. издания, Спб. 1908 г., стр. 330 и след.

[2]) Robert Liefmann, Grundsätze der Volkwirtschaftslehre, Bd. I, Stuttgart. 1920.

Четвертый же закон Паттена формулирован так: «предметы оцениваются не по общей их полезности, но исключительно по избытку полезности над издержками». Это и есть consumer surplus или «потребительский доход». Важна не просто полезность, но конкретная эффективная полезность для данного лица в соответствии с тем, как он может распределить свои издержки, т.-е. деньги, для удовлетворения отдельных потребностей и получения максимума совокупного потребительского эффекта от всей массы его издержек. Но оба эти закона Паттена, соединенные вместе, включаются в «закон равенства предельных доходов» Лифманна, который состоит из трех моментов или, по Лифманну, «идей»: равенства, предела и дохода [1]).

У Маршаля же исчезают всякие следы «чистого потребления», т.-е. абстрагированного от рыночных условий. «Издержки» Маршаль называет своим именем—деньгами, а 2-й закон Госсена прямо превращает в закон спроса; развитое товарное и денежное обращение является для него необходимой предпосылкой уравнения предельных полезностей, и это уравнение означает для него вообще равенство полезностей (по Лифманну, «потребительских доходов») последнего шиллинга или марки, затраченных на покупку разнообразных товаров каким-нибудь Х'ом.

Конечно, маршалевская интерпретация предельной полезности явно противоречит Госсену, 1-й и 2-й законы которого имеют в виду обстановку «чистого потребления», не связанного ни с рынком, ни с ценами. Но никакого греха нет в том, что Маршаль превратил «чистые» законы потребления Госсена в законы денежно - рыночного спроса, ибо сами по себе эти законы потребления Госсена и Паттена никому не нужны. Монополист имеет дело не просто с потребителями, но с потребителями, располагающими той или иной суммой денег, и не просто с издержками, но именно с денежными издержками, и, наконец, не с абстрактным «совокупным потреблением», но с конкретным денежным бюджетом потребителей.

В общем различия между законами Госсена, Паттена, Лифманна, Кларка, Маршаля и др. сводятся к различным степеням детализации элементов рыночного спроса и различной степени приближения абстрактных положений к конкретной действительности (монополистической практике).

Таково рациональное зерно основных «законов» монополистической экономии, которые, конечно, целиком опровергаются подлинно-научной экономией, ибо все эти «законы» скользят по самой поверхности явлений и даже не затрагивают их сущности. Задача этой экономии определить спрос при данном предложении: $Д = F(p)$ или спрос есть функция цены—такова элементарная и основная формула «математиков». Если мы определим характер функций спроса, то по данной цене можно будет определить об'ем спроса. Поисками этого последнего монополистическая экономия занимается с такой же старательностью, как и сами монополисты, но окончательного решения вопроса экономия никогда не может дать, ибо характер функций спроса каждого товара, при каждой новой рыночной ситуации и всяком изменении в распределении общественного дохода

[1]) Ср. нашу статью «Новейший психологизм в политической экономии» в «Под Знаменем Марксизма», № 6 за 1927 г.

имеет свои специфические черты. Монополистическая экономия может дать только самые общие и основные принципы картельной политики, и эти принципы, как мы показали, она, действительно, дает. что и оправдывает самое ее бытие.

Монополистический способ мышления современных экономистов.

Даже когда теоретики монополистической экономии рассматривают строение цен в условиях свободной конкуренции, они анализируют эту последнюю под своим монополистическим углом зрения В этом отношении характерен наш «математик»—Дмитриев[1]), который изучает конкуренцию, сохраняя все принципы монополистической экономики. В теории Дмитриева «предполагается, что каждый конкурент заботится столько же об общем благе, как о своем. Фактически герои Дмитриева действуют и рассуждают так, как если бы они были организованы в одно общество, которое сознательно регулирует размеры общественного производства» [2]). Но эта своеобразная «рационализация» экономических процессов, проэцирование закономерностей организованной хозяйственной единицы на общественную капиталистическую экономику является «первородным теоретическим грехом» всей монополистической экономии. И этот «грех» на ряду с другими превращает экономию вообще в монополистическую экономию. Эта основная методологическая ошибка не является, таким образом. только грубым логическим ляпсусом, но представляет собой вполне закономерное, об'ективное и исторически обусловленное явление. Ибо в монополии и только в монополии, как об'екте частичной внутрикапиталистической «рационализаторской» деятельности, заложены социальные корни этой теоретической ошибки.

Допущенное Дмитриевым предположение о возможности мгновенного расширения предложения при свободной конкуренции нужно понимать не так, что эта предпосылка действительно реальна, но только так, что она должна быть реальной. А реальной она может стать только в том случае, если капиталисты действительно образуют единую организацию, которая и осуществит эту «предпосылку» мгновенного расширения или сужения предложения, и вообще сознательного, в интересах всех капиталистов, входящих в данную корпорацию, регулирования предложения. И тогда, конечно, не будет того различия между конкуренцией и монополией, которое в теории так остроумно уже уничтожил Дмитриев, ибо конкуренция на самом деле превратится в монополию.

Развитие монополистического капитализма имеет тенденцию все более широкой и глубокой реализации этой «предпосылки», вплоть до попыток империалистическими методами «аргументации» добиться монополизации не только внутреннего, но и всего мирового рынка в отношении данного товарного вида. На фоне все усиливающихся монополистических тенденций современного капитализма, и буржуазная экономия имеет тенденцию теснее смыкаться с монополистическим капиталом, все полнее и конкретнее обслуживать его насущные потребности. Так происходит решительный

[1]) См. И. Блюмин, цит. соч., т. II, гл. II и III.
[2]) Ibidem, стр. 99.

разрыв с классиками, выхолащивание из теоретической экономии элементов социально-классовых антагонизмов, отказ от «метафизической» проблемы сущности и причины ценности, прямое или косвенное превращение учения о монопольной цене в центральный узел всей теоретической системы, ревизия апологетического содержания старой буржуазной экономии в соответствии с новыми условиями.

Сам *Джевонс* откровенно признается, что «теория экономии должна начинать с правильной теории потребления», потому что любой промышленник «знает и чувствует, как точно должен он антиципировать вкусы и потребности потребителей» [1]), при чем его учение о *«торговой совокупности»* (trading body) [2]) ясно показывает, *каких* именно *промышленников* имеет в виду *Джевонс*.

В понятие trading body включаются все производители или владельцы данного товара, которые как бы организованно ведут меновые операции с другим trading body. Поскольку здесь совокупность продавцов или покупателей выступает, как один продавец или покупатель, то к их меновым операциям *Джевонс* считает возможным применять полностью принципы предельной полезности, установленные в индувидуальном хозяйстве. Но что у Джевонса «на уме», то у капиталистов «на языке», т.-е. в конкретной *программе их экономической политики*. Если всякий хозяйствующий индивид стремится к «максимуму полезностей» (так наз. «принцип максимума»), то и trading body стремится к тому же самому; для этого последнего стремление к *максимуму прибыли* будет ничем иным, как *превращенной формой* вообще присущего всякому человеку стремления к *«максимуму полезности»*. Как индивид, таким образом, организует свое потребление различных благ, чтобы получить максимум общего наслаждения, так же точно поступает и trading body, но с той лишь маленькой разницей, что trading body «распределяет» не продукты, но товары, и получает не наслаждение от потребления благ, а радость от обладания суммой звонкого металла и банковых билетов, следовательно, получает «полезность» в *превращенной форме (денежной) прибыли*.

Проведенные нами аналогии, таким образом, с полной очевидностью вскрывают монополистическую сущность джевоновской совершенно «абстрактной» и «чисто» научной теории, так же, как и дмитриевской, вальрасовской и пр., и пр. теорий.

В общем, присущая в большей или меньшей степени всем представителям монополистической экономии склонность к индивидуалистическим (суб'ективистическим) «образам» и отождествлению закономерностей индивидуального хозяйства с закономерностями общественного неорганизованного хозяйства (помимо чисто апологетического смысла этого отождествления), вытекает из следующих двух моментов. *С одной стороны, этим выражается действительная тенденция капиталистов к организации «коллективных хозяйств», уподобляющихся в отношении внутреннего своего распорядка индиви-*

[1]) «Theory of political economy», 3 ed., p. 40.
[2]) Ibidem, p. 88—89.

дуальному хозяйству (равномерное распределение прибылей между всеми участниками монополистической организации, например, в форме акционерных дивидендов). *С другой стороны, при подобной организации производства и предложения, закономерности индивидуального потребления (строение индивидуального потребительского бюджета, как типовой величины), влияя на формирование совокупного рыночного спроса, приобретают актуальное значение для политической экономии, выражающей интересы монополистического капитала.*

Отсюда анализ законов индивидуального хозяйства, как, например, *второй закон Госсена*, имеет двоякий смысл. С одной стороны, он отражает закономерности строения *самой монополистической организации*, а с другой—аналогичную закономерность *индивидуального потребительского хозяйства*. Что это последнее имеет смысл для монополистической экономии лишь *как элемент рыночного спроса*, показывает та трансформация, какую принципы предельной полезности претерпевают у «американцев» *Кларка и Зелигмана*.

Они, с одной стороны, открыто признают, что цена или ценность явления целиком и полностью *социального порядка*, но. с другой стороны, прочно держатся за предельную полезность, которая, однако, согласно придаваемого ей «австрийцами» значения, есть закон сугубо *индивидуального порядка*. То, что тайно и стыдливо проделывают другие экономисты этого направления, *Кларк и Зелигман* сделали совершенно открыто: они превратили предельную полезность в «социальный закон», построив понятие «*социальной предельной полезности*», и тем самым по существу окончательно покончили с методологическим суб'ективизмом, который лежит в основе австрийской школы.

«Вещи продаются,—говорит Кларк,—соответственно их предельной полезности, но это — их предельная полезность *для общества*»[1]). Ему вторит Зелигман: «Ценность выражает не только предельную полезность: она есть выражение социальной предельной полезности»[2]).

То, что *Кларк и Зелигман* так бесцеремонно обращаются с суб'ективизмом, ни в коей мере не затрагивает той «гармонии интересов», которая, несомненно, существует между *Бемом—Кларком и Джевонсом—Касселем* и т. д., поскольку они принадлежат к одной и той же школе монополистической экономии. Последняя, как мы показали, характеризуется целым рядом моментов, одинаково присущим всем этим авторам; однако к числу этих моментов не принадлежит тот принцип последовательного суб'ективизма, как *метода каузального анализа*, на котором базируется австрийская теория. Вообще, научный монизм (и на суб'ективистической основе в частности), на котором «австрийцы» пытались построить свою теорию, есть не больше, чем традиция или, скажем, с точки зрения наших *Струве* или *Юровского*, «предрассудок» классической политической экономии, от которого у «австрийцев» еще не было мужества *открыто* отказаться. Но, *по существу*,

---

[1]) «The Distribution of wealth», New-York 1924. p. 23.

[2]) «Основы», стр. 159.

в своей теории «об'ективной ценности» они от этого монизма уже отказались, ибо поставили суб'ективные оценки в зависимость от цен, а цены... от суб'ективных оценок. Поэтому Кларк и Зелигман своей теорией социальной предельной полезности только продолжают дело австрийцев, а Кассель, Парето, Струве и Юровский завершают это дело, возводя в принцип те порочные круги, которые так неудачно пытались скрыть от взоров назойливой критики Бем—Менгер—Визер. Суб'ективизм, как метод научно-монистического анализа, совершенно излишний балласт для монополистической экономии»[1]).

Соединение ценности, как «категории социального порядка» (Кларк), с предельной полезностью ставит монополистическую экономию на правильные рельсы (с точки зрения внутреннего смысла этой теории) конкретного анализа закономерностей спроса, предложения, из которых для капиталистов в современных условиях вытекают совершенно определенные выводы в области классовой экономической политики. Это, с одной стороны, организация предложения путем устранения конкуренции между продавцами, и, с другой стороны, учет спроса (его общего об'ема, эластичности и внутреннего строения) в целях определения необходимой для получения оптимальной прибыли величины предложения, распределения ее по районам и назначения дифференциальных цен. Основные теоретические законы монополистической экономии как раз и выдвигают руководящие принципы для всех этих моментов монополистической политики, что мы и старались показать всем предыдущим анализом.

Новые формы апологии.

Мы не имеем возможности углубляться в социологический анализ построений отдельных авторов, да в этом нет большой надобности, ибо, поскольку дана общая характеристика такой огромной плеяды экономистов от Бема до Касселя, постольку вполне возможные отклонения отдельных авторов от установленного нами общего идеологического «стандарта» не могут иметь существенного значения.

Нам остается только указать на то, что и апология капитализма, которая, как было показано в первом разделе статьи, является элементом классовой экономической политики и, следовательно, необходимой частью буржуазной экономии,—также претерпевает существенные изменения в связи с эволюцией об'екта апологии.

Раньше в эпоху классицизма экономисты прямо осуждали монополию, как капиталистический принцип, а политическую экономию рассматривали, как «самого отважного разрушителя монополий». Но «времена меняются, и мы меняемся с ними», буржуазная экономия в этом отношении изменилась до неузнаваемости. Она теперь не только не «разрушает» монополии, но, наоборот, об'ективно, независимо от поставленных тем или иным автором целей исследования помогает строить таковые, а уже организованным монополиям оказывает

[1]) Подробнее об этом см. в нашей рецензии на труд Блюмина в «Под Знаменем Марксизма», № 7—8 за 1928 г.

любезное содействие в теоретической разработке наиболее «рациональных» принципов экономической политики, а именно политики монопольных цен и соответствующего регулирования рынка. Теперь экономия скорее является «самым отважным разрушителем свободной конкуренции» и самым активным помощником монополистической экономики...

Собственно своей предпосылкой или своим выводом (предпосылка и вывод у них вообще бесцеремонно заменяют друг друга) о тождестве законов индивидуального (следовательно, организованного) и общественного (капиталистического и, следовательно, неорганизованного) хозяйства, что может считаться общим местом всей монополистической экономии, уже дается *полное оправдание капитализму в его монополистической форме и увековечивается его бытие.* А *Лифманн*, как мы указывали в нашей статье, посвященной критике его теории [1], прямо заявляет, что меновое хозяйство—это вечная категория, а так наз. «фондовый капитализм»—наивысшая, идеальнейшая форма менового хозяйства. Все в порядке, как и следовало ожидать...

Остается только, по Лифманну, организоваться потребителям, чтобы нейтрализовать некоторые отрицательные стороны деятельности синдикатов и трестов, а рабочим добиться несколько лучших условий найма и, накопляя заработную плату в форме фондов, стать участником самих капиталистических монополий. Никаким *внутренним пороком* капитализм, конечно, не страдает, и поэтому революционная борьба за низвержение капитализма совершенно бесплодна.

В сущности, рабочие совершенно напрасно проникнуты антагонизмом к капиталистам-предпринимателям, ибо, как уверяют некоторые почтенные американские экономисты, *прибыли, как вычета из стоимости, создаваемой рабочими, вообще не существует.* Прибыль—это сплошная выдумка классической экономии, подхваченная социалистами! На самом же деле ее нет. Чтобы доказать эту чудовищную для всякого здравомыслящего человека вещь, *Кларк* вынужден построить довольно сложную теорию статики и динамики и доказать, что в условиях *равновесия* прибыли не существует. Предпринимательская прибыль—это *временное* явление нарушенного равновесия, а поскольку политическая экономия изучает, главным образом, это последнее, предпринимательской прибыли для нее вообще не существует.

Другие «американцы», как *Уокер*, отрицают существование прибыли в наихудших предприятиях, регулирующих цены, и, следовательно, прибыль выступает лишь как премия для лучших предприятий, т.-е. признается только дифференциальная прибыль. Третьи считают предпринимательскую прибыль возмещением за риск и, следовательно, смешивают ее со страховыми премиями, наконец, четвертые развивают так наз. «трудовую теорию», т.-е. рассматривают предпринимательскую прибыль, как плату за особо ценный труд.

С другой стороны, *процент*, который, конечно, не отрицается монополистической экономией, ибо является вполне осязательным, зафиксированным в бюллетенях *фактом*, уже давным-давно оправдан Бем-Баверком. Источником процента является *время*, а никак не труд, а *прибыли—повышенная расценка рабочими настоящих благ по сравнению с будущими.* Мы не

[1] «Под Знаменем Марксизма», № 6 за 1927 г.

можем здесь останавливаться на всех этих теориях или следить, например, за колонками цифр Дмитриева, чтобы узнать ту «истину», что если даже «все продукты производятся исключительно работой машин, так что в производстве не участвует ни одной единицы живого труда», то и здесь возникает прибыль так же, как и от производств, употребляющих наемный труд [1]).

Все это в порядке вещей, и иных выводов мы и не ждем от буржуазной экономии, но специфичным для монополистической экономии мы считаем то, что они не идут слепо по пути гармонии услуг «труда, земли и капитала» на манер Кери и Бастиа, но избирают также и свой собственный путь апологии, более соответствующий поверхности явлений монополистической экономики. Они прямо или косвенно отрицают profit, и основанием к тому, конечно, служит та преимущественная, если не исключительная в современном капитализме акционерная форма организации самих монополистических об'единений, форма, в которой предпринимательская прибыль реализуется в скрытых учредительских барышах и всевозможных законных и незаконных махинациях с распределением фактических дивидендов. Сама форма организации монополистических об'единений, таким образом, оказывает услугу монополистической экономии, которая возводит в принцип эту видимую для поверхностного наблюдателя демократизацию капитала» и фиктивного поглощения процентом всей прибыли.

В том же случае, когда прибыль не отрицается, то последняя выступает, как правомерное вознаграждение предпринимателей за талантливо осуществляемые ими «новые производственные комбинации» (Шумпетер) [2]), ибо только благодаря этим «комбинациям» и осуществляется экономический прогресс. Если же лишить этих талантливых людей скромного вознаграждения в виде прибыли, то... остановится всякое развитие! Эту угрозу «уничтожения прогресса» в случае отмены прибыли, мы всерьез слышим от Зелигмана, замечательное рассуждение которого по поводу прибыли мы позволим себе привести.

«Прибыль,—говорит Зелигман,—действительно представляет собой излишек, как воображают социалисты. Единственный способ уничтожить прибыль, по справедливому мнению социалистов,—иронизирует автор,—это уничтожить частную собственность на орудия производства. Но уничтожение частной собственности было бы равносильно уничтожению прогресса», и поэтому «прибыль есть законный плод энергии и дальновидности» (курсив наш.—З. А.) [3]). Вслед за прибылью, как «плодом дальновидности», оправдывается и процент, как «результат воздержания» [4]). Правда, при напоминании «воздержания» перед нами встает тень покойного Сениора...

В отношении апологии не может быть, конечно, полного единства между представителями монополистической экономии, но наи-

---

[1]) «Экономические очерки», очерк 1: «Теория ценности Рикардо», М. 1928, стр. 28.

[2]) См. его «Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung», 2 Aufl., München und Leipzig. 1926.

[3]) «Основы», стр. 346.

[4]) Ibidem, стр. 367—385.

более распространенный из всех способов апологии—это вместе с тем и наиболее соответствующий внешней видимости монополистически-финансового капитализма путь отрицания прибыли, как постоянного и «нормального» вида капиталистического дохода, а именно, как формы классовой эксплоатации. На этом пути стоит и Вальрас-сын, который признает ссудный капитал единственной формой капитала и отсюда отождествляет прибыль и процент, а цену всякого капитала математически определяет, как капитализированный чистый доход капитала. При этом замечательно то, что капиталы бывают «земельные, личные и движимые», а следовательно, и рабочие суть капиталисты, и формулы Парето уже готовы для исчисления цены, единицы этого «персонального капитала», т.-е. среднего человека. Буржуазная экономия капитализировала даже человека и весь мир представила по образу и подобию финансового капитала.

Монополистическая экономия и технический прогресс.

После всего сказанного вполне ясно также, что в системе монополистической экономии, в отличие от конкурентной—классической системы, производственным моментам, не то что труду, но даже вообще издержкам производства, отводится лишь второстепенное место. Издержки производства, по Бем-Баверку, играют роль «вице-короля», а королем, конечно, являются потребности, или более точно—рыночный спрос. Но это и не могло быть иначе, ибо «поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, поскольку исчезают до известной степени побудительные мотивы к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед, постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» (Ленин, Империализм, 3 изд., стр. 81).

Те принципы, которые, как мы показали, с полнейшей отчетливостью вытекают из теоретических законов монополистической экономии, при известных обстоятельствах прямо диктуют необходимость задерживать технический прогресс. Если согласно формул спроса мы исчислили, что оптимальная прибыль получается при цене X на Y единиц товара, и если коренная техническая реконструкция предприятия дает два Y единиц товара при увеличении общего об'ема издержек только на 50 проц., то при всей народно-хозяйственной рациональности такой реконструкции она может и не быть осуществлена. Ибо согласно закону убывающей полезности (спроса) при реализации двух Y новая оптимальная цена даст норму прибыли меньшую, чем та, которую предприятие получало при цене X и массе Y.

Конечно, такое положение не всегда имеет силу, ибо, во-первых, возможно, что сокращение издержек производства сделает рентабельным экспорт товара, бывший ранее невыгодным, и таким образом удастся оставить для реализации внутри страны один Y и, следовательно, сохранить прежнюю массу и норму прибыли, а излишек экспортировать, что увеличит норму общей прибыли.

С другой стороны, нужно учитывать и то, что абсолютная монополия есть не более, чем теоретическое допуще-

ние; фактически конкуренция в той или иной форме никогда не исчезает, как, например, та «потенциальная конкуренция» между удовлетворяющими одну и ту же потребность товарами, о которой так много говорят авторы этой школы.

Мы знаем, что в действительности как раз при наличии международной конкуренции национальные тресты, как, например, сейчас в Германии, бешеным темпом используют в целях рационализации производства все достижения науки, но нам известны также и при иных условиях и обратного порядка факты, когда, например, картель бутылочных фабрикантов в Германии скупает патенты Оуэнса и не применяет их в производстве, не желая увеличивать об'ема своей продукции. Поэтому Ленин говорит не о техническом застое при монополистическом капитализме, но лишь о «тенденции к застою и загниванию, свойственной монополии» (разрядка Ленина), которая «в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени берет верх» (разрядка наша.—З. А.). Но над чем эта тенденция «берет верх»? Ясно, что над обратной тенденцией — технического прогресса. Очевидно, что, чем шире и полнее развиваются монополии, чем более им удается оградить ультрапротекционизмом свой рынок и при посредстве всех методов империализма завоевывать мировой рынок, короче—чем больше монополия приближается к типу абсолютной монополии, и монополистический капитализм становится универсальной формой, тем более тенденция к загниванию «берет верх» над обратной тенденцией.

Наличие двух борющихся друг с другом тенденций отчетливо проявляется в монополистической экономии, которая, перенося центр тяжести в область обращения, выдвигая посылку «данности предложения» и концентрируя главное свое внимание на цене—спросе—оптимальной прибыли, не может, однако, полностью отказаться и от производственных моментов, т.-е. от анализа издержек производства. Вот почему Кассель, кладя во главу угла своей системы предпосылку «данности первичных производственных факторов» (в отличие от предпосылки данного запаса потребительских благ у «австрийцев»), или «Prinzip der Knappheit» («принцип редкости»), связывает, однако, этот принцип с играющим все же второстепенную роль в его системе «принципом издержек»—«Kostenprinzip». Взаимоотношение этих двух принципов в системе Касселя соответствует тому значению, какое в реальном капитализме наших дней играет, с одной стороны, стремление к монополистической организации производства, а с другой стороны — стремление к техническому прогрессу.

Кассель довольно подробно рассматривает различные комбинации между спросом—ценами—издержками производства, развивая в отношении издержек три так наз. «суплиментарных принципа» [1]) («принцип дифференциации», «принцип ценообразования при понижающихся издержках» и «субституционный принцип»), сохраняя, однако, незыблемым свой основной принцип примата спроса и данности первичных факторов (т.-е. монополистического обладания средствами производства). Он утвер-

[1]) «Theoretische Socialökonomik», 3 Aufl., 1923, S. 77—91.

ждает, что «спрос направляет производство. Как на готовые товары, так и на средства производства цены образуются по принципу редкости» (там же, стр. 74). А «принцип редкости в меновом хозяйстве заключается, следовательно,—говорит Кассель,—в необходимости через ценообразование привести в соответствие потребление с недостаточным (knappen) снабжением благами» (там же, стр. 62). Роль же издержек сводится только к тому, что они определяют лишь необходимый *минимум цены*: «спрос должен быть в таком об'еме, чтобы цена возмещала издержки; это и есть Kostenprinzip» (там же, стр. 77).

Итак, Kostenprinzip является лишь известным *лимитом цены*; руководящую же роль в хозяйстве играет спрос и «принцип редкости», как выражение общей скудности нашего материального мира. В «Prinzip der Knappheit» *Кассель* вкладывает чисто-натуралистическое содержание и придает ему универсальное значение, независимое от данной социальной формы производственных отношений. Но мы прекрасно знаем, что эта «редкость» не естественная, но «искусственная» в том смысле, что она целиком и полностью *социального порядка*, ибо есть следствие *монополии капиталистов на средства производства*. Эту монополию нужно понимать *в двояком смысле*. Во-первых, это общеклассовая монополия капиталистов вообще на средства производства: об этого типа монополии, о которой говорил еще *Маркс*, в новейшей литературе говорит Оппенгеймер [1]), повторяя в основном *Дюринга*. Эта монополия не отрицает, но предполагает конкуренцию *внутри* класса капиталистов между отдельными производителями. Во-вторых, *внутри-капиталистическая монополия*, когда благодаря обладанию всеми средствами *данной отрасли производства* на место многих конкурирующих производителей становится либо один производитель, либо сплоченный коллектив, который выступает, как единоличный производитель.

Касселевский «принцип редкости» есть не что иное, как выражение этого двоякого типа монополии, т.-е. целиком и полностью *феномен социального порядка*. «Скудность снабжения благами», о которой говорит Кассель, как раз и является порождением этого двоякого типа монополии, ибо «скудность» нужно понимать только в относительном смысле, т.-е. как «скудность» снабжения благами определенных слоев населения, например, *рабочего класса*. Нельзя же, в самом деле, говорить о «скудности» снабжения *Рокфеллера* или *Моргана*! А раз так, значит «скудность» для одних есть «изобилие для других», и в силу этого касселевская «необходимость через ценообразование привести в соответствие потребление с недостаточным снабжением благами» означает в действительности не что иное, как необходимость ограничить потребление *определенной части общества*.

Что же касается этой пресловутой «редкости», то таковая уже однажды была создана общеклассовой монополией на средства производства, а затем *еще более была усилена* образованием монополий внутри класса капиталистов. Поэтому касселевское стремление «ограничить потребление» означает только желание «ограничить» таковое в соответствии с *монополистическими тенденциями*, т.-е. в целях нахождения такой цены, которая дает

[1]) *Oppenheimer*, Theorie der reinen und politishen Oekonomie, Jena 1922.

оптимальную прибыль, и своими формулами Кассель, так же, как и все его коллеги—«математики», как раз и старается помочь капиталистам-монополистам осуществить это благое намерение путем использования этого якобы универсального и надисторического «принципа редкости».

Таким образом, «принцип редкости» есть просто-на-просто принцип сознательного ограничения производства и предложения в целях получения максимальной прибыли и противодействия присущей капитализму вообще тенденции нормы прибыли к понижению. Мы специально остановились на Касселе именно потому, что он сделался в последнее время особенно популярным в качестве международного арбитра антагонистических интересов монополистического капитала различных стран. Между тем именно его теория отчетливо выражает монополистические тенденции, и тот самый империализм, с которым в Генуе и других местах Кассель боролся.

Нам известна попытка трактовать Касселя, как «блюстителя» старых традиций классической школы... Но это абсолютно неверно, ибо, если сравнить его (также, как и иного любого представителя монополистической экономии), например, с Рикардо, то получится картина полной противоположности систем обоих авторов.

Для Рикардо труд—единственный регулятор ценности, а редкие блага, определяемые спросом-предложением, есть нехарактерное для всего строя хозяйственной жизни исключение. Для Касселя, наоборот, редкость—основной регулятор всей экономики, и сам труд рассматривается лишь как подвиг редких благ. Для Рикардо свободная конкуренция—всеобщий закон, монополия—исключение. Кассель же устанавливает целый ряд ограничений свободной конкуренции и ревизует на этом основании рикардовский принцип. У Рикардо — примат производства и подчиненная, производная роль спроса. У Касселя—примат спроса и подчиненная роль производства.

Эти антитезы еще можно было бы продолжить, но мы ограничимся еще лишь одной, резюмирующей все приведенные и социологически обосновывающей их. Рикардо—экономист быстро растущего промышленного капитализма первой четверти XIX века. Кассель—экономист изживающего себя монополистически-финансового капитала первой четверти XX века.

Независимо от интеллектуальных способностей обоих авторов столетие, отделяющее Касселя от Рикардо, равно как и Кларка, Маршаля и др., не могло не определить этой противоположности внутреннего содержания и основных принципов обеих систем; монополистическая экономия в такой же мере отличается от классической, в какой эпоха расцвета капитализма отличается от эпохи загнивающего капитализма. Рикардо — величайший мыслитель эпохи расцвета буржуазной экономии. Он стоит на гребне волны капиталистической истории. Кассель—плоть от плоти и кость от кости теоретиков эпохи заката капитализма, а следовательно, и заката, предельной степени вульгаризации политической экономии. Поэтому, независимо от своих интеллектуальных способностей, Кассель, как буржуазный экономист XX века, не может дать экономической науке того, что мог дать экономист начала XIX века, эпохи наибольшего полнокровия капитализма...

Читателю, конечно, ясно, что в этом нашем сравнении двух личностей как раз никакой роли не играют сами личности, ибо мы противопоставляли буржуазную экономию двух различных эпох...

* * *

То, какую роль играет производственный момент, т.-е. издержки производства, в системе монополистической экономии, прекрасно показывает теория цены Роберта Лифманна. Для него так же, как и для Касселя, издержки производства—это только низший лимит цены. Высший же лимит определяется «предельным потребителем». В соответствии с этими двумя лимитами, Лифманн устанавливает единство конкурентной и монопольной цены. Конкурентная цена — это низший лимит цены, монопольная цена—ее высший лимит. Цена постоянно колеблется между этими двумя лимитами. Колебания же происходят через механизм спроса - предложения благодаря стремлениям всех вообще хозяйствующих индивидов к максимуму дохода, как чисто психологическому ощущению превышения полезности над опять таки психологически трактуемыми издержками.

Но «психология» здесь по сути дела не при чем: с ее помощью, как мы показали в нашей статье, посвященной критике теории Лифманна, автор старается только скрыть свою неспособность понять сущность цены и свести ее к причинной зависимости от какого-либо одного основания. Остается спрос-предложение и эмпирически познаваемые низший и высший лимиты цены, следовательно, та же теория спроса-предложения с монополистическим акцентом, которая присуща вообще всей монополистической экономии; Лифманн также развивает и соответствующий монополистической экономии способ апологии капитализма. Поэтому, несмотря на всю внешнюю видимость принципиальных расхождений Лифманна с так наз. «австрийцами», «математиками» и «англо-американцами», мы без всяких колебаний причисляем его к этой школе монополистической экономии, из которой, без всякого на то основания, И. Блюмин выделил Лифманна, как автора, «стоящего особняком» от других (Блюмин, т. I, стр. 13).

Принцип примата спроса - потребления, который мы иллюстрировали на примере теории Касселя, с полнейшей отчетливостью выступает также и у Лифманна. Что же касается монополистической установки его теории спроса—предложения, то об этом акцентировании красноречиво говорят за себя все 200 страниц его теории цены во II томе «Grundsätze der Volk wirtschaftslehre», а также его очень тонко и, пожалуй, даже талантливо разработанная «теория меновых констелляций». И здесь и там преимущественное внимание уделяется монопольной цене и условиям, при которых индивидуальный «доход» производителя может превысить уровень «меновохозяйственного предельного дохода». В «теории меновых констелляций» даны всевозможные комбинации монополии и конкуренции, как их чистые «абсолютные» типы, так и различные переходные стадии. Стройная схема «меновых констелляций» показывает капиталистам с неменьшей ясностью, чем схемы Менгера, те конкретные пути, благодаря которым капиталисты могут достигнуть наиболее выгодного для себя положения в этом «меновом созвездии» (констелляция—буквально созвездие). Это, конечно, все тот же путь образования монополий, и особые моменты монополисти-

ческой политики, которые мы выше подробно рассматривали; эти моменты в том или ином виде и в той или иной связи фигурируют также и у Лифманна. Практический смысл теории цены и «меновых констелляций» для капиталистов совершенно ясен: необходимо добиться уже известным нам методом такого положения в «меновом созвездии», при котором рыночная цена данного блага эмансипируется от своей «низшей границы» и будет тяготеть к ее «высшей границе», следовательно, добиться возможно более прочного монопольного положения, а следовательно, монопольной цены и прибыли. Итак, экономическая политика, которая прямо диктуется капиталистам на основе лифманновской теории, заключается в образовании монополий в целях эмансипации от влияния на цену издержек производства и превращения конкурентной цены в монопольную цену...

Когда же достигнуто это положение в «меновом созвездии», то для капиталистов действительно приобретает самое актуальное значение планомерное регулирование спроса, а следовательно, и закон убывающей полезности, и его практические коррективы—закон равнозначного потребления (у Лифманна он называется «законом равенства предельных доходов») и закон эластичности спроса, которыми Лифманн интересуется так же, как и другие представители монополистической экономии. Следовательно, теория Лифманна лишь частный эпизод на общем фоне современной экономии. Его теория насквозь проникнута теми же чертами, которыми характеризуется вся буржуазная экономия эпохи монополистического капитализма. И если швед Кассель выступает арбитром в борьбе монополий различных стран с высшей идеей «мирового блага», а немец Лифманн прямо защищает на практике интересы своего национального монополистического капитала против Англии и Америки, то это различие не нарушает, конечно, идейной классовой гармонии обоих теоретиков.

Следует вообще отметить, что, если некоторые представители монополистической экономии выступают с фритредерскими принципами экономической политики, то нужно иметь в виду, что это неофритредерство существенно отличается от старого фритредерства классиков. Для последних свобода внешней торговли была неразрывно связана с идеей экономической гармонии на основе свободной конкуренции отдельных, самостоятельных капиталистов-«одиночек». Оба принципа—свобода внешней торговли и свободная экономическая борьба хозяйствующих индивидуумов—внутри страны об'единялись в едином принципе «laissez faire, laissez passer»; этот принцип означал не только невмешательство государства в экономические отношения, но и вообще протест против какого бы то ни было воздействия организованной силы, например, капиталистических монополий в экономические отношения. И само фритредерство было лишь выводом из общего представления классиков о совпадении «личного интереса» с «общим благом» всего общества.

Совершенно иную роль играют фритредерские принципы у представителей монополистической экономии. Если мы возьмем апостола современного фритредерства Густава Касселя, то без труда поймем коренное отличие старого и нового фритредерства. «Свободная торговля» Касселя—это не свободная борьба хозяйствующих индивидов, но конкурентная борьба монополистических гиган-

тов на мировой арене. Следовательно, в полную противоположность классикам, здесь *наличие капиталистических монополий является условием защищаемого Касселем фритредерства*. Было бы просто нелепым, если бы Кассель отрицал капиталистические монополии—«ассоциации капиталистов» в целях организованного давления на рынок, ибо эти последние являются характернейшей чертой современного капитализма. Кассель не может говорить подобно *Бастиа*, что «свобода торговли должна вырвать у олигархии самые источники внутреннего хищения—*монополии*», ибо это «внутреннее хищение» стало условием sine qua non новейшего капитализма. Поэтому борьба против внутренних монополий, разного рода синдикатов, трестов и комбинатов означала бы не что иное, как борьбу против самого *капитализма*, поскольку современный капитализм невозможен вне этой исторически присущей ему формы организации. Требование борьбы с капиталистическими монополиями было бы поэтому не чем иным, как *реакционным, мелкобуржуазным, сисмондистским требованием*, и экономия, которая пыталась бы обосновать и проповедывать это требование, была бы с точки зрения современной крупной промышленной и финансовой буржуазии реакционной экономией, диссонирующей ее собственным представлениям, интересам и требованиям.

Итак, фритредерство некоторых современных буржуазных экономистов есть требование *только свободы внешней торговли, требование свободной эксплоатации мирового рынка, и в первую очередь колоний*. Это не что иное, как протест против монополистического захвата *отдельными* странами *отдельных* участков мирового рынка и требование *передела* этого последнего между мировыми трестами и синдикатами в целях осуществления возможности для этих последних экспортировать в виду установления монопольных цен внутри своей страны избыточную товарную продукцию на мировой рынок. *Современное фритредерство имеет, таким образом, в своей основе монополистическую организацию капитала, следовательно, отрицание laissez faire, и именно этим оно коренным образом отличается от фритредерства экономистов классической школы*. Поэтому и фритредерство ряда представителей монополистической экономии ни в коей мере не отрицает и не противоречит тому, что все они сознательно или бессознательно и в той или иной форме являются *апологетами монополистического капитала*, но отнюдь не свободной конкуренции «хозяйствующих индивидов», т.-е. сравнительно мелких и дезорганизованных промышленных капиталистов и купцов, от имени и в интересах которых выступали *классики* как в теории, так и в экономической политике.

Независимо от того, какие идеалы рисуются тому или иному автору из рассматриваемой нами группы экономистов, и какие *конкретные* требования экономической политики *лично* он защищает, но поскольку его теория заключает в себе проанализированный выше комплекс монополистических представлений, более или менее полно представленный, постольку его теория соответствует интересам монополистического капитала. Капиталисты-монополисты могут сами сделать конкретные выводы из его теории в области экономической политики, более или менее отклоняющиеся от выводов самого автора, но в то же время целиком базирующиеся на его «абстрактной» теории,

т.-е. монополистической теории. Таким образом, если даже суб'ективно тот или иной экономист данной школы настаивает на «чистой научности» теории и отриц т связь своей теории с какими бы то ни было классовыми интересами, то об'ективно его теория является всегда классовой теорией. Поскольку же налицо указанный выше комплекс монополистических идей, постольку мы в лице анализируемых авторов имеем дело с определенной буржуазной школой, именно школой монополистической буржуазии...

* * *

Такова монополистическая экономия,—экономия, созвучная классовой психологии и классовой экономической политике буржуазии в эпоху монополистического капитализма. Это созвучие того же самого порядка, как и созвучие классической экономии эпохе развивающегося промышленного капитала.

IV. Эволюция монополистической экономии.

Чтобы закончить настоящий очерк, нам остается только рассмотреть возможные возражения против выдвинутой здесь концепции социологической оценки современной экономии.

Первое и, пожалуй, самое серьезное возражение которое знакомый с историей политической экономией читатель вероятно, уже выдвинул против нас, заключается в указании на то, что система политической экономии, характеризуемая нами, как монополистическая, была фактически создана задолго до рождения монополистического капитализма. Мы и не собираемся этого отрицать. Напротив того, мы даже подчеркиваем, что основные элементы монополистической экономии имелись уже у экономистов эпохи промышленного капитализма, а отчасти и раньше.

Это об'ясняется тем, что сами по себе эти элементы не составляют для подлинно научной экономической теории никакого открытия, представляя собой не более, чем поверхностное (хотя бы и облаченное в форму самых сложных приемов математического анализа) отображение фактов конкретной действительности, тех именно фактов, которые в современном капитализме особенно сильно бросаются в глаза и заставляют буржуазную экономию игнорировать все то, что скрыто за этой поверхностью от взоров рядового наблюдателя.

Но суть дела в том, что абсолютно все эти явления или так наз. «законы» хотя и не выпирали на передний план, но, несомненно, имели место в эпоху промышленного капитализма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые экономисты смогли уловить эти факты и, обобщив их, громко провозгласить коперниковский переворот в политической экономии, как это сделал, ныне ставший «великим» Герман Госсен в своем известном труде о «Развитии закона и т. д.» [1]).

Но, как показали историко-литературные изыскания, не только Джевонс—Вальрас—Менгер, но и Госсен не сделал никакого открытия. Идея суб'ективной ценности, регулируемой предельной полезностью,

[1]) Gossen, Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fliessenden Regeln für menschlichen Handeln, III Aufl., Berlin 1927.

как указывает Zuckerkandl в «Zur Theorie des Preises» [1]), была развита еще Ferdinando Galiani; Визер ссылается на Daniel'я, Bernulli и т. д.

Несомненно также, что и у Барбона имеются сравнительно ясно формулированные элементы теории предельной полезности. Отождествляя цену с ценностью, он полагает, что «ценность товаров повышается от их употребления» или «от уменьшения их количества». Считая, что «ничто не имеет ни цены, ни ценности в себе», он устанавливает зависимость величины ценности от оценок покупателей, с одной стороны, и «редкости благ»,—с другой [2])—и точь в точь, как пресловутый Бем-Баверк, Барбон беспомощно плавает в «порочном кругу», сводя ценность (цену) к оценкам потребителей, а эти последние опять к ценности (цене). Но лавры австрийской теории не дают покою исследователю Барбона—Стефану Бауэру, который «открывает» в Барбоне Рикардо психологической теории. Высоко превознося научные заслуги Барбона, Бауэр дает «современную оценку» этих заслуг в следующих словах: «Невозможно отрицать..., что сведение цены к ценности, об'яснение последней из психологических мотивов, разрешение вопроса о соотношении между ценностью и полезностью введением количественного момента—может быть оценено в связи с выводами новейших исследователей ценности» [3]). При этом Бауэр имеет, конечно, в виду как раз корифеев современной монополистической экономии—Бем-Баверка, Джевонса, Маршаля, Визера и др.

Наконец, также и Кондильяк в полемике с Ле-Троном аргументировал «от Бема», полагая, что «ценность зависит от оценки предметов, а эта оценка соответствует степени нашей потребности» [4]).

В общем, современная монополистическая экономия не имеет недостатка в предшественниках даже в период «до-научного» состояния политической экономии. Являясь простым наблюдением над деятельностью хозяйствующего индивида и, прежде всего, над собственной деятельностью самого автора теории предельной полезности, рассуждения на подобные темы, вообще говоря, могли появиться очень давно, даже до торгового капитализма. Но по мере развития капитализма развивалась и подлинно научная экономическая мысль, которая уже не удовлетворялась констатированием самой поверхности экономических явлений на основе «опыта» хозяйствующего индивида и пыталась познать органические связи всей общественной экономики, как целого.

Тюрго уже пытается соединить полезность и труд и этим предвосхищает новейших эклектиков типа Дитцеля, Франка, Туган-Барановского. Он говорит: «Слово ценность выражает ту полезность применительно к нашим потребностям, которая заставляет нас рассматривать дары и блага природы, как способные приносить нам удовольствие, удовлетворить наши желания» [5]). Но если ценность есть полезность, то мерилом ценности для Тюрго является труд, понимаемый в суб'ективном смысле, ибо он утверждает, что

---

[1]) R. Zuckerkandl, Zur Theorie des Preises и т. д., Leipzig 1889, S. 49—53.

[2]) Barbon, Discourse of Trade, 1690, p. 18.

[3]) Stephan Bauer, Nicholas Barbon. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der klassischen Oekonomik» in Jahrbücher f. Nationalökomie u. Statistik, Bd. XXI, 1890, S. 570—571.

[4]) Цит. по А. Эйдельнаит, Предшественники новейшего номинализма,—«Социалистическое хозяйство», кн. III за 1925 г.

[5]) «Трактат о моменте», стр. 80.

«суб'ективная ценность блага для изолированного человека равна в точности той части его рабочей силы, которая соответствует его желанию обладать благом или которую он хочет потратить на удовлетворение этого желания».

Развитие промышленного капитала в Англии отметает в сторону психологические теории и определяет ясную *производственную линию* буржуазной экономии в лице *Смита* и *Рикардо*. В буржуазной экономии, как это мы отмечали во II разделе очерка, господствует безграничный оптимизм, вера в неограниченные возможности капиталистического развития.

Однако уже с первой четверти XIX века, в силу отмеченных нами обстоятельств, развивается оппозиция классической школе. Промышленность на континенте не может развиваться из-за английской конкуренции, что и является основанием для развития протекционистских идей и соответствующей этим последним теории. И Германия, и Франция стремятся *монополизировать* свой внутренний рынок для своих капиталистов, и не удивительно, что именно при таких условиях развиваются различного рода теории потребностей; последние, как мы знаем, являются выражением стремления к *ограничению предложения* на рынке теми или иными способами, и именно при таком ограничении учет *потребности-спроса* приобретает актуальное значение.

В этой обстановке зародились и развивались теории так наз. «абсолютных потребностей» *Германа*, *Вагнера*, *Рошера*, *Шторха* и др. С другой стороны, в этот период расцвета германского протекционизма появляется и теория предельной полезности *Госсена*.

Отнюдь не случайно, что именно в *Германии* под крылышком протекционизма такое прочное гнездо себе свили теории потребностей-спроса, и что такие видные представители исторической школы, как *Вагнер*, *Книс* и *Рошер*, являются сторонниками этого направления.

Характерно, что и во *Франции* в этот же период *усиленного протекционизма появляется* теория спроса предшественника современных «математиков»—*Курно*. *Франк* в своей ревизионистской работе «Теория ценности К. Маркса и ее значение» (Спб. 1900 г.), указывает еще на французского экономиста 50-х годов Огюста *Отто*, который не только развил теорию потребностей, но *отчетливо продемонстрировал своим учением связь этой теории с монополией*. *Отто* полагает, что «полезность делается основой ценности только там, где производители находятся в неравных условиях, и где один из них имеет какое-либо преимущество перед другим. В этом случае цена определяется той полезностью, которую имеет продукт производителя, находящегося в более благоприятных условиях, для другого контрагента» [1]). И далее это «неравенство» *Отто* прямо называет его настоящим именем—*монополией*. «Эти соображения,—говорит он,—показывают: каким образом закон и общественные учреждения, а также проистекающие из них неравенства, оказывают сильное влияние на ценность; каким образом обладатель *монополии... может поднять цену своего продукта до максимума полезности*, какую он имеет для потребителя; каким образом продукты теряют

---

[1]) *Франк*, указ. соч., стр. 328.

свою ценность и продаются по цене, не соответствующей затраченному на них труду, когда они потеряли свою полезность, или потому, что произведены в слишком большом количестве» [1]), и, наконец, «продукты оплачиваются по цене, соответствующей их полезности, только когда существует неравенство, известная монополия в пользу одного из производителей» [2]).

Также не случайно, что и другие известные нам теории *монопольного обмена* принадлежат, с одной стороны, французу *Прудону*, а с другой—немцу *Дюрингу*. «Распределительная ценность» *Дюринга* есть не что иное, как *монопольная цена*, при чем в своей теории «распределительной ценности» *Дюринг* пользуется точно такими же абстракциями, как старые и современные *теоретики предельной полезности*. Это «исключительные случаи, когда на данное время отрезан подвоз необходимых продуктов». И применительно к этим случаям *Дюринг* рассуждает так: «Представим себе, что имеющийся запас какого-либо необходимого товара внезапно и значительно сократился; тогда на стороне продавцов является несоразмерная сила эксплоатации». Этот случай обмена *Дюринг* тут же обобщает, считая, что «весь процесс установления цены есть не что иное, как решение вопроса об индивидуальном могуществе» [3]). Итак, здесь известная нам предпосылка «данности предложения», при чем у *Дюринга* этот монополистический подход к теории ценообразования имел своим основанием, с одной стороны, уже сильно определившиеся к этому времени (70-е годы) тенденции образования монополистических об'единений и изживания конкуренции; с другой стороны, фактическую деятельность таких монополистических организаций, как *железные дороги*, общества по снабжению городов водой или светильным газом, и т. п., на каковые *Дюринг* как раз и ссылается в подтверждение своей теории ценности.

Если, таким образом, во Франции и особенно в Германии мы отчетливо видим на протяжении всех первых трех четвертей XIX века ростки монополистических теорий, то в Англии, классической стране свободной конкуренции, господствуют идеи *Смита-Рикардо*, которые, как это было показано во II разделе, диаметрально противоположны чисто-монополистическим теориям спроса-потребностей.

Лишь позднее, когда противоречия капитализма стали все более обостряться и кризисы все более жестоко поражать самих капиталистов, начинается ревизия классической экономии и, например, *Маклеод* вновь защищает опровергнутый в свое время *Рикардо* тезис Сэя об определении ценности полезностью. *Маклеод* утверждает, что «меновая ценность не зависит от труда, но преимущественно от потребностей или вкусов потребителей» [4]), и поэтому «не труд сообщает предмету ценность, но, наоборот, ценность предмета привлекает к нему труд» [5]). *Маклеод* выражает собой уже период разложения классицизма, банкротства производственного оптимизма английской буржуазии...

О чем говорят все приведенные справки? О том, что элементы монополистической теории развивались экономистами и имели неко-

[1]) Там же, стр. 329.
[2]) Там же, стр. 330.
[3]) *Дюринг*, Курс политической экономии. Спб. 1893. стр. 133.
[4]) «Основания», стр. 23.
[5]) Там же, стр. 24.

торый успех лишь в странах, *промышленно-отсталых* по сравнению с Англией и нуждавшихся в *ограничении* своего внутреннего рынка системой протекционистской *таможенной политики*. Они выражали исторически вполне обоснованную тенденцию промышленных капиталистов этих стран к *монополии* внутреннего рынка в интересах всего класса.

Ценность зависит от потребностей, но платежеспособные потребности данной страны ограничены: поэтому для развития внутренней промышленности нужно оградить внутренний рынок от притока иностранных товаров и удовлетворять потребности граждан продукцией собственной промышленности. Иначе—последняя не сможет развиваться, а страна попадет в экономическую кабалу к промышленному гегемону—Англии. Переполнение внутреннего рынка иностранными товарами сверх суммы потребностей неизбежно вызывает падение цен до такого уровня, при котором местная промышленность не может развиваться. Таков истинный смысл теории потребностей авторов исторической школы, той самой школы, на знамени которой были начертаны протекционистские девизы.

Мы, таким образом, выяснили и общую возможность появления идей монополистической экономии до монополистического капитализма, и причины их распространения в XIX веке именно на *континенте*. Однако чисто монополистические теории *Курио* и *Госсена* не имели никакого успеха среди немецкой и французской промышленной буржуазии. Это об'ясняется тем, что указанные авторы в своих теоретических системах развивали отнюдь не те монополистические принципы, которые нужны были для экономической политики буржуазии этих стран.

Дело в том, что монополистические тенденции того периода резко отличаются от аналогичных тенденций конца XIX века. Первые тенденции выражают стремление к ограждению внутреннего рынка от *иностранной конкуренции* («воспитательные пошлины» Листа) в целях поощрения развития внутренней промышленности на *основе свободной конкуренции*. Те же тенденции в нашу эпоху выражают стремление к *ликвидации конкуренции на внутреннем рынке* и завоеванию мирового рынка. Прежняя монополия носила *оборонительный*, теперешняя—*наступательный* характер. Прежняя монополия осуществлялась *всем классом*, как единым целым, через подчиненный ему *государственный аппарат*; суб'ектами современных монополий являются отдельные группы капиталистов или даже отдельные личности, которые в своих собственных интересах монополизируют *отдельные участки внутреннего и мирового рынка и организованно эксплоатируют потребителей*, и в числе последних тех же капиталистов других отраслей производства.

Это различие в существе монополистической политики в эпоху промышленного и в эпоху финансового капитала наложило свою печать и на содержание буржуазных теорий обеих эпох.

Промышленной буржуазии Франции и Германии теории *Госсена* и *Курио* были чужды потому, что они строили свой анализ на основе *совершенно нереальных посылок*, как, например, «данность предложения», ибо внутри страны этой «данности» не было и не могло быть, поскольку концентрация производства еще не достигла того уровня, при котором образование монополий

становится **необходимостью**. Но вместе с этой предпосылкой и все содержание теорий **Курно** и **Госсена** было чуждым промышленной буржуазии того времени. Какой смысл могла иметь для этой последней подобная теория, поскольку свои важнейшие формулы **Курно** выводит из рассмотрения **монополистического** хозяйства, в то время как этого последнего на самом деле не было? По условиям того времени монополии хотя и были, но они не могли охватить решающие отрасли производства и участки рынка.

Какое основание имеет Курно, будучи теоретиком буржуазии, **игнорировать производство** и, сосредоточивая центр своего внимания на **спросе**, развертывать детальный **анализ**, не имеющий абсолютно никакой практической ценности для буржуазии? Эти последние имели бы свой смысл только при том условии, если бы возможно было образование внутренних монополий, которые бы и дали возможность воспользоваться формулами **Курно**. Поэтому, при наличии внутри страны исключительно **конкурентной цены** и решающего значения **издержек производства** в конкурентной борьбе, анализ **монопольной цены на базе неподвижного производства** не мог не предопределить печальной судьбы теории **Курно** так же, как и **Госсена**.

Как первый, так и второй законы **Госсена**, вполне заслуженно имеющие, как мы показали, такой огромный успех у современной буржуазной экономии, были пустым звуком для промышленной буржуазии Германии и Франции 40—50-х годов, и поэтому и только поэтому **Госсен** и **Курно** остались никем не понятыми. **Госсен**, — этот «Коперник политической экономии», — появился не вовремя со своей «коперниковской системой». Издание же его труда в 1927 году является вполне современным, ибо, как мы показали, его основные законы действительно являются альфой и омегой для экономической политики современной промышленно - финансовой буржуазии.

Промышленной буржуазии первой половины XIX века Германии нужен был **только протекционизм** (именно так наз. «воспитательные пошлины»), который имел вполне достаточную опору в исторической школе и **самых общих рассуждениях об ограниченности потребностей внутреннего рынка**, которыми занимались **Рошер**, **Книс** и **Гильдебранд**. Госсен же со своими фиктивными посылками и уточненным анализом потребления был им чужд.

* * *

Возрождение монополистических теорий в 70-х годах и их огромный успех об'ясняются тем, что к этому времени, как было выше показано, конкуренция уже изживала себя, а мощный концентрационный процесс уже создал необходимые предпосылки для образования и непрерывного развития вглубь и вширь капиталистических монополий.

«Открытие» **Джевонса — Вальраса — Менгера** было **исторической необходимостью**, и успех этого «открытия» был обеспечен всем ходом экономического развития, отчетливо определившимся, как развитие монополистического капитализма.

Но современная буржуазная экономия не сразу познала самое себя, как монополистическую экономию. Еще менее критики этой теории давали себе отчет в том, какова социальная природа той теории, которую они критикуют. Однако мы имеем целый ряд прямых сви-

детельств о наличии процесса самопознания буржуазной экономии, как монополистической.

Для иллюстрации этого процесса мы приведем взгляды «американцев» — Паттена и Зелигмана, и европейского «математика» — Касселя о значении этой новой теории.

Паттен в своей статье, посвященной значению теории предельной полезности, подчеркивает, что «значение этого деления (свободно воспроизводимых и несвободно воспроизводимых благ.—З. А.) находится в зависимости от хозяйственного состояния определенной страны и эпохи. Положения Рикардо справедливы только для определенной эпохи хозяйственного развития» [1]... Но, конечно, эти положения требуют весьма важных принципиального порядка ограничений, «потому что свободно-воспроизводимые блага нельзя уже резко отделить от монопольных благ» (там же). Теория предельной полезности в «американской интерпретации как раз и призвана построить такую теорию, которая исключение из рикардовой теории — случай свободно невоспроизводимых, следовательно, монопольных благ — превратила бы в правило.

Об этом вполне определенно говорит также и Зелигман. «Доктрина Рикардо,—заявляет автор,—о свободной конкуренции и естественной свободе заключала в себе два важных практических вывода: в применении к внутренней торгово-промышленной жизни laissez faire, или невмешательство государства; в применении к внешнему миру она означала свободу торговли. Опыт XIX века неопровержимо доказал, что оба эти требования имеют лишь относительное значение, и что при известных условиях они могут оказаться скорее вредными, чем полезными. А это сделало необходимым новый анализ теорий свободы и конкуренции, — анализ, находящийся в большем соответствии с происшедшими за последнее время изменениями» [2] (разрядка наша.—З. А.). Дальше оправдывается автором отход новой экономии от твердой производственной линии классиков тем, что «в первый период господства новой промышленной системы функция капиталиста, естественно, переоценивалась, и производству придавалось слишком большое значение». Последнее подчеркнуто нами, ибо здесь откровенно признается, что новая экономия потому именно и уделяет незначительное внимание производству, что функция капиталиста теперь иная, ибо главное его внимание теперь сосредоточено на том, на чем сосредоточено и внимание монополистической экономии — учете и регулировании всего спроса на данный товар в целях установления максимальных монопольных цен.

По тому же пути идет и Кассель, который подвергает обстоятельной критике принципы свободной конкуренции классиков с точки зрения изменившихся экономических условий. Он отмечает, что важнейшая предпосылка теории свободной конкуренции — полнейшая подвижность (Beweglichkeit) средств производства не имеет силу в современном хозяйстве благодаря широкому применению огромных капитальных вложений. Realkapital в современных условиях совершенно,

[1] Цит. по Франку, Теория ценности Маркса и ее значение, стр. 109.
[2] «Основы», стр. 107, 108.

нлн почтн совершенно, ие переиосим из одиих отраслей производства в другне. До известиой степеин это отиосится к специальио-обученной рабочей снле.

Также иет в иалнчин, по миеиию Касселя, в иаше время и другого условия свободиой коикуреиции — единого рынка с массой мелкнх продавцов н покупателей и отсутствием какого бы то нн было внешнего воздействия оргаинзоваиной снлы. Классическая картниа свободиой коикуреиции совсем ие похожа на совремеииый капнталнстический мир с его имеющнмн огромное экономическое влияние фоидовыми и товарными бнржами н сетью всевозможиых мощиых хозяйственных оргаиизацнй.

Хотя Кассель и призиает существоваиие свободиой конкуренцни в иаше время, ио указывает, что оиа ограиичеиа определенными рамками, н представляет свободиую коикуренцию ие дезоргаиизоваииых производителей и не бессозиательно регулнруемого меиового хозяйства, ио является прежде всего результатом «определеиных сознательиых стремлеиий» и «условий рациоиального образования цеиы по прннцнпу редкостн».

Далее, это «рациональное образоваиие цеиы» расшифровывается Касселем в его трех тнпичных примерах современного рыночиого обмеиа, как моиополнстнческое цеиообразование»[1]. Итак, здесь Кассель открывает перед нами истиииое значенне «принципа редкости» и показывает его апологетическую сущность, поскольку этот прницип дает «рацнональиое цеиообразоваиие».

Итак, н Кассель, н Паттеи, и Зелигмаи вполие «самопозиали» свою собствеииую теорию и показали, по какой имеиио лнинии и в силу какнх обстоятельств оии порывают с классиками. Об этой иеобходнмости разрыва с классиками говорит также и Макферлен[2] н даже в тех же выражеииях, как и Паттеи. Именно «изменившимися хозяйствеииыми условиями» об'ясияет Макферлеи то, что Госсеи остался иепонятым в 1854 году, а Джевонс, Вальрас и Меигер в 1872 году сразу завоевали экоиомическую мысль.

Из русскнх авторов причииы этого решительиого поворота буржуазной экономни вскрывает Фраик, который сам от марксовой теорин ценностн скатился на позицни моиополистической экономнн, будучн обескуражен этнми измеиеииями в хозяйствеиной жизин, которые, одиако, вопреки миеиию Фраика, ие только опровергают, но, наоборот, полностью подтверждают марксову теорию. Тем не менее рассуждеиня его по поводу эволюцин политнческой экоиомни весьма интересны.

«Еслн дальнейшее развитне иауки,—говорнт Фраик,—н подметило зиачеиие некоторых явлеиий моиополии в совремеином обществе,—мы напомиивем только о теории моиополнзации средств производства в капнталнстическом обществе,—то сила традицни ие позволяла обобщнть этн явлеиня в снстематической общей теорнн монополнн, тем более, что аиалогнчиые явлеиия в других областях хозяй-

[1] «Theoretische Socialökonomik», стр. 96—107.

[2] «Критика теории ценности н учение о ренте», стр. 70.

ственной жизни оставались попрежнему совершенно неоцененными. Только самое последнее время, давшее нам столь яркую картину стремлений к монополии в тех сферах, которые раньше оставались ареной свободной конкуренции—стоит вспомнить, например, о синдикатах и трестах—поставило на очередь вопрос о теоретическом изучении монополии... Монополия земельной собственности, как источник земельной ренты, монополия средств производства вообще, как источник «фундированных доходов», наконец, монополистический характер цен на продукты—все это суть явления одной и той же категории, и наука народного хозяйства не может обойтись без общей теории этих явлений» [1]).

Этими изменениями в экономической обстановке Франк пытается оправдать свой ревизионизм и капитуляцию перед теорией предельной полезности. Вот его откровенная «исповедь»: «Вследствие увеличения размеров капиталов, необходимых для ведения предприятий, вследствие концентрации отдельных отраслей производства в руках немногих лиц, наконец, вследствие об'единения целых отраслей промышленности в синдикаты и тресты, создается монопольный характер производства, препятствующий свободному передвижению производительных сил, и потому мешающий действию закона трудовой ценности так как благодаря этому производство данного продукта не может реагировать на всякие изменения цен соответственным изменением предложения, то этим создается широкий простор для действия закона «спроса и предложения», который, как мы видели, получает рациональное об'яснение при посредстве теории предельной полезности. В этом мы видим причину столь быстрого распространения суб'ективной теории ценности в Америке» [2]) (разрядка наша.—З. А.).

Наши русские экономисты всегда плелись в хвосте западных течений, что об'ясняется, конечно, отсталостью нашей экономики. В то время, когда на Западе уже господствовала теория предельной полезности, наши буржуазные экономисты, в роде Струве и Франка, еще заигрывали с марксизмом, но потом они очнулись и поспешили «сменить вехи» и присоединиться к монополистической экономии. В результате у нас появляются и свои собственные «математики», как Дмитриев, Юровский и Шапошников; бывшие марксисты, как Булгаков, Струве, Франк, Туган-Барановский,—либо становятся на позиции монополистической экономии, хотя и стараются еще кое-как согласовать ее с марксовой теорией ценности (Франк, Туган-Барановский), либо создают свою «самобытную» монополистическую теорию («указная цена» Струве), либо, наконец, находят свой удел в своеобразном сочетании религии и экономики (Булгаков).

Развитие монополистической экономии у нас совпало с развитием «монополистического капитализма», и поэтому западные и американские идеи нашли и у нас подходящую почву.

В лице Франка мы имеем весьма интересный случай бегства от марксизма к монополистической экономии. Конечно, для такого скачка нет никаких иных оснований, кроме большего идеологического сродства Франка с буржуазной экономией, чем с марксовой. По существу же все те новейшие экономические явления, которые смутили

[1]) «Теория ценности К. Маркса», стр. 362—363.

[2]) Франк, Психологическое направление в теории ценности,—«Русское Богатство» 1898 г., № 8, стр. 108—109.

›раика и убедили его в истинности теории предельной полезности, ни коей мере не затрагивают основ марксова анализа, но, наоборот, ами эти явления на основе марксовой теории были предсказаны еще адолго до их распространения.

И теория ценности, и теория прибавочной ценности сохраняют се свое значение для монополистического капитализма. Модифици›уется лишь, главным образом, благодаря монополиям, распреде- ление прибавочной ценности внутри капитали- тического класса, и расширяются границы ко- лебания рыночной цены вокруг ценности (цен роизводства).

Гильфердинг в «Финансовом капитале» в общем правильно наметил эти модификации. Необходим, конечно, более детальный анализ этих модификаций, но сущность основных категорий теоретической экономии остается без изменения и в монополистическом капитализме, и поэтому пересмотр основных положений Маркса ничем не обоснован, кроме изменения классовой позиции ревизующего...

* * *

Русский экономист Билимович в свое время выдвинул следующее возражение против возможности обоснования фактами экономики новейшей эволюции экономии. Он утверждал, что к 1871 году явления монополии в виде синдикатов и трестов не были еще настолько распространены, чтобы этим можно было об'яснить создание новой теории ценности [1]). На это И. Блюмин контрвозражает ссылкой на то, что «массовое распространение идей психологической школы началось в 80-х и 90-х годах, т.-е. в момент выступления на сцену крупных монополистических организаций» [2]).

Однако это возражение не опровергает Билимовича, ибо, во-первых, самое утверждение Блюмина не вполне точно, и, во-вторых, в 80-х годах по сравнению с 70-ми не произошло, да и не могло произойти в такой короткий срок, каких-нибудь резких и коренных изменений во всем строе экономики: начало монополистического капитализма Ленин датирует только первым десятилетием XX века.

Но это не значит, что Билимович прав: появление нового теоретического направления было обусловлено не наблюдением над фактами монополистического капитализма, но теми монополистическими тенденциями, которые уже в 60-х годах с полной отчетливостью проявлялись в связи с исключительным напряжением конкурентной борьбы, кризисами и концентрационным процессом.

Появление теории предельной полезности было исторически обусловлено всем ходом экономического развития и—в итоге—новыми требованиями классовой экономической политики, которые и нашли свое идеологическое обоснование в новой теории.

Таким образом, теория предельной полезности зародилась задолго до монополистического капитализма, явилась выражением новых требований промышленной буржуазии и ее идейным оружием.

[1]) Билимович, К вопросу о расценке хозяйственных благ, стр. 233.

[2]) Цит. соч., т. I, стр. 22—23.

При такой постановке вопроса само собой отпадает возражение Билимовича...

Монополистическая экономия—идеология заката капитализма — не может не быть вульгарной, поверхностной экономией, и к ней также приложима в полной мере общеизвестная марксова характеристика вульгарной экономии в «Теориях». И поэтому неправильной нам представляется следующая характеристика монополистической экономии Блюминым: «Она (т.-е. австрийская школа, но это, с точки зрения Блюмина, сохраняет силу в отношении всей монополистической экономии.—З. А.), чувствует себя бессильной всякий раз, когда ей приходится сталкиваться с реальным капиталистом. Она меньше всего в состоянии дать теорию капиталистической мотивации. Получается столь парадоксальное явление, что типичнейшая господствующая буржуазная экономическая школа меньше всего знает и хуже всего выражает психологию буржуазии» [1]).

Весь наш анализ эволюции буржуазной экономии, как нам кажется, показал, что никакого «парадокса» здесь нет, что и австрийская, и математическая школы прекрасно улавливают основные капиталистические «мотивации», именно тенденции монополистического регулирования рынка, и что поэтому мы имеем полную гармонию между экономией и экономикой. И хотя Блюмин выставил совершенно правильный тезис о связи современной так наз. «суб'ективной школы» с монополистическим капитализмом, но этот тезис он не смог защитить от... самого себя! Приведенная цитата как раз и показывает, что самое монополистическое «нутро» современной экономии Блюмин как раз не вскрыл, ибо иначе он не утверждал бы, что они «не дают капиталистической мотивации» и пасуют перед экономическим поведением «реального капиталиста».

С правильно намеченного пути социологического анализа Блюмина сбил пресловутый «суб'ективизм», склонность всех представителей монополистической экономии к суб'ективистическим «образам», истинный смысл чего мы старались выше вскрыть...

Чем дальше, тем все яснее становится связь буржуазной экономии новейшей формации с монополистическим капиталом и желанием обслуживать его конкретные, насущные интересы. Вместе с тем, буржуазная экономия окончательно сбрасывает с себя тогу научно-монистической теории, в которую была еще облачена австрийская школа, и все более развивает «практический уклон», осуществляя смычку между теорией и практикой монополистического капитала. Этот процесс выражается в том своеобразном научном нигилизме, который у нас провозгласил Петр Струве и его ученик Л. Юровский, а за границей «математики», как, например, Парето и Кассель.

Этот нигилизм заключается в отрицании всех достижений классической экономии (не говоря уже о марксовой), об'явлении схоластической самой постановки проблемы сущности и мерила ценности и, наконец, решительном отказе от каузального анализа и замене его функциональным анализом.

«Экономическая наука,—говорит Кассель,—потратила бесполезно очень много труда в спорах о том, может ли рассматриваться та или

---

[1]) Цит. соч., т. I, стр. 48.

ная группа неизвестных, как причина или следствие» [1]). С такими «опытами» Кассель считает необходимым покончить раз и навсегда. Но, вместе с тем, современная экономия покончила «раз и навсегда» с научной экономией вообще, и превратилась в слепое орудие монополистической, а следовательно, и империалистической политики.

И хотя Кассель в своем меморандуме «Лиге Наций» призывает последнюю к тому, чтобы «вскрывать монополистические тенденции и бороться с ними» (курсив наш. — З. А.) и «вообще блюсти интересы мирового хозяйства в целом против односторонних националистических и монополистических устремлений» [2]), но мы знаем прекрасно, какова цена этим дипломатическим заверениям. В какой мере «Лиге Наций» удается «блюсти интересы мирового хозяйства»—общеизвестно. И если даже приведенные слова Касселя вполне искренни, то это ни в коем случае не нарушает того, что объективно, независимо от желаний самого Касселя, его теория так же, как и теории всех его коллег, служат интересам монополистического капитала каждой страны, а, следовательно, обостряют империализм.

В «Закате Европы», характеризуя банкротство буржуазной (и в том числе своей собственной философии), Освальд Шпенглер пессимистически восклицает: «Систематическая философия бесконечно далека нам в настоящее время: философия этическая закончила свое развитие... Мы имеем в истории философии последнюю серьезную философскую тему» [3]).

Не менее «чужда» буржуазным экономистам наших дней и абстрактная научная экономия. Для буржуазной экономии «единственно серьезной экономической темой» осталось отрицание политической экономии, как науки, и создание практического кон'юнктурного ремесла, обслуживающего капиталистические монополии и их империалистическую политику.

---

[1]) Цит. соч., стр. 82.
[2]) Кассель, Мировая денежная проблема, стр. 90.
[3]) «Закат Европы», т. I: «Образ и действительность», Москва 1923 г., стр. 47.

О методологии изучения мирового хозяйства[1]).

(К проблеме конкретного воспроизводства).

Инал. Бутаев.

1. Мировое хозяйство как об'ективно существующий факт.

Мы должны прежде всего согласиться со следующими выдержками из двух марксистских авторов по мировому хозяйству.

Первая:

«В нашем союзе проблемам мирового хозяйства уделяется значительное внимание. Но до сих пор нет теоретического охвата этого предмета, нет указания, в чем именно заключается сущность науки о мировом хозяйстве, чем она отличается от «науки о народном хозяйстве» [2]), какие проблемы изучаются ею и какие — экономической географией». (М. Спектатор, Введение в изучение мирового хозяйства, 1928 г., стр. 3).

Вторая:

«Марксистская экономическая наука еще не сформировала в развернутой форме свою теоретическую позицию в анализе «мирового хозяйства». В то же время настоятельная потребность изложения марксистской точки зрения по данному вопросу вытекает хотя бы из того факта, что в вузах нашего союза введен «курс мирового хозяйства» без сколько-нибудь единообразной программы...» (А. Угаров, Проблема мирового хозяйства,— «В. К. А.» № 23, стр. 23).

О чем говорят эти выдержки? О том, что мировое хозяйство существует, как факт, и что есть поэтому потребность как в об'яснении этого факта, так и в том, чтобы представления о мировом хозяйстве сделать достоянием учащихся наших общественных вузов. Любопытно, однако, что мировое хозяйство в наших вузах преподается еще до того, как марксистская наука определила в развернутой форме свою теоретическую позицию в этом вопросе. Это свидетельствует о том, что, во-первых, бьющие в глаза факты мирохозяйственной жизни требуют своего об'яснения и что, во-вторых, теория значительно отстает в этом вопросе от жизни.

Буржуазные экономисты, которые никогда не трудятся видеть за поверхностью подосновы явлений, обратили внимание на мирохозяйственную конкретность капитализма раньше марксистов. Больше всего этому вопросу уделяли и уделяют внимание немецкие экономисты, несмотря на то, что капиталистическое хозяйство трактовалось и трактуется в Германии больше всего, как «национальное хозяйство». Проблема мирового хозяйства, как проблема конкретного развития

[1]) Глава из работы о конкретном воспроизводстве.

[2]) Мы не будем пока останавливаться на вопросе о том, существует ли «наука о народном хозяйстве» или нет.

капитализма, поставлена в Германии еще с 80-х годов Нейман-Спаллартом в его «Обозрениях...». И в настоящее время наиболее фундаментальные учреждения и органы по изучению мирового хозяйства находятся в Германии (Кильский Институт Мирового Хозяйства, гамбургский «Weltwirschaftiches Archiv»).

Но в настоящее время не только в Германии, но даже в маломальски передовых государствах всего мира существует колоссальное количество институтов, журналов, бюллетеней по изучению конъюнктуры мирового хозяйства. Мировое хозяйство представляет такую конкретность, от которой нельзя отворачиваться и которую необходимо изучать. Наблюдение за биением пульса живого конкретного целого,—мирового хозяйства,—стало вопросом практической политики капиталистов, трестов, групп капиталистов, целых государств. Только некоторые экономисты, по преимуществу типа исторической школы, оспаривают еще факт существования мирового хозяйства, предпочитая посвящать свой гений эмпирическому гробокопательству.

Таким образом, в отношении констатирования факта мирового хозяйства существует более или менее прочное единство во взглядах. Этого, однако, нельзя сказать в отношении определения того, что такое «мировое хозяйство».

2. Что такое мировое хозяйство?

В противовес абстрактному капитализму мировое хозяйство есть конкретный процесс капиталистического воспроизводства [1]). Но «народное хозяйство» есть также конкретный процесс капиталистического воспроизводства. В чем же разница? Разница в том, что «народные» хозяйства суть «лишь части гораздо более крупной сферы мирового хозяйства» (Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 5, 1923 г.).

Различие между мировым хозяйством и народным хозяйством—логическое, а не историческое.

Исторически и «мировое хозяйство», и «народное хозяйство» являются «продуктом капиталистического развития» (А. Угаров, Проблема мирового хозяйства», — «В. К. А.» № 23, стр. 24) [2]) и суть конкретно-историческое выражение законов ценности и капиталистического накопления» (А. Угаров, Проблема мирового хозяйства, стр. 24).

Однако недостаточно сказать, что мировое хозяйство есть продукт капиталистического развития, а необходимо еще определить—в каком отношении находится оно с «капитализмом» и «империализмом» и логически, и исторически.

3. Логическая и историческая связь между понятиями „капитализм", „империализм", „мировое хозяйство", „народное хозяйство".

Если, как мы сказали, мировое хозяйство есть конкретно-воспроизводящийся капитализм в мировом масштабе, то народное хозяйство

---

[1]) Маркс хозяйство определяет как «самый производственный процесс» (К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 92).

[2]) В полном согласии с этим высказывается и тов. Иоэльсон: «Мы считаем,—говорит он,—что мировое хозяйство создается в эпоху капитализма...» (М. Иоэльсон, О теоретич. проблемах миров. хоз-ва,—«Большевик» № 16, 1928 г., стр. 70). ...«Мировое хозяйство — продукт капиталистического развития» (Там же, стр. 73).

есть конкретно - воспроизводящийся капитализм в государственно-территориальном масштабе. «Народное хозяйство» есть конкретная часть конкретного целого — мирового хозяйства.

Внутреннюю производственную структуру как в мировом, так и в национальном хозяйстве составляет капитализм. В процессе воспроизводства он «вклинчивается» в окружающую капитализм докапиталистическую среду и, приспособляя ее к своим потребностям, делает ее сферой своего воспроизводственного процесса.

«В действительности,—говорит Паннекук,—капиталистический мир окружен не только натуральным хозяйством, которое можно здесь сравнить с пустым пространством и для которого капитализм тоже не существует. Между ними обоими, в качестве окружающей капитализм рамки, находится некапиталистическое товарное производство, с которым капитализм ведет обмен... Процесс воспроизводства капитала остается неполным и его изображение неправильным, если не принять во внимание это товарное производство» (А. Паннекук, «Neue Zeit» 1912. Русский перев.: «Теоретич. проблемы полит. эк.», изд. 1, стр. 389; курсив мой).

Это в одинаковой степени относится как к воспроизводству капитализма в мирохозяйственной конкретности, так и к воспроизводству капитализма в народно-хозяйственной конкретности.

При этом предельной конкретностью капиталистического способа производства является мировое хозяйство, ибо мировое хозяйство отражает конкретные свойства всех своих составных частей, в то время как «народное хозяйство» отражает свойства лишь одной составной части.

Ведущими «народными хозяйствами» являются одна или несколько капиталистических стран. Вторую группу стран составляют капиталистические страны среднего уровня развития. Третья группа— это страны, которые находятся на пути... «от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 121). Этот путь они проделывают в условиях либо полуколонии, либо колоний передовых капиталистических, а отчасти и средне-капиталистических стран.

Центрами капитализма являются несколько государств, однако не всегда один и те же государства. В силу неравномерности развития капитализма возникают новые «народные» хозяйства, которые обгоняют старые господствующие капиталистические страны. Империализм, как новая стадия капитализма, возникает в ведущих государствах. Мировое хозяйство есть такой конкретный капитализм, ведущая производственная структура которого в то же время есть внутренняя структура «народных хозяйств» ведущих капиталистических стран и в эпоху свободной конкуренции, и в эпоху империализма.

Мировое хозяйство является предельно-конкретным выражением капиталистического воспроизводства, а «народные хозяйства»—особыми сферами воспроизводства отдельных его частей.

При этом вопрос не может быть так поставлен, что «народному хозяйству» исторически соответствует «промышленный» этап развития капитализма, а мировому хозяйству — империализм.

Развитие идет в мирохозяйственном единстве из одного или нескольких центров. Сперва из одного центра—Англии, затем из нескольких: Англии, Германии, Соединенных Штатов Сев. Америки и т. д. Но это не говорит еще о том, что исторически сперва возникает «народное хозяйство», а затем идет развитие связей между отдельными «народными хозяйствами».

С и н т е т и ч е с к и м моментом в мировом хозяйстве является вообще капитализм, а в эпоху империализма, возникающий на его основе, монополистический капитализм. То обстоятельство, что капитализм, а затем и империализм осуществляют свою ведущую роль из нескольких центров, ни в коем случае не свидетельствует еще о том, что сперва формируются «народные хозяйства», а затем складываются межхозяйственные, межгосударственные отношения, а следовательно, и мировое хозяйство. Проблема заключается в том, что, возникая в нескольких территориальных центрах, капитализм осуществляет свой воспроизводственный процесс о д н о в р е м е н н о, как будто бы сферой его воспроизводства является весь мир. Поэтому, анализируя и капитализм, как внутреннюю производственную структуру мирового хозяйства, и империализм, как внутреннюю производственную структуру с о в р е м е н н о г о капитализма, нельзя ограничиваться рассматриванием капитализма, как капитализма вообще, а необходимо рассматривать его еще как капитализм определенных стран, в которых он, являясь капитализмом национальным, стремится в то же время осуществлять свой воспроизводственный процесс, как капитализм м и р о в о й [1]). Вспомним самое определение империализма, как его дает Ленин.

«Империализм есть к а п и т а л и з м на той стадии развития, когда сложилось г о с п о д с т в о монополии и финансового капитализма...», и когда это господство распространяется на весь мир из нескольких территориальных центров потому, что только в нескольких странах капитализм вырос в монополистический капитализм; когда это господство приобретает форму территориального господства (закончен территориальный раздел мира между странами); когда «приобрел выдающееся значение вывоз капитала» и на очереди стал вопрос о переделе экономическом.

Таким образом можно ли говорить о мирохозяйственном единстве только на основе межгосударственных отношений? Очевидно, нет. Это означало бы, помимо всего прочего, что мирохозяйственными отношениями считались бы только те отношения, которые происходят между странами, сложившимися в «национально-буржуазные» государства. Это означало бы, что: сперва оформляются «национальные государства», а затем между ними устанавливаются межгосударственные экономические отношения, по линии которых создается мировое хозяйство.

Между тем как и «н а р о д н о е» и м и р о в о е х о з я й с т в о е с т ь к о н к р е т н ы й к а п и т а л и з м. Л о г и ч е с к и и т о и д р у г о е е с т ь к а п и т а л и з м. Исторически развитие и формирование «народного» и мирового хозяйства идут параллельно в том смысле, что мировой капитализм, так же, как и мировой империализм, суть одновременно воспроизводственный процесс капитализма передовых капиталистических стран. При этом воспроизводство происходит так,

---

[1]) Вот, что говорит Ленин о связи империалистической страны с ее воспроизводством в мировом масштабе:

«...1) Эксплоатация данной страной всего мира; 2) ее монопольное положение на всемирном рынке; 3) ее колониальная монополия...» (Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 321).

«...Центробежные силы,—говорит В. Вейц,—исходящие из капиталистически развитых хозяйственных комплексов, стремятся к экономическому соподчинению потенциальных центров производительных сил других государств, к отождествлению м и р о в о г о хозяйства со с в о и м и к гегемонии над ним» (В. В е й ц, Производительные силы мирового хозяйства, 1927 г., кн. 1, стр. 21).

как будто ареной его является весь мир. Капитализм отдельных стран стремится к мировому господству. Данное буржуазное государство должно способствовать этому, ограничивая подобные же стремления «капитализмов» других стран.

Следовательно, неправ тов. А. Угаров, говоря:

> «Самое понятие «мирового хозяйства» логически и исторически вырастает из противоположения определенного комплекса хозяйственных (прежде всего, но не только хозяйственных) связей, лежащих за пределами «национальных», «народных хозяйств»,— отдельным народным хозяйствам» (Проблема мирового хозяйства,—«В. К. А.» № 23, стр. 24).

Следовательно, неправ и тов. М. Спектатор, говоря, что изучать мировое хозяйство значит—изучать «экономические межгосударственные отношения в эпоху империалистического капитализма...» (Введение в изучение мирового хозяйства, стр. 3).

Прежде всего, если уж экономические межгосударственные отношения, то почему только эпохи империализма? Разве они не существуют, эти экономические межгосударственные отношения в эпоху «промышленного» капитализма?

Во-вторых, чем отличается такое определение мирового хозяйства, как предмета изучения, от определения буржуазных экономистов? Возьмем хотя бы определение, по которому мировое хозяйство представляется, как

> «Совокупность хозяйственной деятельности за пределами государственных границ и развитых этим путем хозяйственных отношений между национальными хозяйствами» (Zoepfl, Weltwirtschaftliche Forschung, 1915. Цит. И. Иванов, Соед. Штаты и Европа в мир. х-ве).

По поводу подобных определений И. Иванов совершенно справедливо говорит:

> «По этому определению национальное хозяйство — все, мировое же—лишь придаток...» (Соед Штаты и Европа в мир. х-ве, 1924 г., стр. 3).
>
> «Такой подход к исследованию, подчиняя мировое хозяйство национальному, а не наоборот, в результате должен был дать безнадежную путаницу, а не выяснение тенденций развития мирового хозяйства» (Там же, стр. 4).

Наши экономисты попадают, таким образом, в ловушку буржуазной мысли.

Следовать же за буржуазными классификаторами развития хозяйства, особенно типа исторической школы (Гильдебранд, Шмоллер, Бюхер, Зомбарт, П. Маслов), у которых сперва формируется «народное хозяйство», а затем следует или не следует исторически новая организация человеческого общества—«мировое хозяйство»,—значит сойти с правильного пути.

Что касается определения тов. Спектатора, то в нем мы находим не только неувязку между «народным» и мировым хозяйством, но и неувязку между «народным» и «мировым» хозяйством, с одной стороны, и «капитализмом» и «империализмом»—с другой. Эта неувязка вопиет к небу хотя бы из следующего определения «науки о мировом хозяйстве».

> «Учение о мировом хозяйстве,—говорит Спектатор,—есть с одной стороны «наука о монополистическом капитализме, т.-е. о тех новых явлениях, которые представляют собой искажающие отклонения общих законов капиталистического развития, предполагающих, что господствует совершенно ничем не стесненная свободная конкуренция». (Введ. в изуч. мир. х-ва, стр. 30; курсив мой).

С другой стороны, это есть наука, которая

> «...разбирает *внешние отношения межгосударственного порядка в противовес теории монополистического капитализма, исследующей, главным образом, внутригосударственные отношения»* (Там же, стр. 31; курсив мой).

«Мировое хозяйство» не увязано ни с «капитализмом», ни с «империализмом» *ни логически, ни исторически.*

Итак, *логически* мировое хозяйство есть конкретный капитализм, независимо от того,—есть ли то домонополистический капитализм, или конкретный капитализм эпохи империализма. Тем самым дается ответ на вопрос о том, только ли «в наше время социальное хозяйство *конкретно* выражается в хозяйстве мировом» (Н. *Бухарин*, Экономика переходного периода, стр. 8) [1]. Тем самым дается ответ и на вопрос, достаточно ли определить, что «мировое хозяйство—продукт капиталистического развития».

Исторически «мировое хозяйство есть *реально* существующее единство» (Н. Бухарин, там же, стр. 8) *с того времени капиталистического развития, когда капитализм становится ведущим способом производства в такой степени, что все докапиталистическое и некапиталистическое производство во всем мире становится зависимым и обусловленным от воспроизводственного процесса капитализма.*

4. Возникновение мирового хозяйства.

Когда становится мировое хозяйство конкретно существующим фактом?

Капитализм, как мировая система, рассматривается еще классиками. Тов. Бухарин правильно отмечает, что

> «совершенно безразличным является для чистой теории — насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства» (Экономика переходного периода, стр. 8).

Но мировое хозяйство, как конкретно существующий факт, возникает на определенном этапе развития капитализма. Что говорит Маркс о мирохозяйственной конкретности развившегося капитализма?

> «До изобретения машины,—говорит Маркс,—промышленность каждой страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия—лен, Франция—шелк и лен, Восточная Индия и Левант—хлопок и т. д. Благодаря применению *машины* и *пара*, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от *всемирного рынка*, от международного обмена и международного разделения труда» (К. *Маркс*, Нищета философии, стр. 112—113; см. изд. 1918 г., стр. 146).

На базе массового машинного производства создается капиталистический рынок.

Рынок начинает прочно опираться на крупную машинную индустрию, уничтожающую «дешевизной своих товаров... прядение и тка-

---

[1]) Тем не менее, тов. Бухарин определяет мировое хозяйство, как *систему производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе»* (Мировое хозяйство и империализм, 1923 г., стр. 17). Определение «мирового хозяйства» тов. Бухариным ничем не отличается от определения абстрактного капитализма — «капитализма вообще».

чество, исконную интегральную часть... единства промышленно-земледельческого производства...» (К., т. III, ч. 1, стр. 318).

«Дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство приводит эти рынки к принудительному превращению в области производства соответствующего сырого материала. Так Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, джут, индиго и т. д.» (К., т. I, стр. 772—773).

Таким образом, создание мирового рынка есть результат такого развития капиталистического способа производства, когда, благодаря *широкому* применению машин, совершается переворот как в средствах производства, так и в средствах транспорта, и когда, благодаря этому, капиталистически произведенные дешевые товары проникают во все концы земного шара и когда капиталистическое производство в свою очередь делается зависимым от всемирного рынка.

В 1858 г. Маркс писал:

«Собственно задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить *мировой рынок, хотя бы в общих чертах*, и установить производство, покоящееся на его основе. А так как земля—шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии *это дело закончено*» («Письма...», изд. Гиз, стр. 74; курсив мой).

Когда развитие капиталистического способа производства достигает такой ступени, что *на основе капиталистического производства создается мировой рынок и капиталистическое производство освобождается от ограниченности местного рынка и делается зависимым от мирового рынка*,—тогда речь может итти уже *о мировом хозяйстве*.

Капитал с самого своего зарождения интернационален, космополитичен, рыщет по белу свету. Правильно, что *международность* капиталистических отношений возникла давно.

«Она возникла,—говорит Ленин,—*давно*, гораздо раньше эпохи финансового капитала» (К пересмотру парт. программы, т. XIV, ч. 2, стр. 151).

Правильно, что еще при торговом капитализме существовал *международный* рынок.

Но до промышленного капитализма, крупного машинного и массового производства, до переворота в средствах сообщения не было рынка, который опирался бы на *один единый способ производства, подчиняющий себе все другие способы производства* и прокладывающий себе путь, «ввинчиваясь» в них.

Торговый капитал создавал международность, живя меж народами с разными докапиталистическими способами производства, как боги Эпикура в межпланетном пространстве [1]). Международный рынок, состоявший из спроса и предложения по преимуществу на предметы роскоши, не опирался на единый способ производства. Ни один из докапиталистических способов производства не был с печатью интернациональности, космополитичности «на челе», как это имеет место в отношении капитализма.

---

[1]) Торговый капитал «по самой своей природе охватывает товары, произведенные при *всяких* способах производства» (К. II, стр. 87; курсив мой).

Мировое хозяйство возникает тогда, когда капиталистический способ производства становится господствующим, ведущим, подчиняющим все другие способы производства, прокладывающим себе путь сквозь них и в то же время в определенных отношениях зависящим от них.

5. О мирохозяйственной конкретности капиталистического воспроизводства в эпоху „промышленного" капитализма.

Как изображает картину этой конкретности Маркс?

Промышленный капитал в процессе обращения—в фазе обращения,—говорит Маркс,—

> «выступает ли он, как денежный капитал или как товарный капитал—перекрещивается с обращением товаров, произведенных разнообразными способами общественного производства, *поскольку они представляют товарное производство*. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречающееся в ранние эпохи русской истории), или производство полудиких охотничьих народов и т. д.,—все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят в кругооборот этого последнего и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она тратится в качестве дохода,—следовательно, входят в обе ветви обращения товарного капитала. *Характер производственного процесса, результатом которого они являются, не имеет значения*; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве же товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в нем прибавочной стоимости. Поэтому *всесторонний характер их происхождения, существование рынка, как мирового рынка, вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала*» (К. II, стр. 86; курсив мой).

Это—одно.

Другое:

> «Товары (С), лишь только выполнен акт Д—С, перестают быть товарами и становятся одним из способов бытия промышленного капитала в его функциональной форме П, в форме производительного капитала. Но благодаря этому следы их собственного происхождения уничтожаются: товары продолжают существовать далее только как формы существования промышленного капитала, они включены в состав промышленного капитала. Однако для возмещения их остается необходимым воспроизводство: *в этом смысле капиталистический способ производства обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития*» (К. II, стр. 86; курсив мой).

Здесь речь идет о мировом хозяйстве, как о *воспроизводстве конкретного капитализма на основе единого способа производства*, обусловливающего и обусловленного, однако производством способов производства, находящихся на иной, чем капитализм, ступени развития.

Это не значит, однако, увековечивание этих способов производства. Наоборот, это значит их приспособление к потребностям воспроизводственного процесса капитализма.

Тенденция капиталистического способа производства

> «заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит вовлечение этих способов производства в процесс его обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным

производством, проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих» (К. II, стр. 87).

«...Капиталистическое производство (следовательно, и товарное производство) проявляется во всем об'еме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель есть наемный рабочий» (К. II, стр. 93).

К этому стремится капитализм. Однако, даже тогда, когда наступает эпоха краха капитализма, огромная масса населения остается еще независимыми товаропроизводителями, существующими, как продукт разложения докапиталистических способов производства: азиатского, античного (рабовладельческого) и феодального. «Чистый тип» разложения и приспособления к потребностям капитализма этих способов производства, это—н е з а в и с и м ы й о т д е л ь н ы й т о в а р о п р о и з в о д и т е л ь. Это — современный крестьянин и ремесленник. Это некапиталистические товаропроизводители при капитализме. В противоположность докапиталистическим способам производства их мы будем называть н е к а п и т а л и с т и ч е с к о й с р е д о й.

Таково лицо реального капитализма, в отношении которого мы не сказали еще, что для промышленно-передовых государств целые докапиталистические общественные формации превращаются в сферы воспроизводственного процесса отдельных капиталистических государств.

4. О мирохозяйственной конкретности капиталистического воспроизводства в эпоху империализма.

В эпоху империализма мировое хозяйство становится еще в большей степени таковым. Мировой рынок, который создается на базе капиталистического производства, начинает играть еще большую роль. Капиталистическое производство приобретает более крепкую производственную основу, хотя его воспроизводственный процесс и в эпоху монополистического капитализма обусловлен еще «способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии производства» (К. II, стр. 86).

Внутренние движущие силы к а п и т а л и з м а развивают интенсивность и напряженность воспроизводственного процесса в такой степени, что конкретное развитие капитализма приводит к противоречиям между воспроизводством целого—мирового хозяйства—и воспроизводством его государственно-территориальных частей.

Если бы рассматривать поэтому только одну сторону развития капитализма — движение к мировому единству, игнорируя движение отдельных его «народнохозяйственных» составных частей, то это обозначало бы—признавать единство без противоречий. Мирохозяйственное единство создается на основе противоречий товарной формы и выросших на этой основе противоречий: 1) между производством и потреблением; 2) между ростом основного капитала и тенденцией нормы прибыли к понижению; 3) между общественным характером производства и частным присвоением; 4) между отраслями производства и, наконец, 5) м е ж д у р а з в и т и е м п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л и т е с н ы м и р а м к а м и, к о т о р ы е в о з д в и г а ю т с я «н а р о д н о х о з я й с т в е н н ы м и» г р а н и ц а м и о т д е л ь н ы х г о с у д а р с т в.

Вот почему неправильна точка зрения «ультра - империализма», точка зрения возможности *реального* осуществления единого всемирного капиталистического треста.

Признавать *реальную* возможность единого всемирного капиталистического треста, значит признавать одну сторону тенденции— к единству — и не признавать другую сторону — препятствия к этому единству. Это значит движение из противоречивого единства свести к плоской эволюции без противоречий, в то время как в «действительности как раз такой цельности нет» (*Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 113). Это значит желаемое принимать за действительность, в то время как «эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была» (*Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 115).

Вот почему встает во весь рост *проблема реального воспроизводства*, которое выдвигает *новые условия* и *более конкретные определения имманентных капитализму противоречий*. Они, эти противоречия, имеются и в эпоху промышленного капитализма, но в еще большей степени проявляются и дополняются новыми в эпоху империализма.

Поэтому тов. Бухарин наполовину прав, говоря:

> «Уже проблема империализма не позволяет нам ограничиться одной характеристикой абстрактного капитализма» (Н. И. *Бухарин*, Программный вопроса на VI конгрессе Комм. Интернационала, Гиз, 1928 г., стр. 13).

Прав тов. Бухарин только наполовину потому, что то, что тов. Бухарин говорит об империализме, действительно и в отношении домонополистического капитализма, ибо «империализм есть надстройка над капитализмом» (*Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 115), и в «действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма» (Там же, стр. 115).

Считать, что *только* империализм, как таковой, выдвигает проблему реального производства, неправильно, хотя для понимания империализма продвижение дальше от абстрактного капитализма к его конкретному воспроизводству абсолютно необходимо.

Так, например, возникает вопрос о роли *государства в системе мирового хозяйства*, без привлечения которого к анализу не понять империализма. Но значение государства должно быть оценено еще до того, как приступить к изучению монополистического капитализма. Роль государства должна быть выяснена раньше для капитализма вообще.

Дальше возникает вопрос о роли некапиталистического товарного производства.

> «...Только учитывая действительность,—говорит Ленин,—мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто-империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), *стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата,—мы много набьем себе шишек*» (*Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 116; курсив мой).

Наконец, мы имеем еще такую картину, когда

> «Капиталистический способ производства продолжает существовать во всем мире, часто сохраняя свои менее развитые формы, хотя империализм собрал и сконцентрировал финансовый капитал. Ни в одной развитой стране нельзя найти капитализма исключительно в наиболее совершенной его форме» (*Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 134).

Вот почему необходимо проблему конкретного воспроизводства ставить прежде всего для капитализма вообще, чтобы на этой основе перейти затем к анализу его особой стадии—империализма. Тов. Бухарин прав, когда он говорит: «...Если мы анализируем проблему империализма, то мы уже не можем оперировать одним понятием абстрактного капитализма» (Цит. соч., стр. 13—14).

Таким образом выходит, что для анализа империализма абсолютно необходима теория конкретного воспроизводства капитализма, а из этой большой проблемы особенно необходимы два вопроса. Первое: о роли государства в системе капитализма. Второе: о значении некапиталистической среды в системе мирового хозяйства. С первым из этих двух вопросов связано возникновение такого реального противоречия, как противоречие между развитием производительных сил мирового капитализма и узкими рамками государственных границ: противоречие между реальным движением целого (мировое хозяйство) и реальным движением его частей («народные» хозяйства). И т. д., и т. п.

«Анализ империализма, — говорит Бухарин, — невозможен без анализа внешней торговли, без анализа экспорта капиталов, без анализа отношений внутри мирового капиталистического хозяйства. Таким образом, здесь налицо уже нечто иное, чем простой и абстрактный «капитализм вообще» (Там же, стр. 14).

Государственные части единого мирового хозяйства и некапиталистическая среда играют определенную роль и в эпоху промышленного капитализма, а теоретически и для капитализма вообще. Внешняя торговля, некапиталистическая среда, отношения между отдельными составными частями мирового хозяйства, само мировое хозяйство существовали и тогда.

Что мировое хозяйство существовало раньше империализма, следует хотя бы из следующих двух мест у самого же тов. Бухарина:

1. «Вопрос об империализме,—говорит он,—его экономической характеристике и его будущности превращается... в вопрос об оценке тенденций развития мирового хозяйства и о вероятных изменениях его внутренней структуры» (Мировое хозяйство и империализм, 1923 г., стр. 6).

2. «Проблема империализма имеет в качестве предпосылки непосредственный анализ мирового хозяйства и мировых хозяйственных отношений» (Н. И. Бухарин, Программный вопрос на VI конгрессе Комм. Интернационала, 1928 г., стр. 14).

Таким образом изучению империализма, как справедливо говорит тов. Бухарин, должно предшествовать изучение мирового хозяйства, как конкретного капитализма вообще в его предельном выражении, на основе той внутренней структуры, которую образует «капитализм вообще». Поэтому мы и берем «законы движения абстрактного капитализма... как исходную точку дальнейшего анализа» (Н. Бухарин, там же, стр. 14) мирового капиталистического хозяйства вообще.

Таким образом, мировое хозяйство изучается как конкретно капиталистический процесс в мировом масштабе прежде всего на оси капитализма вообще; во-вторых,—на оси монополистического капитализма.

Синтетическим моментом в первом случае является капитализм, а во втором—монополистический капитализм [1]).

[1]) «Монополистический капитализм есть понятие, показывающее экономическую структуру (которая есть только система производственных отношений, входящих в систему хозяйства и определяющих его характер) (М. Иоэльсон, О теоретических проблемах мирового хозяйства,—«Большевик» № 16, 1928 г., стр. 72).

Поэтому неправ тов. Ф. Капелюш, говоря, что только

«империализм, монополистический капитализм... служат для марксистского понимания мирового хозяйства синтетическими принципами...» (Спор о понятии мирового хозяйства,—«Под Зн. Марксизма» 1927 г., № 5, стр. 213—214).

Еще на синтетической основе воспроизводства «промышленного» капитализма возникает мировое хозяйство как «реально существующее единство».

«Империализм является продолжением развития капитализма, его высшею стадией, переходной, в известных отношениях, к социализму» (Ленин, Проект изменения теор., полит. и некотор. др. частей программы, т. XIV, ч. 1, стр. 116).

«Империализм усложняет и обостряет (курсив мой.—И. Б.) противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 120).

Основные свойства капитализма переходят в отдельных странах в более высокую стадию империализма. Мирохозяйственная конкретность империализма дополняет основные свойства капитализма новыми.

Поэтому различие должно итти по линии логического и исторического моментов.

«Начать,—говорит Ильич,—сопоставление рядом «обмена» вообще и экспорта капитала—неправильно исторически, неправильно теоретически» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 121).

7. Метод изучения мирового хозяйства.

Мы уже говорили, что дать логическое определение понятия «мировое хозяйство» необходимо еще до того, как перейти к исследованию мирового хозяйства в эпоху монополистического капитализма. И в эпоху промышленного капитализма и в эпоху монополистического промышленного капитализма мировое хозяйство есть реально воспроизводящийся капитализм.

Об'ектом анализа является «реальный суб'ект», т.-е. «современное буржуазное общество» (Маркс). И это общество «должно постоянно витать в нашем представлении, как предпосылка» (К. Маркс, Введ. К критике полит. эк., 1922 г., стр. 25). И так как это реальное буржуазное общество не есть общество только одной страны, то надо полагать, что исходным об'ектом является капиталистическое общество, как некая мировая совокупность, подразделенная лишь на отдельные общества. Чтобы знать особые свойства и конкретные особенности отдельных обществ—необходимо знать типические черты всякого капиталистического общества, как мировой системы. Нужно знать общие черты в частном и конкретном разнообразии.

Поэтому, хотя «как в действительности, так и в голове, здесь дан суб'ект... современное буржуазное общество» (К. Маркс, там же, стр. 23),—реальный капиталистический процесс воспроизводства в мировом масштабе—мировое хозяйство,—однако, раньше чем стать на точку зрения воспроизводства конкретного капитализма, необходимо создать теоретическую «модель» из этого реального капиталистического общества для определения типического, свойственного всякому промышленному капитализму, будь то капитализм эпохи свободной конкуренции или империализм. Маркс берет мировой капитализм как абстрактное капиталистическое общество. Это последнее является основным «фундаментом» анализа, хотя перво-

начальным «исходным пунктом созерцания и представления» (К. Маркс, Введ. К критике полит. эк., 1922 г., стр. 24) является конкретно-капиталистическое общество.

Абстрактное общество составляет то необходимое в «ограничении» при изучении сложного конкретного целого, которое нужно для выявления основных законов и основных свойств капитализма.

«Мы не берем,—говорит Маркс,—реальных отношений, в пределах которых происходит действительный процесс производства» (Теории..., т. II, ч. 2; курсив мой).

«Мы не останавливаемся на том, как благодаря мировому рынку, его конъюнктурам, движению рыночных цен, периодам кредита, циклам промышленности и торговли, сменам процветания и кризиса, внутренние связи представляются деятелями производства, как непреодолимые стихийно-господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним, как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и что мы должны описывать только внутреннюю организацию капиталистического способа производства, его так сказать идеальную среднюю» (К. III, ч. 2, стр. 300; курсив мой).

Задача науки по - Марксу заключается прежде всего в том, чтобы нащупать «внутренний строй экономических отношений» (Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 138), чтобы затем об'яснить, почему в конкретном процессе воспроизводства эти внутренние отношения проявляются как законы природы, как необходимость.

Эта задача и требует, чтобы—и после того, как Маркс ограничил свое исследование пределами абстрактного капиталистического общества—расчленить предмет путем абстрактного анализа, заменяющего в политической экономии и «микроскоп и химические реактивы» (Маркс), чтобы дойти таким образом до основных общих определений капитализма: товара, денег, капитала и т. д. Но отдельные категории политической экономии,—говорит Маркс,—

«выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого суб'екта... поэтому (политическая экономия), как наука, никоим образом не начинается только там, где о ней, как таковой, идет речь. Запомним это соображение, ибо оно сразу же дает руководящие указания насчет расчленения предмета» (Маркс, К критике, 1922 г., стр. 29).

Нужно воспроизвести не только отдельные стороны капиталистического общества, но и те отношения, которые лежат за пределами абстрактной «модели» капитализма, как в логическом, так и в историческом смысле.

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс говорит: «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, всемирный рынок[1]). Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается буржуазное общество, взаимная зависимость трех остальных рубрик сама бросается в глаза» (1922 г., стр. 37).

Исследование от первых трех разделов должно перейти к трем последним и развиваться дальше. Само собою понятно, что основой синтетического поступательного движения является воспроизводство в абстрактном капиталистическом обществе и теоретические резуль-

[1]) «Незаконченность «Капитала» отразилась именно на последних трех частях марксова плана» (И. Дашковский, К теории развития мирового рынка и миров. хозяйства»,—«Под Зн. Маркс.» 1927 г., № 1, стр. 89). Имеется в виду: государство, внешняя торговля, всемирный рынок.

таты, полученные при этом допущении. Результаты анализа абстрактного капитализма являются исходным пунктом теории конкретного воспроизводства.

В основе воспроизводства конкретного капитализма, лежит теория воспроизводства абстрактного капитализма, представляющего капитализм как мировую систему, но отвлеченную от национальных границ, связей с некапиталистическим товарным производством и т. д., и т. п.

Основные свойства капиталистического воспроизводства вообще даются в теории воспроизводства абстрактного капитализма, потому что абстрактный капитализм есть, если можно так выразиться, «препарированный», «очищенный» конкретный капитализм. После того, как мы постигаем законы движения капитализма вообще, как совокупного общественного процесса, осуществляющего всесторонний обмен веществ, остается продолжить систему, во-первых, логически, до охвата воспроизводственного процесса во всей его конкретности и, во-вторых, исторически, до об'яснений некоторых новых явлений, свойственных только реальному воспроизводству монополистического капитализма в эпоху империализма.

Исходной точкой, следовательно, должны быть законы абстрактного воспроизводства, как внутренние законы капиталистического воспроизводства вообще. Но исходной, а не конечной! Конечной точкой является конкретный капитализм.

8. Учение о мировом хозяйстве—часть политической экономии о конкретном процессе капиталистического воспроизводства.

Итак, об'ект изучения: конкретный капитализм в предельном своем выражении: мировое хозяйство. Но каков должен быть метод изучения? Изложенное дает ответ на этот вопрос: метод политической экономии.

Классики А. Смит, Рикардо шли в изучении мирового хозяйства абстрактно-аналитическим путем. В качестве исходной конкретности анализа мировое хозяйство тогда еще не существовало. Тем не менее уже классики мыслили капитализм как космополитическую систему, и это указывает лишь на чутье, которое было свойственно им, ибо, как мы уже говорили выше словами тов. Бухарина: «Совершенно безразличным является для чистой теории—насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства».

Маркс шел также абстрактно - аналитическим путем. Но сведением к единой основе всех понятий политической экономии у него дело не кончается. Наоборот, единая основа—закон трудовой стоимости,—нужна для того, чтобы, исходя из нее, генетическо-синтетически и исторически об'яснить всю противоречивую динамику реального капитализма. Это единственно правильный путь, правильная методология в изучении конкретного капитализма. Но Маркс не обнял в анализе-синтезе моментов, которые составляют предельно-конкретное выражение капиталистического воспроизводства: ни о роли государства в мировом хозяйстве, ни о роли некапиталистических товарных производителей, ни о монополистическом капитализме Маркс не говорит. Обо всем этом у Маркса есть, тем не менее, не мало замечаний в его произведениях. Единственно правильный путь исследования: довершить анализ воспроизводства капитализма логически и исторически. Этим путем воспроизводится «развив-

шаяся конкретность» путем мышления «как процесс об'единения, как результат...» (Введение к критике..., стр. 24).

«Экономисты XVII столетия, например,—говорит Маркс,—всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но заканчивают они всегда тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, ценность и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее установлены и абстрагированы, экономические системы начали всходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая ценность, к государству, международному обмену, мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным,—говорит Маркс,—в научном отношении» (Введение к критике полит. эк., 1922 г., стр. 24; курсив мой).

О том, что конкретный капитализм составляет об'ект изучения политической экономии, Маркс говорит в «Введении к критике политической экономии». Маркс и планы своего исследования строит так, чтобы завершить исследование предельной конкретностью капитализма.

«...Метод восхождения,—говорит он,—от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное» (Там же, стр. 24; курсив мой).

В «Введении к критике политической экономии» Маркс пишет следующее для перехода от абстрактного к конкретному:

«Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: сначала (нужно развить) общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в раз'ясненном выше смысле. Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). В-третьих, соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы» (1922 г., стр. 31; курсив мой).

Таким образом, совершенно ясно, что учение о мировом хозяйстве есть часть политической экономии о конкретном процессе капиталистического воспроизводства.

9. Ошибочность трактовки мирового хозяйства как об'екта особого учения.

Неправ поэтому тов. Угаров, когда он в статье «Проблема мирового хозяйства» («В. К. А.» № 23), определяя мировое хозяйство, как продукт капиталистического развития и «конкретно-историческое выражение законов ценности и капиталистического накопления» (стр. 24), говорит, что—таким образом определенный—об'ект исследования таит в себе «ряд любопытных проблем, которых не существует для политической экономии» (курсив мой, стр. 25) и что поэтому необходимо для освещения этих проблем «особое учение о мировом хозяйстве».

«...На наш взгляд,—говорит он,—необходимо особое учение о мировом хозяйстве, так как теоретическая экономия

ограничивает свое исследование анализом системы производственно-меновых связей капиталистического общества, абстрактного капитализма (курсив мой.—И. Б.), а экономическая география—описательная дисциплина, нащупывающая лишь эмпирические закономерности» (Стр. 25).

Выходит, что политическая экономия изучает абстрактный капитализм, а не реально-существующий капитализм. Выходит, что метода политической экономии недостаточно для изучения ряда «любопытных проблем» конкретного капитализма. Мало того, выходит, что при соприкосновении с действительностью политическая экономия перестает служить.

Ясно, что ставить так вопрос, значит не понимать Марксова метода,—того, как Маркс создает «рабочие» границы абстрактного капитализма для нащупывания основных свойств капитализма, того, как он на основе этих свойств воспроизводит конкретный капитализм дедуктивно-синтетическим путем. Задача исследования мирового хозяйства заключается, во-первых, в том, чтобы логически воспроизвести всю капиталистическую предельную конкретность, т.-е. воспроизвести реальный мирохозяйственный капитализм; во-вторых, в том, чтобы проследить, как эта «развившаяся конкретность» (Маркс, там же, стр. 25) капитализма исторически перерастает в еще более развившуюся конкретность, в эпоху империализма.

Ни с чем не сравнимую путаницу в смысле методологической неразберихи представляет книга М. Спектатора, представляющая из себя «опыт построения теории мирового хозяйства». Опыт этот нужно считать с марксистской точки зрения неудавшимся. Книга говорит о предмете, о котором у автора имеются очень смутные представления, трактует о «мировом хозяйстве», содержание которого неизвестно автору. Автор не знает, какая связь существует между «капитализмом», «империализмом», «мировым хозяйством» и «народным хозяйством». Как мы уже говорили, то ли у него

«учение о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом капитализме (да еще...—И. Б.) современной формации...» (Введение в изуч. мир. хозяйства, стр. 29);

то ли

«мировое хозяйство как наука... имеет предметом изучения экономические межгосударственные отношения в эпоху монополистического капитализма»... (стр. 3 и 29);

то ли

«она разбирает внешние отношения межгосударственного порядка в противовес теории монополистического капитализма, исследующей, главным образом, внутригосударственные отношения» (стр. 31; курсив мой).

Не ясно ли, что человек, пытающийся построить теорию мирового хозяйства, не знает, о чем он говорит. М. Спектатор не имеет представления о том, что мировое хозяйство каким-то образом связано с капитализмом, который эту мирохозяйственную конкретность порождает, и с империализмом, который есть тоже капитализм, но только—монополистический, и что, говоря о мировом хозяйстве, мы говорим о воспроизводстве конкретного капитализма в предельном его выражении.

10. Необходима марксистская критика буржуазной науки о мировом хозяйстве.

Психологическое воздействие, идущее от буржуазных экономистов и толкающее марксистов к «самостийности» в области, касающейся мирового хозяйства, идет по трем каналам:

Первый канал. Историческая школа с ее классификаторами развития хозяйства и с ее «наукой о народном хозяйстве».

Второй канал. Современные экономисты-теоретики мирового хозяйства, начиная с Нейман-Спалларта и кончая Сарториус-фон-Вальтерсгаузеном и Гармсом.

Третий канал. Теоретики формы движения мирового хозяйства,—«теоретики» кон'юнктуры с их новым «учением о кон'юнктуре». Эта порода теоретиков особенно распространена после войны. Война оказалась как бы дождем, способствовавшим появлению массами этих ученых грибов.

Шум, созданный вокруг вопросов мирового хозяйства буржуазными экономистами, подбивает на выступление по вопросам мирового хозяйства и марксистов. И в самом деле. Мировая капиталистическая конкретность сделалась настолько реальным фактом, что не заниматься этим вопросом марксистам положительно нельзя. Маркс завещал довершить не разрешенные им проблемы конкретного воспроизводства. Если в эпоху промышленного капитализма эта конкретность стучалась в дверь не так сильно, то теперь в эпоху империализма и особенно в период краха капитализма мирохозяйственная конкретность настоятельно требует своего об'яснения. По-разному воспринимают буржуазные ученые лихорадочные темпы и причудливые зигзаги капиталистической динамики последних лет.

Ученые типа исторической школы не торопятся. Многие из них еще спорят о том, наступила ли эпоха мирового хозяйства (Бюхер, Зомбарт), большинство пришло к признанию мирового хозяйства как факта (Шмоллер, П. Маслов и др.). Что же касается теоретического анализа, то капитализм ведь для них вечен, когда-нибудь будет собран историко-статистический материал для суждения о том, что такое мировое хозяйство!

Теоретики мирового хозяйства современного типа, начиная с Нейман-Спалларта и кончая Гармсом, анализируют мировое хозяйство, исходя из поверхностных представлений и видимостей. Вульгарная экономия в лице этих ученых еще раз возвращается к жизни. Там, где бешеная конкуренция между монополистическими союзами и государствами приводит к войнам и взаимному истреблению, там, где классовая борьба приводит к открытию эры пролетарских революций,—там эти сладкопевцы капитализма видят один рост мирохозяйственной организованности и гармонии. Всякие противоречия для них исчезли.

Маркс говорит, что чем больше развиваются противоречия и чем больше экономия достигает своего завершения, «тем более противостоит ей самостоятельно ее собственный вульгарный элемент» (Теории приб. ст-сти, т. III, стр. 389, «Прибой», 1924 г.).

Вульгарные экономисты становятся проповедниками гармонии и апологетами по профессии (слова Маркса, высказанные в отношении Бастиа).

Сравним два упомянутых течения в экономической науке:

«...Бастиа не представляет еще последней ступени,—говорит Маркс.—Он еще выделяется отсутствием учености и совершенно поверхностным знаком-

ством с наукой, которую он раскрашивает в интересах господствующего класса. У него аполегетика является еще страстной и представляет его настоящую работу, так как содержание экономии он берет у других, как оно ему подходит. Последняя форма—это профессорская форма, которая приступает к делу «исторически» и с мудрой умеренностью собирает везде «лучшее»; дело не в противоречиях, а в полноте... Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия, как наука, уже заключила свой путь, то они являются в то же время могилой этой науки» (Маркс, Теории приб. ст-ти, т. III, стр. 390).

Такого рода могильщиками политэкономии являются представители исторической школы, начиная от Рошера и кончая современными ее последователями.

Наконец, мы должны указать на теоретиков кон'юнктуры. Эти люди стоят ближе всего к противоречивой поверхности капиталистической действительности. Они должны следить за экономической погодой, во-время предупреждать своих господ о наступающей грозе и т. д., и т. п. У этих ученых тоже есть свои специальные задачи—«выпрямлять» кривую капиталистической действительности так, чтобы капиталисты не теряли сон и аппетит. Отсюда стремление к растворению кризиса в кон'юнктуре и к изгнанию вообще слова «кризис» из словоупотребления. Нет кризиса, а есть переход от под'ема к депрессии. Такова самая последняя разновидность капиталистической апологетики. Таким образом, мы имеем в трех течениях «научной» мысли, занимающихся изучением мирового хозяйства, три разновидности апологетики.

Все эти течения располагают соответствующими институтами и изданиями, как академическими, так и периодическими. Особенно громко проявляют свою деятельность кон'юнктурные институты и издательства по кон'юнктуре. Нет ни одной мало-мальски передовой страны, которая не имела бы специального института и специального органа по кон'юнктуре. Шум, производимый десятками изданий, действительно подавляет. Историческая школа «увлекает» «логикой» классификации хозяйства, теоретики мирового хозяйства—толстыми томами своих произведений и солидностью своих периодических органов («Weltwirtschaftliches Arhiv»).

* * *

А мы, марксисты, чем можем похвалиться?

И мы создаем: 1) свои классификации хозяйства, 2) свою науку о мировом хозяйстве, 3) свое учение о кон'юнктуре.

И вот т. М. Спектатор берется сразу за две задачи: за классификацию хозяйства и за науку о мировом хозяйстве, тов. А. Угаров за одну лишь науку о мировом хозяйстве и тов. А. Мендельсон за учение о кон'юнктуре.

Спектатор увлечен классификацией этапов развития хозяйства настолько, что даже приписывает Марксу такие вещи, о которых Маркс не помышлял и вовсе.

«Маркс не держится,—говорит Спектатор,—обычного деления на «рабовладельческое», «феодальное» и т. д. хозяйство» (Введение в изуч. мир. хоз-ва, стр. 17—18).

Он забывает, что Маркс не держится обычного деления, но что и в предисловии, и в «Введении к критике...» Маркс определенно и ясно говорит о четырех способах производства: азиатском, античном (рабовладельческом), феодальном, капиталистическом.

Зато тов. Спектатор держится «обычного» деления, которого придерживаются буржуазные экономисты всех мастей.

Он пишет:

«Итак, мы устанавливаем следующие ступени развития:

1. Полная социальная свобода при первобытном коммунизме; коммуна или мир, как экономическая единица.

2. Закрепощение труда (рабовладельцем, феодалом и господствующим племенем); вотчина как географическо-экономическая единица.

3. Господство феодала над деревней и городом... районное хозяйство (закрепощение труда феодалом уже было в п. 2.—И. Б.).

4. Господство торгового капитала (...городское хозяйство...).

5. Промышленный капитализм (...национальное хозяйство).

6. Монополистический капитализм (...мировое хозяйство, как географические рамки его господства)».

Это озаглавлено: «Марксистская схема ступеней развития». Мы знаем марксистскую схему ступеней развития: 1) коммунистическая община, 2) антагонистические общества: а) азиатское, б) античное, в) феодальное, г) капиталистическое. Этим кончается предыстория человечества. С коммунистическим обществом начинается его подлинная история. То же, что дается Спектатором, есть только некоторое видоизменение буржуазной классификации: «вотчина», «районное хозяйство», «городское хозяйство», «национальное хозяйство», «мировое хозяйство». И это называется марксистское определение мирового хозяйства! Спектатор оказался «спровоцированным» буржуазной классификацией [1]).

---

[1]) На удочку этой «провокации» попала и Роза Люксембург. Мы приводим здесь взгляды Бюхера и Зомбарта на мировое хозяйство, воюя с которыми Р. Люксембург «поскользнулась» сама. «Ошибочно заключать...,—говорит Бюхер,—что период народного хозяйства приближается к концу и уступает место периоду мирового хозяйства». ...Существование рядом промышленных и сырьевых стран, которые находятся во взаимной зависимости друг от друга,— это «международное разделение труда не может быть рассматриваемо как признак того, что человечество находится на пути к новой ступени развития, которая под названием мирового хозяйства могла бы быть противопоставлена прежним ступеням»...». «...Так называемое мировое хозяйство не обнаружило пока еще никаких явлений, в существенных признаках отличаясь от явлений народного хозяйства, и можно сильно сомневаться в появлении таковых в ближайшем будущем» (Бюхер, Возникн. народн. хозяйства, изд. 5, стр. 106—107).

«Я готов, скорее, утверждать,—говорит Зомбарт,—что в настоящее время культурные народы связаны торговыми отношениями между собою не больше, а меньше (в отношении к их совокупному хозяйству). Отдельное народное хозяйство в настоящее время не более, но скорее менее втянуто в мировую торговлю, чем сто или пятьдесят лет тому назад» (Die Deutshe Volkswirtschaft im 19 Jahrhundert, русск. перев., изд. 2, 1904 г.).

«Этот фейерверк глупостей...,—говорит Р. Л.,—подчеркивает упорное нежелание господина цехового ученого признать, что мировое хозяйство является новой фазой в развитии человеческого общества» (Введ. в полит. эк., 1925 г., стр. 22). Так ставя вопрос, Р. Л. сама запуталась в вопросе, будто бы мировое хозяйство фаза в развитии человеческого общества. Ни народное хозяйство, ни мировое хозяйство не составляют фазы в развитии человеческого общества. Фазой является капитализм. «Народное и мировое хозяйство представляют лишь его конкретные определения в мировом или государственно-территориальном масштабе.

О том, как современные теоретики мирового хозяйства сбили тов. Спектатора и Угарова на конструирование «самостоятельной» науки, мы уже говорили.

Остается еще сказать о том, как многоголосая буржуазная «наука о кон'юнктуре» сбивает тов. Мендельсона тоже на «самостоятельные» подвиги [1]).

* * *

С некоторых пор в некоторых учебных заведениях преподаются курсы: «Воспроизводство и кон'юнктура», «Учение о кон'юнктуре» и т. д.

Любопытно, что в марксистском лексиконе слово «кон'юнктура» начинает вытеснять слово «кризисы». Если раньше говорили «учение о рынках и кризисах», то теперь некоторые экономисты предпочитают говорить «учение о кон'юнктуре». Незаметно, но постепенно заменяется слово «кризисы» словом «кон'юнктура». Меняется «форма выражения»—меняется и представление о содержании. Чем об'яснить подобное явление у экономистов-марксистов? Ведь у Маркса в системе капиталистического воспроизводства теория кризисов занимает центральное место, и у Маркса имеется достаточное количество указаний также на то, что такое кон'юнктура. «Кон'юнктура» служит у Маркса выражением внешних изменений мирового или «народного» хозяйства. *Она есть наблюдаемые по определенному статистическому методу изменения мирового или «народного» хозяйства*, следовательно, конкретного капитализма. *Она есть кинос'емка динамики хозяйства*. Конструирование статистических показателей изменений состояний хозяйства связывается с основными элементами хозяйства, определяющими движение всей системы. Это суть количественные показатели, конструируемые в определенной системе.

Об'яснение сделанной подобным образом кинос'емки может быть на основе тех законов капиталистического воспроизводства и той теории, которую дает нам Марксова система. *Кон'юнктура и ее наблюдение начинаются там, где кончается Марксова теоретическая система конкретного воспроизводства*. Кон'юнктура бесстрастно регистрирует то, что с вулканической неизбежностью порождают внутренние противоречия капитализма, взрыв и разрешение которых достается на долю кризисов. Кризис есть неизбежный внутренний регулятор капиталистического воспроизводства.

Кон'юнктура исходит из внешнего бесстрастного регистрирования каждодневных изменений капитализма. Если попытаться изобразить— какое место занимает кон'юнктура на канве циклов промышленности, то она будет представлять из себя регистрацию конкретных состояний—путем определенным образом разработанного статистического метода—между изломами кривой цикла. Мы можем иметь кон'юнктуру застоя, кон'юнктуру оживления, под'ема. Но об'яснение 10-летнего периода развития капитализма мы можем дать уже на основе теории кризисов, пользуясь кон'юнктурными кинос'емками, депрессии, оживления, под'ема, краха.

---

[1]) См. «Проблема кон'юнктуры»,—«В. К. А.» № 26, и отд. брошюра в изд. Ком. Ак. 1928 г., с дискуссией. Основные мысли, излагаемые здесь в связи с тов. Мендельсоном, были высказаны мною в прениях на его докладе в Ком. Академии.

Таково взаимное расположение цикла и кон'юнктуры. У т. Мендельсона же [1]) кон'юнктура есть процесс воспроизводства in concreto на таком отрезке времени, который может равняться любому количеству месяцев, лет, любому количеству циклов. Это любой продолжительности участок воспроизводства in concreto. Но нет ли тут при такой постановке кон'юнктуры пренебрежения к тому, что внутренние законы капитализма вынуждают капитализм к определенной циклической фигуре движения? Не топится ли цикличность в безразличном описании народно-хозяйственного процесса воспроизводства in concreto и не растворяется ли кризис в «теории кон'юнктуры» или, вернее сказать, не приносится ли четкая теория кризисов в жертву сомнительной теории кон'юнктуры, по существу представляющей из себя нечто слишком растяжимое, вовлекающее в себя и теорию кризисов, и теорию конкретного воспроизводства, спускающуюся одновременно до уровня описания «народного» хозяйства представителями исторической школы?

Кон'юнктуру, как отражение состояний конкретного капитализма, можно конструировать не как теоретическую науку, а лишь как статистический метод наблюдения изменений конкретного мирового или «народного» хозяйства и предвидения изменений в состоянии хозяйства.

Чем же об'ясняется то обстоятельство, что тов. Мендельсон тем не менее говорит о теории кон'юнктуры, как о теоретической науке? Тем, что он добрую долю теории воспроизводства и кризисов прирезает в пользу кон'юнктуры в качестве ее поприща. Ибо, не сделав этого, кон'юнктуру, как теорию, не из чего было бы конструировать. Поэтому всю теорию воспроизводства конкретного капитала—именно того капитала, в котором осуществляются во всей полноте все противоречия капитализма, переходя в нем из возможности через необходимость в действительность,—тов. Мендельсон передает на надобности конструирования «теории» кон'юнктуры. Тов. Мендельсон забывает, что воспроизводство in concreto есть реальное осуществление внутренних законов капитализма со всеми связями и опосредствованиями. Следовательно, вырывать конкретное воспроизводство из Марксовой системы воспроизводства нельзя.

На долю кон'юнктуры остается таким образом наблюдение изменений конкретного капитализма на оси циклической его «фигуры» движения.

Теория воспроизводства и теория кризисов об'ясняют все постоянно действующие факторы в динамике капитализма, об'ясняют неизбежность циклической формы. На долю кон'юнктуры остается служебная роль—давать количественный и статистический материал для означенной теории, чтобы судить о том, какую фазу в цикличности переживает капиталистическое хозяйство в данный момент. На долю теории тут ничего не остается, ибо она целиком дается Марксовой теорией воспроизводства абстрактного и конкретного капитализма.

Система Марксовой политической экономии исходит в своем анализе из конкретного капитализма, и на той ступени анализа, которая имеется в «Капитале», мы имеем внутренние закономерности этого конкретного капиталистического хозяйства, внутренний строй эконо-

[1]) См. вышеназванные статью и брошюру.

мических отношений в этом капиталистическом хозяйстве. На основе этих внутренних законов необходимо воспроизводить движение всей конкретности капиталистического хозяйства. Правильный анализ должен заключаться в том, чтобы исходить из необходимости развития противоречий капиталистического производства и притти к представлению того, как ареной этих противоречий становится конкретно все мировое или отдельное «народное» хозяйство.

А между тем у тов. Мендельсона вопрос по существу не так ставится. Если бы вопрос был поставлен так, то мы имели бы предельно-историческую конкретность капиталистического воспроизводства в мировом или «народном» хозяйстве, ибо противоречия развития капиталистического производства в конкретной предельности получают свое выражение либо в мировом, либо в «народном» хозяйстве.

В предельной конкретности мировое хозяйство рассматривается в связи со всеми другими способами производства, стоящими на другой, чем капитализм, ступени развития, и в связи с национальными подразделениями капитализма.

Вот, по какой линии нужно было бы продолжить анализ Маркса и интерпретацию того внутреннего экономического строя капитализма, который дается в абстрактной системе Маркса.

Таким образом для конструирования самостоятельной теории кон'юнктуры ничего теоретического не остается, если не разрывать Марксовой теории единства воспроизводства абстрактного и конкретного капитализма.

В чем же кроется причина того, что тов. Мендельсон стал на ошибочную точку зрения? Мы уже указали на «провоцирующую» роль шума, который «создали» буржуазные экономисты вокруг двух «наук»: 1) «науки о мировом хозяйстве» и 2) «учения о кон'юнктуре».

Почему буржуазные ученые уделяют столько внимания мировому хозяйству и кон'юнктуре? Потому, что, вопреки национально-экономической точке зрения, скажем, немецких ученых, мировое хозяйство—конкретный факт и от него не отвернешься, его надо об'яснить, а буржуазная теоретическая экономия не дает ключа к познанию капиталистической действительности, а там, где нет качества, там сознание забивается количеством, шумом и трескотней. Хозяйственная жизнь после войны находится в таком лихорадочном состоянии, что необходимо постоянно следить за его «пульсом», постоянно измерять ее «температуру». Мало того, нужно к об'яснению пульса и температуры привлекать материалы из области «наследственности»—органических пороков капитализма и т. д. и т. п. Поэтому при отсутствии научной теории воспроизводства и кризисов необходимо выдумывать «науку», долженствующую об'яснять явления.

Эти специфические задачи, стоящие перед буржуазной наукой о кон'юнктуре, сделали то, что в кон'юнктуре потоплены и промышленные циклы и кризисы.

Марксизм идет к об'яснению динамических процессов капитализма от производства и его противоречий. Современные же вульгарные политэкономы исходят от поверхности явлений и проникают в их сущность «не глубже кожи». Марксисты, спровоцированные на «самостоятельные» теории мирового хозяйства и его кон'юнктуры, оказываются логикой вещей также оторванными в об'яснении явлений от производства и развития его противоречий.

Так, например, у тов. Мендельсона смазывается то основное, что во всей воспроизводственной системе является решающим моментом, именно вопрос о кризисах. А между тем ударение необходимо было делать именно на кризисе в противовес буржуазным экономистам. У тов. Мендельсона не только этого нет, но даже, наоборот, он пошел на уступки буржуазной экономической мысли. Тов. Мендельсон предлагает создать две параллельные теории—теорию цикла и теорию кризиса. Ясно, что с точки зрения марксизма эта постановка совершенно неправильна, потому что выделить из теории цикла кризисы—это значит попрать цикличность и вынуть сердцевину цикла, ибо если из'ять из цикла кризис, то выпадает то, что формует цикл как цикл. Цикл ведь начинается кризисом и кризисом же кончается—насильственным взрывом тех противоречий, которые во время под'ема в движении цикла накапливаются.

Марксова теория воспроизводства и кризисов действительного капитала должна быть доведена до охвата воспроизводства реального капитализма, будет ли то мировое или «народное» хозяйство. Нужно правильно разрешить проблему перехода от анализа абстрактного капитализма к конкретному. Нужно правильно сочетать внутренний строй капитализма с тем, как реально прокладывают себе дорогу внутренние законы капитализма. И когда все теоретические моменты будут воспроизведены на оси основных законов воспроизводства и циклической его формы, мы перейдем в область конкретного наблюдения изменений мирового или «народного» хозяйства в конкретных показателях, расположенных на внутренне-обусловленных изгибах циклической «фигуры» капитализма.

Тогда мы будем иметь разграничение теоретической науки и родственной статистике кон'юнктуры, которая дает для теоретического анализа конкретную систему показателей состояний мирового или народного хозяйства.

Жак Ру до падения Жиронды [1].

Я. Захер.

I.

Жак Ру, сын Грациана Ру, пехотного лейтенанта, ставшего впоследствии судьей, и его жены Маргариты, урожденной Монтсалар (Montsalard), родился в Сен-Сибар де Пранзак (Saint-Cibard de Pransac), в области Ангумуа, 21 августа 1752 года [2]. Окончив Ангулемскую семинарию и получив сан священника, Жак Ру с 1772 г. становится в этой же семинарии преподавателем,—первоначально физики, а затем философии [3]. В начале 80-х гг. он оставляет преподавательскую деятельность и последовательно занимает должности приходского священника в различных приходах Ангулемской и Сентской епархий [4]. Начало революции застает его приходским священником в Сен-Тома де Конак (Saint-Thomas de Conac).

Мы не имеем никаких данных, позволяющих утверждать, что Жак Ру еще до революции принимал участие в политической жизни своего времени. Правда, в своем письме к Марату, выпущенном им в ответ на обвинения последнего в 1793 году, Жак Ру утверждает, что «вот уже 30 лет, как я обрушился на тиранию, восстал против узурпаций дворян и лицемерия старого духовенства» [5]), однако слова эти, взятые сами по себе, еще не позволяют что-либо категорически утверждать.

Достоверно лишь то, что вскоре после событий 14 июля 1789 года Жак Ру обращается к своим прихожанам с проповедью «Триумф храбрых парижан над врагами общественного блага», и эта проповедь, отпечатанная впоследствии в виде отдельной брошюры [6]), представляет

---

[1]) Настоящая статья представляет отрывок из печатающейся книги «Бешеные». В основу ее положены материалы, находящиеся в Национальном архиве и Национальной библиотеке в Париже.

[2]) Протокол допроса Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа 1793 г. Arch. nat., W[20]. Текст свидетельства о крещении Жака Ру помещен в его письме к Марату (Jacques Roux à Marat), вышедшем отдельной брошюрой в 1793 г. (Bib. nat., Ln[27] 18057; Arch. nat., W[20]) и перепечатанном в № 4 «Annales Révolutionnaires» за 1916 год. В дальнейших ссылках на это письмо мы будем цитировать его по этому последнему изданию. По вопросу о происхождении Жака Ру. см. также Albert Mathiez, La vie chère et la mouvement social sous la terreur, Paris 1927, p. 123—124: F. Braesh, La Commune du août 1792, p. 739—741.

[3]) Jacques Roux à Marat, p. 533.

[4]) Ibidem, pp. 533—535.

[5]) Ibidem, p. 535. В рукописном отрывке, сохранившемся среди бумаг Жака Ру и представляющем, повидимому, ответ на пред'явленные ему осенью 1793 г. обвинения, между прочим, говорится: «Настоящие санкюлоты знают услуги, оказанные мною общественному делу. В течение 20 лет я являюсь жертвой деспотизма священников и дворян... Республика была в моем сердце еще до того, как она была провозглашена». Arch. nat., W[20].

[6]) «Le triomphe des braves parisiens sur les ennemis du bien public. Par M. Jacques Roux, prêtre du diocèse d'Angoulême, apôtre et martjr de la Révolution». Bibl. nat., Lb[39] 8638.

первое по времени из всех дошедших до нас произведений вождя «бешеных».

Приветствуя парижан по поводу одержанной ими 14 июля победы, Жак Ру, прежде всего, радуется ближайшему последствию событий этого дня—сближению между Людовиком XVI и Национальным Собранием. «Благодаря теснейшему союзу между вождем и подданными, между отцом и его детьми, благодаря восхитительному согласию в их энергии, искренности и верности,—сила, интрига, заговоры и недобросовестные советы, все это оказалось не в силах устоять перед алтарем отечества. Враги революции вынуждены частью обратиться в бегство, частью же, сознавая свое бессилие, умирать от досады и гнева» [1]).

Оптимистическая оценка значений недавних событий не лишает, однако, Жака Ру возможности предвидеть всю серьезность стоящих перед дальнейшим ходом революции испытаний. «Когда на земле было лишь ничтожное количество людей, невинный Авель пал под ударом Каина, а Иосиф был продан своими братьями. Неужели же вы думаете, что в наше время, когда ярость, распущенность, эгоизм и всевозможные страсти развратили почти все сердца, столкновение столь большого количества различных интересов и склонностей... может обойтись безболезненно, без шума и восстаний? Господа, значило бы плохо знать человеческую природу,—предположить, что столь большое количество недовольных безропотно подчинится новому порядку вещей, изо дня в день порождающему все новые поводы для недовольства и гнева. Не столь легко совершается переход от царства преступлений к господству добродетели, от мрака обмана к свету истины, от господства злоупотреблений к полезнейшим реформам, от царства смерти к периоду возрождения» [2]).

Только что цитированные слова позволяют с несомненностью утверждать, что подобно Марату и в отличие от большинства своих современников, считавших, что с утверждением Национального Собрания и развитием его реформаторской деятельности немедленно наступит «на земле мир и в человецех благоволение», Жак Ру в 1789 г. довольно ясно сознавал все трудности окончательной победы революции. Однако предлагаемая им в его проповеди дальнейшая программа действий далеко отстает от твердой и здоровой политической линии Марата этих дней.

«Как ни ярок свет, воссиявший над вашими головами, он может снова легко погаснуть, если вы в ваших поступках не будете руководствоваться осторожностью и умеренностью. Ваше счастье, господа, будет лишь кратковременным сном, если, оскверняя святое понятие свободы, вы осмелитесь оскорблять свободу ваших сограждан. Употреблять ваше оружие на пролитие крови значило бы его проституировать. Вот почему к храбрости и доверию, обладанием коих вы похвалились перед алтарем и знаменами свободы, я умоляю вас, господа, присоединить еще столь необходимые добродетели, как послушание декретам нации, повиновение приказам ваших начальников, уважение к вашим руководителям и судьям и благожелательность, уважение и справедливость в отношении всех тех, кто благодаря счастливой революции сделались на-

[1]) Ibidem, p. 20.
[2]) Ibidem, p. 22—23.

шими равными перед законом, как они от века были ими перед лицом господа» (курсив наш.—Я. З.) [1]).

Из приведенных отрывков достаточно явствует, насколько детской и беспомощной была политическая мысль Жака Ру в первый год революции. Ибо как же иначе можно оценить взгляды человека, который, сознавая, что достигнутые революцией успехи должны вызвать неминуемое контрнаступление со стороны всех обиженных этими успехами элементов, вместе с тем рекомендует в качестве лечебного средства послушание начальству и доброжелательность в отношении врагов? И если в определении дальнейших перспектив революции Жак Ру возвышался над громадным большинством своих современников, то тем вдвойне непростительнее было делать из этого теоретического анализа практические выводы в духе христианского смирения и любви к недругам.

Анализ первого—по крайней мере из известных нам—произведений будущего вождя «бешеных» должен быть принят во внимание при выяснении одного спорного вопроса из его биографии, — вопроса о том, принимал ли Жак Ру какое-либо участие в аграрных беспорядках, происшедших в Сен-Тома де Конак 29 апреля 1790 года. На следующий день после этих беспорядков некий Тюрпен, королевский комиссар, в своем докладе министру внутренних дел, между прочим, писал:

«Если верить утверждениям некоторых лиц, вообще говоря, вполне достойных доверия, то значительную роль в этих событиях принимал некий Ле Ру, викарий прихода Сен-Тома. Его обвиняют в проповеди опасной доктрины о том, что земля принадлежит в равной степени всем, и что поэтому не следует больше платить каких бы то ни было сеньеральных повинностей. Кроме того, говорят, что, не ограничиваясь открытой пропагандой этих мыслей в некоторых своих проповедях, он тайным образом, посредством подкупа, стремился поднять народ против всех людей, осчастливленных судьбой (favorisés de la fortune). Если таковы были его намерения, то нужно признать, что они вполне удались» [2]).

Как следует отнестись к утверждению Тюрпена? Если Жаку Ру, в ответ на посыпавшиеся на него обвинения, и удалось установить свое физическое alibi во время событий 29 апреля [3]), то это, само собой разумеется, еще отнюдь не разрешает вопроса о том, вел он или нет д о т о г о (а Жак Ру покинул свой приход всего лишь за две недели до дня беспорядков) приписывавшуюся ему революционную пропаганду. С другой стороны, несомненно, стихийный характер аграрных беспорядков, происходивших в это время почти сплошь по всей территории Франции, точно так же не может устранить предположения о наличности пропаганды Жака Ру, хотя было бы, конечно, нелепо об'яснять события 29 апреля о д н о й этой пропагандой. Таким образом, все эти соображения ни на шаг не подвигают разрешения поставленного вопроса, и нам не остается ничего другого, как попробовать обратиться к обстоятельствам совершенно иного характера.

Вчитываясь в текст доклада Тюрпена, нельзя, прежде всего, не обратить внимания на то, что приписываемое им Жаку Ру учение, что «земля принадлежит в равной степени всем», действительно напоминает некоторые эгалитаристические положения «бешеных», известные

[1]) Ibidem, p. 30—31.
[2]) Arch. nat., F^7 3664.
[3]) Jacques Roux à Marat, p. 536.

нам, впрочем, лишь в отношении более позднего времени.. Но с другой стороны, вся идеология, характеризующая Жака Ру, эпохи его проповеди о «триумфе храбрых парижан» абсолютно исключает предположение о возможности призыва с его стороны к каким бы то ни было насильственным действиям. Поэтому нам не остается ничего иного, как предположить, что Жак Ру, действительно сделав приписывавшееся ему теоретическое утверждение, не посмел, однако, сделать из него тех практических выводов, о которых говорит Тюрпен в своем докладе министру внутренних дел. Это тем более вероятно, что такое противоречие между посылками и выводом вполне соответствует всему духу рассмотренной нами выше проповеди.

Так или иначе, но в результате начатых против него преследований Жаку Ру пришлось покинуть свой приход, и его судьба в течение последующих месяцев до начала 1791 г. покрыта почти непроницаемым покровом, который исторической науке вряд ли удастся когда-нибудь разорвать. Особенно путает все следы об этом периоде жизни Жака Ру анонимная брошюра, вышедшая вскоре после описываемых событий в издании его приятельницы вдовы Petit и озаглавленная «Апостол, мученик революции» [1]). Брошюра эта, несомненно, принадлежащая перу самого Жака Ру, повествует о том, как после того, как «генеральные викарии Сента, Тайе, Делора и Люше запретили, шесть месяцев тому назад, Жаку Ру, за его проповеди в пользу революции апостолом коей он себя об'явил, исполнение его пастырских обяза[нностей]» [2]), он был принужден бежать и случайно попал в местеч[ко] Массиньи, близ Каркассона. Здесь он сразу же проявил такой пламе[н]ный патриотизм, что местные избиратели выбрали его 25 июля 1790 на освободившуюся вследствие смерти старого кюре должность св[я]щенника. Революционные проповеди Жака Ру на месте его нов[ого] служения вызвали против него ярую ненависть всех местных аристо[]кратов, а когда их попытка подкупить его при помощи 48.000 ливр[ов] не только окончилась неудачей, но и явилась поводом беспорядк[ов] окончившихся смертью 39 контрреволюционеров, то их спасшие[ся] товарищи решили разделаться с революционным попом. «На следу[ю]щую ночь восемнадцать мерзавцев явились в поселок Массиньи. Он[и] с грохотом разбивают ворота дома кюре... бросаются на последнег[о] вырывают ему глаза и язык, отрубают ему обе руки, наносят ему пя[ть] ударов кинжалом в грудь» [3]).

Как понять весь этот рассказ? Не говоря уже о крайней ориг[и]нальности повествования о смерти Жака Ру, написанного им сами[м] чрезвычайно любопытно, что, напечатанная в качестве приложени[я] к брошюре «Последняя проповедь Жака Ру, кюре в Массиньи, прои[з]несенная им в его приходе накануне его убийства» [4]), представляет [не] что иное, как перепечатку уже известной нам проповеди о «Триумф[е] храбрых парижан»! Но есть ли во всем рассказе Жака Ру хоть как[ая-]нибудь крупица истины, и был ли он вообще когда-нибудь в Массиньи Альбер Матьез, тщательно исследовавший этот вопрос, приход[ит] к выводу, что не только Жак Ру не был в 1790 г. на юге Франции, н[о] и что вообще там в это время не было событий, сходных с только-чт[о] описанными, и что около Каркассона нет и не было никакого населе[нного]

---

[1]) «L'apôtre, martyr de la Révolution, ou discours d'un curé patriote, qui vie[nt] d'être assasiné par dix-nuit aristocrates». Bibl. nat., Lb[39] 5568.

[2]) Ibidem, p. 1.

[3]) Ibidem, p. 3.

[4]) Ibidem, p. 4—21.

ного пункта, носящего название Массиньи. Появление же брошюры Матьез об'ясняет стремлением Жака Ру увеличить этим путем свою популярность и добиться уважения санкюлотов [1]). Это тем более вероятно, что автор брошюры не жалеет хвалебных эпитетов по адресу Жака Ру [2]); что же касается того, что брошюра была выпущена анонимно, то это, повидимому, об'ясняется желанием Жака Ру соблюсти хоть некоторый декорум скромности [3]). Таким образом, вопрос о том, где был и что делал Жак Ру во второй половине 1790 г., так и остается без ответа и, добавим, вряд ли когда-нибудь сможет быть выясненным.

С вопросом о месте нахождения Жака Ру во второй половине 1790 г. непосредственно связан и вопрос об его второй фамилии—Реноди. Когда Марат в первых числах июля 1793 г. выступил с целым рядом обвинений по адресу Жака Ру, то он, между прочим, отмечал, что Реноди (Марат утверждал, что именно такова была настоящая фамилия Жака Ру), «руководимый корыстными целями, желанием произвести шум, начал свою революционную карьеру подлогом, потому что он воспользовался известием об убийстве Жака Ру (священника в Исси, если память мне не изменяет) [4]), чтобы назваться его именем, внушить больше интереса и заработать деньги, напечатав в свою пользу историю покушения, произведенного на личность этого честного священника. С этих пор он сохранил это имя; может быть, это было актом осторожности с его стороны, чтобы скрыть свое опозоренное имя» [5]).

Чрезвычайно любопытно, что Жак Ру, который в своем ранее уже упоминавшемся письме к Марату тщательнейшим образом ответил на все обвинения последнего, совершенно обошел молчанием [6]) весь вопрос об «Апостоле, мученике революции» и фамилии Реноди и лишь доказывал, что его подлинной фамилией является фамилия Ру [7]). А при его допросе в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа 1793 года, Жак Ру, в ответ на заданный ему вопрос, «не носил ли он других фамилий, кроме той, которую только что назвал», ответил, что, «будучи преследуем в Сентонже и Ангумуа за свой патриотизм, он, во избежание ножа убийц, был вынужден отправиться в Париж. Для того же, чтобы скрыть от врагов свое местонахождение, он принял прозвище Реноди. Впрочем, во всех подписанных им в Париже официальных документах (включая сюда платежные ведомости при получении жалования и расписки в получении от секции свидетельства благонадежности), а также при своем избрании в различные учреждения, он всегда именовался Жаком Ру, каковая фамилия и является его

---

[1]) Mathiez, op. cit., p. 128.

[2]) «L'apôtre, martyr de la Révolution», p. 1, 2, 3 и т. д.

[3]) Оценивая всю историю с «Апостолом, мучеником революции» с точки зрения выявления особенностей Жака Ру, как человека, нужно иметь в виду, что восхваление своих революционных заслуг было вполне в духе той эпохи (этим грешили и Робеспьер, и Марат, и многие другие), и поэтому современная, гораздо более ригористическая, точка зрения на подобные вещи здесь явно не применима.

[4]) Таким образом, Марат, смешавший названия Исси и Массиньи, вместе с тем верил в подлинность истории, изложенной в «Апостоле, мученике революции». Мы уже видели, что весь этот рассказ следует считать апокрифическим.

[5]) Цитируем по русскому переводу, помещенному в качестве приложения к статье Ц. Фридлянда «Классовая борьба в июне—июле 1793 г.»,—«Историк-Марксист», т. II, стр. 201.

[6]) Это отмечает и Mathiez, op. cit., p. 128—129.

[7]) Jacques Roux à Marat, p. 530.

собственной» [1]). Таким образом, из этого как будто бы следует не только признание Жаком Ру ношения им прозвища Ренодн, но и тот факт, что из Ангумуа он отправился прямо в Париж.

Так или иначе, но первые следы, которые мы имеем о пребывании Жака Ру в Париже, относятся лишь к январю 1791 года. Не будучи, как безработный и притом все еще находившийся под действием наложенного на него его духовным начальством интердикта, обязан приносить введенной в это время для духовенства присяги, Жак Ру решил выполнить эту гражданскую повинность добровольно. 16 января 1791 г. он произнес в церкви Сен-Сюльпис установленный законом текст гражданской присяги, сопроводив его речью, в которой говорил, что он был «вынужден покинуть свой кров и приход, чтобы избежать ярости злодеев, об'явивших награду за его голову», и что теперь он «готов до последней капли пролить свою кровь для поддержки революции, которая уже успела изменить судьбы человеческого рода на поверхности земли, сделав людей такими же равными в отношении друг друга, какими они от века были в отношении господа» [2]).

Принесение присяги, поставившее Жака Ру в ряды конституционного духовенства, тем самым дало ему возможность получить место, и мы действительно видим, что он вслед за этим делается викарным священником церкви св. Николая на Полях (Saint-Nicolas des Champs). С этого момента начинается новый период его жизни.

II.

Анализируя выше идеологию Жака Ру в первый год революции, по крайней мере постольку, поскольку она выявлена в речи «Триу[illegible] храбрых парижан»,—мы убедились в ее беспомощности и иногда да[illegible] наивности. Типичный интеллигент и притом еще священник, смеш[illegible] вающий бродящие в воздухе теории «просветителей» с прописны[illegible] евангельскими истинами, Жак Ру 1789 года представляется нам чел[illegible] веком далеко еще не самоопределившимся и ставшим на сторону [illegible] волюции не столько сознательно, сколько по чувству. Если, как мы в[illegible] дели выше, в некоторых отношениях мысли, высказанные в «Триум[illegible] храбрых парижан», и ставили Жака Ру несколько выше большинст[illegible] его современников, то мы видели также, что это можно сказать ли[illegible] относительно очень незначительной части этого первого дошедше[illegible] до нас произведения будущего вождя «бешеных». Во всяком случ[illegible] Жак Ру этой эпохи еще классический интеллигент своего времен[illegible] и, лишь очень немногим отличаясь от многих тысяч и десятков тыс[illegible] таких же интеллигентов, он не заслуживал бы мало-мальски пристал[illegible] ного внимания, если бы его дальнейшая эволюция не вывела его [illegible] совершенно новую дорогу, сделавшую его одним из наиболее ярк[illegible] идеологов зарождающегося рабочего и ремесленного пролетариа[illegible] (или точнее «полу»- или «пред-пролетариата») того времени.

Изучить историю этой эволюции и является задачей настоящ[illegible] главы.

Мы слишком мало знаем о жизни Жака Ру в течение период[illegible] отделяющего его от'езд из Ангумуа, от его появления в Париж[illegible] чтобы с какой бы то ни было долей вероятности строить предпол[illegible]

[1]) Допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 авгу[illegible] 1793 г. Arch. nat., W[20].

[2]) «Les Révolutions de Paris», № 80, p. 58. Характерно, что последняя фр[illegible] почти дословно повторяет соответствующее место из «Триумфа храбрых парижа[illegible]

жения о его духовной эволюции за это время. Зато после его поселения в Париже картина делается совершенно ясной.

Поселившись в Париже рядом с церковью св. Николы на Полях, в доме № 120, по улице Омер (rue Aumaire)[1], т. е. в одной из наиболее старинных частей Парижа (нынешний III округ), Жак Ру очутился, таким образом, в пределах секции Гравилье. Секция эта[2], расположенная на правом берегу Сены, в наиболее густо заселенной части Парижа, была в то время населена многочисленными рабочими и ремесленниками текстильного, кружевного, ленточного, чулочного и др. тому подобных производств. В этом районе не было крупных мануфактур: работа производилась частью в небольших мастерских, об'единяющих не более 50 рабочих, главным же образом носила характер домашнего производства. Положение всех этих ремесленников, особенно текстильщиков, подвергавшихся самой беспощадной эксплоатации со стороны предпринимателей, плативших им совершенно ничтожную поштучную плату, было самым жалким; но несравненно хуже было положение рабочих ленточного производства. Эта промышленность[3] была единственной отраслью французской индустрии, где машинное производство гигантскими шагами вытесняло более примитивные формы работы, и рабочим-лентовщикам пришлось почувствовать на себе всю тяжесть тех явлений, которые сопровождают переход к этой усовершенствованной форме производства. Еще за несколько лет до начала революция на этой почве происходили даже волнения, сопровождавшиеся разрушением станков[4], а в конце 1791 года парижские рабочие даже обратились в Законодательное Собрание с петицией о запрещении употребления в ленточном производстве машин, но, конечно, получили отказ[5].

Вот среди этого-то жестоко эксплоатируемого и нуждающегося населения и очутился Жак Ру, приехав в Париж, и окружавшие его страдания и нищета не могли, само собой разумеется, не оказать на него самого сильного впечатления. Первым результатом этого явилась его благотворительная деятельность, сразу же доставившая Жаку Ру довольно значительную популярность среди населения его секции. Впоследствии, при его допросе в департаменте полиции Парижской коммуны, Жак Ру показывал, что «с тех пор, как он поселился в секции Гравилье, он преимущественно занимался помощью бедным и что его дверь была всегда открыта для всех неимущих как из его секции, так из других... Его положение духовника больных притягивало к нему значительное количество несчастных, которым он помогал даже не спрашивая их фамилии, ибо боялся обидеть их лишними расспросами и надеялся этим путем еще больше увеличить свои заслуги»[6]. Это утверждение вполне подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении свидетельствами знавших Жака Ру лиц[7], при чем нужно еще иметь в виду, что кроме спорадической помощи, оказываемой им многочисленным нуждающимся[8], были еще и люди, находившиеся,

---

[1]) Протокол допроса Жака Ру 23 августа 1793 года. Arch. nat., W^{20}.

[2]) F. Braesh, op. cit., p. 22—24.

[3]) Е. В. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. II. стр. 165.

[4]) Там же, стр. 165.

[5]) Там же, стр. 251—253.

[6]) Протокол допроса Жака Ру 24 августа 1793 г. Arch. nat., W^{20}.

[7]) Показания гр-ки Beaurepaire, Arch. nat., W^{20}; показания вдовы Petit, Arch. nat., W^{20}; показания Nicolas Natté, Arch. nat., F^7 2486.

[8]) Любопытно, что среди бумаг Жака Ру в национальном архиве сохранились адресованные ему письма с просьбой о материальной помощи. Таково, например,

так сказать, на его постоянном иждивении, и которым он не только помогал из своих скромных средств, но в пользу которых устраивал и специальные сборы среди своих прихожан. Среди таковых следует отметить 53-летнюю белошвейку, вдову Пти (Petit), урожденную Юбер (Hubert), которой Жак Ру помогал в течение ряда лет и которая ухаживала за ним во время его болезни [1]). Кроме того, в конце 1792 или в самом начале 1793 года он взял на воспитание 14-летнего сироту по имени Масселен (Masselin), который жил у него и находился на его полном иждивении [2]).

Если ближайшим следствием поселения Жака Ру в секции Гравилье было широкое развитие его благотворительной деятельности, то само собой разумеется, что пребывание в среде населения этой секции не могло не оказать влияния и на его идеологию. «У меня горячая и буйная кровь,—писал он впоследствии в уже цитированном нами письме к Марату,—и яркое воображение... Имея перед глазами такую печальную и душераздирающую картину, неужели я могу молчать и не высказывать с жаром всего того, что я чувствую?» [3]). Поэтому было более чем естественным, что пребывание в секции Гравилье и лицезрение страданий ее населения не только заставило Жака Ру заняться благотворительною деятельностью, являвшейся лишь ничтожным паллиативом, но и бороться за улучшение положения этого населения всеми доступными ему средствами политической борьбы. Вот почему Жак Ру, бывший по своим взглядам в начале революции лишь самым обыкновенным интеллигентом, становит[ся] теперь идеологом ремесленников и рабочих, и э[то] обстоятельство накладывает ярчайший отпечаток на всю его дальн[ей]шую деятельность.

Уже вскоре после своего прибытия в Париж, Жак Ру вступа[ет] в число членов кордельерского клуба [4]) и сближается с Маратом, к[о]торого весной 1792 г. даже скрывает у себя от возбужденных прот[ив] него в это время правительством преследований [5]). А в конце м[ая] 1792 г. [6]), он произносит «Речь о средствах спасения Франции и св[о]боды», повторенную затем в ряде других церквей и отпечатанн[ую] в виде отдельной брошюры [7]). Впрочем, нужно иметь в виду, что д[о]шедший до нас текст этой речи заключает в себе ряд элементов, [...]

письмо некоей вдовы Montarant, просящей о «какой угодно ничтожной помо[щи], которая все равно будет чрезвычайно ценной». Arch. nat., W[20].

[1]) Показания вдовы Petit, Arch. nat., W[20]; показания Natté, Arch. nat., F[7] 2[...]

[2]) Показания Natté, Arch. nat., F[7] 2846; протокол допроса Жака Ру, A[rch.] nat., W[20]; показания Masselin, Arch. nat., F[7] 4775[3].

[3]) Jacques Roux à Marat, p. 537—538.

[4]) Показания вдовы Petit, Arch. nat., W[20]. Имеется также постановление к[ор]дельерского клуба с упоминанием о Жаке Ру от 18 марта 1792 г. A. Tudey, Rep[er]toire général des surces manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolut[ion] Française

[5]) «Le Publiciste de la République Française», № 233 du 4 juillt 1793; Jac[ques] Roux à Marat, p. 531—532.

[6]) В отчете о заседании якобинского клуба 17 мая 1792 г. отмечается, [что] член клуба кордельеров г. Жак Ру просит об'явить, что в будущее воскресе[нье] в 3 часа дня, он произнесет патриотическую речь о средствах спасения Франц[ии]. A. Aulard, La Société des Jacobins, t. III, p. 589.

[7]) «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté; prononcé [dans] l'Eglise Métropolitaine de Paris, dans celles de St.-Eustache, de Ste-Marguerite, Saint-Antoine, et de Saint-Nikolas des Champs. Par. M. Jacques Roux, membre d[e la] Société des Droits de l'Homme et du Citoyen. A. Paris, cher l'auteur». Bibl. [nat.] Lb[39] 10782.

сомиеино добавлениых уже впоследствии, а имеиио между 10 августа и временем открытня Национальиого Конвента [1]).

«Речь о средствах спасения Фраиции и свободы» делится иа две части. В первой выясияются причины постигших Францию бедствий, во второй указываются средства для их исцелення.

«Три основные причнны могут вызвать гражданскую войну: религнозиый фаиатизм, предательство должиостиых лнц, иепослушаиие закоиу» [2]).

Из этих трех прични Жак Ру, прежде всего, остаиавливается иа релнгиозном фаиатнзме.

«Из всех пожирающих человечество бедствнй, нет более тяжких, иежели те, что порождаются религиозиым фаиатнзмом»,—восклнцает наш проповедник [3]), и в дальнейшем ои под явным влиянием Вольтера изобличает преступлеиня, порождеииые религиозным фанатизмом в прошлой истории человечества [4]), а равио и его контрреволюциониую роль в иастоящем [5]). Этому глубоко вредному религиозному фанатизму ои протнвопоставляет свое собствениое поннманне религин, не только не враждебной революцнн, ио, иапротив того, всецело иаправленной иа ее поддержаиие [6]).

«Но как бы религиозный фаиатизм ни был опасен вследствие той властн над умами, которую предоставляют ему легковерие народов и безнаказаниость преступлений, виутри общества существуют еще и другие враги, на которых ие менее необходимо обратнть вниманне [7]).

К чнслу этих врагов Жак Ру, прежде всего, причисляет нзмеияющих народу должиостиых лнц. «Наиболее опасиыми врагами являются гады, прнтанвшнеся среди нас самих; мошенники, добившиеся доверия иарода для того, чтобы продать его права н разделить его наследство; разукрашеииые разбойники, растрачивающие народиое достоянне, дабы отвести от себя бдительиое и строгое око закона и получнть возможиость безнаказаиио совершать и заставлять совершать самые гиусные преступлеиия [8]).

Но врагами иарода, по мнеиню Жака Ру, являются ие только изменяющне ему должиостные лнца, но и «те умеренные, которые предаиы закоиу, ио лишь закону о воеиином положеиии; которые преданы коистнтуции, ио лишь той, которая была санкционирована бойией в Нанси н иапнсаиа иа еще дымящнхся трупах нашнх братьев, убнтых на Марсовом Поле» [9]). Впрочем, характерязуя такими словами «умерениых», т.-е. фельяиов, Жак Ру вместе с тем в это время еще повнднмому в п о л н е д о в е р я е т ж н р о н д и с т а м, нбо страницей дальше клянется в уважении члеиам Законодательного Собрання, которых иазывает «аигеламн - хранителямн французского народа» [10]).

Во второй части своей речн Жак Ру обращается, прежде всего, к средствам, способным избавнть Францию от нависшей над ней угрозы неприятельского иашествия, прн чем здесь ои особенно под-

[1]) Ibidem, p. 2, 16, 21, 38 etc.
[2]) Ibidem, p. 4.
[3]) Ibidem, p. 4—5.
[4]) Ibidem, p. 5—6.
[5]) Ibidem, p. 6—7.
[6]) Ibidem, p. 7—9.
[7]) Ibidem, p. 9.
[8]) Ibidem, p. 12.
[9]) Ibidem, p. 14.
[10]) Ibidem, p. 15.

черкивает необходимость единения и патриотизма [1]). Что касается до мер борьбы с опасностями внутреннего характера, то здесь Жак Ру, указав на необходимость уничтожения религиозного фанатизма [2]), наказания изменивших народу депутатов и чиновников [3]), и бдительного надзора за вновь избираемыми членами Национального Конвента [4]), обращается к народу со следующим наставлением:

«Подвергните страху постыдного наказания спекулянтов и барышников. Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки со слезами и разорением народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на жестокие происки аристократии богатства. Она не должна терпеть, чтобы глубоко развращенные люди пожирали имущества, мануфактуры, торговлю, свободу; она не может терпеть, чтобы они каплю за каплей высасывали кровь граждан и путем недостойных сделок подготовляли возвращение рабства» (Курсив наш.—Я. З.) [5])...

...«Так как спасение народа является высшим законом, разоружите умеренных и подозрительных граждан, об'явите награду за головы эмигрировавш... заговорщиков и вооружившихся против наш... свободы коронованных тиранов. Возьмите в ... честве заложников жен и детей изменников оте... ства; пусть они отвечают за ход войны, навязанной нам извн... извнутри дворянской и священнической расой (la race nobliêre sacerdotale). Пусть, закованные в цепи, они первые будут подверж... огню неприятеля или, вернее, мечу нанятых ими убийц.

Пусть будут сожжены и сравнены с земл... дома подлых обывателей, сдавших наши кре... сти неприятелю. Помните..., что против заговорщиков... с... дует применять самые строгие и быстро д... ствующие средства!

Возьмите же под арест, вплоть до момен... торжества свободы, всех лиц, принадлежавш... к бывшим привилегированным сословиям... (страните от народных магистратур и каких ... то ни было должностей всех сторонников р... лизма, этих пиявок нового режима, на коленях умоляющих о ... юте и рабстве, но не железе и свободе; отстраните патриотичес... спекулянтов, наравне с национальными банкротами, с'естными при... сами и всевозможными товарами припрятавших, и пущенные и... в обращение фальшивые монеты и ложные ассигнаты; отстраните в... пиров, которые, приняв участие в продовольственном деле, среди п... доносных земель, отравляли, разоряли и морили голодом нар... оскорбляя народную нищету богатством и роскошью, указывающи... на стремление к монархии» (Курсив наш.—Я. З. [6]).

---

[1]) Ibidem, p. 23—24.
[2]) Ibidem, p. 36.
[3]) Ibidem, p. 36.
[4]) Ibidem, p. 38—41.
[5]) Ibidem, p. 36.
[6]) «Discours sur le moyens», p. 41—42.

Затем наш оратор снова возвращается к вопросу о спекулянтах: «*Так как торговля не должна заключаться в действиях, вредных трем четвертям человечества, — требуйте установления смертной казни в отношении спекулянтов с'естными припасами и в отношении тех, кто, торгуя деньгами и выпуская монеты по нарицательной цене, превышающей их действительную стоимость, дискредитируют наши ассигнаты, повышают цены товаров и быстрыми шагами приводят нас на край контрреволюции.* С этой целью немедленно установите общие для всего государства единицы меры и веса. *Требуйте строгих законов в отношении хлебной торговли, требуйте запрещения вывоза за пределы государства предметов первой необходимости. Заставьте крупных землевладельцев продавать их урожай лишь на особо установленных в пределах их дистриктов рынках. Установите во всех городах и значительных поселениях общественные магазины, цены которых окажут заметное влияние. Если богатые фермеры будут вынуждены нести свои товары на общие склады и вся Франция обратится как бы в единое хранилище, золотой* век сменит, наконец, век железный...» (Курсив наш.—Я. З.)[1]).

Таково содержание «Речи о средствах спасения Франции и свободы». Обращаясь теперь к ее оценке, следует, прежде всего, сказать, что только - что разобранное нами произведение Жака Ру свидетельствует о значительном переломе, происшедшем в идеологии ее автора за три года, прошедших со времени произнесения им проповеди о «Триумфе храбрых парижан». На месте сладковатого либерала, торжествовавшего по поводу победы Учредительного Собрания над королем и призывавшего к послушанию законам и распоряжениям властей, мы имеем теперь не только ярого революционера, но и представителя рабочих и ремесленных масс Парижа, болеющего их бедствиями и отражающего их стремления и чаяния. И, обращаясь к анализу причин этой эволюции, мы думаем, что об'яснить ее можно только одним, а именно тем происшедшим за это время изменением классовой сущности Жака Ру, о котором мы выше уже говорили.

III.

Сложившись в качестве идеолога парижских рабочих и ремесленников, Жак Ру совершенно естественно должен был сразу же взяться за пропаганду своих новых взглядов, сущность которых нам уже известна из анализа «Речи о средствах спасения Франции и свободы». С этой целью он, прежде всего, пользуется своим обаянием, как пастыря, и именно этим, думается нам, следует об'яснить ту роль, которую в его пропаганде всегда играли женщины, и притом женщины не молодые, что совершенно устраняет возможность предположений о романических наклонностях Жака Ру. Кроме уже упомянутой вдовы Petit, в числе приятельниц Жака Ру следует отметить еще вдову Шешен (Chechin), у которой он одно время даже как будто бы жил[2]);

[1]) Discours sur le moyens», p. 42—44.

[2]) По крайней мере именно ее адрес указан в качестве места жительства Жака Ру в его письме к Дантону от 18 августа 1792 г., речь о коем будет ниже.

но помимо этих его ближайших подруг был еще повидимому довольно широкий контингент женщин, находившихся под обаянием личности и пропаганды революционного священника. Чрезвычайно характерно, что в письме к сыну вдовы Petit, бывшим повидимому также одним из наиболее ярых сторонников Жака Ру, этот последний прямо писал, что «наша победа обеспечена, если женщины войдут в среду санкюлотов» («dès que les femmes se mèleront parmis les sans-culottes») [1]).

Впрочем, не следует думать, что в число сторонников и последователей пропаганды Жака Ру входили только женщины. Вокруг него образовался тесный кружок людей, по выражению его противников «обольщенных или подкупленных этим чудовищем» [2]), «сателлитов Жака Ру» [3]). Таковы Жак Боскэ (Jacques Bosquet), Жак Бурбон (Jacques Bourbon), Жан-Луи Грайо (Jean-Louis Graillot), Николай Наттэ (Nicolas Natté), Жан-Баптист Дюкло (Jean-Baptiste Duclos), Бульан (Bouillant), Николай-Марен Мишо (Nicolas-Marin Michault), Жан Франсуа Соже (Jean Francois Saugé [4]).

Исключительно характерен классовый состав этой группы, где на одного интеллигента-фельдшера Мишо приходится два торговца лимонадом (Bosquet и Bouillant), два сапожника (Bourbon и Saugé), два столяра (Graillot и Natté) и один мелкий рантье (Duclos) [5]). Многие из них не умели ни писать, ни читать [6]).

Не ограничиваясь, однако, пропагандой своих идей среди этой группы, Жак Ру вполне естественно стремился к расширению сферы своей деятельности, и именно этим, думается нам, об'ясняются его лихорадочные попытки сделаться представителем секции Гравилье в различных учреждениях, вызванных к жизни революцией 10 августа 1792 года. В самом деле, зная исключительное бескорыстие Жака Ру, единогласно отмечаемое как всеми его лично знавшими, так и историками, было бы странно об'яснять эти попытки какими бы то ни было мотивами корыстного характера. Но если, с одной стороны, уже довольно значительная популярность, заслуженная Жаком Ру благодаря его широкой благотворительности и отзывчивости к нуждам всех, кто к нему только ни обращался, должна была содействовать достижению поставленной им себе в августе 1792 г. цели, то, с другой стороны, у него было вполне достаточное количество не только политических противников, но и личных врагов и завистников.

Это выяснилось при первых же выборах, на которых была выставлена кандидатура Жака Ру. Избранный в заседании 15 августа одним из двух присяжных, посланных секцией Гравилье в созданный после 10 августа чрезвычайный трибунал, он уже 17 августа был отозван по требованию некоего Грувелля, указавшего на несовместимость обязанностей священника и судьи [7]). Справедливо обиженный этим постановлением, Жак Ру уже на следующий день обратился

---

[1]) Письмо от 23 августа 1793 г. Arch. nat., W[10].

[2]) Протокол заседания революционного комитета секции Гравилье le septidi frimaire an II. Arch. nat., F^7 4775^3.

[3]) Ibidem.

[4]) Протокол допроса сторонников Жака Ру в революционном комитете секции Гравилье octodi frimaire an II. Arch. nat., F^7 4775^3.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem.

[7]) A. Tuetey, Répertoire général des sources manuscrites sur l'histoire de Paris pendant la Révolution Française, t. VII, № 892, t. IV, № 2461.

с письмом к Дантону [1]), бывшему в то время министром юстиции, и указывал на «доказательства патриотизма, проявленные им как в народных обществах, так и с публичных кафедр с самого момента поселения в Париже [2]). В нашем распоряжении нет никаких данных, позволяющих предположить какое-либо вмешательство по этому поводу со стороны министра юстиции.

Столь же неудачными для Жака Ру были выборы в Национальный Конвент и совет парижского департамента. Избранный секцией Гравилье в качестве одного из ее представителей в парижское избирательное собрание, Жак Ру в заседании этого собрания, повидимому, слишком энергично защищал свою кандидатуру (впоследствии враги обвиняли его в том, что он раздавал выборщикам бюллетени со своим именем и распространял рекомендующие его письма и брошюры [3]) и, в силу вызванного этим естественного недоверия, потерпел полное фиаско, получив лишь совершенно незначительное число голосов. Лишь на выборах во временную коммуну 2 декабря, сменившую революционную Парижскую коммуну 10 августа, Жак Ру оказался более счастливым и вошел в эту коммуну в качестве представителя секции Гравилье [4]).

Однако, несмотря на эти неудачи, Жак Ру со свойственной ему исключительной энергией и целеустремленностью продолжает дело пропаганды своих взглядов и уже к началу зимы 1792—1793 гг. мы имеем ряд признаков, указывающих на несомненный рост его влияния среди парижской бедноты. Так, например, петиция, с которой секция Гравилье обратилась к Национальному Конвенту 7 октября 1792 г. [5]), если не написана им целиком, то все же носит несомненные следы его влияния [6]), а произнесенная им 1 декабря в другой секции—Обсерватории—«речь о суде над Людовиком последним и преследовании спекулянтов, барышников и изменников» [7]) имела такой успех, что секция постановила зачитывать ее два раза в неделю в течение целого месяца.

«Речь о суде над Людовиком последним» по сравнению с «Речью о средствах спасения Франции и свободы», представляет, без всякого сомнения, значительный шаг вперед в развитии идеологии Жака Ру. Перипетии классовой борьбы осенних месяцев 1792 г. не прошли для него даром, и если в своей предыдущей речи он, как мы видели, клялся в своем уважении Законодательному Собранию и его жирондистскому большинству, то теперь отношение его к новому национальному представительству вообще и его жирондистскому большинству в частности является совершенно иным.

Теперь жирондисты для него—«п о д л а я ф а к ц и я» [8]), которая

---

1) Письмо это напечатано у M o r t i m e r - T e r n a u x, Histoire de la terreur, t. III, p. 420—422.

2) Ibidem, p. 421.

3) Донос Mercier, Arch. nat., W[20]; протокол допроса Жака Ру 24 августа 1793 г., Arch. nat., W[20]. Впрочем, мы имеем сведения о том, что кандидатура Жака Ру поддерживалась рядом граждан. T u e t e y, op. cit., t. V, №№ 1153, 1161.

4) B r a e s h, op. cit., p. 1125.

5) Archives parlementaires, t. LII, p. 388.

6) Такова, напр., фраза, в которой говорится, что секция «не потерпит, чтобы сенаторский деспотизм, более опасный, чем королевский скипетр, выковал народу новые цепи» и т. д. Archives parlementaires, t. II, p. 388.

7) „Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traitres“. Bibl. nat., Lb[40] 2014.

8) Discours sur le jugement de Louis le dernies, p. 4.

«готовится нанести смертельный удар общественной свободе» [1]), «подлые законодатели» [2]), которые «окружают себя вооруженной силой—повидимому, для того, чтобы безнаказанно устраивать королевские заседания (tenir des lits de justice) и оправдать Людовика XVI, палача французов» [3]).

Результатом такого отношения Жака Ру к жирондистам является его недоверие к Национальному Конвенту.

«Деспотизм, существующий при господстве нескольких лиц (sous le gouvernement de plusieurs), т.-е. сенаторский деспотизм, столь же ужасен, как и скипетр королей, ибо он стремится к тому, чтобы незаметным образом заковать народ в цепи, связав его посредством законов, якобы продиктованных им самим» [4]).

После этого Жак Ру высказывает подчеркнутую у Руссо мысль о том, что депутаты являются лишь уполномоченными народа, обязанными во всем руководствоваться его волей [5]), а затем уже переходит к конкретным требованиям, пред'являемым им Национальному Конвенту. К числу таковых он относит скорейшую казнь Людовика XVI, Марии-Антуанетты и всех «законодателей, судей, генералов и чиновников, живших руку народа и получавших деньги от двора» [6]) И тут же несовсем последовательно он опять обрушивается на спекулянтов. «Кто не встанет на борьбу с тиранией,—восклицает Жак Ру,—когда извне детей свободы убивают, а изнутри подвергают их голоду и нужде, так как *законы не наказывают разбоя барышников и монополистов? Что может быть подлее, чем терпеть тех, кто захватывают произведения земли и промышленности, жадно скапливают на своих складах предметы первой необходимости и строят ростовщические расчеты на слезах и обнищании народа»* (курсив наш.—Я. З.) [7]).

Таково содержание «Речи о суде над Людовиком последним», и если она во многом и повторяет основные тезисы «Речи о средствах спасения Франции и свободы», то вместе с тем идет значительно дальше ее, поскольку не только обличает жирондистов, но и разрушает веру в Национальный Конвент в его целом и предлагает народу взять свою судьбу в свои собственные руки. «Именно эта речь,—справедливо замечает Матьез [8]),—сделала Жака Ру, популярного до сих пор лишь в своей секции, известным всему Парижу». Но еще больше содействовала этой известности, что совершенно правильно отметил еще Жорес [9]), роль, сыгранная Жаком Ру 21 января 1793 г., когда он, как член Парижской коммуны, находился среди муниципальных чиновников, назначенных присутствовать при казни Людовика XVI [10]),

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, p. 4—5.
[5]) Ibidem, p. 5—8.
[6]) Ibidem, p. 8—12.
[7]) Ibidem, p. 13.
[8]) Mathiez, op. cit., p. 136.
[9]) Jean Jarès, Histoire socialiste de la Révolution Française, Edition Mathiez. t. VII, p. 38—39.
[10]) Когда Людовик XVI, отправляясь на казнь, хотел передать Жаку Ру свое духовное завещание, то тот резко ответил, что это не входит в его обязанности, так как он послан коммуной лишь для того, чтобы присутствовать при смерти бывшего короля. Этот ответ, помимо современных событию газет, приводится, между прочим, в известном дневнике Клери («Journal de ce qui s'est passé au Temple pendant la captivité de Louis XVI, roi de France, par Cléry». Paris 1825, p. 149).

и, хотя в течение последующего месяца мы почти ничего не слышим о его деятельности, но совершенно несомненно, что влияние Жака Ру на парижскую бедноту росло буквально с каждым днем, доказательством чего могут служить написанные при его несомненном участии петиции, представленные Национальному Конвенту 3 [1]) и 12 февраля [2]). Но, что, без всякого сомнения, больше всего содействовало росту популярности Жака Ру среди парижской бедноты,—это позиция, занятая им в связи с голодными беспорядками 24—25 февраля [3]).

В то время, как монтаньяры во главе с Робеспьером [4]) самым решительным образом обрушились на виновников этих событий и вопреки всякой очевидности пытались об'яснить голодные беспорядки провокацией контрреволюционеров, Жак Ру воспользовался трибуной Парижской коммуны, чтобы в ее заседании 25 февраля высказать свое полное одобрение событиям этого дня. Вот как этот инцидент описывается в жирондистской газете «Le Scrutateur Universel»:

«...Священник Ру, обвиненный в пропаганде восстания в секции Гравилье, поднимается на трибуну и говорит, что, видя, как бакалейщики охотно продавали свои товары по ничтожной цене, он просто вообразил, что эти господа решили, наконец, вернуть бедным все, что они у них прежде украли. Он признается, что говорил в этом духе, и готов еще раз повторить то же самое. Это вызывает яростные аплодисменты на трибунах и общее неодобрение со стороны собрания. Наконец,—заявляет Ру,—«называйте меня Маратом коммуны [5]), но я все-таки заявляю, что я всегда буду защищать дело народа и нападать на агитаторов». Он сходит с кафедры с видом победителя, а когда председатель поздравляет его по поводу выклянченных им аплодисментов, трибуны разражаются возгласами «Долой председателя-аристократа!» [6]).

Неудивительно, что такое поведение Жака Ру вызвало против него сильнейшее возбуждение со стороны не только жирондистов, но равным образом и напуганных событиями монтаньяров. В своем заседании 26 февраля секция Пик, т.-е. секция Робеспьера, постановила, что «Жак Ру потерял ее доверие», и вынесла решение «побудить братьев из секции Гравилье отозвать из коммуны их представителя Жака Ру, который 25 числа сего месяца оправдывал события этого дня и тем

Аббат Edgeworth de Firmont, исповедывавший Людовика XVI перед смертью, в своих мемуарах («Dernières heures de Louis XVI, roi de France», Paris 1825, p. 175—176) говорит, что не слышал «этих ужасных слов», хотя вполне допускает, что они были произнесены. Что касается самого Жака Ру, то не только в своем докладе коммуне от 21 января 1793 г. (Г. Ландауэр, Письма о Французской революции, т. I, стр. 328—329), но и в одной из своих речей в коммуне он подтвердил факт произнесения этих слов (Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XXIII, p. 342). А в сохранившемся среди его бумаг рукописном отрывке, о котором мы уже упоминали, Жак Ру говорит, что «имел честь сопровождать последнего короля французов на эшафот». Arch. nat., W[20].

[1]) Archives parlementaires, t. LVIII, p. 182—183.

[2]) Ibidem, t. LVIII, p. 475—476; Buchez et Roux, t. XXIV, p. 263—265.

Предположение о том, что петиция эта, представленная от имени 48 секций Парижа, была написана Жаком Ру, высказывает и Матьез. Mathiez, op. cit., p. 142.

[3]) По поводу этих беспорядков см. Mathiez, op. cit., p. 144—150; Buchez et Roux, op. cit., t. XXIV, p. 333—337.

[4]) Ср. речь Робеспьера в якобинском клубе 25 февраля. A. Aulard, La Sociéte des Jacobins, t. V, p. 43—45.

[5]) В своем письме к Марату Жак Ру говорит, что его часто называли «маленьким Маратом». Jacques Roux à Marat, p. 537.

[6]) „Le Scrutateur Universel“, № LVII, mercredi 27 février 1793. Bibl. nat., Lc[2] 769—770.

самым проповедывал разрушение всех принципов»[1]). Это постановление, отпечатанное[2]) и расклеенное на улицах, имело своим результатом возбуждение вопроса о возможности дальнейшего пребывания Жака Ру в составе Парижской коммуны.

Мы уже знаем, что Жак Ру являлся представителем секции Гравилье во временной коммуне, сменившей коммуну 10 августа 1792 г. Члены этой временной коммуны, избиравшиеся отдельными секциями, должны были быть затем утверждены общим собранием всех остальных секций. Как раз в это время, т.-е. в самом конце февраля, происходили общие собрания секций, имевшие своей целью утверждение избранных остальными секциями кандидатов в коммуну, при чем среди 46 забаллотированных лиц оказался и Жак Ру, что, конечно, указывает на возмущение большинства секций его поведением 25 февраля[3]). Это вызвало сильные трения между ними и секцией Гравилье, не желавшею избирать кого-либо другого, и в конце концов Жак Ру вышел из этой борьбы победителем, сохранив свой мандат члена коммуны[4]).

Таким образом, уже к началу марта 1793 г. Жак Ру, сделавшись одной из одиознейших фигур для жирондистов, становится вместе с тем одним из виднейших вожаков того массового движения, которое развивается в Париже в марте—мае 1793 года.

С этого времени он уже не только идеолог парижских рабочих и ремесленников, но и их общепризнанный вождь.

IV.

Период март—май 1793 г., т.-е. один из важнейших и сложн ших периодов Французской революции, является, само собой р умеется, также и важнейшим в жизни и деятельности Жака Ру, к сожалению, также и труднейшим для изучения. И трудность эта ключается не только в том, что от этого периода почти не сохра лось источников[5]).

Течение, об'единяемое нами под именем «бешеных», далеко всегда представляло собой единое целое и в ходе революции быва такие моменты, когда виднейшие представители этого направлен между собой довольно значительно расходились. Именно такой м мент имел место в марте 1793 г., и в то время, как одна часть «бе ных» во главе с Варле выступила 8—10 марта на решительную бор с жирондистами, другая часть, во главе с Жаком Ру, энергичнейш образом высказалась против этой тактики.

В нашу задачу не входит обрисовывать то исключительно сло нос стечение обстоятельств экономического и военно-политическс

---

[1]) Extrait du Procès-Verbal de l'Assemblée génerale et permanente de la Section Piques du 26 févrler 1793. Arch nat., F^7 4775[3].

[2]) Bibl. nat., Lb^{41} 2040.

[3]) Jaures, op. cit., t. VII, p. 55—59.

[4]) Ibidem, p. 286 — 290. Cp. Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 164, 166, 383. Жорес (op. cit., t. VII, p. 286) утверждает, что Жак Ру снова появляется на за даниях коммуны лишь 19 апреля, когда его имя упоминается в протоколе (см. ни Между тем в бумагах Жака Ру в Нац. Арх. (W^{10}) сохранилась повестка, приглашаю его на заседание коммуны 3 апреля.

[5]) Об'ясняется это не только тем, что заседавшее в здании Епископства соб ние делегатов парижских секций (собрание это было главным очагом, в кото подготовлялось восстание 31 мая—2 июня) не вело никаких протоколов, но та и тем, что большинство протоколов отдельных секций погибло во время майск пожара 1871 г.

характера, которое вызвало мартовский кризис 1793 года. Отметим только, что при известии о катастрофе в Бельгии, измученная голодом парижская беднота пришла в состояние крайнего волнения, которое часть «бешеных», руководимая Варле, постаралась использовать для организации восстания против жирондистов. Жак Ру и руководимая им секция Гравилье решительно восстали против этой попытки. Мишле, имевший перед глазами протоколы общего собрания секции Гравилье, погибшие затем при пожаре 1871 года, рассказывает, что когда Варле и его соратники в ночь с 9 на 10 марта явились на общее собрание этой секции с предложением о восстании, то секция «в мягкой и вежливой форме выставила мнимых якобинцев [1]) за дверь» [2]). Но и помимо этого рассказа мы имеем непосредственное указание на поведение Жака Ру во время мартовского кризиса—это его выступление в Парижской коммуне 10 марта, выступление, в котором он не только не солидаризировался с действиями Варле, но и требовал ареста «агитаторов» [3]).

Чем об'яснить такое странное на первый взгляд поведение Жака Ру, который, как мы видели, еще в начале декабря 1792 года понял истинную сущность жирондистов и предугадал их контрреволюционную роль?

Первая попытка ответить на этот вопрос была сделана еще покойным Жоресом, по мнению которого Жак Ру «даже в наиболее острый момент политического и национального кризиса не хотел ослаблять чисто-экономического характера народных требований» [4]). Эта точка зрения на первый взгляд может быть подкреплена анализом петиции, представленной в тот же день 9 марта Национальному Конвенту секцией Гравилье [5]) и носящей на себе совершенно явные следы не только идеологического влияния, но и литературной формы Жака Ру, вследствие чего его авторство этой петиции стоит вне всякого сомнения.

«Народные уполномоченные,—говорится в этой петиции,—пора наконец спасти республику! Ее самые яростные враги—это те, кто разоряет, морит голодом и приводит в отчаяние народ, а те, кто терпят это преступление, являются его соучастниками.

Неужели же в то время, когда наши батальоны разворачивают вовне знамя национальной мести (deploient au dehors l'étendart de la vengeance nationale), вы будете и дальше терпеть ,чтобы жены и дети наших храбрых волонтеров стонали и погибали под ударами аристократии богатства?.. Нет свободы без хороших законов ;нет равенства, когда один класс людей безнаказанно предает и подавляет другой.

Народные представители, неужели же вы хотите, чтобы вся Франция встала, как один человек? Накажите смертью эгоистов, которые, посредством монополии, убивают граждан, удержанных у их очагов возрастом или недугом. Обрушьте громы вверенной вам власти на головы тигров, ведущих торговлю, вредную для трех четвертей человечества и накапливающих на созданных их жадностью складах продукты и предметы первой необходимости, на которые все люди с самого момента их рождения, имеют законное право...

---

[1]) Варлэ и его друзья явились якобы от имени якобинского клуба.
[2]) Michelet, Histoire de la Révolution Française, t. VI, p. 369—370.
[3]) Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 62.
[4]) Jaurès, op. cit., ed. Mathiez, t. VII, p. 114.
[5]) „Archives parlementaires", t. LX, p. 17.

Народные уполномоченные, мы требуем от вас, ради спасения Французской республики, отмены закона об'явившего деньги товаром.

Мы требуем издания закона, наказующего спекуляцию и барышничество.

Мы просим введения налога, известного под названием военного, в силу которого все, получающие свыше 1.500 ливров дохода, уплачивали бы одну четверть излишка, дабы облегчить отправку добровольцев и обеспечить их жен и детей, которые, не взирая на ваши декреты, не получают до сих пор никакой помощи» (Курсив наш.—Я. З.)[1]).

Чисто-экономический характер этих предложений, многие из которых, не только по содержанию, но и по форме, дословно совпадают с тем, о чем Жак Ру говорил в «Речи о средствах спасения Франции и свободы» и «Речи о суде над Людовиком последним», стоит вне всякого сомнения. Но какие основания заключать из этого, как это делает Жорес, что чисто-экономический характер требований Жака Ру исключает возможность *политической борьбы, как средства для достижения экономической цели?* Подобное утверждение было бы тем более нелепым, что анализ предыдущих работ Жака Ру как раз и показал нам, что уже начина с 1792 года Жак Ру сочетает экономическую программу, отличающу его от всех остальных деятелей революции с политическим террориз мом, не только не отстающим от терроризма Марата, но даже и превос ходящим его [2]). Поэтому версия Жореса должна отпасть, как негодная и для об'яснения позиции Жака Ру в марте 1793 г. необходимо искат какой-то другой ответ.

Этот ответ дается Матьезом, который,—как нам думается, совер шенно правильно,—отмечает, что в мартовские дни Жак Ру «не тольк не препятствует осуществлению выдержанной политики монтаньяров но, наоборот, следует за ней» [3]). Это значит, что, хорошо сознава контрреволюционную сущность жирондистов, Жак Ру, повидимому вместе с тем понимал, что руководимая им городская беднота сможе достигнуть своих целей, лишь опираясь на помощь монтаньяров Между тем, после событий конца февраля, на помощь эту, явны образом, рассчитывать не приходилось и для дальнейших действи нужно было ждать нового полевения монтаньяров, почва для которог могла быть создана лишь продолжением, а следовательно, и боле ярким выявлением контрреволюционного поведения жирондистов Таким образом, линия Жака Ру в мартовский кризис была тактическ совершенно правильной, и то, что громадное большинство столичної бедноты пошло за ним, а не за Варле, явствует из того, что движени 8—10 марта не приняло сколько-нибудь внушительных размеров.

Это об'яснение поведение Жака Ру в марте 1793 г. целиком под тверждается его тактикой в апреле. В то время, как Варле с одобрени эбертистского большинства Парижской коммуны организует 1 апрел в здании Епископства «Центральный Революционный Комитет», со стоявший из представителей 48 секций Парижа, Жак Ру уже 2 апрел

[1]) Ibidem, p. 17.

[2]) В своей работе «Очерки по истории «бешеных» эпохи Великой Францу ской революции» (стр. 30 и др.) автор этих строк также считал, что для Жака Р характерно полное господство экономики над политикой и вообще недооценк этой последней. Ныне автор от этой точки зрения отказывается.

[3]) Mathiez, op. cit., p. 171.

добивается отзыва секцией Гравилье своих представителей из этого комитета [1]), что вызывает полное одобрение якобинского клуба [2]). Таким образом, в это время блоку Варле с эбертистами, как будто бы противостоит блок Жака Ру с робеспьеристами, но полное отсутствие источников лишает нас возможности что-либо твердо заключить по этому поводу.

Совершенно ясно, что такое поведение Жака Ру вызвало сильное озлобление на него со стороны большинства коммуны и именно этим следует повидимому об'яснить резкое столкновение, происшедшее в заседании коммуны 19 апреля, когда Жак Ру, по каким-то неизвестным нам причинам, отказался нести очередное дежурство у королевской семьи в Тампле [3]). Было принято постановление сообщить об отказе Жака Ру его секции [4]), и это, повидимому, заставило его отступить—по крайней мере в протоколе заседания следующего дня говорится о письме Жака Ру с просьбой приостановить исполнение принятого накануне постановления [5]).

Полное отсутствие источников абсолютно лишает нас возможности проследить дальнейшую роль Жака Ру в борьбе с жирондистами. Единственно достоверное, это то, что именно он [6]) был автором антижирондистской петиции [7]), представленной Конвенту секцией Гравилье 27 мая [8]), в которой существование спекуляции связывалось с контрреволюционной деятельностью жирондистов [9]), что, кстати сказать, еще раз опровергает версию Жореса. Но то, что участие Жака Ру в событиях этого времени было очень велико, видно уже хотя бы из того, что в своем заседании 31 мая Парижская коммуна, забыв о прежней вражде и не взирая на его крайние предложения того же дня [10]), поручила ему не только составление проекта петиции к Национальному Конвенту [11]) и ведение (вместе с тремя другими лицами) исторической записи происходящих событий [12]), но и чрезвычайно ответственную миссию в секцию Финистер [13]). Кроме того, есть еще неясные указания на какое-то выступление Жака Ру в этот день в Конвенте от имени революционного общества секции Гравилье [14]).

---

1) Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 246.

2) Заседание 2 апреля. Aulard, La société des Jacobins, t. V, p. 123.

3) Buchez et Roux, op. cit., t. XXVI, p. 65.

4) Ibidem, t. XXVI, p. 65.

5) Ibidem, t. XXVI, p. 87.

6) Протокол допроса Жака Ру в департаменте полиции Парижской Коммуны 27 августа 1793 г. Arch. nat., W[20]; Jacques Roux à Marat, p. 540.

7) „Archives parlementaires", t. LXV, p.p. 389—390.

8) Как в своем показании при допросе (Arch. nat., W[20]), так и в письме к Марату (p. 540) Жак Ру ошибочно датирует эту петицию 29 мая.

9) „Archves parlementaires", t. LXV, p. 389.

10) Жак Ру, в полном согласии со своей, уже известной нам, программой предложил арестовать всех неприсяжных священников, бывших дворян и всех подписавших в свое время контрреволюционные петиции. Tuetey, op. cit., t. VIII, № 2664; Mathiez, op. cit., p. 207.

11) Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 319.

12) Ibidem, p. 311.

13) Ibidem, p. 312.

14) Речь Жака Ру в Конвенте 23 июня 1793 г. Buchez et Roux, op. cit. t. XXVIII, p. 215—216. В отчете о заседании Национального Конвента 31 мая 1793 г., содержащемся в Archives parlementaries, t. LXV, об этом выступлении не упоминается.

Об об'ективном изучении синтетической деятельности мозга[1]).

И. Орлов[2]).

1.

Школа Павлова отличается от родственных ей направлений— американских бихевиористов и отчасти от школы Бехтерева — одной существенной особенностью: в то время как последние изучают преимущественно внешние проявления деятельности организмов, а именно видимые и регистрируемые движения, школа Павлова от такого метода отказалась, и изучает скрытую от непосредственного наблюдения деятельность мозговых полушарий. Некоторые сторонники «об'ективного метода», в особенности американские бихевиористы, оспаривают принципиальную возможность подобного изучения какой-либо скрытой деятельности; в работах Павлова бихевиористы находят ценным лишь то, что является данным непосредственного эмпирического наблюдения, отвергая все остальное, и таким образом в значительной степени суживают значение работ Павлова.

Так, например, по мнению американского психолога-бихевиориста Уотсона, Павлов и его школа изучают не что иное, как «факторы, нарушающие деятельность околоушной железы» [3]). Однако это так лишь с точки зрения «чистого описания», усвоенного американскими бихевиористами. В действительности слюнная железа является не специальным предметом изучения, а только индикатором, реактивом, при помощи которого исследуется скрытая деятельность мозговых полушарий. При этом слюнная железа является идеальным индикатором, так как «фактором, нарушающим ее деятельность», служит весь грандиозный сигнальный аппарат больших полушарий мозга, и вся совокупность взаимоотношений этого аппарата со средой.

Таким образом Павлов является в меньшей степени эмпириком и в большей степени конструктором, нежели другие рефлексологи. Павлов не даром сказал, что его учение является результатом «неотступного 25-летнего думанья». Конструкции Павлова проверяются, разрабатываются и уточняются многочисленными экспериментаторами. Всю эту работу в кратких словах можно характеризовать как изучение рецепторной деятельности мозга. «Все усовершенствование, — говорит Павлов, — вся сущность нервной работы в воспринимающей клетке, в этом как бы просматриваемом, как бы пренебрегаемом пункте и заключается. Очевидно, чрезвы-

---

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2]) Статья представляет собою доклад, прочитанный 20/IV-28 г. на заседании физиолого-биологической секции им. Лесгафта Московского научного о-ва врачей.

[3]) Уотсон, Психология как наука о поведении, стр. 302.

чайные усложнения функций и усложнения организма совершаются именно в этой части центрального прибора, а не в центробежном аппарате. Этот последний всегда бесконечно проще, стационарнее, гораздо менее изменчив, чем та» [1]).

Рецепторная деятельность мозга имеет как анализирующий, так и синтезирующий характер. Школа Павлова изучала и изучает главным образом процессы анализа, дифференцировки, механизм и локализацию анализаторов и т. п. Именно в этой области школа Павлова имеет крупные достижения; что касается процессов синтеза—в этом направлении сделано еще очень мало.

«Механизм и локализация синтетической нервной деятельности, в противоположность аналитической, остаются до сих пор мало известными...

Подробности относительно синтетической деятельности полушарий заняли сравнительно мало места в наших исследованиях. Помимо образования условного рефлекса, который прежде всего есть акт синтеза, и которым мы постоянно пользовались, как исходным фактом нашей работы, мы несколько остановились на комплексных, сложных условных раздражителях» [2]).

Это не много; но и то, что есть, мало удачно. Основной процесс образования условного рефлекса остается совершенно не выясненным. Мы должны довольствоваться чисто словесными об'яснениями такого рода, что более возбужденный центр как-то **притягивает** к себе возбуждения из других, менее раздраженных центров, а эти последние каким-то образом **находят путь** к сильно возбужденному центру.

Изучение действия комплексных раздражителей, о которых упоминает Павлов, не привели к каким-либо существенным результатам. В указанном пункте, несомненно, существует важный пробел в области об'ективного изучения нервной деятельности, и физиологи должны будут уделять больше внимания изучению процессов синтеза.

Однако, для того, чтобы можно было развернуть указанную сторону работы, необходимо расширение теоретической базы. Последнее заключается, по нашему мнению, в необходимости при физиологическом исследовании принимать во внимание также суб'ективную, психологическую сторону вопроса; должен быть установлен тесный контакт между физиологическим и психологическим подходом, необходимость которого столь энергично отвергается до сих пор рефлексологами. Такой контакт в особенности необходим при об'ективном изучении нервной деятельности человека. Вопрос о контакте имеет свою историю. Эта история такова: Павлов в начале исследований условных рефлексов не без колебаний вступил на новый путь. В то время он считал вполне допустимым, что выделение животным «психической» слюны должно иметь психологическое же об'яснение. С этой целью Павлов обратился к психологам и зоопсихологам за соответствующими раз'яснениями. При этом произошло то, что Павлов был совершенно не понят психологами. Психологи, к которым он обратился, не оценили значения открытых им фактов, не поняли, что дело идет об об'ективном изучении рецепторной деятельности.

Зоопсихологи привлекли к об'яснению «способности отличения, памяти, способности делать заключения»; они говорили о смущении,

---

[1]) Двадцатилетний опыт, 1923 г., стр. 67.

[2]) Лекция о работе больших полушарий головного мозга, 1927 г., стр. 124—125.

разочаровании животного и т. д. [1]). «Собака поняла», «собака захотела», «собака смутилась»,—таковы были их об'яснения. Между тем при выяснении суб'ективной стороны процессов возбуждения и торможения речь могла итти лишь о том, как складывается у животного процесс восприятия внешних впечатлений. Таким образом получилось, что психологи, к которым обратился Павлов, привлекли к об'яснению вопроса все, за исключением того, что имело непосредственное отношение к делу. Те об'яснения, которые получил на свои вопросы Павлов, могли только запутать его, не дать развернуться его об'ективному методу, а потому нет ничего удивительного в том, что Павлов пришел к отрицанию психологии. Однако последний вывод имеет существенные недостатки, и мы постараемся показать в дальнейшем, что Павлов мог бы избежать не мало ошибок и блужданий, если бы он принимал во внимание суб'ективную сторону изучаемых им отношений.

Психология в настоящее время находится в процессе перестройки и не может похвалиться прочно установленными результатами. Старые методы и старые теории в психологии бесповоротно осуждены. Однако диалектический материализм учит, что в истории всякой науки значительно менее абсолютных заблуждений, чем относительных, таких заблуждений, которые содержат зерно истины, в той или иной форме сохраняющееся и при дальнейшем развитии науки. Можно утверждать, что и в настоящее время психология содержит данные, которые могут быть использованы физиологами. При этом метод физиологов должен оставаться об'ективным, поскольку применение психологии мыслится лишь при проектировании опытов и при истолковании результатов. Такое комплексное изучение вопроса было бы несомненно в духе диалектического материализма, так как последний исключает проведение непроходимых граней между изучением суб'ективной и об'ективной стороны рецепторной деятельности.

2.

Итак, теория восприятий является естественным связующим звеном между психологией и работами Павлова. Высшая нервная деятельность как со стороны психической, так и со стороны физиологической одинаково характеризуется связыванием наличных раздражений со следами старых. Павлов сам указывает, что в основе восприятий лежат условные рефлексы.

«Возьмем простой случай переданного рисунком рельефа. Кожно-механические и двигательные раздражения, идущие от рельефа, суть первоначальные и основные раздражения, а световые раздражения от его более или менее освещенных и от более или менее затемненных мест представляют собою сигнальные условные раздражения, получившие свое жизненное значение лишь впоследствии, в силу совпадения их во времени с первыми. Факты и другого рода об'ективно воспроизводимые на собаках и совершенно отвечающие фактам физиологии органов чувств будут встречаться дальше в наших лекциях [2]).

Таким образом ясно, что восприятия и условные рефлексы представляют лишь две стороны единого процесса. Однако против возможности изучения суб'ективной стороны процесса и Павлов и Бехтерев выдвигают ряд возражений.

В основном эти возражения сводятся к следующему: внутренние, психические состояния организмов мы не можем об'ективно наблюдать,

[1]) Двадцатилетний опыт, стр. 182.
[2]) Павлов, Лекции, стр. 132.

а, следовательно, не можем и познавать. Согласно Павлову и Бехтереву, всякая гипотеза, которую мы можем составить о психических состояниях какого-либо животного, фатально окажется ложной. Познавать психику другого организма можно только по аналогии с самим собой, но аналогия становится совершенно не действительным методом, когда сравнивают вещи столь различные между собою, как внутренние состояния человека и собаки. Павлов также настаивает на том, что всякое психическое рассуждение по самому существу есть рассуждение не детерминистичное, а потому не научное [1]).

Однако все приведенные аргументы и им подобные мало убедительны. Прежде всего «не можем непосредственно наблюдать» и «не можем познавать»—это две совершенно различные вещи. Можно утверждать, наоборот, что в физике, химии и других науках основательно изучены многие такие явления, непосредственное наблюдение которых до сих пор не удавалось. Та связь между возможностью непосредственного наблюдения и возможностью познания, на которую ссылаются Павлов и Бехтерев, вытекает из теории чистого описания. Однако теория чистого описания не является сколько-нибудь общепризнанной в науке, и большинство выдающихся исследователей ее отвергают. Работу больших полушарий мозга также нельзя непосредственно наблюдать; на этом основании американские бихевиористы отвергают принципиальную возможность изучения такой скрытой деятельности и признают возможным лишь изучение видимых движений. Однако Павлов не становится на такой путь и, следовательно, находит возможным изучать косвенным путем (например, посредством наблюдений деятельности слюнной железы) то, что нельзя наблюдать непосредственно. Следовательно, все возражения, основанные на методе «чистого описания», тем самым отпадают.

Упрек в недетерминистичности, как очевидно, может относиться лишь к тому случаю, когда психологическое рассуждение совершенно абстрагировано от материальной физиологической базы, когда оно ведется параллельно и независимо от каких бы то ни было данных физиологии. Но ничего подобного таким абстрагированным чисто-психологическим рассуждениям в современной психологии найти невозможно.

Заметим также, что аналогия лежит в основе всякого обобщения, всякой индукции, всякого научного рассуждения, и что запрещение аналогий сделало бы всякое научное рассуждение невозможным. И если результаты, добытые физиологией, могут быть переносимы с собаки на человека и обратно (при условии соответственной осторожности), то мы не видим принципиальной невозможности и психических аналогий. Таким образом агностицизм Павлова и Бехтерева по отношению к возможности изучения внутренних, суб'ективных состояний не может быть оправдан. Во всяком случае могут быть развиты некоторые весьма общие соображения в области теории восприятий, которые должны одинаково подходить как к человеку, так и к высшим животным. Попытаемся это сделать.

Человек получает от среды те или иные раздражения; но в суб'ективном мире человека, в его сознании, как правило, нет раздражений, а есть внешние об'екты. Раздражение, как таковое, вовсе не доходит до сознания и воспринимается, как об'ект, находящийся во внешней среде. Такой способ восприятия об'ектов внешней среды носит харак-

---

[1]) См., напр., «Двадцатый опыт», стр. 108.

тер прирожденного рефлекса. Несомненно, что это правило приложимо к собаке в большей мере, нежели к человеку; человек способен к абстракции, он может, в виде исключения, обратить внимание на суб'ективную сторону дела; для собаки же никакое исключение из указанного правила невозможно. Далее, раздражения различаются не по анализаторам, а по об'ектам внешней среды. Это опять-таки по отношению к собаке в большей степени справедливо, нежели по отношению к человеку, так как последний все-таки способен выделить зрительную или осязательную и т. п. сторону в том сложном комплексе, который представляет собою восприятие внешнего об'екта.

Если нелепы такие рассуждения, как «собака поняла», «собака захотела», то говорить о желаниях, о соображении человека столь же нелепо, если дело идет о том, как воспринимает человек внешние об'екты.

Рассматривая суб'ективную сторону рецепторной деятельности, мы убеждаемся в том, что анализаторы сами по себе не «изолируют» раздражений, и что свойства какого-либо об'екта, пройдя через анализаторы, вновь «замыкаются» до полной неразличимости; их различение «снимается» в единстве об'екта. Происходит «замыкание» раздражений, исходящих от одного и того же об'екта, образуются прочные условные рефлексы, и каждое свойство об'екта выступает в значении «сигнала» для всех остальных свойств.

Рефлексологи, обычно, считают, что анализ раздраже[illegible] является первичной функцией нервной системы, и что синтезирова[illegible] полученных таким образом «отдельностей» является вторичным.[illegible] при рассмотрении суб'ективной стороны процесса мы получаем [illegible] раз обратное отношение. Именно синтез, замыкание наличных разд[illegible]жений приходится считать первичным и простейшим свойством соз[illegible]ния, и, наоборот, различение, дифференцировку—явлением вторичн[illegible] Не нужно никакого напряжения или сосредоточения для того, что одновременные или последовательные раздражения слились, замк[illegible]лись в одно сложное раздражение. Первоначальное и естествен[illegible] свойство нервной системы организма заключается в том, чтобы при[illegible]дить в связь все одновременные и последовательные раздражения, п[illegible] вращая их в отдельный образ, в единое, непродифференцирован[illegible] впечатление. Напротив, для того, чтобы удерживать раздражения от [illegible]кого слияния, необходимо сосретодочение, необходима работа тор[illegible]жения. Дифференцирование становится возможным вследствие раз[illegible]вающихся навыков торможения. Только благодаря работе торможе[illegible] перестают связываться и замыкаться какие-либо два впечатления, [illegible]торые чаще встречаются отдельно и лишь случайно оказались вмес[illegible] Рефлексологи должны принять в соображение тот факт, что в сознан[illegible] мы никогда не находим «чистых» ощущений или изолированных р[illegible]дражений, а всегда восприятия, т.-е. продукты синтеза. Рефлексол[illegible] должны указать также физиологический эквивалент указанного фак[illegible]

В связи с этим можно следующим образом понять суб'ективн[illegible] сторону процессов замыкания и торможения. Если всякое раздра[illegible]ние суб'ективно воспринимается как внешний об'ект, то всякое за[illegible]кание раздражений воспринимается, как связь в об'екте. (Конечно, [illegible]кое восприятие связи имеет мало общего с сознательным понимание[illegible] В таком случае торможение есть торможение восприятия связи ме[illegible] раздражениями или восприятие раздельности, изолированности д[illegible] об'ектов.

— Я вижу об'ект и чувствую приятный запах—не замкнутые раздражения, заторможенная связь.

— Я воспринимаю приятно пахнущий об'ект—растормаживание рефлекса, замыкание.

В самом деле, хотя при заторможенном рефлексе эффектор не реагирует, но Павлов доказал с полной определенностью, что при этом не эффектор находится в тормозном состоянии, но клетки рецептора, торможение локализуется в центральной, мозговой части рефлекторной дуги. В результате торможения рецептора импульс до эффектора вовсе не доходит. Но с суб'ективной стороны торможение в мозговой области рецептора означает, как уже сказано, торможение восприятия связи между двумя процессами. Наоборот, когда восприятие связи налицо, импульс свободно пробегает по рефлекторной дуге. Конечно, не «желание» возбуждает деятельность слюнных желез собаки (и человека). Выделение психической слюны означает предварение или предвкушение результата, а такое предварение есть признак восприятия об'ективной связи между двумя процессами; с физиологической же стороны это означает замыкание двух последовательных раздражений. Условный раздражитель, как говорит Павлов, «окрашивается в цвет того процесса, в который вовлекается» [1]).

Последнее выражение и психологически буквально верно.

3.

Из вышеизложенных соображений, из рассмотрения суб'ективной стороны явлений замыкания и торможения можно сделать важный вывод, а именно, вывести закон поведения, который коротко может быть выражен так: организм реагирует не на раздражение, а на об'ект. Иными словами, это значит, что стимулами или сигналами для условных реакций служат не отдельные чувственные раздражения, но об'ективные процессы, протекающие в среде. Организм реагирует не на отдельное свойство, но на некоторую качественную определенность, существующую во внешнем мире. Все отдельные раздражения, исходящие из одного об'екта, пройдя через анализаторы, вновь замыкаются в одно целое, и это есть несомненно акт синтетической мозговой деятельности, акт, подлежащий изучению физиологов.

За примерами ходить недалеко. Если я махну рукой перед своими глазами, рефлекса мигания не произойдет, но он произойдет, если махнет таким же образом перед моими глазами кто-либо другой. Равным образом я не буду реагировать на свою собственную щекотку, но буду реагировать, если меня будет щекотать кто-либо другой. Раздражения в обоих случаях одинаковы, но реакции совершенно различны. Указанный закон поведения, т.-е. реагирование животного на об'екты, заставил Павлова изменить методику экспериментов, построить новое здание для лаборатории и вообще по возможности усилить изоляцию подопытных животных. Известно, как быстро и легко образуются условные рефлексы на все, что исходит от экспериментатора, на его шаги, голос, движения; так же легко образуются рефлексы на вид и запах пищи, на звуки, доносящиеся с улицы и т. п. Очевидно, что натуральные раздражители—об'екты и об'ективные процессы—в неизмеримо большей степени стимулируют синтетическую деятельность мозга, нежели искусственные раздражения, создаваемые в лабораторной обстановке.

[1]) Двадцатилетний опыт, стр. [illegible]

Рефлексологи до сих пор заботились об устраненни, «угашении» этих непрошениых мешающих рефлексов, между тем мы хотелн бы указать иа то, что указаиные явлеиия сами по себе представляют важный предмет изучения.

В связи с этим приобретает большое значение различие между натуральиыми и искусствеиными раздражителями. В начале своей работы над условиыми рефлексами Павлов делал опыты с натуральиыми раздражителями (внд, запах мясиого порошка и т. п.). Потом в целях проверки полученных результатов были проделаиы опыты с искусственными раздражнтелями (тон, метроном, при чем источиик звука для животного ие виден). Было доказаио, что рефлексы иа искусственные раздражители имеют ту же природу, что и рефлексы на раздражители натуральные. После этого физиологи целиком перешли иа искусственные раздражители. С точки зреиия изучения аиалитической деятельности мозга, такой метод является иесомиенно вполне правильиым, позволяя исследователю находить простые закоиы и предсказывать явления рефлексов. Одиако необходимо учесть, что за стеиами лаборатории среда пред'являет к подопытному животному другие требования, что закоиы, открытые в лаборатории, хотя и остаются правильными, ио действуют в комплексе с другими законами н что естествеииая среда стимулирует синтетическую деятельность мозга в зиачительно большей мере, нежели искусствениая среда лаборатории. Это нисколько не умаляет значеиия достигнутых школой Павлова рез татов—точио так же, как зиачение закоиа падення тел в пустот умаляет тот факт, что тела падают в воздушной среде—но во вс случае это должио быть приинято во вниманне в тех случаях, к найдеииые закоиы желают примеиить к об'ясненню поведения жи ного вне стен лабораторнн. В особенности это необходнмо дол быть принято во внимаиие тогда, когда пытаются прнменнть иай ные рефлексологами законы к об'яснению поведения человека. В отношении школа Бехтерева делает крупную и, я бы сказал, рокс ошибку.

Речь идет о том, чтобы у человека воспнтать обороиитель рефлекс на раздражение током, при чем снгиалом замыкания служит какой-лнбо иидифферентный ранее агеит (напр., звучание т Выработка рефлекса пронсходит при этих условиях весьма медле Эксперимеитируя в указаином направлении, проф. Протопопов [1]) шел к мысли ускорять выработку рефлекса путем воздействия испытуемого речью.

«Воздействуя иа об'ект речью, можио вызвать резкое торм ние рефлекториой его деятельиости, но если соответственно иап ленной речью можно вызвать явления торможення, то, очевидно, же путем возможно и возбудить рефлекторную деятельность.

Если условиться с об'ектом, что на каждое звучание какого- тона он должен отдергивать руку, то в результате на каждое звуч этого тона мы в действительности будем наблюдать то же отдерг ние кисти об'екта, какое мы наблюдаем от электрического тока какого-либо условного возбудителя, сочетавшегося раньше с элек ческим током [2]).

---

[1]) Методы рефлексологического исследования человека,—«Журн. псих., и психиатрии» 1923 г.

[2]) Указ. соч., стр. 20—21.

Проф. Протопопов находит, далее, возможным подвести движения, производимые испытуемым по уговору с экспериментатором, под понятие условных рефлексов.

«В наших опытах в обоих случаях звучание электрического звонка вначале является вполне индифферентным агентом, электрический же ток при его действии на руку об'екта всегда возбуждает в ней оборонительную реакцию, но и фраза «отдергивайте руку» точно так же у всякого нормально развитого об'екта вызывает двигательную реакцию в руке. Существо дела с об'ективной точки зрения нисколько не изменяется от того, к какой из этих двух рефлексотворных сил прибегнет экспериментатор для возбуждения необходимой ему реакции, к электрическому току или к указанной фразе» [1]).

Двигательная реакция испытуемого на речевой раздражитель в виде фразы «отдерните руку», согласно об'яснениям проф. Протопопова, есть условный рефлекс, развившийся на почве условного же раздражителя, т.-е. условный рефлекс второго порядка.

И в дальнейшем школа Бехтерева рассматривает слова, как обычного типа условные раздражители. Но это ни в какой мере нельзя считать правильным, так как необходимо принять во внимание действие указанного нами закона поведения, который к данному случаю несомненно должен быть применен. Испытуемый реагирует вовсе не на слова, как таковые, а на того, кто произносит слова. Речь означает лишь возникновение определенного отношения между испытуемым и экспериментатором, при чем испытуемый реагирует на это отношение. Та же самая речь, исходящая от различных суб'ектов и в различной связи, вызовет совершенно различные реакции. Мы встречаемся здесь с тем фактом, что условный рефлекс является заторможенным или расторможенным в зависимости от того, в какой связи выступает условный раздражитель. При переходе к сложным факторам социальной среды простые законы рефлексологии «снимаются», т.-е. выступают уже не как таковые, но лишь входят в качестве одного из моментов в законы высшего порядка. Игнорирование этого обстоятельства приводит школу Бехтерева ко многим неправильным выводам.

4.

В соответствии с предыдущим должно быть изменено популярное понятие об анализаторах, введенное Павловым. Анализаторы хорошо приспособлены к разложению среды на об'екты, но вовсе не приспособлены к выделению и изолированию отдельных раздражений. Анализаторы регистрируют акции среды, они их разлагают на «отдельности», но они вовсе не изолируют эти отдельности, и то, что прошло через анализаторы, снова сливается, соединяется в один неразличимый комплекс, и только работа торможения может воспрепятствовать такому слиянию.

Рассмотрим опять простой пример. Мы в состоянии различать поразительно большое количество звуков, исходящих из различных источников. Мы узнаем голоса людей, животных, можем отличить звуки трубы от звуков скрипки или флейты, даже при условии равенства высоты и силы звуков. Однако мы совершенно бессильны различить обертоны в звуках скрипки или других источников. Между тем, как доказано новыми исследованиями, многие из обертонов не уступают по силе основному тону. Различные обертоны скрипки разли-

[1]) Там же, стр. 21.

чаются друг от друга и от основного тона значительно более, нежели звук скрипки от звука флейты. Сложная волна колебаний скрипки несомненно анализируется в среднем и внутреннем ухе, несомненно разлагается там на «отдельности». Однако эти отдельности вовсе не «изолируются» и, попав в мозговую кору, вновь сливаются до полной неразличимости. Если бы каждый обертон издавался отдельным источником звука, то мы бы их легко отдифференцировали. В чем же здесь дело? Все обертоны, исходящие из одного источника, имеют одинаковые фазы колебаний. Все дело, стало быть, в том, что у нас отсутствует дифференцировка на колебания одинаковой фазы. Подобная дифференцировка не могла развиться потому, что мы биологически заинтересованы лишь в различении отдельных источников звука, но не в анализе самих сложных звуков. Поэтому слияние результатов периферического анализа в обычных условиях не может быть задержано. Однако акустик путем соответствующей тренировки можеть достичь такой дифференцировки, так что он сам будет в состоянии легко выделять своим слухом все обертоны сложных звуков. Таким образом нельзя сказать, что наш орган слуха вообще не способен к различению колебаний одинаковой фазы; дело только в недостатке торможения, дифференцировки при обычных условиях. Точно таким же образом невозможно отдифференцировать без специальных упражнений в сложном зрительном впечатлении чисто оптические элементы от мускульных; невозможно отдифференцировать вкус и запах пищи и т. д.

Таким образом очевидно, что все то, что разложено в периферических частях органов чувств, снова сливается, как только попадае в мозговую кору.

У Павлова мы находим не мало вполне правильных и чрезвычайно ценных замечаний относительно деятельности анализаторо Так, Павлов подчеркивает необходимость изучения мозговых концо анализаторов, он показывает, что мозговая часть анализатора не ест резко ограниченная область, что различные анализаторы заходят дру за друга, сцепляются между собой, что пределы каждого анализатор значительно больше, чем думали ранее [1]).

Однако, на ряду с указанными и им подобными ценными заме чаниями, мы находим, например, такие строки:

«Очевидно, что нервная система животного представляет собо коллекцию анализаторов, разлагателей природы на отдельные эле менты. Мы знаем физический анализатор,—призму, разлагающую бе лый свет на отдельные цвета. Резонаторами сложные звуки разлага ются на отдельные элементы. Нервная система является целой коллек цией таких анализаторов. Возьмите ретину, она выделяет из природь колебания световые, возьмите акустический отдел уха, он выделяе колебания воздуха и т. д. Таким образом, вторая функция нервно системы —это анализ окружающего мира, анализ разных сложносте мира на отдельности» [2]).

Выраженному в приведенных словах упрощенному представле нию можно противопоставить следующие положения:

1) Рецепторный аппарат с его периферической, частью, нерво и мозговыми клетками становится анализатором только в результат развития навыков торможения и растормаживания. Никакой рецептор ный аппарат сам по себе не дает готовых результатов анализа. Бе

[1]) Двадцатилетний опыт, стр. 204.
[2]) Там же, стр. 199.

последовательной смены процессов возбуждения и торможения в мозговой коре иет анализа.

2) Функция анализа внешнего мира не может вовсе выполняться отдельным анализатором, но только совместным совокупным действием различных анализаторов.

3) Полушария мозга представляют не коллекцию отдельных анализаторов, а скорее один универсальный комплексный анализатор.

Когда связь между каким-либо анализатором, например, зрительным или слуховым, и остальным мозгом нарушена, возникает состояние, известное под названием «психической слепоты» или «психической глухоты». Возражения, приводимые Павловым против указанного понимания явлений, мало убедительны.

Так, Павлов констатирует, что одна из оперированных собак (с удаленными частями больших полушарий) не может образовать рефлекса на форму предметов, но образует рефлекс на движение и на определенную интенсивность света. Другая собака может образовать рефлекс только на интенсивность, но не на форму и не на движение. Наконец, третья из оперированных собак не может образовать рефлекса даже на интенсивность. Указанные факты Павлов об'ясняет тем, что зрительный анализатор в первом случае поломан в меньшей степени, во втором—больше, в третьем—еще больше. Но поскольку не может быть указано, в чем сущность этих повреждений, такое об'яснение является лишь словесным. Невозможность образовать рефлексы на форму и движение указывает скорее не на разрушение самого зрительного анализатора, а на разрушение связи между ним и другими анализаторами, с которыми зрительный анализатор работает совместно. Формула Мунка «собака видит, но не понимает» хотя и не удачна по форме, но содержит ту правильную мысль, что анализ форм и движений бывает невозможен и при полной целости зрительного анализатора.

5.

Перейдем к рассмотрению простейшей обобщающей деятельности мозга, которая является, несомненно, синтетической деятельностью и которая об'ективно выражается в фактах генерализации рефлексов. Павлов, как известно, об'ясняет указанное явление иррадиацией возбуждения.

Проф. Фурсиков («Архив биолог. наук», т. XXIII, вып. 1, 1923 г.) указывает, что на основании многочисленных опытов приходится различить иррадиацию возбуждения, как лябильного процесса, двигающегося по коре мозга с определенной скоростью, так наз. динамическую иррадиацию, от статической иррадиации—процесса, носящего постоянный установившийся характер. Примером динамической иррадиации могут служить случаи усиления пищевых условных рефлексов, если предварительно у собак искусственно вызывалась агрессивная реакция на экспериментатора. Что же касается до статической иррадиации возбуждения, то, как указывает проф. Фурсиков, о ней приходится судить косвенно по генерализации условных рефлексов.

Таким образом, именно понятие статической иррадиации возбуждения выдвигается Павловской школой в качестве об'яснения элементарной генерализующей деятельности мозга.

Прежде всего, необходимо указать, что если мы имеем прекрасные наглядные подтверждения фактами явлений динамической иррадиации возбуждения и торможения, то для статической иррадиации та-

кого иаглядного подтверждения вовсе иет. В первом случае мы действительно повторяем вслед за Павловым: «можно указать пальцем,— вот здесь было возбужденне (илн торможенне), вот сюда оно перешло». Во втором же случае ни на что подобиое указать невозможно.

Мы счнтаем понятие статической ирраднацнн за одну из наименее удачных конструкций Павловской школы. Случаи генералнзнрующей деятельностн чрезвычайио многочисленны и разиообразны, и подводнть их под схему нрраднацнн возбуждения было бы большой натяжкой. Ребенку говорят: это—дядя. После этого он всех мужчнн называет дядями. Для европейца, который в первый раз виднт кнтайцев, представляется, что оии все иа одно лицо. Можио ли и эти факты об'яснить иррадиацней возбужденння? Между тем указанные факты вполне однородны с фактами генерализацни рефлексов. Коиструкцня гипотез имеет свою логнку. Исходным пунктом Павлова было то понятие об аналнзаторе, которое мы признали неправильным. Павлов исходит нз той предпосылкн, что аиализатор с самого иачала дает в готовом виде вполне отчетливый результат, что раздражение, прошедшее через анализатор, с самого начала является вполне специфичным. И еслн, несмотря на такую специфичиость раздражения, рефлекс все же оказывается обобщенным, то Павлову ие остается ничего другого, как допустнть иррадиацию возбуждения. Ребеиок зарегистрировал посредством глазного анализатора вполие отчетливый и индивидуалнзнрованиый образ иекоторого мужчины. Несмотря иа такук отчетливость ннднвндуальиого образа, происходит обобщение в силу механнзма нрраднацнн нервного возбуждеиия. Таково об'яснени Павловым генерализнрующей деятельиости.

Но верна лн исходная предпосылка? Мы думаем, что оиа вполи произвольна. Специфичность рефлекса вырабатывается в результат более нлн менее трудиой встречи процессов возбуждения и торможения, она является конечным результатом. Принятие коиечиого результата за исходиый пункт в даииом случае является иесомиенной ошибкой, и при этом совершенно очевидио, что Павлов мог бы легко избежать этой ошнбки и связаииых с ией блуждаиий, если бы захоте. принять во винмание даиные теории восприятия.

С иашей точкн зрения, генерализация рефлекса является естественным результатом первоиачальной ие-отчетливости аиализа, ие возможности для анализатора зарегистрировать все специфически черты раздражителя. При действии иа подопытное животное определенным раздражителем должеи быть поставлеи и исследован вопрос какие черты раздражителя имеют рефлексогенное действие и какие наоборот, остались подавлеиными и иидифферентными. Например вполне вероятно, что при рефлексах на определеиный тои рефлексогенное значеиие имеет лишь самый факт звучания тоиа, индивидуальные же особеииости, как, например, определенная высота, остаются вначале подавлеиными и индифферентными. Это могло бы подойти под следующую схему. Пусть рефлекс выработаи иа комплексиый раздражитель A + B + c, при чем c означает наиболее слабый компонент. Тот же рефлекс получается, если мы слабый компоиент c заменим другим также слабым агеитом d и получим: A + B + d. Здесь под A и B можио понимать факт звучания тоиа определениой силы под c и d качественную характеристику тонов по высоте. В опытном материале Павловской школы мы иаходим ряд удачных опытов по схеме, близкой к указанной. Если выработан рефлекс на комплексный раздражитель A + B + c, при чем c наиболее слабый и замаскирован

ный компонент, то частичный комплекс A + B дает тот же рефлексогенный эффект, что и первоначальный комплекс. Это тоже несомненная генерализация, однако никто из теоретиков Павловской школы не пытается об'яснить указанную схему какой-либо иррадиацией возбуждения.

Таким образом, мы видим, что элементарная генерализующая деятельность мозга находит простое и естественное об'яснение.

6.

На основе того указанного нами факта, что результаты элементарного анализа в периферических частях органов чувств доходят до сознания не в раздельном, но в слитом и замкнутом виде, может быть сделано следующее допущение относительно функции больших полушарий: никакие одновременные или последовательные раздражения, попадающие в различные участки больших полушарий мозга, не могут оставаться изолированными друг от друга и сейчас же замыкаются в одно сложное раздражение, поскольку деятельность торможения отсутствует. Таким образом, процесс замыкания, синтеза, элементарен и первичен, торможение же носит вторичный характер.

Указанное представление, конечно, имеет пока гипотетический характер, но в пользу такой гипотезы говорит необыкновенное богатство связей в коре полушарий. За это говорят и опыты Павлова с удалением частей мозга, неопровержимо показывающие, что замыкание вовсе не есть функция, где-либо локализованная в мозгу, и что во всякой части головного мозга могут происходить процессы замыкания и образовываться условные рефлексы.

Головной мозг есть по преимуществу орган связи,—говорит Павлов.—За вторичный же характер торможения говорит его лабильность. При всяких мозговых заболеваниях, а также при операционном удалении частей мозга, прежде всего, страдает функция торможения, а также возникают патологические замыкания.

В пользу нашего положения говорит также следующее: в низших «этажах» нервной системы и в простейших типах ее аналогичный закон замыкания наличных раздражений является экспериментально доказанным фактом. Гипотезой он является лишь по отношению к головному мозгу.

Далее, мы находим случаи, когда первоначальное состояние свободного замыкания раздражений может восстановляться под влиянием тех или иных причин.

Так, Павлов говорит [1]), что при образовании у собак в лаборатории в первый раз условных рефлексов соответствующий рефлекс, прежде всего, образуется на всю лабораторную обстановку, начиная с привода животного в экспериментальную комнату. Пока длится этот «обстановочный рефлекс», слюна все время течет сама по себе. Постепенно опять входит в силу торможение, при чем растормаживание и восстановление обстановочного рефлекса происходит чрезвычайно легко.

Нечто подобное обстановочному рефлексу, но в более сильной степени, должно происходить при появлении ребенка на свет. И, действительно, мы можем наблюдать, как в первые дни появления на свет ребенок совершает усиленные рефлекторные движения, при чем нарастающее торможение дает себя знать лишь постепенно.

[1]) Лекции, стр. 104—105.

Процесс замыкания, элементарного синтеза, с нашей точки зрения, есть та подпочва, на которой наслаиваются другие, высшие функции; этот процесс элементарного синтеза происходит автоматически, машинообразно и совершенно одинаковым образом у всех организмов, имеющих мозговые полушария. Поэтому условные рефлексы 1-го, а также 2-го, 3-го порядка («супер-рефлексы») образуются также совершенно одинаково, и различие между ними не существенно. Интеллектуальное развитие организма определяется не этой способностью к синтезу, а способностью к дифференцировочному торможению.

Бехтерев точно так же указывает, что различие между условными рефлексами 1-го порядка и «супер-рефлексами» не существенно.

«Не доказано, чтобы эти «супер-рефлексы» отличались какими-либо особыми свойствами по сравнению с сочетательными рефлексами 1-го порядка, да и нельзя выяснить в жизненных условиях, какой нумерации будет соответствовать тот или другой рефлекс. Поэтому мы не пользуемся этим, не имеющим, с нашей точки зрения, практического значения, делением сочетательных рефлексов на первичные сочетательные рефлексы и «супер-рефлексы». Все сочетательные рефлексы в наших глазах—рефлексы высшего порядка по сравнению с обыкновенными или наследственными рефлексами [1]).

Условные или сочетательные рефлексы Бехтерев называет также избирательным синтезом или избирательным обобщением [2]). Однако именно избирательный характер элементарного синтеза мы здесь и отрицаем. Нам не нужно об'яснять, почему именно данные два раздражения «притягиваются» или «находят путь» друг к другу. Естественно замыкаются всякие два раздражения, поскольку связь между ними не является заторможенной.

С нашей точки зрения нуждается в об'яснении не факт замыкания раздражений, а тот факт, что такое замыкание не всегда происходит. Этот факт об'ясняется действием торможения, активной размыкательной деятельности. На пути связи между различными одновременными раздражениями нарастают сопротивления, вследствие чего естественное замыкание не может возникнуть. Эта заторможенность не является повсюду равномерной. Определенные «проторенные пути» остаются вовсе не заторможенными; совпадения и последовательности привычного типа такие, какие бывают при натуральных раздражителях, заторможены слабо; совпадения и последовательности не привычного типа заторможены сильно. Например, такая непривычная связь, как между звучанием тона и принятием пищи, должна быть заторможена очень сильно. Возникновение условных рефлексов, таким образом, сводится к процессу растормаживания, к процессу восстановления элементарной свободы замыкания для двух ограниченных участков коры мозга. И условные раздражители, стало быть, выступают в роли растормаживателей. Следует представлять себе, или что растормаживающее действие накопляется при повторных подкреплениях условного агента безусловным, или же, что торможение при этом ослабляется, по мере того, как совпадение раздражений становится фактом привычным, так что в конце концов торможение становится бессильным задержать естественную тенденцию к замыканию.

---

[1]) Общие основы рефлексологии человека, стр. 120.
[2]) Там же, стр. 158.

Бехтерев обратил внимание на то, что возникновение условных рефлексов по большей части носит именно характер растормаживания [1]). Для об'яснения этого Бехтерев допускает, что большая часть условных рефлексов образуется в первые месяцы или годы жизни организма и затем подвергается торможению. С нашей точки зрения, последняя гипотеза является излишней, и растормаживание только устраняет препятствия, затрудняющие функцию элементарного синтеза.

Необходимо отметить, что из принятого нами допущения о первичности функции замыкания в мозгу вытекает важное следствие: существует вид торможения, не покрываемый теми видами, которые уже описаны в соответствующей литературе, а именно торможение замыкательной функции. При этом в тормозном состоянии находятся не те клетки мозговой коры, которые являются концами анализаторов, но тормозится только передача возбуждения от одного участка мозга к другому. Функция связи заторможена по тому же типу, по какому тормозятся, например, спинно-мозговые рефлексы. Т.-е. источником торможения служат те или иные участки коры полушарий. Торможение функции связи обусловлено бодрым, напряженным состоянием указанных участков коры мозга; всякое угнетение этих «центров торможения» растормаживает функцию связи, восстановляет элементарное замыкание раздражений. При этом процесс торможения торможения перестает быть чисто-словесным об'яснением и выражает реальную взаимную связь, взаимное отношение различных элементов мозга.

В указанной связи многие факты находят себе простое и естественное об'яснение. Например, проф. Ухтомским описано состояние, когда сильный очаг возбуждения в мозгу (доминанта) каким-то образом притягивает к себе все одновременные раздражения и усиливается за их счет. Для об'яснения проф. Ухтомский допускает, что субдоминантные центры, находящиеся в тормозном состоянии, тем не менее как-то передают раздражения к доминантному центру. Согласно указанной нами схеме, процесс сводится к отрицательной фазе индукции. Сильный очаг возбуждения угнетает деятельность всех других участков мозга, в том числе и тех, которые являются источником торможения замыкательной функции. Тем самым восстановляется первоначальное состояние свободного замыкания всех наличных раздражений, при чем все возможные раздражения, естественно, замыкаются с доминантой.

Возьмем пример из другой области. В теории Фрейда большую роль играет «сгущение» образов сновидений, которое Фрейд об'ясняет тонкой и сложной синтетической работой бессознательного. С нашей точки зрения все подобные «сгущенные» образования об'ясняются просто растормаживанием функции замыкания, которое происходит во сне вследствие заторможенности высших центров. Таким образом всякое «сгущение» образов во сне носит относительно случайный машинообразный характер и, следовательно, вовсе не имеет того значения, какое ему приписывает Фрейд.

Но существует ли допущенный нами вид торможения? В накопленном фактическом материале мы не находим ничего, что бы противоречило такому допущению. Мало того, в фактическом экспери-

[1]) Там же, стр. 163.

ментальном материале как раз может быть найдено место и для торможения замыкательной деятельности.

Хотя внутреннее и внешнее торможение удалось свести к одному типу, но в то же время ряд авторов указывают, что существуют и другие виды торможения, и что теории, имеющие «унитарный» характер, т.-е. признающие существование всего лишь одного типа торможения, не выдерживают критики [1]).

Проф. Фурсиков говорит, что, несмотря на большое количество работ, посвященных процессу торможения, порядок распространения этого процесса по коре головного мозга и концентрирования к исходному пункту нельзя считать строго установленным, так как у различных исследователей, занимавшихся этим вопросом, имеются расхождения.

Д-р Красногорский наблюдал мгновенное распространение торможения на все испытуемые пункты.

Анреп наблюдал торможение одновременно на всех пунктах, но при этом торможение развивалось не сразу, и максимум торможения наступал через 30 секунд.

Коган наблюдал последовательное распространение торможения сначала на пункты, близкие к исходному пункту, а затем на все более и более удаленные пункты [2]).

Н. А. Подкопаев также указывает, что «в отношении скорости движения угасательного торможения нервные системы можно разделить по крайней мере на два типа: быстрый, где процесс иррадиации и концентрации заканчивается в течение 1—1½ минут, и медленный, где процессы эти растягиваются на 15—20 минут» [3]).

Много аналогичных фактов приведено также в книге Павлова «Лекции о работе больших полушарий головного мозга». И здесь (лекц. 9) то описывается, как торможение медленно распространяется в пределах одного анализатора, то—как волна торможения мгновенно охватывает всю область полушарий, быстро захватывает различные анализаторы и столь же быстро их освобождает.

Описанные факты могут быть сведены в следующую таблицу:

Торможение первого рода.	Торможение второго рода.
Относительно устойчиво.	Лабильно.
Иррадиирует медленно, требует 3—5 минут для распространения в пределах одного анализатора.	Распространяется с быстротой, за которой нельзя уследить по всей коре полушарий.
Требует 10—20 минут для концентрирования в пределах анализатора.	Спустя 1—1½ минуты констатируется полное освобождение различных участков коры от торможения.
Индуцирует возбуждение в других участках мозга.	Не индуцирует.
Растормаживается лишь достаточно сильными агентами.	Весьма легко растормаживается.

Павлов склонен об'яснять указанные факты различием между сильным и слабым торможением).

---

[1]) См., напр., Л. Л. Васильев, «Об основных функциональных состояниях нервной ткани». Сборн. «Новое в рефлексологии», 1925.

[2]) Д. С. Фурсиков, Статическая иррадиация торможения,—«Архив биологич. наук», т. XXIII, вып. 1, 1923 г.

[3]) Н. А. Подкопаев, К движению тормозных процессов,—«Труды физиол. лаб. Павлова», т. I, вып. 1.

[4]) Лекции, стр. 154 и др.

Подкопаев об'ясняет это различнымн нервными тнпамн различных животиых.

Нельзя не видеть, однако, что указанные два типа торможения не только количественно, но н качественно разлнчны, при чем торможение второго рода как раз соответствует тому, чего можно было бы ожидать от замыкательного торможення. При этом лабильность тормозного процесса, его мгновенное распространение по различным участкам коры и такое же быстрое концентрнрование находили бы простое об'ясненне в колебаниях деятельности тех участков коры, которые тормозят замыкание.

При этом мы ни в малой мере не утверждаем, что указанный тип лабильного торможения является первнчным и не может быть сведен к какому-либо другому тнпу торможення.

7.

С точкн зрения старой апперцепцнонной психологни впечатлення сами по себе ннднфферентны по отношению друг к другу. Интеллект избнрает нужные ему впечатления н следы впечатленнй н сннтезнрует их, при чем и то, и другое рассматрнвается, как творческий акт. Существует особая «способиость» к апперцепционному синтезу, которая локалнзуется в особом, анатомнчески обособленном «апперцепцнонном центре» в мозгу. Метафнзическнй характер подобных представленнй очевндеи. После работ Павлова стало вряд ли возможно высказывать подобные взгляды. Во-первых, многочисленные опыты с удалением различных частей мозговых полушарнй показали, что никакого апперцепцнонного центра в коре мозга иет. А, во-вторых, Павлов с полною убеднтельностью доказал, что все частн мозговых полушарнй равноценны по отношению к синтетнческой деятельностн. Головной мозг является центральной частью различных рефлекторных дуг, н допущение особых анатомнческн выделениых центров в этом центре, в которых бы локализовалась та нли нная высшая способность, есть только попытка отодвннуть об'ясненне н по существу является пережитком метафизики. Когда Павлов говорит о каком-лнбо центре, например, о пнщевом нлн двигательном, то он нмеет в внду именно центральную часть тех илн иных рефлекторных дуг. Согласно развнтой на предыдущнх страницах схеме, процесс образовання воспрнятнй рнсуется в следующем внде. Синтез впечатленнй совершается автоматическн и не предполагает выбора. Функция синтеза является подпочвенной работой восприятия. Первоначально всякне совпадающие нлн последовательные раздражения замыкаются и тем самым порождают воспрнятие об'ективной связн. Таким образом, первоначально вся внешняя среда воспрннимается как нечто единое, цельное, непроднфференцнрованное. Процессы отбора, днфференцировкн имеют вторичный характер и начинаются только вместе с работой торможення. В результате этой работы все одновременные н последовательные раздражения, которые оказалнсь таковымн «случайно», т.-е. совпадення которых не имеют основання в об'ектах, отсенваются, затормажнваются, перестают давать впечатленне об'ектнвной связи. Работа сннтеза вводнтся тем самым в определенные рамкн, она пронсходит теперь только по не заторможенным, по «проторенным путям». Остаются не заторможенными только те последовательностн н сосуществования, которые нмеют свое основание в об'ектах, н только они теперь дают впечатленне об'ективной связи. В результате органнзм приходнт в равно-

весие со средой такни образом, что восприннмает об'ективную связь в природе там н только там, где она действительно существует. Таким образом возннкает правнльное отражение внешних об'ектов в мозгу.

Весь процесс в целом носнт диалектнческий характер. Элементарный аналнз раздраженнй, пронсходящнй в пернфернческнх частях органов чувств, «снимается» элементарным сннтезом, так как все элементы раздраженнй вновь слнваются в одно целое, как только попадают в кору мозга. Однако результаты аналнза, конечно, не нсчезают бесследно. На элементарный автоматнческнй синтез накладываются и его отрнцают процессы торможення, дифференцировкн, прн чем в синтетнческую функцню вносятся элементы отбора. Тем самым процессы аналнза н сннтеза подннмаются иа высшую ступень: анализ направлен уже не на качество раздраженнй, а на об'ектнвные процессы в среде; сннтез же направлеи на еднвство об'ектов н дает правнльное отраженне об'ектов в мозгу. Прн этом высшнй аналнз н высшнй сннтез не только вполне согласованы друг с другом, но н представляют единый двустороннний процесс.

Первнчность сннтеза и вторнчиость процессов дифференцнровки, как сказано, легко подтверждается исследованнем суб'ективной стороны процессов воспрнятня. Аналогнчиая точка зрения является вполие приемлемой для фнзнологов и обоснованной по отношению к иизшим отделам нервной снстемы. В итоге мы хотелн бы поставить проблему физиологнческого обоснования указаниой точкн зреиия н по отиоі вию к деятельиости головного мозга.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. Под редакцией и с введением Д. Рязанова ГИЗ, 1928. Институт Маркса и Энгельса.

Философия марксизма развивалась не в тиши кабинетов, а среди поля классовых битв; она проповедывалась не с кафедр, а с площади, обращалась не к одиночкам, а к массам. Маркс и Энгельс всю жизнь оставались верны тому положению, которое было формулировано молодым Марксом следующим образом: «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Они никогда не были философами созерцателями, а были борцами; в отличие от прежних философов они не пытались лишь об'яснять мир так или иначе, но стремились изменить его. Маркс и Энгельс с самого начала своей деятельности выступили решительно, как политические борцы, стремившиеся коренным образом изменить окружающий их мир. Поэтому, в то время как старый материализм «рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир, лишь в форме об'екта или в форме созерцания», новый материализм, материализм Маркса и Энгельса, носивший диалектический характер, рассматривал мир «в форме конкретной человеческой деятельности», в форме практики, в форме «революционной, практически-критической деятельности».

Эта революционная сторона деятельности Маркса и Энгельса обнаруживается в том, что их сочинения по большей части носят критический характер. Они не только созидают, но и разрушают, или, говоря правильнее, созидают, разрушая. «Одной рукой производили работу, а другая держала оружие; и так они строили». В соответствии с этим, большинство работ Маркса и Энгельса носит критический, боевой характер, начиная от первых трудов их и кончая «Капиталом», который является критикой всей буржуазной экономии, а вместе с тем и всего буржуазного общества. Но их критицизм носит не утопический характер, а исторический; они критиковали старое общество на основе глубокого изучения его прошлого, его истории. Таким образом, их сочинения проникнуты не только критическим, но и историческим характером. Историзм является основной стихией марксизма, струей, которая воодушевляет его.

Этот историзм сказывается не только в содержании сочинений, но и в форме их. Сочинения их очень часто носят полемический характер, написаны по поводу. Таким характером отличается и «Анти-Дюринг» Энгельса, являющийся после «Капитала» самым основным трудом марксизма. Как говорит Энгельс, его «труд вовсе не есть плод какого-нибудь внутреннего побуждения». В виду того влияния, которое Дюринг приобрел в середине 70-х годов, Энгельсу пришлось решительно выступить против него с оружием критики. Но так как Дюринг выступил с целой системой, то Энгельсу пришлось противопоставить его системе систему марксизма. Энгельс следующим образом оценивает значение своей полемики против Дюринга: «Она дала мне возможность развить с положительной стороны в многообразнейших затрагиваемых

здесь областях мою точку зрения на вопросы, представляющие теперь более общий научный или практический интерес». «Разобранная здесь «система» господина Дюринга захватывает обширнейшую теоретическую область; я вынужден был повсюду следовать за ним и противопоставить его взглядам свои собственные. Отрицательная критика стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связное изложение представляемого Марксом и мной диалектического метода и коммунистического мировоззрения, и к тому же в довольно обширном ряде областей знания». Таким образом в «Анти-Дюринге» отрицательная критика самым тесным образом связана с положительным изложением марксизма. Тезисы Дюринга служат Энгельсу для того, чтобы каждому его тезису противопоставить марксистский тезис. Критика Дюринга поэтому представляет органическую часть книги, и всякие попытки выделить из «Анти-Дюринга» критическую часть и изложить положительную часть в виде догматической системы, должны неизбежно кончаться неудачей.

Таким образом, несмотря на свой полемический характер, «Анти-Дюринг» приобрел значение основного труда марксизма на ряду с «Капиталом». Системе Дюринга здесь противопоставлена система марксизма. Это единственный марксистский труд, в котором излагаются и философия, и политическая экономия, и социализм. В отличие от других трудов Маркса и Энгельса, которые большей частью занимаются вопросами экономии, политики или социализма, «Анти-Дюринг» дает нам полное изложение всей системы марксизм он излагает марксистское мировоззрение, в котором философия, политическ экономия и социализм связаны в одну стройную органическую систему. П этому всякий, кто хочет получить представление о системе марксизма во вс ее цельности, неизбежно должен обратиться к «Анти-Дюрингу».

Благодаря тому, что «Анти-Дюринг» возник по известному поводу, чт ние и изучение его представляют известные трудности. Но содержание «Ант Дюринга» до того глубоко, что оно вознаградит всякого, кто преодоле эти трудности. Сам Энгельс, когда он задумался над вопросом об успе «Анти-Дюринга», об'яснил его тем обстоятельством, что метод Маркса в н стоящее время «имеет последователей во всех странах, даже за предела Европы, где имеются, с одной стороны, пролетарии, а с другой—добросовес ные научные теоретики. Таким образом, существует, повидимому, читающ публика, настолько интересующаяся этим вопросом, что она готова ра положительной части сочинения примириться и со ставшей теперь во мног отношениях бесцельной полемикой со взглядами Дюринга».

Но если чтение «Анти-Дюринга» представляло в этом смысле известн трудности в Германии в 1885 г,. то, конечно, оно представляет еще больш трудности через полвека после его выхода в свет в Советском Союзе. В С ветском Союзе, где влиянием марксизма охвачены колоссальные массы, «Ант Дюринг» должен стать настольной книгой для всякого, желающего серьез изучить диалектический материализм. Ограничиться простой перепечатк «Анти - Дюринга» являлось теперь делом совершенно недостаточны «Анти-Дюринг» не академическая книга, имеющая только исторический инт рес, а остро отточенное оружие, которое сохраняет всю свою силу и до с пор. Пролетариату это оружие необходимо и теперь в борьбе со всяко рода враждебными течениями. Поэтому переиздавая «Анти-Дюринга» в 1928 в Советской России, необходимо было принять во внимание ту историческу эпоху, в которой мы сейчас живем.

Эту задачу, издание такого «Анти-Дюринга», который мог бы удовл творить всем современным требованиям, и взял на себя Институт Маркса Энгельса. Прежние русские издания были неудовлетворительны во мног отношениях. Они не удовлетворяли ни требованиям научности, ни требов ниям популярности». Особенно от этого страдала первая часть «Анти-Д

ринга», философская, которая и без того представляет наибольшие трудности для понимания, но которая вместе с тем является наиболее важной и незаменимой частью «Анти-Дюринга». По политической экономии и социализму имеется ряд других трудов Маркса и Энгельса, но изложение философской стороны марксизма мы имеем только в «Анти-Дюринге» и в «Фейербахе». Поэтому первая часть «Анти-Дюринга» требует особенно внимательного к себе отношения. Энгельс здесь следит за всеми изгибами мысли Дюринга и противополагает его взглядам взгляды диалектического материализма.

Энгельс разбирает здесь вопросы об отношении бытия к мышлению, вопросы о пространстве и времени, отношение конечного к бесконечному, вопросы космогонии, физики и химии, теорию Дарвина о происхождении видов, о сущности жизни; далее, разбираются вопросы о нравственности и праве, о вечных истинах, о равенстве и справедливости, о свободе и необходимости; в заключение разбирается вопрос о диалектике, при чем особенно подробно излагается закон перехода количества в качество и закон отрицания отрицания. По всем этим вопросам даются ответы, которые служили путеводной нитью для всех последующих исследователей - марксистов.

Как указывает Д. Рязанов, очерк Энгельса, посвященный генезису и развитию идеи равенства, послужил толчком для ряда марксистских работ,— в особенности Лафарга, Каутского и Плеханова,—в которых исследуется генезис различного рода «вечных идей».

Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» всецело примыкает к «Анти-Дюрингу»; достаточно указать на страницы, где разбираются вопросы об отношении бытия к мышлению, об абсолютной и относительной истине, об определении материи, о свободе и необходимости. Всюду Ленин продолжает дальше дело, начатое Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Между тем в некоторых из старых русских изданий эта часть была наиболее непонятной и почти недоступной для изучения. Так, например, в издании Яковенко 1907 г. мы находим рассуждения о «з л о й» бесконечности. Мы там находим предложения в роде следующих: «Так как сущность всякого мышления заключается в соединении всего в нечто единое, то бытие, поскольку оно мыслится единым, понятие о мире, является неделимым, а следовательно, действительное бытие, действительный мир точно так же представляет неделимое единство» (стр. 30); предложение это совершенно недоступно для понимания, превосходит пределы человеческого рассудка и неизбежно должно отбить охоту ко всякому дальнейшему чтению книги. Нечего и говорить, что в новом издании мы не встретим ничего подобного.

Новое издание «Анти-Дюринга» отличается следующими особенностями. Кроме основного текста, данного по третьему немецкому изданию с некоторыми дополнениями, в это издание входят еще вступительная статья Д. Б. Рязанова, пять приложений, состоящих из статей и примечаний Энгельса к «Анти-Дюрингу», пояснения в алфавитном порядке к различного рода терминам, именной указатель, предметный указатель.

Благодаря всем этим приложениям, «Анти-Дюринг» из тоненькой книги, какую он представлял в старых изданиях, превратился в солидный том.

Статья Д. Рязанова «К 50-летию «Анти - Дюринга»» дает подробную историю возникновения «Анти - Дюринга». С 1873 года влияние Дюринга начало расти все больше и больше благодаря тому, что «он давал целостную систему мировоззрения, давал ответы на все проклятые вопросы». Это привлекало к нему симпатии молодежи; почитателями Дюринга стали также многие ученики Маркса, как, например, Бернштейн, Бебель, Либкнехт, Блос. Орган берлинской организации социалистической партии находился под большим влиянием Моста, восторженного почитателя Дюринга. В 1876—1877 гг.

влияние Дюринга достигло своего эпогея. Все это и заставило Эигельса выступить против Дюринга. Насколько необходимо было это выступлеиие, видно из того, что в иачале статьи Энгельса встретили очеиь иелюбезиый прием даже у немецкой социал-демократии: так велик был тогда авторитет Дюринга. Большой интерес представляют замечания Д. Рязанова о влиянии Дюринга на русских социалистов; под его влиянием иаходились Лавров, Михайловский, П. Б. Аксельрод и Плеханов. В конце своей статьи Д. Рязанов дает краткую оцеику «Аити-Дюриига», при чем ои отстаивает ту мысль, что в «Диалектике природы» Энгельса нет ии одной иовой мысли по сравнеиию с «Анти-Дюриигом», и решительио отвергает попытки провести грань между «Анти-Дюриигом» и Энгельсом 80-х годов.

Из статей Энгельса перепечатано из «Диалектики в природе» старое предисловие к «Аити-Дюриигу», в котором Эигельс дает более детальный обзор роли и зиачеиия диалектики.

Оттуда же перепечатаны три примечания Энгельса к «Анти-Дюрингу». В них обращает иа себя внимание определение диалектики, как науки о наиболее общих законах **всякого** движения как в области физической природы и человеческой истории, так и в мышлении. Большой интерес представляет полемика с механическим материализмом, где Энгельс утверждает, что «механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще» и что «материя, как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция». Энгельс приходит к выводу, что «вещество, материя — не что иное, совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения»; «мат... и движение **можно** познать лишь путем изучения отдельных форм в...ства и движения».

Впервые на русском языке напечатаны отрывки из подготовител... работ Энгельса к «Анти-Дюрингу»; они касаются самых разнообра... вопросов (мышление, приспособление растений, жизнь, материя и движ... равенство и справедливость, общинная и частная собственность, экон...ческие взгляды Дюринга, взгляды его на войну и насилие и т. д.). Несм... на то, что эти примечания представляют собой ряд беглых набросков, не менее они имеют огромный интерес по чрезвычайному богатству мыс... Так, например, очень интересно замечание о равенстве и справедлив... где Энгельс приходит к тому выводу, что «в этих понятиях еще содерж... противоположность ко всей предшествующей истории, следовательно, ... старое общество», почему их и нелепо выдавать за последнюю истину. ... заключение представляет собой великолепный образец применения диа... тики к конкретному случаю.

Из примечания о мышлении заслуживают особенного внимания ...дующие положения: «Общие результаты исследования мира обнаруживак... в конце этого исследования; итак, они являются не **принципами**, исходными пунктами, а **результатами**, **итогами**». «Например, хотя принцип **единичного бытия**. Единство мира и нелепость потусто... него бытия есть результат всего исследования мира». «**Системати**... с точки зрения Гегеля невозможна». «Тот, кто строит системы, дол... заполнять бесчисленное множество пробелов — **собственными** **мышлениями**, т.-е. **иррационально** фантазировать, быть и... ...югом».

В этих положениях мы имеем по существу формулировку диалек...ческого материализма. Мы видим, как Энгельс опровергает Гегеля, польз... его же методом, и таким образом приходит к **диалектическому ма**...**риализму**. Первое предложение Энгельса носит совершенно гегелианс... характер. Гегель также говорит, что «абсолютное должно быть своим резу...татом». Но отличие Энгельса от Гегеля заключается в том, что у Ге... абсолютное является **своим** же результатом; таким образом, абсолют

является в одно и то же время принципом и результатом; притом, так как оно является своим же результатом, то оно по существу возвращается к самому себе. Движение у Гегеля носит в известной мере мнимый характер; система торжествует над методом, логика над историей, покой над движением. Совсем не то у Энгельса. Результаты получаются не «путем конструкции, производимой в уме», а исходя из фактов, как следствие исследования мира, считающегося с фактами. Поэтому и невозможна система, так как, хотя «мир образует единую систему, т.-е. связное целое, но познание этой системы предполагает познание всей естественной истории, которого люди никогда не достигают».

Мы видим, как Энгельс ставит на голоову диалектику Гегеля и вместо идеалистической диалектики получает материалистическую диалектику. С точки зрения материализма Энгельс преодолевает Гегеля, а диалектикой он опровергает Дюринга, которому была неясна «зависимость мышления во всяком данном случае от исторически-материальных условий». В этом смысле Дюринг примыкал к представителям старого материализма, которые в своих рассуждениях о человеке и истории становились на точку зрения идеологии, т.-е. по существу оставались идеалистами в истории.

Последнее приложение, предисловие Энгельса к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке» написанное в 1892 году, содержит очень интересный очерк об отношении английской буржуазии к материализму и религии.

Энгельс писал «Анти-Дюринга» не как чисто теоретическую работу, а как труд, вызванный практическими потребностями, отвечающий злобе дня. «Анти-Дюринг» по замыслу Энгельса меньше всего носил академический характер. Но он не приобрел академического характера и теперь, спустя полвека после своего появления. Лабриола писал: «Каждая нация имеет, к сожалению, своего Дюринга. Кто знает, сколько и какие «Анти» написали бы Энгельсы других стран». Перефразируя его слова, можно сказать, «каждая эпоха имеет своего Дюринга». «Анти-Дюринг», изданный в 1928 году, бьет не только старого Дюринга, но и всех современных Дюрингов, пытающихся подменить диалектический материализм механистическим материализмом или даже совсем выкинуть философию за борт. Эта боевая роль «Анти-Дюринга» значительно усиливается благодаря русским примечаниям к нему.

Эти примечания носят в одно и то же время научный и злободневный характер; и это происходит потому, что борьба за правильное понимание диалектического материализма и теперь ведется с такой же остротой, с какой она велась во времена Дюринга. Мы считаем самым ценным в примечаниях то, что в них широко использована «Диалектика природы» Энгельса, наносящая сокрушающие удары механистическому материализму.

Благодаря такому пользованию «Диалектикой природы» в примечаниях получил разрешение в духе марксизма целый ряд вопросов, которые в самом тексте «Анти-Дюринга» остались в тени или даже совсем не были намечены. В этом смысле особенно обращают на себя внимание пояснения к следующим терминам: движение, жизнь, законы природы, случайность, тождество, философия и диалектика, философия и естествознание. Эти пояснения по существу представляют собой небольшие статьи, в большей части которых содержится очень четкая и убедительная критика механистического материализма, опирающаяся главным образом на «Диалектику природы» Энгельса, а отчасти также на «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Меньше по об'ему пояснения к следующим терминам: анализ и синтез, бесконечное и конечное, вещь в себе, качество и количество, логика и диалектика, материализм французский XVIII века, материя, простое и составное, рассудок и разум,

сила. В этих пояснениях все эти вопросы также получают разрешение в соответствии с общим духом диалектического материализма. Некоторые статьи снабжены также указаниями литературы.

Кроме этих пояснений, носящих теоретический характер, дан ряд пояснений, посвященных отдельным событиям. Таковы, например, пояснения к следующим событиям: выставка 1851 г., Лионское восстание 1831 г. и т. д.

Ряд примечаний посвящен также терминам политической экономии. Из них некоторые отличаются довольно значительными размерами, например, деньги, капитал и капитализм, пролетариат, рента и т. д.

Вслед за этими пояснениями к книге приложен именной указатель, в котором даются краткие биографические сведения об авторах и лицах, упоминаемых или цитируемых Энгельсом. Этот именной указатель очень полезен, но мы должны здесь указать на следующие незначительные недостатки в нем, которые было бы желательно исправить в следующем издании. На стр. 329 упоминается Лотар Мейер, но в именном указателе это имя выпущено. С другой стороны, мы встречаем ряд имен, при которых не указаны те страницы, где они встречаются в тексте. Имена эти следующие: Боссю, Гиффен, Кеплер, Лангеталь, Леру, Лютер, Мальтус, Маурер, Медлер, Морган, Смит Джордж, Швейнингер, Штирнер, Энс.

Все эти приложения вместе с детально разработанным предметным указателем в полной мере удовлетворяют той задаче, которую ставил себе Ин... тут Маркса и Энгельса, издавая «Анти-Дюринга», а именно: облегчить ... телям — особенно провинциальным, а также студентам наших вузов и ... вузов изучение «Анти-Дюринга». «Анти-Дюринг» в том виде, в како... сейчас издан, представляет собою небольшую энциклопедию марксизма

В заключение мы должны обратить внимание на великолепный вне... вид книги: превосходную бумагу, четкий шрифт, красивый переплет. Н... те качества, которыми отличаются все издания Института Марк... Энгельса.

А. Рубин

МАРК КОСВЕН. Происхождение обмена и меры ценности. История р... тия общественных форм в отдельных очерках, под редакцией проф. В. К... кольского и доц. В. Д. Преображенского. Изд. «Молодая Гвардия». Моск... Ленинград 1927 г.

Данная небольшая брошюрка составлена из двух статей, появивш... первоначально в «Красной Нови»; по своему содержанию, как это сл... по заглавию, она представляет популярное изложение вопроса о происх... нии обмена и меры ценности в свете данных новейшей этнографии. Те... менее, выход этой работы отдельным изданием следует всячески привет... вать. Автор ее не является по специальности экономистом, поэтому э... мист мог бы внести в эту работу некоторые коррективы; однако работ... этого ничуть не проиграла. Задавшись целью проследить возникновени... мена и первых этапов его развития, а вместе с тем проследить также р... ние и развитие идеи меры ценности, автор использует по преимущ... материал, касающийся австралийских племен. При этом свое изложени... ведет по двум линиям: прежде всего его интересует обмен сам по себе... развитие, а затем он переходит к изложению эволюции самих форм об... С точки зрения экономиста, конечно, лучше было бы спаять эти два дов... механически соединенные у автора очерка в одно связное целое и пр... дить развитие форм обмена или развитие форм ценности в связи с р... тием самого обмена.

Но это не является для данной работы существенным недостатком: все это искупается тем богатым и хорошо подобранным этнографическим материалом, который не только дает блестящее подтверждение известному разделу «О формах ценности» в первом томе «Капитала», но вместе с тем этот материал позволяет конкретизировать столь знакомые нам абстрактные формы ценности у Маркса.

Излагая, по данным этнографии, развитие обмена у австралийцев, автор подчеркивает необходимость пересмотра «некоторых ходячих воззрений на примитивный хозяйственный быт вообще и происхождение обмена в частности». Он говорит при этом о «чуть ли не канонизированном догмате политической экономии», который «рисует особую эпоху «замкнутого» или «первичного натурального хозяйства», являющегося первой фазой экономического развития человечества. Знакомый с работами Маркса, конечно, знает, что у Маркса нельзя найти подобного «догмата»; наоборот, Энгельс говорит, например, о 5—7 - тысячелетнем существовании закона ценности, Маркс же в этом случае—о двух тысячах лет. При современном Марксу уровне развития этнографической науки данные сроки как раз и упираются в довольно примитивные стадии хозяйства.

Точно так же автор оспаривает возникновение случайного обмена из обмена излишками. Данное «представление, несмотря на то, что оно получило широкое распространение, все же никак не оправдывается фактами. В действительности обмен весьма старое явление, и возникает он не из случайного обмена излишками; но в то же время правильно, что на первых стадиях своего развития обмен играл совершенно иную роль. Об этом достаточно ярко говорит приводимый автором материал. Если это и не был обмен излишками, то встречался он только на стыке различных замкнутых хозяйственных целых.

Более существенное заключается в том, что хотя обмен и представляет весьма старое явление, однако обмен, как факт экономического порядка, есть сравнительно поздний продукт развития. Отвергая, на основании этнографического материала, происхождение обмена из войн и грабежей, автор выводит его из мирных взаимоотношений племен. Но этот обмен, по словам автора, подкрепленный многочисленными фактами, в течение весьма длительной эпохи носил очень своеобразный характер: передача какой-либо вещи еще не предполагала получения взамен нее другой вещи. Идея обязательности такого возмещения была недоступна человеку на первых ступенях своего развития. Но очевидно, что экономически такой «обмен» не был еще обменом. Лишь тогда, когда возникла такая идея обязательности оплаты получаемого предмета другим предметом, на первых порах отдарка, а затем и передачи эквивалента,—лишь тогда можно говорить об обмене, как экономическом явлении, об обмене, как сделке.

И, действительно, первая форма такого обмена была: A = B, C = Д и т. д., т.-е. в обмен вступали «предмет на предмет, один на один». Вместе с тем мы уже встречаемся с рождением закона ценности, хотя пока еще и не идеи равноценности, а именно с об'ективным возникновением самого закона. Ибо здесь, очевидно, мы имеем уже дело с той «простейшей товарной формой, в которой стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем остальным товарам, а только в виде отличия от своей собственной естественной формы» (из письма Маркса Энгельсу 22 июня 1867 года). Интересно вот что. Как показывает автор, это не случайные встречи двух различных вещей. Напротив,—так как эта стадия охватывает большой промежуток времени,—то такие попарные отношения разных вещей закостеневают, укрепляются обычаем. Данный предмет только и может меняться на другой или другие вполне определенные предметы, при

этом в заранее данных обычаем пропорциях. В этом, как правильно отмечает автор, как раз и проявляется смутная идея равноценности, так как в такие попарные отношения вступали предметы хотя бы приблизительно эквивалентные,—конечно, в сознании обменивающихся.

Развитие хозяйственной жизни приводит затем к усложнению обмена: вместо таких попарных обменов мы получаем ряды А = В = С = Д, К=L=М=О=Р. При этом в каждом ряде встречаются вполне определенные предметы, своеобразные для каждого ряда; в группировке рядов проявляется опять-таки развивающаяся идея равноценности. Все обменные сделки распадаются на ряд таких вполне самостоятельных друг от друга эквивалентных рядов. Практически полная или развернутая форма ценности Маркса и существовала в виде ряда таких параллельных самостоятельных эквивалентных рядов.

Особенно интересна у автора та часть, где он прослеживает развитие идеи равноценности или эквивалентности; мы видим, что она не так-то легко далась человеку. Лишь развитие обмена, развитие форм ценности подвело человека к понятию эквивалента. Первоначально обменивался предмет на предмет, притом один на один вне зависимости от их качества и его ценности (т.-е. количества труда). Следующим этапом является довольно грубый учет этих моментов: играет роль размер обмениваемых предметов. На ряду с этим один, более ценный, предмет начинает обмениваться на ряд предметов, но опять-таки на ряд единичных предметов, которые в совокупности и должны были представлять его эквивалент (формула А=В+С+Д...). Более трудно дается представление о количестве. Количество сначала выступает в виде конкретной множественности, принимаемой за один предмет и выступающей в обмене в качестве одного предмета. В формуле А=В+С+Д... на место В, С, Д... вступают эти конкретные множественности, напр., «горсть», «куча», «охапка». Понятно, что тем самым делает дальнейший шаг и сама эквивалентность. Лишь дальнейшее развитие обмена и производства для обмена приводит к учету количественного момента: один предмет обменивается на несколько предметов другого рода; форма обмена получает вид А=nВ. Эквивалентные ряды принимают вид А=mВ+mС+рД и т. д., и тем самым становится возможным переход к всеобщей форме ценности, так как получается возможность связать все эти ряды в один общий ряд. Стоит лишь один из предметов, входящих во все ряды в различных количественных сочетаниях, сделать единицей меры, и тогда меновые ценности всех остальных товаров могут быть выражены в виде кратного этой единицы. Но эта возможность сначала дана лишь теоретически; практически же для этого необходимы определенные предпосылки: соответствующий уровень счетных навыков и наличие в соответствующем количестве.

Мы не задаемся целью исчерпать содержание этой интересной и поучительной книжки; мы попытались лишь показать, насколько действительное развитие обмена и форм обмена соответствует тому развитию форм ценности, которые дал Маркс в «Капитале» и, в то же время, каким образом этот действительный ход развития конкретизирует развиваемые абстрактно формы ценности Маркса. При чтении этой книжки особенно ярко чувствуешь, насколько эти формы ценности у Маркса являются не абстракциями вообще, а именно абстракцией действительного хода развития товарного общества и категории ценности. В этом—главная польза книжки, которую остается только рекомендовать читателю.

К недостатку ее следует отнести разве некоторый налет туган-барановщины. Автор на ряду с ценностью, которую он понимает как меновую ценность, говорит об отличной от нее трудовой стоимости. Однако в данной работе это не играет никакого существенного значения.

В. Позняков.

Но это не является для данной работы существенным недостатком; все это искупается тем богатым и хорошо подобранным этнографическим материалом, который не только дает блестящее подтверждение известному разделу «О формах ценности» в первом томе «Капитала», но вместе с тем этот материал позволяет конкретизировать столь знакомые нам абстрактные формы ценности у Маркса.

Излагая, по данным этнографии, развитие обмена у австралийцев, автор подчеркивает необходимость пересмотра «некоторых ходячих воззрений на примитивный хозяйственный быт вообще и происхождение обмена в частности». Он говорит при этом о «чуть ли не канонизированном догмате политической экономии», который «рисует особую эпоху «замкнутого» или «первичного натурального хозяйства», являющегося первой фазой экономического развития человечества. Знакомый с работами Маркса, конечно, знает, что у Маркса нельзя найти подобного «догмата»; наоборот, Энгельс говорит, например, о 5—7 - тысячелетнем существовании закона ценности, Маркс же в этом случае—о двух тысячах лет. При современном Марксу уровне развития этнографической науки данные сроки как раз и упираются в довольно примитивные стадии хозяйства.

Точно так же автор оспаривает возникновение случайного обмена из обмена и з л и ш к а м и. Данное «представление, несмотря на то, что оно получило широкое распространение, все же никак не оправдывается фактами. В действительности обмен весьма старое явление, и возникает он не из случайного обмена излишками; но в то же время правильно, что на первых стадиях своего развития обмен играл совершенно иную роль. Об этом достаточно ярко говорит приводимый автором материал. Если это и не был обмен излишками, то встречался он только на стыке различных замкнутых хозяйственных целых.

Более существенное заключается в том, что хотя обмен и представляет весьма старое явление, однако обмен, как факт экономического порядка, есть сравнительно поздний продукт развития. Отвергая, на основании этнографического материала, происхождение обмена из войн и грабежей, автор выводит его из мирных взаимоотношений племен. Но этот обмен, по словам автора, подкрепленный многочисленными фактами, в течение весьма длительной эпохи носил очень своеобразный характер: передача какой-либо вещи еще не предполагала получения взамен нее другой вещи. Идея обязательности такого возмещения была недоступна человеку на первых ступенях своего развития. Но очевидно, что экономически такой «обмен» не был еще обменом. Лишь тогда, когда возникла такая идея обязательности оплаты получаемого предмета другим предметом, на первых порах отдарка, а затем и передачи эквивалента,—лишь тогда можно говорить об обмене, как экономическом явлении, об обмене, как сделке.

И, действительно, первая форма такого обмена была: А = В, С = Д и т. д., т.-е. в обмен вступали «п р е д м е т н а п р е д м е т, о д и н н а о д и н». Вместе с тем мы уже встречаемся с рождением закона ценности, хотя пока еще и не идеи равноценности, а именно с об'ективным возникновением самого закона. Ибо здесь, очевидно, мы имеем уже дело с той «п р о с т е й ш е й т о в а р н о й ф о р м о й, в которой стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем остальным товарам, а только в виде о т л и ч и я от своей собственной естественной формы» (из письма Маркса Энгельсу 22 июня 1867 года). Интересно вот что. Как показывает автор, это не случайные встречи двух различных вещей. Напротив,—так как эта стадия охватывает большой промежуток времени,—то такие попарные отношения разных вещей закостеневают, укрепляются обычаем. Данный предмет только и может меняться на другой или другие в п о л н е о п р е д е л е н н ы е предметы, при

этом в заранее данных обычаем пропорциях. В этом, как правильно отмечает автор, как раз и проявляется смутная идея равноценности, так как в такие попарные отношения вступали предметы хотя бы приблизительно эквивалентные,—конечно, в сознании обменивающихся.

Развитие хозяйственной жизни приводит затем к усложнению обмена: вместо таких попарных обменов мы получаем ряды А = В = С = Д, К=L=М=О=Р. При этом в каждом ряде встречаются вполне определенные предметы, своеобразные для каждого ряда; в группировке рядов проявляется опять-таки развивающаяся идея равноценности. Все обменные сделки распадаются на ряд таких вполне самостоятельных друг от друга эквивалентных рядов. Практически полная или развернутая форма ценности Маркса и существовала в виде ряда таких параллельных самостоятельных эквивалентных рядов.

Особенно интересна у автора та часть, где он прослеживает развитие идеи равноценности или эквивалентности; мы видим, что она не так-то легко далась человеку. Лишь развитие обмена, развитие форм ценности подвело человека к понятию эквивалента. Первоначально обменивался предмет на предмет, притом один на один вне зависимости от их качества и его ценности (т.-е. количества труда). Следующим этапом является довольно грубый учет этих моментов: играет роль размер обмениваемых предметов. На ряду с этим один, более ценный, предмет начинает обмениваться на ряд предметов, но опять-таки на ряд единичных предметов, которые в совокупности и должны были представлять его эквивалент (формула А=В+С+Д...). Более трудно дается представление о количестве. Количество сначала выступает в виде конкретной множественности, принимаемой за один предмет и выступающей в обмене в качестве одного предмета. В формуле А=В+С+Д... на место В, С, Д... вступают эти конкретные множественности, напр., «горсть», «куча», «охапка». Понятно, что тем самым делает дальнейший шаг и сама эквивалентность. Лишь дальнейшее развитие обмена и производства для обмена приводит к учету количественного момента: один предмет обменивается на несколько предметов другого рода; форма обмена получает вид А=nВ. Эквивалентные ряды принимают вид А=mВ+mС+pД и т. д., и тем самым становится возможным переход к всеобщей форме ценности, так как получается возможность связать все эти ряды в один общий ряд. Стоит лишь один из предметов, входящих во все ряды в различных количественных сочетаниях, сделать единицей меры, и тогда меновые ценности всех остальных товаров могут быть выражены в виде кратного этой единицы. Но эта возможность сначала дана лишь теоретически; практически же для этого необходимы определенные предпосылки: соответствующий уровень счетных навыков и наличие в соответствующем количестве.

Мы не задаемся целью исчерпать содержание этой интересной и поучительной книжки; мы попытались лишь показать, насколько действительное развитие обмена и форм обмена соответствует тому развитию форм ценности, которые дал Маркс в «Капитале» и, в то же время, каким образом этот действительный ход развития конкретизирует развиваемые абстрактно формы ценности Маркса. При чтении этой книжки особенно ярко чувствуешь, насколько эти формы ценности у Маркса являются не абстракциями вообще, а именно абстракцией действительного хода развития товарного общества и категории ценности. В этом—главная польза книжки, которую остается только рекомендовать читателю.

К недостатку ее следует отнести разве некоторый налет туган-барановщины. Автор на ряду с ценностью, которую он понимает как меновую ценность, говорит об отличной от нее трудовой стоимости. Однако в данной работе это не играет никакого существенного значения.

В. Позняков.

ФРАНЦ ПЕТРИ. Социальное содержание теории ценности Маркса. Перевод с немецкого Г. И. Дукора и А. И. Ноткина. Под редакцией и с пред. В. Н. Познякова. С приложением перевода статьи Р. Гильфердинга. «Московский Рабочий». 1928 г. 116 стр. Цена 1 руб.

Книга Франца Петри, несмотря на ее относительно небольшие размеры, затрагивает ряд важнейших вопросов теоретической политической экономии. Автор книги весьма далек от марксизма, и это обстоятельство, в значительной мере, препятствует ему понять как метод, так и сущность экономической теории Маркса. Тем не менее, его работа, в которой он весьма своеобразно анализирует теорию стоимости, выгодно отличается от большинства об'емистых книг всевозможных «интепретаторов» и «критиков» Маркса. Петри делает серьезную попытку, посредством внимательного изучения экономических работ разбираемого им автора, проникнуть в глубь его хода мыслей, его теории. Именно поэтому рецензируемая книга, в которой правильные и глубокие замечания переплетаются с явным искажением теории стоимости Маркса, заслуживает всяческого внимания, представляет собой значительный интерес.

Работа представляет собой попытку произвести самостоятельный анализ теории стоимости Маркса, отметить наиболее характерные и любопытные черты, ей присущие. Подобная задача, конечно, является достойной темой для научно-исследовательской работы. Однако, при всей его научной добросовестности и вдумчивости, Петри не удалось ее разрешить. Исчерпывающее познание экономической системы Маркса может быть достигнуто только при условии полного понимания методологических основ марксизма вообще, марксистской политической экономии в частности—диалектического материализма. Но это-то как раз и представляет наибольшую трудность для тех экономистов, теоретическое воспитание которых в области философии проходит под знаком всевозможных идеалистических систем и теорий. И этой участи не смог избежать и Франц Петри, философское мировоззрение которого представляет собой одну из разновидностей неокантианства. Поэтому в своей талантливой работе, оставшейся, к сожалению, его единственным печатным трудом[1]), Петри, в ряде отдельных мест, весьма близко подходит к экономической теории Маркса, высказывает глубокие и оригинальные замечания и суждения. Но при всем этом автор в силу разделяемой им философской концепции не может полностью стать на точку зрения Маркса, не может также и понять его экономическую теорию.

Во всех его экономических рассуждениях и построениях Петри последовательно придерживается усвоенного им мировоззрения. Это, разумеется, не могло не отразиться на содержании задачи, преследуемой рецензируемой книгой. Вместо того, чтобы исследовать теорию стоимости Маркса, в присущем ей содержании и значении, Петри невольно задался другой целью. Его основной задачей явилось выделение, из разбираемой им теории, тех черт и положений, которые могли бы быть истолкованы в смысле кантовской философии. Иначе говоря, наш автор желает доказать, что в вопросе о «социальном содержании теории ценности» Маркс является преемником Канта, учение которого, «опосредственное долгим историческим процессом, в особенности же Гегелем, снова появляется на свет» (стр. 42) в теории стоимости Маркса. Редактор русского издания в своем предисловии, вскрывающем сущность рассуждений и доказательств Петри, весьма правильно указывает на эту цель рецензируемой книги.—«Мысль вскрыть социальное содержание теории ценности Маркса прельстила Петри, по нашему мнению, именно по-

[1]) Книга Петри, представляющая собой его докторскую диссертацию, была написана им в 1914 г., а издана в 1916 г. Петри же, будучи отправлен с началом мировой войны на фронт, скончался в 1915 г. в виленском лазарете.

тому, что перед ним рисовалась занимательная задача: Маркса — этого гегельянца, диалектика, революционера и материалиста—из столпа революционного коммунизма превратить в один из столбов, который к вящшей славе Риккерта должен подпирать воздушные построения кантовского идеализма» (стр. 8). И Петри с большим усердием принимается за выполнение этой задачи, обнаруживая в своей работе недюжинные способности и большие дарования, к сожалению, направленные не в надлежащую сторону. Нечего и говорить, что разрешение основной задачи книги удается Петри лишь постольку, поскольку он, самим ходом его рассуждений, вынужден совершенно извратить все содержание марксовой теории стоимости, лишить ее того смысла, который она имеет в действительности.

Работа Петри начинается с небольшого введения, анализирующего «методологический дуализм марксизма». Автор считает, что методу, применяемому Марксом, свойствен дуализм, противоречие между «неестественно» соединенными идеалистическим и материалистическим «устремлениями мысли». «Основное противоречие, — пишет он, — господствующее в системе Маркса и делающее вообще невозможным ее целостное понимание, заключается в неестественном сочетании тех мотивов мышления, которые унаследованы им от философии духа Гегеля, с материалистическими и естественно-научными устремлениями мысли, которые были навязаны Марксу скорее политическими и агитационными соображениями, нежели чистой волей к познанию» (стр. 20). Неокантианцу, конечно, не суждено понять философию Маркса, в которой Гегелевский метод сочетается с материалистической сущностью, не нарушая монистичности всей системы диалектического материализма.

Декларировав, таким образом, дуализм марксистского метода, автор затем отрицает его материалистический характер. Он находит, что Маркс, по сути дела, был идеалистом, материализм же его является чисто внешним придатком, не находящимся в тесной органической связи со всей теорией Маркса в ее целом. «Во всей теории Маркса—и в построении его философии истории, и в монистическом характере его этики—влияние мыслей Гегеля продолжало оставаться настолько сильным, что подчеркивание основ материализма и якобы естественно-научных методов исследования следует рассматривать лишь как внешность, при чем такую внешность, которая могла оказать влияние больше на терминологию и внешнюю форму, чем на действительное содержание его учения» (стр. 20). От общих соображений о «методологическом дуализме марксизма» Петри переходит к экономической теории Маркса. В этой последней он вновь обнаруживает дуализм, представляющий собой только иное выражение дуалистичности всей системы марксизма. По его мнению, основной недостаток политической экономии Маркса заключается в соединении двух противоположных методов—«естественно-научного» и «культурно-научного», из которых господствующее место принадлежит последнему.

В дальнейшем Петри показывает нам, что он понимает под туманным термином «культурно-научная тенденция». Это понятие должно, очевидно, означать телеологический метод Риккерта в его применении к политической экономии. Соответственно этому, заслуга Маркса, по мнению Петри, заключается в том, что «он стремится воспринять... явления обмена в их культурном значении, поскольку он путем отнесения к сконструированной им социальной ценности стремится выявить в явлениях обмена социально значимое и тем самым понять их в этом смысле» (стр. 88). В этой «критической» стороне учения Маркса, противопоставляемой Петри «каузальному» методу,— воспринятому политической экономией от Рикардо,—и заключается то новое и оригинальное, что было внесено Марксом в экономическую науку.

Противопоставление каузального метода—методу критическому составляет центральный пункт, вокруг которого вращается мысль Петри. Как истый неокантианец, он всеми силами старается их отделить друг от друга, доказать необходимость применения в политической экономии не каузального метода, рассматривающего явления в их естественной, причинной связи, а метода критического, «культурно-научного», исследующего данный об'ект телеологическим путем, подвергающему исследуемые явления определенной оценке. Только посредством применения телеологического метода может быть найден истинный социальный смысл экономических явлений. Петри, стремясь найти у Маркса этот критический метод, отмечает, выявляя тем самым свою собственную точку зрения, что у него «понятие ценности не заключает в себе никакого положительного оценивания, но в нем получает свое выражение лишь теоретический принцип отнесения к ценности, и постольку оно внутри узко ограниченных рамок науки о хозяйстве служит задаче: быть орудием понимания известной индивидуальной исторической хозяйственной формы, а именно капиталистической системы в ее социально ценностном содержании» (стр. 56). В этом, неоднократно встречающемся в книге, требовании применения теоретического оценивания, при исследовании экономических явлений, Петри разделяет точку зрения Риккерта, которую он пытается навязать и Марксу. Для этого он и открывает методологический дуализм марксизма, старается доказать, что Маркс придерживался не только каузального, но также и «культурно-научного» метода исследования, применял риккертовский принцип гносеологического телеологизма.

Петри сознательно оставляет в стороне применяемый Марксом каузальный метод. Целью его работы является только «социальное содержание» теории стоимости. «Предметом нашего изложения отнюдь не является теория ценности Маркса в целом. Мы берем из нее лишь отдельные элементы, обособленное изложение которых в виде известной последовательной логической связи вовсе не имеет целью дать точную копию теории ценности Маркса, а только выявить ту отдельную черту ее, которая в общем изложении легко может остаться мало замеченной или даже вовсе не замеченной» (стр. 25). Эта «отдельная черта» теории стоимости Маркса, ее «социальное содержание», по мысли Петри, должна свидетельствовать об идейном родстве метода, применяемого Марксом, с телеологическим методом Риккерта.

Теорию стоимости Маркса Петри расщепляет на две отдельные проблемы: качественную и количественную, которые, как ему представляется, получаются вследствие применения Марксом различных, и к тому же противоположных, методов теоретического анализа. В то время, как противоречие между потребительной и меновой стоимостями было известно еще классикам, у Маркса оно выступает в виде различия в методах исследования. Далее, это противоречие развивается в противоположность между качественной и количественной проблемами стоимости. «То, что у классиков было различием двух эмпирических явлений, требующих различного об'яснения, у Маркса становится противоположностью методов рассмотрения явлений. В этом преобразовании противоречия, которое раньше вкладывалось в самую вещь, в противоречие методов изучения, Маркс выявляет себя подлинным наследником немецкой идеалистической философии, из оков которой он никогда полностью не мог освободиться» (стр. 36).

Установив различие между качественной и количественной проблемами, Петри приступает к их исследованию. В качественной проблеме стоимости, по его мнению, сочетается «совокупность вопросов, относящихся к методологической структуре понятия». Количественная же проблема «вращается в круге вопросов, касающихся величины меновой ценности». По отношению к анализу первой Маркс применяет «априорную конструкцию». Что же

касается количественной проблемы, то при ее исследовании Маркс пользуется «эмпирическим методом доказательства».

При разборе качественной проблемы стоимости, Петри, прежде всего, приступает к выяснению априорных моментов, заложенных в ее основе. Главная отличительная черта, присущая методу, применяемому марксистской политической экономией, заключается, согласно нашему автору, в его социальном характере. Маркса, прежде всего и больше всего, интересует социальный смысл экономических отношений, их значение для личности товаропроизводителя. В этом, а отнюдь не в поисках каузального об'яснения меновых пропорций и отношений, заключается доподлинная сущность теории стоимости Маркса. Его задачей было нахождение необходимого связующего звена между вещами, движением которых обслуживается товарное производство, и истинным об'ектом его исследования,—социальным значением тех отношений, которые существуют между людьми.

Подобным связующим звеном является человеческий труд, как функция личности, который вследствие этого и становится априорным принципом теории стоимости, выступает в качестве меры ее величины. «В этом исходном пункте, согласно которому человек рассматривается как суб'ект (а это очень хорошо согласуется с предположением полного подчинения эмпирического человека закону причинной зависимости), и тем самым исключается из всего круга об'ектов внешнего мира, лежит корень того «антропоцентрического предрассудка», который состоит в том, что человек и человеческий труд противостоят всем другим средствам производства, как совершенно своеобразное» (стр. 27). Понятие человеческого труда, ег знание субстанцией стоимости содействуют переходу от явлений реа обмена и производства к скрытой за ними личности человека. «Только свойство товара делает возможным признать его носителем и выраз общественных отношений, и это—то его свойство, что он про труда, ибо, как таковой, мы рассматриваем товар не с точки зрен требления, а с точки зрения производства, как овеществленную челове деятельность, судьба которой в ходе сложного процесса обращения яв поэтому и судьбой, стоящей за ним, поглощенной им в процессе про ства, человеческой личности» (стр. 40).

Сущность марксовой теории товарного фетишизма заключается что посредством связующего понятия человеческого труда вещных шениях и категориях вскрывается социальное отношение трудовых стей. Последнее и интересует, главным образом, Маркса. Он вовсе не х установить количественные пропорции обмена, найти факторы обус вающие тот или иной уровень цен, дать об'яснение реальным явлени мена. Его задача заключается только в анализе социального содер стоимости. «Стремление Маркса сводится к тому, чтобы в понятии цен приобрести некую социологическую категорию, некое орудие анализа ственных отношений» (стр. 51). Поэтому вполне понятно, что категория юсти не имеет никакого отношения к меновым пропорциям, должна рассматриваема совершенно независимо от них. «В этом понятии «і сти» только резюмируются, так сказать, априорные условия, которые зывают направление для некоторой «общественной» трактовки про меновой ценности, при чем здесь еще ничего не говорится о том кс ственном отношении, в котором «ценности» обмениваются друг на д той или иной конкретной общественной организации» (стр. 50).

Стоимость, таким образом, представляет собой «социологическу категорию» и как таковая не должна иметь какой-либо количественной величности. Но у Маркса, кроме качественной проблемы стоимости, м ходим также и количественную ее проблему. Тут Петри из интерпрет «Капитала», каковым он все время желает быть, открыто становитс

критиком. Он считает, что количественная проблема стоимости привлечена Марксом ошибочно, вследствие дуалистичности его метода. В этом вопросе Маркс изменяет «культурно-научному» методу, применяемому им до сих пор, непоследовательно прибегает к каузальному, «естественно-научному» методу, воспринятому им от Рикардо. Стоимость не может иметь количественной определенности, не может устанавливать размер цен, величина которых зависит от других факторов, но вовсе не от трудовой стоимости. Поэтому все рассуждения Маркса о регулирующем значении стоимости, о «законе стоимости» основаны на полнейшем непонимании с его стороны действительной сущности его же собственной теории. «Его теория ценности, взятая «в себе», представляет нечто совершенно иное, чем это представляется его собственному сознанию» (стр. 70). Маркс ошибочно привлекает к правильно выводимому им социальному значению стоимости моменты каузального анализа, вследствие чего он окончательно запутывается.

Обнаружив у Маркса все эти противоречия и невязки, Петри восклицает с искренним недоумением: «Просто удивительно, как Маркс, материалистическая точка зрения которого в действительности лишь была позитивистической реакцией против спекулятивных построений Гегеля, мог отстаивать в теории ценности такую метафизику, выходящую за рамки всякого индуктивного знания» (стр. 70). Он считает, что основная ошибка Маркса заключается в сочетании «закона» стоимости с «идеей» стоимости. В то время, как безусловно правильная «идея» стоимости, заключающаяся в социологическом рассмотрении этой категории, остается у Маркса последовательно проведенной; «закон» стоимости, попытка представить ее в качестве «автоматического суб'екта», регулирующего производственную деятельность товаропроизводителей, терпит неизбежное крушение.

И с этой точки зрения «не третий том («Капитала».—Г. Д.) стоит в противоречии к первому, а первый том противоречит третьему» (стр. 71). Ибо в I томе Маркс ошибочно старается всячески приблизить «идею» стоимости к «закону» стоимости, доказать, что стоимость определяет величину товарных цен. В III же томе «Капитала» «идея» стоимости уже не считается больше тождественной «закону» стоимости, а, наоборот, противопоставляется ему. Здесь уже нет более попытки доказать, что от величины стоимости непосредственно зависит размер рыночных цен. Последние отклоняются от стоимости, не регулируются ею. Поэтому, умозаключает Петри, в III томе работы Маркса уничтожается «закон» стоимости, вследствие чего вся его система выступает в ее истинном содержании. «По сути дела, гибель и крушение системы в III томе выступают, наоборот, в качестве ее высшего достижения: своеобразное содержание идей Маркса,—идея ценности и вместе с тем «общественный» исходный пункт,—здесь раскрываются во всей их чистоте» (стр. 70—71).

Разделив теорию стоимости Маркса на «идею» стоимости и «закон» стоимости, Петри через уничтожение последнего осуществил свою задачу, доказал, что «учение Маркса о фетишизме экономических категорий и вытекающее из него возрождение теории трудовой стоимости имеют в конечном счете своим крестным отцом Канта» (стр. 42). Но по сути дела теория стоимости, с которой оперирует Петри, не имеет ничего общего с марксовой теорией стоимости, кроме, разве, наименования. Поэтому-то ему и не удается разрешить основную задачу его работы.

Теория стоимости в понимании Петри теряет всякий реальный смысл, из конкретного экономического явления превращается в «идею» стоимости, лишенную действительного содержания. Это превращение, происходящее со стоимостью в руках нашего автора, обусловливается, главным образом, его исходной методологической установкой. Вместо того, чтобы взять категорию стоимости в том ее виде, который она имеет у самого Маркса, Петри

подошел к ее анализу с предвзятой точкой зрения. Поэтому он невольно занялся ее переработкой на основе разделяемого им риккертовского телеологического метода. Понятно, что в результате подобного исследования Петри не замедлил найти в интерпретируемой теории стоимости искомые элементы телеологизма, которые, в действительности, были им самим же в нее привнесены.

Усвоенная Петри точка зрения сказалась, прежде всего, в его анализе методологии марксизма. Применяемому Марксом методу дуализм, разумеется, не свойствен. Маркса интересует только причинное, генетическое исследование экономических явлений, нахождение их внутренней, причинной связи и взаимообусловленности. Поэтому он и пользуется каузальным методом теоретического анализа. Это не означает, конечно, что Маркса не интересовала социальная сторона экономических понятий. Наоборот, и это совершенно правильно отмечает Петри, Маркса сугубо интересовали социальные отношения, а отнюдь не материально-технические категории. Однако эти социальные отношения он рассматривал, не как какие-то абстрактные отношения людей или «суб'ектов права», а как социальные отношения **производителей**, как общественные отношения производства.

Петри, всецело поглощенный философией Риккерта, не видит, что при изучении социальных явлений можно пользоваться различными методами. Ему представляется, что исследование социальной стороны экономических явлений заключается в их телеологическом анализе. А поэтому он и не видит, что Маркс исследует эту социальную сторону не телеологически, а каузально, рассматривает социальные явления как находящиеся в определенной причинной связи, не только друг с другом, но также и с процессом материального производства.

Из этой основной ошибки Петри вытекают и все последующие. Рассматривая социальную сторону экономических явлений телеологически, а не каузально, он, понятно, не видит тесной причинной связи между социальными моментами теории стоимости и ее производственной основой. В то время, как у Маркса социальное не отрывается от производственного, а им обусловливается; у Петри оно ведет самостоятельное «идеальное» существование. Даже тогда, когда наш автор пытается дать определение производственных отношений, он безнадежно застревает в дебрях идеалистических формулировок, пытается дать этим отношениям идеалистическое толкование. Он считает, что «в общественных отношениях производства находят свое выражение не реально-причинные отношения вещей или людей как об'ектов внешнего мира, а идеальные отношения людей как **суб'ектов**, т.-е. известное взаимное ограничение и отношение их свободных сфер деятельности по отношению друг к другу» (стр. 27). Нечего и говорить, что это определение не только противоречит марксистскому, но и по существу является неправильным. Производственные отношения, возникая в процессе общественного производства, от него не отделимы. Вместе с тем, они являются вполне реальными отношениями, связанными с производственной деятельностью участников этого производства.

Отсюда Петри не может понять и реального характера стоимости, превращает ее в какую-то отвлеченную фикцию, беспредметную «идею» стоимости. Между тем у Маркса стоимость является вполне реальным явлением, играет существенную роль в процессе материального производства, осуществляет его стихийное регулирование. В этом и заключается ее специфическая роль, присущее ей громадное производственное значение. Петри не признает этого регулирующего значения «закона» стоимости. Поэтому по сути дела в результате всех его рассуждений от стоимости остается только одно пустое место, лишенное не только реального, но и познавательного значения. Не понимая роли, принадлежащей категории стои-

мости, как фактору, распределяющему общественный труд между отдельными отраслями его приложения, Петри отказывается от величины стоимости, от ее количественной характеристики. Но на самом деле стоимость представляет собой единство ее качественной и количественной сторон, которые только в своей совокупности образуют эту категорию. Если качественная сторона стоимости заключается в ее социальной характеристике (социальной, разумеется, не в смысле ее оторванности от процесса непосредственного производства) как определенного производственного отношения, то только количество стоимости, ее величина делает возможным сопоставление различных количеств труда всех видов и индивидов, его последующее распределение. Без этого регулирующего значения стоимости вообще, ее количества в частности, не было бы возможно существование товарно-капиталистического производства, участники которого весьма реально ощущают на своей шкуре воздействие стоимости, влияние той или иной ее величины.

Таково в общих чертах содержание любопытной книги Франца Петри. Ее издание на русском языке в сопровождении предисловия В. Познякова и не безынтересного «послесловия» статьи Гильфердинга несомненно принесет свою пользу. Перевод довольно трудного немецкого текста выполнен недурно.

Гр. Деборин.

Ф. И. ШМИТ. Предмет и границы социологического искусствоведения. Ленинград 1928 г. 2-е изд. Стр. 146. Гос. Институт Истории Искусства.

Во 2-м издании своей работы «Предмет и границы социологического искусствоведения» Ф. И. Шмит с редкой настойчивостью продолжает повторять в новой вариации неоднократно им излагавшиеся взгляды на природу искусства и приемы его изучения. В статье «Новая «социология» искусства», посвященный первому изданию книги, мы уже указывали на неприемлемость этих взглядов, пытающихся под маской подлинного марксизма произвести ревизию некоторых основных положений марксистской теории и в области искусствоведения. Во 2-м издании автор постарался в ряде мест сгладить особенно неприемлемые и антимарксистские положения, но он сознательно не изменил их существа. Кроме этих несущественных изменений книга во 2-м издании пополнена двумя большими главами: «Принципы классификации исторических фактов» и «Построение исторического процесса».

Нет надобности подробно разбирать содержание всей работы, отметим лишь наиболее существенное. В упомянутой статье мы уже указывали на то, что Шмит рассматривает искусство не как социальное явление, а как результат работы сознания (художника прежде всего), как смесь психо-физических категорий. Вместе с тем он не может определить искусство, как особую специфическую область деятельности общественного человека, по его мнению, произведения искусства «практически бесполезны», не обладают материально-техническим единством, и значимость искусства заключается лишь в том, что оно обогащает «личный опыт» через эмоционально-образное воздействие. Личный же опыт нужен для борьбы за существование. Вторая задача искусства (и художника) — быть поставщиком «наиболее приспособленных к данному уровню развития общества средств общения и организации общественного сотрудничества» (13). Итак, здесь перед нами эклектическая смесь «вульгарного дарвинизма» и толстовщины, подмена значения искусства, как орудия классовой борьбы — средством общения и сотрудничества. Но, считая искусство средством общения, автор не может отделить его от всех иных средств «обиходного общения» и вынужден создавать некую фикцию «искусства особо квалифицированного», или «особо

интересного». Однако отличие его от средств «обиходного общения» чисто количественное, а не качественное. Таким образом, и здесь спецификума никакого нет. Для автора искусство — это какая - то неясная смесь.

Создание искусства он сводит, в конце концов, к сознанию художников, которое, очевидно, не зависит от психологии общественной группы (или, как говорит Шмит, «публики»), ибо автор считает, что сознание художников обязательно идет впереди сознания общественного («не - художников»).

Метод изучения искусства, предлагаемый автором, представляет из себя невероятную эклектику, которую он, однако, выдает за марксистско-диалектический подход. Для марксиста основным и первым моментом является определение социологического эквивалента в художественном произведении, квалификация искусства, как социальной функции. С помощью добытых данных марксист изучает конкретное многообразие художественных фактов и процессов, выразившееся в определенных формальных приемах, интерпретации сюжета и т. п.

Формалист начинает с формального анализа художественного факта, как самодовлеющего и замкнутого целого. Так поступает и Шмит, для которого значение искусства обусловлено «только самым оформлением», а не «житейскою полезностью». «Основной метод искусствоведения есть метод формального стилистического анализа, а затем уже идет связь полученных в результате этого имманентно - формального анализа данных с «психологическими, рефлексологическими, технологическими, биографическими и социологическими факторами» (стр. 34).

Как видит читатель, факторов этих много, и все они для автора равноценны. Отсюда он делает вывод о неимоверной трудности изучения искусства. Он не может найти определяющего и направляющего момента, не может разобраться в этом взаимодействии. Но вместо того, чтобы честно признать это, он сваливает с больной головы на здоровую и начинает ревизовать основные положения марксизма под маской ортодоксальности. Ревизии Шмита подвергается прежде всего теория базиса и надстроек. Обуреваемый желанием примирить формалистическое искусствоведение с социологическим, он берет на себя эту высокую миссию и начинает с Плеханова. Он заявляет: «Формалистов пугает наиболее часто цитируемая и наиболее поэтому общеизвестная каузально-дуалистическая формулировка этих взаимоотношений (базиса и надстройки.—А. М.), которую дает Плеханов и которая слывет канонически марксистскою в учебниках политграмоты (курсив мой.—А. М.): «В литературе, искусстве, философии и т. д. выражается общественная психология, а характер общественной психологии определяется свойствами тех взаимных отношений, в которых находятся люди, составляющие данное общество. Эти отношения зависят в последнем счете от степени развития производительных сил; каждый значительный шаг в развитии этих сил ведет за собою изменение общественных отношений людей, а вследствие этого перемены, совершающиеся в общественной психологии, непременно отразятся также с большею или меньшею степенью яркости и на литературе, и на искусстве, и на философии и т. д.» (стр. 37). «Такая односторонняя формулировка,— добавляет Шмит,— не может удовлетворить ни в какой мере последовательных социологов марксистов» (!), в доказательство чего цитирует Энгельса — Письма к Блоху (21. IX. 1890) и Штаркенбургу (от 25. I. 1894) (о характере взаимодействия) базиса и надстройки. Но и они не удовлетворяют Шмита, ибо он не понимает марксистского учения о базисе и надстройке, материальном и духовном, как диалектическом единстве, а главное не может совместить это с признанием решающей роли

за экономической основой, ибо если это так, то значит «самостоятельная история искусства вообще невозможна», и искусство в этом случае только иллюстративный материал для историка - социолога. Как в своем определении искусства Шмит не понял его специфики, так и здесь он не может понять, что зависимость идеологии, и в частности искусства, от материальной основы не исключает их специфики, делающей из них не просто иллюстрацию и отражение, а особые формы развития общественного сознания.

По мнению Шмита, закономерности развития искусства мы должны искать в закономерностях развития сознания, которое он об'являет основным моментом производительных сил.

Он утверждает, что «природа произведений искусства... двойственна: они обусловлены: 1) уровнем развития производительных сил—уровнем развития сознания, как основной производительной силы общественного человека, и 2) теми познавательными материалами, которыми питается сознание» (окружающей средой) (стр. 55).

Итак: сознание — это производительные силы и основа всех основ, искусство развивается в зависимости от развития сознания, и «независимо от внешних условий» («нормальный путь»), хотя на развитие искусства воздействует «среда» (отклонения от «нормального пути»); искусство есть одновременно — базис (и, как таковое, оно развивается по законам базиса) и надстройка (развивающаяся по другим законам); формалист исследует «нормальные» и имманентные законы, социолог—воздействие среды и т. д., и т. д. Вот в основном те выводы, к которым пришел автор после всех «ревизий». Здесь и эклектика, и дуализм, и неприкрытая ревизия марксистского искусствоведения, как будто бы «диалектиком» Шмитом, а на самом деле идеалистом, смазывающим общественную роль искусства и его социальную природу и заменяющим марксистское изучение искусства формализмом, слегка завуалированным «социологическими» фразами. Как типичный идеалист, он ищет «вечных законов» искусства (или «красоты»), идеальной схемы, которая не зависела бы ни от чего конкретного, социального. Что дело обстоит именно так, показывают дальнейшие «открытия» Шмита. Клянясь чуть ли не на каждой странице Марксом и диалектикой, он пытается сформулировать свою «диалектическую» же схему развития мирового искусства и мировой истории. По его утверждению, вся мировая история человечества есть борьба «личности и общественности», «история роста неразрывно связанных тезиса — личности и антитезиса — общественности... История смены одного синтеза другим, одной организационной формы человеческого сожительства и сотрудничества другою формою, более совершенною» (стр. 72).

Всякому ясно, что эти очередные вульгаризации автора ничего общего с марксизмом не имеют, как и все его рассуждения о количестве и качестве и др. Все мировое развитие автор представляет в виде 6 циклов, каждый из которых содержит шесть фаз, каждая фаза—шесть секунд. Почему Шмиту полюбилось число шесть — этого мы не знаем, но что оно лишь плод его досужей фантазии — в этом не может быть сомнений. В качестве критерия для установления этих категорий он, подобно Вико (которого теорию подробно излагает, с нею соглашаясь), берет количественный признак. Вот характеристика цикла (Вико), принимаемая Шмитом: «люди начали с того, что были дики и замкнуты в себе, потом об'единились с немногими, потом в гражданских целях образовали множества, начинают ставить себе снова эгоистические цели и, наконец, в большой толпе возвращаются к первобытному одиночеству» (стр. 109). Шесть циклов автора следующие: 1) палеолит, 2) неолит, 3) Египет, Месопотамия, Крит, Индия,

Китай, 4) Финикия, Греция, Рим, 5) Европа и 6) будущее общество. Никакой, конечно, последовательности в этом выборе нет. Вот как, например, охарактеризован европейский цикл, начинающийся с падения Рима: «империя, развитие промышленного капитализма, появление богов универсально-завоевательного типа (!), претендующих на всеобщее признание, постановка проблемы пространства и иллюзионизма в искусстве, дифференциация искусства на общественно значительное искусство агитации и пропаганды и на искусство, как средство наслаждения и развлечения (интимное), расцвет точных наук» (стр. 88).

Такая характеристика, охватывающая и все средневековье, и весь путь капитализма, конечно, ничего не дает.

Внутри цикла развивается 6 фаз. Они во всех циклах принципиально одинаковы. 1-я фаза — варварство и анархия, 2-я — патриархальный быт, 3-я — сословная борьба, 4-я — демократически - вечевая организация, 5-я — империя и 6-я — коммуна. Таким образом, фазы внутри цикла повторяют все шесть циклов. Секунды автор еще и сам как следует не изучил, но думает, что они характеризуются теми же признаками, что и фазы. Такова «арифметика», очень, надо сказать, непрезентабельная, этой схемы. Все развитие заключается в механистическом повторении внутри цикла, фазы и секунды одних и тех же ступеней. По существу здесь, конечно, нет никаких общественных и исторических формаций, есть произвольно созданные «организмы», подобно шпенглеровским «культурам». Рассуждения Шми[т] вообще несколько напоминают Шпенглера. Развитие каждого цикла прер[ы]вается насильственно, извне. Так, неолитические культуры «погибают насил[ь]ственной смертью: приходят откуда-то какие-то дикари», разр[у]шающие эти культуры (стр. 84). У автора нет ни малейшего представлен[ия] о законах общественного развития, об общественной формации, и, конечн[о], напрасно он отождествляет свои суб'ективные и антиисторические домысл[ы] с диалектикой и марксизмом. Циклы он определяет по чисто-внешним пр[и]знакам, часто случайным и не характерным. Так же он поступает и с иску[с]ством.

Так, по его мнению, искусство третьего цикла, в который включают[ся] Египет, Крит и т. д.,— характеризуется натурализмом. Это никоим образо[м] не соответствует действительности, ибо натурализм, как доминанты, в иску[с]ствах этих стран не было. Да и вообще их нельзя подогнать под одну худ[о]жественную категорию.

Искусство 5-го цикла (с 600 г. после Р. Х. и до нашего времени) также не укладывается в его характеристику, ибо ограничить его содержа[]ние пространственностью и иллюзионизмом способен только или челове[к] не знающий абсолютно истории искусства, или извращающий факты в опра[в]дание надуманной схемы.

Построения автора не могут быть обоснованы на конкретном мате[]риале. Они чужды марксизму. В его стремлении к идеальной схеме мы узнае[м] традиции идеалистического искусствоведения, которое искало «вечных законов в развитии искусства и создало теорию цикличности художествен[]ного развития, согласно которой любой цикл развивается по одним и те[м] же законам и проходит один и тот же путь.

В этом отношении Шмит не одинок — он имеет много предшествен[]ников, из которых некоторым нельзя отказать в талантливости, и он н[е] может рассматриваться иначе, как их эпигон, наиболее ясно обнаживши[й] беспочвенность и ненаучность подобных попыток.

Ново здесь только то, что автор пытается примирить эти стары[е] и обветшалые теории идеалистического искусствоведения с некоторым[и]

положениями марксизма, неоднократно и усиленно рекомендуя себя, как марксиста и диалектика.

На этом пути он очень смел и решителен.

Не довольствуясь областью искусства он хочет придать своей убогой схеме универсальный характер. Вот, например, образчик подобных притязаний: «Я хотел бы, все-таки, привести из области обществоведения один пример, который мне кажется чрезвычайно наглядным и убедительным: не ясно ли, что Маркс, если к нему подойти с моим критерием, определяется цифрами V 5′ 6″ (что должно означать 5-й цикл (характеристику которого мы выше приводили), 5-ю фазу и 6-ю секунду.—А. М.), а Ленин V 6′ 1″ (т.-е. 5 цикл, 6 фазу, 1 секунду.—А. М.) и что эти две комбинации цифр с исчерпывающею полнотою (слушайте, слушайте! — А. М.) выражают все то различие, которое имеется между марксизмом и ленинизмом. И не ясно ли, что нам в будущем обещают эти комбинации трех цифр?» (стр. 115; курсив мой.—А. М.). Эти комбинаци трех цифр удивительно хорошо передают характер всех теоретизирований Шмита. Трудно сказать, чего в них больше: профессорской наивности и самомнения, или вульгарности и невежества. Подумать только, вот взял человек и гениально выразил всю суть марксизма и ленинизма в трех цифрах!

Интересно было бы знать, какой комбинацией цифр можно передать мудрость нашего автора, такую «наглядную и убедительную»? Что же касается вопроса о том, что его «комбинации» обещают нам в будущем,— мы даже боимся и гадать: его намерения слишком решительны и всеоб'емлющи.

Нас несколько смущает только заявление автора о том, что ряд работников заняты сейчас «полной проверкой» его блестящих гипотез на фактическом материале, и что эта работа «займет еще много-много лет» (стр. 115—116). Мы думаем, что эти гипотезы прекрасно можно выбросить из обихода и без особых проверок. Зачем же тратить на них «много-много» лет, когда их действительная значимость ясна и без этого. То обстоятельство, что автор прикрывает свои ревизионистские и эклектические выводы марксизмом и диалектикой и часто мечет громы и молнии против формалистов и идеалистов, отнюдь не должно вводить в смущение — такова уж природа всякого ревизионизма.

А. Михайлов.

Б. В. БЕЛЯЕВ-БАШКИРОВ. Статистический метод в психологии и педологии. Краткое руководство для психологов, педологов, педагогов и студентов педагогических вузов. РАНИОН, Институт экспериментальной психологии. Москва 1927. 75 стр.

Автор поставил себе целью дать пособие по применению статистического метода в деле психологического и педологического исследования. Исходя из этого, автор сообщает студенту, психологу, педологу те основные сведения из области математики, которые необходимы при подсчете и упорядочении данных эксперимента. Книга знакомит с графическим изображением математических величин, связанных функциональной зависимостью между собой; знакомит с основными положениями теории вероятностей, со способами обнаружения (в вычислениях) и сравнивания индивидуальных вариаций. Все это сделано добросовестно и может быть полезным в деле вычисления результатов произведенного эксперимента.

Иное приходится сказать о предпосылаемом (гл. I) автором принципиальном взгляде на эксперимент и математически-статистическое измере-

ние полученных результатов. Все дело, по автору, заключается в том, чтобы найти действительные «способы измерения психологических процессов». Этого, по его мнению, недоставало Гербарту, и поэтому его попытка измерять психологические процессы сохранила лишь теоретический и умозрительный характер. Со времени Христиана Вольфа, говорит автор, психологию стали называть «эмпирической». Тем не менее, по существу своему, она не была таковою, так как основным ее методом оставался интроспективный метод, при помощи которого нельзя производить никаких точных измерений. Лишь благодаря Веберу и Фехнеру психология стала наукой, пользующейся экспериментом. Тут понятия эмпиризма и науки явно перепутаны. Можно оставаться на почве эксперимента и быть все же эмпириком, не способным раскрывать закономерность психической жизни; вся работа эмпирика заключается в том, что он идет от частного к частному и неспособен подняться над отдельными частными явлениями. Далее (стр. 6) автор говорит, что Вебер и Фехнер доказали лишь принципиальную возможность психологического эксперимента. Лишь с изобретением (через много десятков лет) специальной аппаратуры, необходимой для экспериментирования, стало возможным распространение эксперимента на всю область психологии. Наивысшего идеала мы достигли, значит, в предшествующие нам десятилетия. А мы, неблагодарные потомки, об'явили кризис психологии именно потому, что дальше эксперимента психология не шла и получалась мозаичная психика. Самодовлеющий эксперимент эмпирической психологии и ограничивающийся изучением частных процессов механизмов физиологический эксперимент лишь укрепляют укоренивший в психологии дуализм. Путь к его преодолению лежит через постулирован целостности единства человеческой психики; это в свою очередь привед к овладению экспериментом и подчинению его целям научно-поставленно изучения психической жизни. Нынешнее же положение таково, что экст римент и математически-статистическое измерение его результатов мог с'есть научно-психологическое раскрытие закономерности целог

М. Байч.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

От правления Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков.

Ко всем товарищам, занимающимся изучением, разработкой, пропагандой марксизма.

Дорогие товарищи!

Уже давно назрела необходимость создания боевого, централизованного, идейно-монолитного широкого об'единения марксистских сил, ставящего своей задачей разработку, пропаганду и защиту диалектического материализма.

В современных условиях борьба за марксизм необычайно усложняется. Обострение классовой борьбы в стране, попытки наступления на социализм со стороны враждебных ему элементов выражаются в различных формах, в частности, в форме обострения идеологической борьбы против господствующей теории пролетариата—диалектического материализма, марксизма, ленинизма.

Мелкобуржуазная, кулацкая, неонародническая идеология, индивидуалистические, суб'ективистские настроения городского мещанства, интеллигенции, вульгарный практицизм, позитивизм и пренебрежение к теории, религиозная проповедь и возрождение сектантства—все это является ярким показателем того, что обострение классовой борьбы в экономике и политике немедленно «отдается» в надстройках и обостряет борьбу на идеологическом фронте.

Выстраивающемуся против нас идеологическому фронту, всем открыто антимарксистским, ревизионистским выступлениям—мы должны противопоставить с п л о ч е н н ы й, б о е в о й, в о и н с т в у ю щ и й м а р к с и с т с к о - л е н и н с к и й ф р о н т.

Всяким шатаниям в области теории, всяким ревизионистским поползновениям в каких бы утонченных формах они ни проявлялись, всяким откровенно-антимарксистским выступлениям «дипломированных лакеев поповщины», всем тем, кто в разных областях науки выполняет «социальный заказ» кулака, работает на потребу нэпмана, антисоветского буржуазного спеца, обывателя, мещанина—нужно дать отпор с точки зрения боевой, подлинно-научной теории марксизма.

В области философии марксизма, на ряду с известным оживлением в открыто идеалистическом или полуидеалистическом лагере, мы имеем теперь значительное ревизионистское течение, словесно прикрывающееся знаменем «защиты диалектического материализма», а на деле по всей линии отвергающее его.

Этот своеобразный современный «бунт на коленях» против диалектического материализма характеризуется: невиданным упрощением и вульгаризацией марксизма, уступками кантианству, позитивизму и эклектике, приближением к социал-демократическому этическому социализму, механистическим извращениям материалистической диалектики, обвинениями по адресу творцов и классиков марксизма в идеализме и гилозоизме, стремлением соединить Маркса с Фрейдом и т. д. и т. п.

В связи с таким положением дел—особое значение получает организация Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков. Это общество образовалось от слияния двух обществ: 1) «Общества Воинствующих Материалистов» и 2) «Общества материалистических друзей Гегелевской диалектики».

Общество Воинствующих Материалистов-Диалектиков заявляет, что целью своей деятельности оно считает выполнение тех задач, которые были намечены В. И. Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма».

Общество ставит своей задачей об'единение всех сил, которые ведут теоретическую и практическую борьбу за марксизм, против ревизионизма, против всяких буржуазных теорий, против идеализма и поповщины в ее грубом или утонченном виде.

Общество ставит своей задачей стать боевой организацией в области теории, в области борьбы с религией, за атеизм, за последовательно-материалистическое миросозерцание.

Ближайшая задача общества состоит сейчас в том, чтобы расширить влияние марксизма в рабочих и партийных массах, подготовить в районах, на крупных предприятиях, в вузах и т. д. кадры активных борцов за диалектический материализм. Общий культурный и политический рост масс, массовое распространение марксистских знаний, общее усиление активности и энергии пролетариата являются основанием для развертывания этой работы.

Перед лицом тех, кто третирует изучение материалистической диалектики как схоластику, а диалектику рассматривает, как второстепенную, несущественную часть марксистского мировоззрения, перед лицом тех, кто возрождает преодоленное Марксом, Энгельсом и Лениным механическое миропонимание, цепляясь за механистические предрассудки современной науки, вопреки диалектическому характеру достижений естествознания; перед лицом тех, кто отрицает значение и роль философии марксизма, как мировоззрения и метода для всех областей знания—Общество Воинствующих Материалистов-Диалектиков заявляет, что *основное* внимание на ближайший период времени оно обратит на борьбу за *материалистическую диалектику* против отвергающего ее ревизионизма.

ОВМД ставит своей задачей осуществлять союз с естествознанием, привлекать к совместной борьбе тех его представителей, которые склоняются к материализму, не боятся его публично и открыто защищать, не боятся совместно с нами выступать в борьбе против реакции, витализма и всяких других видов мракобесия.

Не нужно однако, забывать, что такой союз марксизма с естествознанием будет плодотворен, сможет действительно помогать естествознанию переходить на новые методологические рельсы лишь только в том случае, если он будет находиться под *идейной гегемонией* марксизма, диалектического материализма.

Подлинное преодоление витализма и идеализма в современных условиях возможно не на основе механистического мировоззрения, а только на основе диалектического материализма.

Осуществляя союз с механистом-естественником в борьбе с витализмом, мы не можем и не должны отказываться от критики его с точки зрения последовательного диалектического материализма.

Наконец, ОВМД ставит своей задачей стать *обществом воинствующего атеизма*. Выполняя прямой завет Ленина, старое Общество воинствующих материалистов переводило и изда-

вало боевую, атеистическую литературу XVIII столетия. Вновь об'единенное Общество должно всемерно эту работу продолжать, дополняя ее современной боевой атеистической литературой, организуя всяческую борьбу против религиозного мракобесия, поповщины, во всех ее видах и проявлениях.

Правление ОВМД призывает всех товарищей, занимающихся изучением, разработкой, пропагандой марксизма, разделяющих устав Общества, это обращение и стоящие перед ним задачи, об'единяться на местах в отделения ОВМД и организовывать группы содействия обществу, предварительно связавшись с правлением Общества для получения необходимых указаний и утверждения.

В ближайшее время предполагается созыв всесоюзного совещания отделений и групп содействия ОВМД для оформления организации Общества. Правление просит присылать все корреспонденции и материалы, связанные с работой ОВМД и предстоящим совещанием по следующему адресу:

Москва, Остоженка, 53—Институт Красной Профессуры, Правлению Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков.

Настоящий Устав утвержден Народным Комиссариатом Внутренних Дел.
27 декабря 1928 года.

Наркомвнудел **Вл. Толмачев.**
Нач. Отдела Админадзора НКВД (подпись).

Устав Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД).

I. Общие положения.

§ 1. Общество считает своей основной задачей консолидацию и активизацию всех сил, ведущих теоретическую и практическую борьбу за марксизм против ревизионизма, против буржуазных теорий, против идеализма и поповщины в ее грубом или утонченном виде.

Ближайшей и основной областью деятельности Общества является собственно философия: положительная разработка философских проблем, борьба против всех видов идеализма и позитивизма, а также борьба против современной ревизии диалектического материализма в СССР и за границей.

Общество считает своей задачей также борьбу против извращений ортодоксального диалектического материализма в исторических, экономических, естественных и других науках.

Вся работа Общества ведется под знаком борьбы за культурную революцию, за атеизм, за последовательно-материалистическое мировоззрение, за коммунизм.

§ 2. Работа Общества ведется в следующих направлениях:

Внутри Общества:

а) положительная разработка актуальных, боевых вопросов марксистской философии;
б) обсуждение новейших выступлений представителей антимарксистских течений в СССР и за границей;
в) разработка проблем исторического материализма;
г) обсуждение методологических проблем естествознания.

Вне Общества:

а) борьба с идеализмом в философии и в естественных науках во всех его проявлениях;
б) борьба с извращением и упрощением диалектического материализма;
в) активная пропаганда и популяризация диалектического материализма.

§ 3. Для осуществления указанных выше задач, Общество имеет право:

а) устраивать закрытые и открытые собрания для заслушивания и обсуждения докладов членов Общества;

б) устраивать публичные лекции и диспуты с участием членов Общества и приглашенных лиц;

в) издавать и распространять популярную философскую литературу;

г) организовывать библиотеки;

д) учреждать музеи по своей специальности;

е) с разрешения соответствующих органов Народного Комиссариата по Просвещению учреждать курсы по вопросам своей специальности;

ж) с разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел созывать с'езды и конференции по вопросам своей специальности.

§ 4. С момента регистрации Общества в Народном Комиссариате Внутренних Дел Обществу предоставляется право приобретать необходимое для осуществления его задач, определенных § 2 настоящего Устава, имущество, владеть таковым на основании действующих законов, заключать всякого рода договоры и сделки, отвечающие § 2 Устава, искать и отвечать на суде.

§ 5. Район деятельности Общества определяется территорией РСФСР. Правление Общества находится в г. Москве.

§ 6. Общество имеет печать с надписью: «Общество Воинствующих Материалистов-Диалектиков (ОВМД)».

II. Состав Общества.

§ 7. Общество состоит из членов действительных и сотрудников.

§ 8. Действительными членами Общества могут быть лица, действительно стоящие на точке зрения диалектического материализма, взгляды которых проверены на практике (в устных или печатных выступлениях).

> Примечание. За исключением лиц, лишенных по суду права занятия выборных должностей в общественных организациях (п. 6 ст. 31 У. К. РСФСР), в течение срока, установленного судом.

§ 9. Первыми действительными членами являются нижеследующие члены учредители Общества:

1. Гессен, Борис Михайлович.
2. Губанов, Николай Иванович.
3. Деборин, Абрам Моисеевич.
4. Карев, Николай Афанасьевич.
5. Левит, Соломон Григорьевич.
6. Маньковский, Лев Александрович.
7. Митин, Марк Борисович.
8. Невский, Владимир Иванович.
9. Подволоцкий, Иван Петрович.
10. Разумовский, Исаак Петрович.
11. Стэн, Ян Эрнестович.
12. Ташилин, Иван Григорьевич.
13. Фридлянд, Григорий Самойлович.

§ 10. Лица, вступающие в действительные члены Общества, подают в правление отделения Общества заявление и представляют рекомендации двух членов Общества.

§ 11. Правление отделения Общества, согласно представленным материалам предварительно обсуждает вопрос о возможности принятия отдельных лиц в действительные члены Общества и выносит свое решение на утверждение общего собрания отделения. Утверждение действительных членов производится на общих собраниях отделения открытым голосованием простым большинством голосов.

§ 12. Членами-сотрудниками Общества могут быть лица, отвечающие всем требованиям § 8 Устава, но взгляды которых еще недостаточно проверены на практике (публичные, печатные или устные выступления).

§ 13. Члены-сотрудники утверждаются правлением отделения Общества. В собраниях Общества члены-сотрудники пользуются правом совещательного голоса и не могут быть избираемы в исполнительные и ревизионные органы Общества.

> Примечание. Утверждение перевода членов-сотрудников в действительные члены производится общим собранием в порядке, установленном для приема в члены (§ 11).

§ 14. Члены Общества уплачивают вступительный и ежегодные членские взносы в размерах и в сроки, установленные с'ездом Общества, или распоряди-

тельными собраниями отделений, если это право предоставлено отделениям с'ездом.

§ 15. Правлению Общества или правлениям отделений Общества предоставляется право освобождать от уплаты членских взносов членов, не могущих внести таковых или являющихся активными работниками в Обществе. В остальных случаях за неуплату установленных членских взносов в определенные сроки отдельные члены считаются выбывшими из состава Общества.

§ 16. Действительные члены Общества пользуются следующими правами:

а) правом решающего голоса на всех собраниях и с'ездах Общества;

б) правом избирать и быть выбранным в исполнительные и ревизионные органы Общества;

в) правом пользования на льготных условиях библиотеками, музеями и прочими учреждениями Общества;

г) правом публичного выступления с разрешения правления от имени Общества.

§ 17. Выбытие из числа членов Общества может иметь место либо по личному заявлению выбывающего, либо за неуплату установленных членских взносов, либо по постановлению ¾ наличного состава членов данного отделения по спискам, причем исключение в последнем случае может иметь место лишь при наличии со стороны исключаемого или несоответствий с требованиями, пред'являемыми членам настоящим Уставом, или порочащих Общество поступков, или уголовно-преследуемого деяния.

§ 18. Выбывшие по личному желанию могут быть приняты вновь на общих основаниях. Выбывшие за неуплату членских взносов могут быть зачислены вновь по уплате таковых.

III. Средства Общества.

§ 19. Средства Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков (ОМВД) составляются из:

а) вступительных и ежегодных членских взносов;

б) субсидий правительственных учреждений и общественных организаций;

в) доходов от принадлежащего Обществу имущества;

г) доходов от всей деятельности, предусмотренной § 3 настоящего Устава.

IV. Структура Общества и его управление.

§ 20. Высшим руководящим органом Общества является всероссийский с'езд Общества.

§ 21. Для управления делами Общества, выполнения решений с'ездов избирается на с'езде правление Общества.

§ 22. Организациями Общества на местах являются филиальные отделения, утверждаемые правлением общества.

Правление Общества.

§ 23. Правление Обществ избирается всероссийским с'ездом Общества в количестве 13 человек на период между двумя очередными с'ездами. Для текущей работы правление избирает из своей среды председателя правления, его заместителей, секретаря и казначея.

> Примечание. Впредь до созыва первого всероссийского с'езда общим собранием первых действительных членов Общества избирается временное правление Общества, которому присваиваются все права и обязанности правления Общества.

§ 24. Перевыборы членов правления могут быть произведены и до истечения срока полномочий, путем созыва чрезвычайного с'езда.

§ 25. В круг ведения правления входят:

а) руководство текущей, научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельностью Общества и отделений;

б) заведывание административно-хозяйственной и финансовой деятельностью Общества;

в) сношение от имени Общества со всеми учреждениями, организациями и частными лицами;

г) совершение от имени Общества всяких актов, договоров и обязательств, предусмотренных §§ 3 и 4 настоящего Устава;

д) созыв с'ездов Общества, подготовка к ним докладов, отчетов и проч.;

е) издание правил, инструкций и положений по всем видам деятельности Общества;

ж) прием и увольнение рабочих и служащих и

з) ведение делопроизводства, счетоводства и отчетности.

§ 26. Правление представляет Общество без особой на то доверенности во всех делах и обязательствах Общества, а также в сношениях со всеми учреждениями, организациями и частными лицами.

§ 27. Вся переписка по делам Общества, а также и различного рода обязательства, векселя, чеки и т. п. денежные документы, а равно и доверенности, подписываются председателем правления или его заместителем и скрепляются секретарем или казначеем.

§ 28. Правление должно созываться не реже, чем один раз в месяц.

§ 29. О составе избранного правления и всех происходящих в нем изменениях правление обязано ставить в известность Народный Комиссариат Внутренних Дел.

§ 30. Ежегодно правление Общества обязано представлять отчет о своей деятельности в Народный Комиссариат Внутренних Дел.

Ревизионная комиссия.

§ 31. Ревизионная комиссия Общества избирается всероссийским с'ездом на период между двумя очередными с'ездами в количестве не менее 3 лиц из числа не входящих в состав исполнительного органа Общества.

Примечание. Впредь до созыва I всероссийского с'езда ревизионная комиссия избирается общим собранием первых действительных членов.

§ 32. Ревизионная комиссия проверяет административно-хозяйственную деятельность Общества, денежный отчет и дает свое заключение по существу правильности хранения и расходования средств.

Отделения Общества.

§ 33. Местные филиальные отделения Общества организуются по постановлению правления на основании заявления местной инициативной группы из лиц, отвечающих требованию § 8 Устава, в количестве не менее 7 человек.

§ 34. Отделения на местах действуют на основании настоящего Устава и регистрируются явочным порядком в соответствующих административных органах, отвечающих масштабу деятельности отделения.

§ 35. Отделения работают под руководством правления Общества и подчиняются таковому.

§ 36. Для постоянного руководства работой отделения распорядительным общим собранием членов данного отделения избирается правление местного отделения сроком на один год в количестве не менее 3 человек.

Примечание. В Москве все права и обязанности Московского отделения возлагаются на правление Общества.

§ 37. Отделения Общества должны представлять правлению Общества приходо-расходные сметы, протоколы общих собраний и ежегодные отчеты о своей деятельности с заключением ревизионной комиссии.

§ 38. Все поступления и членские взносы расходуются отделением в пределах сметы, утвержденной правлением.

§ 39. Отделения имеют право, с разрешения правления Общества, иметь свою печать, присвоенную Обществу § 6, с добавлением наименования отделения.

§ 40. Для проверки деятельности отделения Общества и правильности расходования средств отделения распорядительным общим собранием отделения избирается ревизионная комиссия в составе 3 человек сроком на один год.

Группы содействия Обществу.

§ 41. При отделениях Общества, по инициативе самих отделений или же по инициативе общественных, профессиональных и других организаций, могут быть образованы группы содействия Обществу.

§ 42. Участниками групп содействия могут считаться лица, разделяющие общие принципы Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков и желающие подготовить себя теоретически и практически для вступления в Общество.

§ 43. Группы содействия работают всецело под руководством правлений местных отделений.

V. С'езды Общества и общие собрания отделений.

§ 44. Всероссийский с'езд созывается не реже одного раза в 3 года.

§ 45. Всероссийский с'езд Общества созывается правлением Общества с обязательного предварительного разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел.

§ 46. Место с'езда, срок созыва с'езда определяются правлением Общества. С'езд созывается повестками и об'явлениями в печати. С'езд считается состоявшимся при наличии определенного кворума, установленного правлением Общества, о чем сообщается в повестках о с'езде.

§ 47. Всероссийский с'езд имеет целью:

а) рассмотрение отчетов о деятельности Общества и докладов ревизионной комиссии;

б) утверждение сметы расходов, плана работ;

в) утверждение положений и инструкций правлению и ревизионной комиссии;

г) выборы правления и ревизионной комиссии;

д) изменение и дополнение Устава Общества;

е) определение размера членских взносов;

ж) разрешение вопроса о закрытии Общества;

з) заслушивание докладов по своей специальности.

§ 48. Все решения с'езда проводятся открытым голосованием и принимаются простым большинством голосов, за исключением постановлений об изменении и дополнении Устава и о закрытии Общества, для решения которых требуется не менее ⅔ голосов присутствующих. В случае равенства голосов, вопросы считаются отклоненными.

§ 49. По требованию ревизионной комиссии или по заявлению ⅓ членов Общества непосредственно или через отделения, может быть созван внеочередной с'езд, при чем правление Общества должно созвать его в 3-месячный срок.

Собрание отделений.

§ 50. Собрания отделений Общества созываются очередные и распорядительные.

§ 51. Очередные собрания отделений Общества, созываемые для заслушивания и обсуждения научных докладов и вопросов, связанных с текущей деятельностью отделений Общества, являются открытыми.

§ 52. Распорядительные общие собрания созываются не реже одного раза в год.

§ 53. Распорядительные общие собрания отделений созываются как по постановлению правления отделения, так и по требованию ревизионной комиссии или по заявлению не менее ⅓ членов данного отделения.

§ 54. Ведению распорядительных общих собраний отделения подлежат:

а) рассмотрение и утверждение отчета правления отделения и ревизионной комиссии;

б) утверждение плана работ и приходо-расходной сметы отделения;

в) установление размера членских взносов, если это разрешено с'ездом;

г) выборы правления отделения и ревизионной комиссии;

д) утверждение членов и исключение членов данного отделения;

е) обсуждение вопросов о закрытии данного отделения;

ж) обсуждение вопроса об изменении и дополнении Устава Общества;

з) обсуждение вопроса о ликвидации Общества;

и) научные доклады по своей специальности.

§ 55. Все вопросы в общем распорядительном собрании отделения решаются открытым голосованием и принимаются простым большинством голосов, за исключением вопросов, указанных в пп. ж, и, з § 54, для решения которых требуется обязательное большинство ⅔ голосов присутствующих на собрании и утверждение с'езда Общества, по пункту же е § 54 требуется решение ⅔ и утверждение правлением Общества.

VI. Ликвидация Общества.

§ 56. Общество Воинствующих Материалистов - Диалектиков может быть закрываемо как по постановлению с'езда Общества, так и по распоряжению Народного Комиссариата Внутренних Дел.

§ 57. В случае ликвидации Общества, все оставшееся имущество и средства после его ликвидации передаются государственным учреждениям или общественным организациям по указанию Народного Комиссариата Внутренних Дел.

Об'единение зарегистрировано в Народном Комиссариате Внутренних Дел РСФСР и занесено в регистр. за № 22.

Печать. 31 декабря 1928 г.

Нач. Адм. Надзора (подпись).

Программы семинарских занятий кафедры истории и философии естествознания на Физмате I МГУ.

Предисловие.

В 1928/29 учебном году пропаганда марксизма среди студентов и научных работников физмата I МГУ вступила в седьмой год своего развития. За эти более чем шесть лет работа чрезвычайно выросла как в количественном, так и качественном отношении: от одного марксистского кружка с 25 членами до вполне организованной кафедры с лекционным курсом и семинарами числом 17, охватывающими около 500 студентов, и до специальной организации по пропаганде марксизма среди научных работников (гл. образом аспирантов), также с достаточно широким масштабом работы.

Однако одновременно с усилением марксистской пропаганды среди естественников в последнее время усилилось и буржуазное влияние на них. Причиной этого является как обострение политической борьбы, на основе роста социалистических элементов, внутри страны, так и усиление борьбы против нас извне со стороны окружающих нас капиталистических стран.

Первое сказывается вообще в усилении влияния буржуазной идеологии на научных работников и студенчество. Если это усиление враждебной нам идеологии сравнительно редко сказывается в активно-враждебных выступлениях против марксизма или в отрыжках старых, дореволюционных воззрений (антисемитизм и пр.), то оно все же поддерживает то пассивное и безразличное отношение как к практическому строительству социализма, так и к теории марксизма, которое наблюдается еще и теперь у подавляющего числа научных работников и значительной части студенчества естественно-научных вузов, и это затрудняет нашу работу по завоеванию кадровой интеллигенции для социалистического строительства как на идеологическом фронте, так и на фронте индустриализации страны.

К внутреннему влиянию буржуазной идеологии присоединяется и в довольно сильной степени такое же влияние из-за границы. Как до сих пор, так и теперь наша наука о природе слабее заграничной. Мы учимся и должны учиться у иностранной науки. Эта наша зависимость сказывается и в том, что мы посылаем наших и старых и молодых ученых для их усовершенствования за границу, и в той роли, какую играет у нас научная и учебная иностранная литература, и в целом ряде других отношений. От связи с заграницей мы не только не можем отказаться в той или иной степени, но, наоборот, успех нашего социалистического строительства непосредственно зависит от степени и скорости усвоения нами всех положительных успехов науки Запада и Америки. Поэтому мы учились и будем учиться у буржуазной науки.

Но, учась у этой науки, мы вместе с положительными элементами вольно или невольно усваиваем и элементы буржуазной идеологии, которыми пропитано и естествознание. Элементы этой буржуазной идеологии мы встречаем не только в речах, статьях, книгах современных естествоиспытателей, но и в той системе высшего образования, которая имеется на Западе и Америке. Эта система такова, что обеспечивает в полной мере пропитывание естествознания буржуазной идеологией.

Если взять наиболее близко к нам расположенную страну, с которой у нас чрезвычайно сильные научные связи—Германию, то там мы видим следующее: все сколько-нибудь значительные немецкие университеты (а их 23) имеют на физматах, именующихся в Германии обычно философскими факультетами, специальные курсы по истории и философии естествознания. По этим курсам имеются специальные профессуры. Этими профессорами пишутся книги, статьи и с успехом формируется буржуазная точка зрения на основные проблемы естествознания. Материализму вообще нет места в западной школе, но зато расцветает поповщина

и мистицизм. И чем больше мы вступаем в связь с заграницей, тем более мы сталкиваемся с этой фальсификацией науки буржуазными философами от естествознания.

Противостоять этому влиянию мы сможем, если мы с своей стороны будем также поддерживать и развивать научную философию, философию диалектического материализма, распространяя ее на возможно широкий круг студенчества и научных работников. Пропаганда марксизма играет поэтому очень большую роль в противодействии буржуазному влиянию на научных работников и студенчество и является одной из важнейших мер для получения своей. социалистической интеллигенции. От недочетов в постановке работы зависит скорость получения кадров новой интеллигенции, для которой строительство социализма было бы своим кровным делом, а марксизм органически присущим мировоззрением.

К сожалению, не всеми кругами нашей советской и партийной общественности в достаточной мере оценивается важность этой работы. При практическом решении вопроса о дальнейшем развертывании или даже существовании таких органов, как кафедра истории и философии I МГУ, делаются иногда попытки свести эту работу на - нет (как это имело место со стороны РКИ); еще чаще наблюдается безразличное отношение.

Тем не менее, работа по пропаганде марксизма, вызываемая самой жизнью, очень бурно растет, хотя еще и не достигла того масштаба, который имеет пропаганда буржуазной идеологии в высшей школе Запада и Америки. Нынешний учебный год является годом, когда по инициативе агитпропа ЦК ВКП(б) начали создаваться кафедры истории и философии естествознания в провинциальных университетах, наподобие тому, как это уже ряд лет имеет место в I МГУ.

Печатаемые ниже программы, являясь результатом опыта работы в I МГУ, должны пособить организации пропаганды марксизма среди естественников там, где нет еще соответствующего опыта. Программы семинарских занятий делятся на темы общие, т.-е. такие, которые прорабатываются всеми семинарами, и такие, которые прорабатываются только семинарами определенного состава. Эти последние темы названы специальными. хотя они и касаются самых общих вопросов естествознания. Среди специальных тем нет ряда тем, которые имеют место в семинарах I МГУ. Поэтому список тем является далеко не полным. При дальнейшей разработке специальных тем будет увеличено как их число, так, несомненно, подвергнутся дальнейшей переработке и планы тем (в том числе и печатаемых ниже). Однако мы думаем и в том виде, как они печатаются, программы смогут сослужить свою службу далеко за пределами московских вузов. где они уже приобрели известное право гражданства.

Основным недостатком в разработке программ и вообще в пропаганде марксизма среди естественников является скудость марксистской литературы. По целому ряду проблем теории марксизма в применении к естествознанию нет почти никакой литературы. Так, например, даже по наиболее разработанной части марксистской философии—теории познания критика современных гносеологических течений остановилась на Махе. Уже нет почти ничего о А. Пуанкаре, не говоря уже о современных буржуазных философах-естествоиспытателях. Еще меньше литературы по ряду методологических вопросов.

Все это ставит на очередь вопрос о направлении работы марксистов-естественников по определенному плану. Теперешнее же творчество марксистов-естественников распылено, идет кустарно и тем самым не дает нужного эффекта.

Очень желательно, чтобы все товарищи, работающие над проблемами философии и истории естествознания, пособили своим опытом и своей литературной деятельностью дальнейшему совершенствованию печатаемых ниже программ.

Настоящие программы являются плодом коллективной работы предметной комиссии кафедры истории и философии естествознания физмата I МГУ. В работе принимали под общей ответственностью пишущего эти строки следующие товарищи: В. Егоршин, Б. Гессен, И. Сапир, С. Левит, И. Бугаев, Б. Выропаев, С. Яновская, Закгейм, Роцен, Бондаренко, Баммель, Криницкий, Новинский, Урановский, Каганов.

Вопросы, деловые замечания и предложения просят направлять по адресу: Москва, Моховая, 11. Университет, Кафедра Истории и Философии Естествознания.

А. Максимов.

Программы семинарских занятий по курсу: „Введение в историю и философию естествознания“ для студентов IV курса физмата I МГУ на 1928/29 уч. год.

ТЕМА I.

Естествознание, производительные силы и классовая борьба. Основные моменты в истории развития естествознания.

а) Зависимость естествознания от развития производительных сил. Значение потребностей техники в развитии естествознания. Роль орудий исследования в развитии естествознания.

Примеры: История паровой машины и термодинамики. Электротехника и ее взаимоотношение с развитием теории электричества. История астрономии в связи с открытием телескопа. История биологии в связи с открытием микроскопа.

б) Обратное влияние развития естествознания на развитие производительных сил. Понятие о взаимодействии в диалектике. Деление наук на чистые и прикладные. Социальные основы разрыва и антагонизма между прикладными и «чистыми» науками.

Примеры: Открытие радиоактивности, рентгеновых лучей и пр. и медицина. Роль научных лабораторий в правильно организованных производствах (вакуум-техника, химическая промышленность и т. д.).

в) Классовая борьба и естествознание. Роль научных теорий в классовом мировоззрении. Роль философии в естественно-научных теориях. Партийность в философии и естествознании. Влияние классовой борьбы на развитие естествознания.

Задачи науки в советском государстве по борьбе за социалистическое строительство как в области производительных сил, так и в области идеологии (борьба с религией и идеалистической философией).

Примеры: Борьба католической церкви с экспериментальным естествознанием в начале нового времени (Дж. Бруно, Галилей и пр.). Махизм в физике и других науках, витализм в биологии, как идеология враждебных пролетариату классов в области естествознания.

г) Основные моменты в развитии естествознания. Переворот в развитии производительных сил, происшедший с переходом от феодализма к капитализму и влияние его на развитие естествознания. Возникновение эволюционных теорий в естествознании в конце XVIII и начале XIX века. Переворот в науках в конце XIX и. Роль физико-химического метода и влияние развития точных наук на биологию.

ЛИТЕРАТУРА.

Обязательная литература.

1. Энгельс.— Предисловие к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке» (Адоратский—Историч. материализм, или Семковский—Марксистская хрестоматия). 2. Энгельс.—Диалектика природы (Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 37—41, 69—71, 155—166). 3. Энгельс.—Людвиг Фейербах, гл. IV. 4. Энгельс.—Письмо к Штаркенбургу от 25/I—1894 г. (Адоратский—Историч. материализм). 5. Маркс.—Капитал, т. I, гл. V, параграф. 1 (развитие машин). 6. Плеханов.—К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, -Соч., т. VII, стр. 161—170, 189—190, 196—197, 203—207, 215—224), статья о Шуляткове (Соч., т. XVII). 7. Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм, гл. VI, параграф. 4.

Дополнительная литература для докладчика.

1. Максимов. — К вопросу о диалектике в истории естествознания («Под Знаменем Марксизма» 1924 г., №№ 4—5, 6—7). 2. Егоршин.—Естествознание и классовая борьба («Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 6). 3. Васильев.—Очерки по истории естествознания, «Прибой», Л. 1925 г. 4. Лафарг.—Экономика, естествознание, математика (Для физиков, математиков и химиков. Имеется у Семковского: Маркс. хрест.). 5. Даннеман.—История естествознания. «Матезис», 1913 г. 6. Вернадский.—О научном мировоззрении («Вопросы философии и психол.», кн. 65. или Речи и статьи, ч. II). 7. А. Б. Якобсон.—Очерк истории точных наук (особенно стр. 130—187), изд. 1928 г., «Работник Просвещения». 8. Развитие машин, пар. 1 V главы I тома Капитала, с примеч. и комментариями Бессонова. 9. Комаров.—История биологии, из серии «Очерки по истории естествознания». Гиз. 10. Менье.—«История медицины», 1926 г.

ТЕМА II.

Проблема познания.

1. Общая постановка вопроса.

Что такое гносеология. Постановка вопроса о соотношении между познающим суб'ектом и познаваемым об'ектом.

2. Различные направления в теории познания.

А. Рационализм. Источники познания с точки зрения рационализма. Учение о врожденных идеях. Априоризм. Критерий истины. Об'ективный идеализм. Рационализм эпохи просвещения.

Б. Сенсуализм. Источники познания с точки зрения сенсуализма. Два направления в сенсуализме: материалистическое и идеалистическое. Идеализм и материализм. К чему приводит проведение до логического конца идеалистического сенсуализма. Суб'ективный идеализм. Солипсизм. Критерий истины в сенсуализме.

В. Критицизм. Вопрос об источниках познания с точки зрения критицизма. Соотношение между познающим разумом и внешним миром и роль того и другого в процессе познания. Вещь в себе Канта и вопрос о познаваемости внешнего мира. Противоречивость понятия вещи в себе. Априоризм Канта. Учение о причинности. Агностицизм.

Г. Теория познания диалектического материализма. Взаимоотношение между суб'ектом и об'ектом с точки зрения их единства. Реальность и познаваемость внешнего мира. Наивный реализм и диалектический материализм. Диалектический материализм и агностицизм. Критика «вещи в себе» с точки зрения диалектического материализма. Критерий практики. Вопрос о границах познания, как историческая проблема. Абсолютная и относительная истина.

Обязательная литература.

1. Плеханов.—Предисловие к книге Деборина. Соч. т. XVIII, стр. 296 323.
2. Геффдинг.—Учебник истории новой философии, Гиз, 1924 г., стр. 43—141.
3. Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч., изд. 1, т. X, стр. 9 21.
4. Деборин.—Ленин как мыслитель, гл. 1, пар. 1, 2, 3, 4, гл. 2, пар. 1, 2.

Дополнительная литература для докладчика.

Ленин.—Указанное соч., гл. 1, 2, 3. Деборин.—Книга для чтения по истории философии, тт. I и II. Планк.—От относительного к абсолютному. Отд. изд. Тимирязевского исслед. ин-та.

ТЕМА III.

Теория познания современных естествоиспытателей.

1. Усиление идеалистических течений в науке в конце XIX века в связи с усилением общеполитической реакции в капиталистическом обществе. «Кризис», переживаемый естествознанием, в результате его успехов и незнания диалектического материализма естествоиспытателями.

2. Философские построения современных естествоиспытателей: учение Маха, конвенционализм Пуанкаре, энергетика Оствальда, интуиционизм Бергсона, неокантианские и другие течения среди современных естествоиспытателей (философия «альс-об» и т. д.). Религия, мистицизм и естествознание в современном буржуазном обществе.

3. Стихийный материализм естествоиспытателей и диалектический материализм. Преодоление идеализма в естествознании диалектическим материализмом на основе усвоения всех положительных достижений философии и естествознания.

Литература обязательная.

Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм.—Собр. соч., т. X. Энгельс.—Анти-Дюринг, гл. 3 и след. (изд. 1928 г.). Энгельс.—Диалектика природы, гл. 3 и 4. Энгельс.—Л. Фейербах. Плеханов.—Три письма к Богданову,—Соч., т. XVII. Плеханов.—Анри Бергсон,—Соч., т. XVII.

Дополнительная литература для докладчика.

Мах.—Анализ ощущений. Мах.—Популярно-научные очерки. Оствальд.—Натурфилософия. Гуссерль.—Логические исследования. Геффдинг.—Современная философия. стр. 127—167. Ферворн.—Общая физиология и отдельн. статьи его. Асмус.—Адвокат философской интуиции,—«Под Знам. Марксизма»,

№ 3 за 1926 г. Пирсон.—Грамматика науки. Бергсон.—Творческая эволюция. Бергсон.—Материя и память. Берг.—Наука, ее смысл, содержание и классификация. Пуанкаре.—Наука и гипотеза. Эйнштейн.—Геометрия и опыт. Эйнштейн.—Основы теории относительности, гл. 1. Фогараши.—Фикционизм.—«Вестник Комм. Академии» № 23. Кассирер.—Познание и действительность.

Примечание. Из дополнительной литературы прорабатываются отдельные авторы по указанию руководител семинара применительно к составу слушателей.

ТЕМА IV.

Проблема материи.

1. Бытие и мышление. Два основных философских направления: материализм и идеализм.

2. Проблема материи с гносеологической точки зрения и отличие ее от естественно-научной; ошибочность подмены гносеологической проблемы о материи, как об'ективной реальности, естественно-научной проблемой о том или ином строении материи.

3. Проблема материи с точки зрения методологии диалектического материализма; проблема абстрактной материи (материи как таковой) и конкретной материи. Область философии и область естествознания в отношении к проблеме материи. Материя, как философская категория.

4. Прерывность и непрерывность и проблема материи. Эфир и корпускулы. Динамическая и атомистическая точки зрения на материю.

5. Основные формы существования материи: пространство, время, движение. Материя и энергия. Материя и масса. Различные формы движения материи. Органическая и неорганическая материя. Жизнь, чувствительность, мышление. общественное бытие.

Обязательная литература.

1. Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм,—Собр. соч., т. X, г. 1, 2 и 3. 2. Энгельс.—Л. Фейербах, гл. 2. 3. Энгельс.—Анти-Дюринг, г 7, 8 (изд. 1928 г.). 4. Энгельс.—Диалектика природы, стр. 147 и 231,—Маркса и Энгельса, т. II. 5. Деборин.—Ленин как мыслитель, гл. I, §§ 6. Деборин.—Предисловие к избранным сочинениям Дидро. 7. Плеха Седьмое примечание к «Людвигу Фейербаху» Энгельса (Соч., т. VIII).

Дополнительная литература для докладчика.

1. Г. Ми.—Что такое материя,—«Под Знаменем Марксизма», № 1 за (для физиков и химиков). 2. Перрен.—Атомы. Предисловие. Изд. в серии: пробл. естествознания» (для физиков и химиков). 3. Б. Гессен.—Основы принципа относительности, гл. 4. 7 и 8. 4. Максимов.—Современное ес знание и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина,—«Под Знаменем М № 10—11 за 1927 г., гл. 1—4. 5. Франкфурт.—Психофизическая проб. Плеханова,—«Под Знам. Маркс.», № 5—6 за 1926 год (для биологов). 6. П. К. рер.—Общая биология, гл. 2, 3 (для биологов). 7. Геккель.—Мировые з (для биологов).

ТЕМА V.

Формальная и диалектическая логика.

Три ступени познавательной деятельности: а) конкретное, непосредст или чувственное познание, б) рассудочное или формально-логическое (абстр познание) и в) «разумное» или диалектическое (конкретное) познание.

Формальная логика как логика абстрактных понятий, суждений и ключений. Законы формальной логики: тождества, противоречия и исключ третьего.

Недостаточность формально-логических методов мышления. Отриц формально-логической и диалектической точки зрения.

Основной закон диалектической логики, — закон единства противо ностей. Учение диалектического материализма о конкретном понятии. Диа ческая логика как учение о развитии понятий, суждений и умозаключений.

Исторический характер законов мышления.

Логика как метод мышления и как выражение законов действительно

Обязательная литература.

Энгельс.—Анти-Дюринг, гл. 12 и 13. Энгельс.—Диалектика пр стр. 13, 37, 57, 147, 151, 179—183. Предисловие Плеханова к «Л. Фейербах» Эн

Деборин.—Ленин как мыслитель. Ленин.—Еще раз о профсоюзах.—Собр. соч, т. XVIII, ч. 1, стр. 58—62.

Дополнительная литература для докладчика.

Маркс.—Введение к критике политической экономии. Асмус.—Диалектический материализм и логика, стр. 34—60. Топорков. Элементы диалектической логики, стр. 7—51. Карев.—Рецензия на книгу Топоркова,—«Под Знам. Маркс.», № 2 за 1928 г. Луппол.—Ленин и философия, гл. III. Деборин.—Философия и марксизм. Статья «Маркс и Гегель». Деборин. Наши разногласия,—«Летописи Марксизма» № 2. Деборин.—Энгельс и диалектика в биологии.—«Под Знамением Марксизма», № 1—2 за 1926 г.

ТЕМА VI.

Учение о диалектике и диалектика природы.

Метафизика и диалектика. Метафизические представления в области естествознания: в космогонии, геологии, биологии, физике и химии.

Анализ как первая ступень научного исследования. Индукция и дедукция. Метафизика в естествознании и формальная логика. Эмпиризм и его отрицательные стороны.

Проблема развития в неорганическом и органическом мире. Недостаточность формальной логики при описании явлений развития. Эволюционная и диалектическая точка зрения на развитие.

Законы диалектики: переход количества в качество и обратно; развитие путем противоречий; единство противоположностей. Проблема скачка. Категория целого и части и ее значение для естествознания.

Переход материи от простейших форм к сложнейшим как диалектический переход. Синтез. Диалектика как метод, как единство анализа и синтеза.

Диалектика как общее учение о развитии в природе, мышлении и обществе.

Обязательная литература.

1. Энгельс.—Развитие социализма от утопии к науке, гл. II. 2. Энгельс.—Л. Фейербах, гл. 1, 2, 3 и предисловие Плеханова к этой же книге. 3. Энгельс.—Диалектика природы, гл. 1, VII и VIII. 4. Плеханов. Основные вопросы марксизма», гл. 5. 5. Ленин.—К вопросу о диалектике, «Под Зн. Маркс.», № 5—6 за 1925 г. 6. Ленин.—Маркс Энгельс, марксизм. 7. Деборин.—Ленин как мыслитель, гл. II.

Дополнительная литература для докладчика.

1. Максимов.—Ньютон и философия. «Под Знам. маркс.», № 4 за 1927 г., гл. I. 2. Выропаев.—Еще об эмпиризме, «Под Знам. Маркс.», № 11 за 1926 г, гл. I—III. 3. Козо-Полянский. Диалектика в биологии. 4. Деборин. Энгельс и диалектика в биологии, «Под Знам. Маркс.»

ТЕМА VII.

Причинность, случайность и необходимость.

Понятие причинной зависимости. Детерминизм и индетерминизм. Причинность и закономерность.

Случайность и необходимость. Две трактовки случайности: как суб'ективной и об'ективной категории. Случайность и детерминизм. Неравноправность цепей причинных зависимостей. Диалектическая трактовка случайности, как несущественной закономерности.

Динамическая и статистическая закономерность. Роль случайности в статистической закономерности. Случайность и вероятность. Суб'ективная и об'ективная трактовка статистической закономерности. Роль и значение статистического метода в науке. Статистическая и причинная закономерность.

Проблема причинности в современной физике и биологии.

Необходимость, причинность и целесообразность. Детерминизм. и телеология. Целесообразность как специальный случай причинности.

Свобода и необходимость.

Обязательная литература.

Плеханов.—Роль личности в истории,—Соч., т. VIII, стр. 271—306. Энгельс.—Диалектика природы, стр. 195. Энгельс.—Анти-Дюринг, гл. XI. Деборин.—Наши разногласия. гл. 2 и 3 в № 2 журнала «Летописи Марксизма». Тележников.—Статья в № 24 «Вестника Ком. Академии». Гессен.—Механический материализм и современная физика,—«Под Знам. Маркс», № 7—8 за 1928 год.

Дополнительная литература для докладчика.

Для физиков, химиков и математиков.

Лаплас.—Опыт философии теории вероятностей, стр. 7—24. М. Планк.—Физическая закономерность.—«Успехи физических наук», т. VI, вып. 3. Иордан.—Статистика и причинность в современной физике,—«Успехи физических наук», т. VII, вып. 5. Смолуховский.—О понятии случайности и происхождении законов вероятности в физике,—«Успехи физических наук», т. VII, вып. 5. Б. Г.—Предисловие к статьям Эйнштейна и Томсона,—«Под Знам. Маркс.», № 4 за 1927 г.

Для биологов.

Козо-Полянский.—Диалектика в биологии, стр. 49—54. И. Агол.—Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 44—50. А. Деборин.—Энгельс и диалектика в биологии.—«П. З. М.», № 1 за 1926 г., гл. 5. 6. Планк.—Физические очерки. Статья: «Статист. и динамическ. законом.».

ТЕМА VIII.

Механический и диалектический материализм и естествознание.

Механический материализм французских материалистов XVIII века. Вульгарный материализм Бюхнера, Фогта, Молешотта и отношение к нему Маркса и Энгельса. Главные черты ограниченности механического материализма: а) применение масштаба механики к химии, биологии и т. д., б) метафизичность во взглядах на природу и в) идеализм в теории общественного развития.

Точка зрения механического материализма на метод естествознания (умаление значения роли теории и преувеличение роли эмпирии), на взаимоотношение философии и естествознания (отрицание философии и замена ее выводами из естествознания), вульгаризирование теории диалектики (сведение всех видов движения к механическому перемещению, подмена философского понятия м естественно-научным, сведение качества к количеству и суб'ективная тра категории качества, «развязка узлов» и т. д).

Критика механического материализма с точки зрения диалектическог риализма.

Стихийный материализм современных естествоиспытателей и их соз ная философия. Стихийная диалектика и задачи диалектического материал естествознании

Обязательная литература.

1. Энгельс.—Л. Фейербах, гл. II, III. 2. Энгельс.—Диалектика пр стр. 7, 27. 121, 125, 143. 147. 3. Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм,- соч., т. X, стр. 199—203. 4. Ленин.—О значении воинствующего матери т. XX, ч. 2. 5. Деборин.—Энгельс и диалектическое понимание прир «П. З. М.», № 10—11 за 1925 г. 6. Деборин.—Механисты в борьбе с дик кон, «Вестник Ком. Академии», кн. 19. 7. Степанов.—Исторический матер и современное естествознание. 8. Степанов.—Диалектическое понимание ды—механическ. понимание,—«П. З. М.». № 3 за 1925 г. 9. Степанов.—Д тический материализм и деборинская школа. Вводная статья.

Дополнительная литература для докладчика.

1. Максимов.—Об источниках и результатах упрощенства естес ния,—«П. З. М.», № 1—2 за 1926 г. 2. Максимов.—О задачах марксизма сти естествознания,—«Молодая Гвардия», № 9 за 1926 г. 3. Гессен.—Механи материализм и современная физика,—«П. З. М.», № 7—8 за 1928 г. 4. Егор К вопросу о политике марксизма в области естествознания,—«П. З. М.», № 1926 г. 5. Фишер.—Витализм и патология. 6. Столяров.—Диалекти материализм и механисты. 1928 г. 7. Карев.—К итогам и перспективам с механистами,—«П. З. М.», № 4 за 1928 г. 8. Самойлов.—Диалектика п и естествознание,—«П. З. М.», № 4 и 5 за 1926 г.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ.

Темы для математиков.

1. Математика и логика.

I. Недостаточность формальной логики в математике. Логистика и вс ния Пуанкаре против нее. Принцип полной математической индукции.

II. Парадоксы теории множеств. Критика закона исключенного тр Отрицание в математике.

III. Формализм и интуиционизм в современной постановке проблемы обоснования математики. «Содержательная математика» Вейля и Брауера. Математическая логика и метаматематика Гильберта.

IV. Роль диалектической логики в математике. Реальное отрицание и принцип единства противоположностей. Проблема конкретизации понятия в математике. Метаматематические абстракции и действительность. Диалектические моменты эволюции математических понятий.

Литература.

П у а н к а р е.—Наука и метод, гл. III и IV. П у а н к а р е.—Последние мысли.—«Новые идеи в математике», сб. № 10. Полемика между Пуанкаре и Кутюра. К у т ю р а.—Философские принципы математики (особенно статья о Канте). Х и н ч и н.—Статья в № 16 «Вестника Коммун. Академии» (борьба за предмет в современной математике). R u s s e l.—Einführung in die mathematische Philosophie. A. F r a e n k e l.—Zehn Vorlesungen über Grundlegung der Mengenlehre, стр. 20—57. O. B e c k e r.—Mathematische Existenz, § 4, a) Die Leugnung des Satzes vom ausgéschlossenem Dritten, стр. 54—63, § 1. Der gegenwärtige Streit um die Grundlegung der Mathematik, стр. 5—21. Э н г е л ь с.—Анти Дюринг, гл. III. Э н г е л ь с.—Диалектика природы, стр. 13, 37, 53, 55, 83, 135, 141, 147, 153, 179, 183, 199 (абстрактное и конкретное), 201, 205, 209, 215.

2. Э в о л ю ц и я о с н о в н ы х п о н я т и й и а к с и о м г е о м е т р и и.

I. Элементарная геометрия греков. Ее конструктивный характер. Проблема «существования» в греческой математике. Ее решение в после-Платоновскую эпоху. Взаимоотношение между геометрией и арифметикой у греков.

II. Аналитическая геометрия Декарта и Ферма. Новая постановка проблемы «существования». Арифметизация геометрии.

III. Проективная геометрия как один из видов реального отрицания геометрии Евклида. Эволюция понятия «пересечения», «точки», «прямой». Основные новые понятия и законы проективной геометрии. Проективная геометрия как г е о м е т р и я п о л о ж е н и я, а не м е р ы.

IV. Не-Евклидова геометрия Лобачевского-Болиаи как другой вид реального отрицания геометрии Евклида. V постулат и его отрицание. Евклидова геометрия как частный случай не-Евклидовой и «сведение» Клейном не-Евклидовой геометрии к Евклидовой как иллюстрация принципа взаимного проникновения противоположностей.

V. Формализм и конвенционализм в современной постановке проблемы обоснования геометрии. «Основания геометрии» Гильберта. Геометрия и опыт с точки зрения Маха, Пуанкаре, Эйнштейна.

VI. Современная геометрия как ц е л о е (с точки зрения диалектического материализма), как е д и н с т в о п р о т и в о п о л о ж н о с т е й. Необходимость синтетического подхода к современной геометрии, выявления ее истинно-конкретного характера, дающего возможность все лучшего и лучшего отображения, при помощи геометрических абстракций, реальной действительности. «Собственная логика» и связанные с ней абстрактные моменты диалектической эволюции понятий в математике.

Литература.

С. А. Б о г о м о л о в.—Эволюция геометрической мысли. С. А. Б о г о м о л о в.—Основания геометрии. В. Ф. К а г а н.—Основания геометрии, т. II. В. Ф. К а г а н.—Теоретическое обоснование современной математики (словарь Граната). У с п е н с к и й.—Введение в не-Евклидову геометрию Лобачевского-Болиаи. P. B o u t r o u x.—Das Wissenchaftsideal der Mathematiker.

3. Э в о л ю ц и я п о н я т и я ч и с л а.

I. Целое число у греков и дробь у египтян. Открытие иррациональности пифагорейцами. Отказ от эволюции в понятии числа в школе Евклида.

II. Потребности практики и введение сначала дробного, а затем и иррационального числа.

III. История введения отрицательных и мнимых чисел в математику.

IV. Проблема обоснования иррациональности в математике. Точка зрения Кронекера и Дедекинда.

V. Современное изложение эволюции понятия числа: от натурального до комплексного. Кватернионы и векторы.

VI. Диалектические моменты в эволюции понятия числа. Проблема взаимоотношения родового и видового понятия: а) с точки зрения формальной логики, б) в логике диалектической—на примере эволюции понятия числа. Вопрос о конкретизации понятия числа в его эволюции.

Литература.

Hensel.—Zahl und Gestalt dei Plato u. Aristoteles. Kronecker.—Ueber den Zahlbegriff. G. Stammler.—Der Zahlbegriff seit Gauss. Natorp.—Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. М. Выгодский.—Статья в № 1 журн. «Естествознание и марксизм». Ф. Клейн.—Вопросы элементарной и высшей математики, гл. I—V. Дедекинд.—Непрерывность и иррациональные числа. Кэджори.—История элементарной математики.

Темы для физиков и химиков.

ТЕМА I.

Пространство и время.

1. Материя и движение. Абсолютное и относительное движение. Роль системы отсчета. Концепция пространства и времени в классической физике.

2. Критика Ньютоновой концепции пространства и времени. Синтез пространства и времени и устранение относительности, роль инвариантов.

3. Пространство, время и материя. Классическая механика и теория относительности. Теория относительности и философский релятивизм. Эфир и материя в теории относительности. Теория относительности и геометризация физики.

Литература.

1 Планк.—От относительного к абсолютному. 2. Пуанкаре.—Новая механика. 3. Мах.—Механика, гл. 2, §§ 3—10. 4. Эйнштейн.—Эфир и принцип относительности. 5. Эйнштейн.—Геометрия и опыт. 6. Эддингтон.—Пространство, время, тяготение. 7. Тимирязев.—Статьи о принципе относительности в сборнике «Естествознание и диалектический материализм». 8. Гессен.—Основные идеи теории относительности.

ТЕМА II.

Строение материи.

1. Прерывность и непрерывность в вопросе о строении материи. Ато электроны и эфир. Взаимоотношение эфира и корпускул в классической физ (XIX в.). Новейший этап атомистики—электронная теория. Особенности элект ной теории по сравнению с классической атомистикой XIX века.

2. Атомизм материи и атомизм энергии. Электроны и кванты. Микрокос и макрокосмос во взаимоотношении их закономерностей.

3. Прерывность и непрерывность строения материи в современной физ Квантовая и волновая механика. Их связь и различие. Начало принципиаль наблюдаемости. Статистическая и динамическая закономерность в квантовой ме нике.

Литература, кроме пособий к теме 7.

1. Планк.—Физические очерки. 2. Томсон.—Материя, энергия, э 3. Максвелл.—Речи и статьи. 4. Jordan.—«Charakter der Quantenphysik журн. «Die Naturwissenschaften», № 41 за 1928 г. 5. H. Weyl.—Was ist die Mat 6. Plank.—Realitet der Lichtsquanten,—«Die Naturwissenschaften», № 26 за 192 7. Н. Бор.—Атомная теория и механика,—журн. «Успехи физических наук», т. в. 2. 8. Boltzmann.—Ueber die Unentbehrlickeit der Atomistik», в сбор «Populäre Schriften».

ТЕМА III.

Периодическая система элементов и проблема единс материи.

Установление индивидуальности химических элементов и точных атом весов. Естественные группы элементов галоидов, щелочных и щелочно-земель металлов и пр.—как предшественники периодической системы. Вопрос об един происхождения всех элементов. Гипотеза Пру.

Открытие периодической системы элементов Л. Мейером и Менделее Взгляды Менделеева на взаимную превращаемость элементов и проблему пе материи.

История периодической системы элементов после открытия явлений ра активности и установления теории строения атома.

Вопрос о единстве и конкретности материи на основе истории период ской системы. Проблема первоматерии и «материи как таковой». Физика и х их отношении к проблеме периодической системы элементов.

Литература.

1. Энгельс.—Диалектика природы, стр. 147. 227. 2. Тильден.—Химические элементы, 1911 г. 3. Ладенбург.—История развития химии. 1917 г., лекции 6 и 15. Там же Вальден - Очерк ист. химии в России, стр. 550—574. 4. Менделеев.—Периодическ. закон, в «Клас. ест-ния» № 15. 5. Коновалов.—Период. сист. элем. Д. Менделеева, во II томе «Основ химии» Менделеева (последнее издание). 6. Менделеев.—Основы химии (нов. изд., особенно полезен II т. Для докладчика необходимо просмотреть лишь места, относящиеся к вопросу о периодической сист. и к проблеме материи).

Темы для биологов.

ТЕМА I.

Проблема происхождения жизни и синтез живого вещества.

I. Единство органической и неорганической природы. Механистические и виталистические уклонения в понимании этого единства. Жизнь как качественно своеобразная форма развития материи.

II. Вопрос о происхождении жизни. Теории зарождения живого вещества (вечность жизни, самозарождение, монеры и батибии Геккеля, панспермия Аррениуса; теория Прейера, Пфлюгера и др.). Происхождение жизни как длительный исторический процесс.

III. Синтез живого вещества (история и современное состояние вопроса)

а) возникновение и эволюция биогенных элементов,

б) современные данные о синтезе и строении белков.

IV. Органические вещества, организованная материя и организм.

Структура органического и организованного вещества (мицелярное строение, коллоидное состояние). Коллоиды и организм. Специфичность живого организма. Организм как целостность. Проблема качества в органическом и неорганическом мире.

Литература.

1. Слепков.—Биология и марксизм, гл. III и IV. 2. Агол.—Витализм, механический материализм и марксизм, стр. 42 - 88, 208 - 209. 3. Дюкло. Химия живого вещества, гл. VII. 4. Леб.- Организм как целое с физ.-хим. точек зрения гл. II. 5. Шорыгин.—Успехи органической химии, изд. 1928 г., стр. 237 (строение белков). 6. Успехи биологической химии, вып. II (1925 г.), стр. 67. Иванов О циклич. соед. в белковой молекуле. 7. Успехи биологической химии, вып. III (1926 г.). Лондон.—Эволюция мертвой и живой материи, парагр. 3, стр 14. 8. Геккель.—Мировые загадки, гл. XIV (первые 4 параграфа). 9. Энгельс Диалектика природы,—Архив. М. и Э., т. II. стр. 41 - 43, 45 - 51. 10. Сборник «Дарвинизм и марксизм» (Гиз Украины, 1925 г.). Статья Дине - Динеса, стр. 278 («Марксизм и новые веянья в естествознании»).

ТЕМА II.

Витализм и механизм.

1. Исторические корни витализма.

Учение Аристотеля об энтелехии. Спиритуализм Парацельса и Ван-Гельмонта. Месмеризм. Анимизм Сталя. Обоснование учения о жизненной силе.

2. Исторические корни механизма.

Ятрофизики и ятрохимики XVII века. Животное-машина Декарта. Человек-машина Ламетри. Развитие физико-химического метода в физиологии: Ломоносов, Лавуазье и Мюллер и его школа. Синтез органических веществ (Вёлер).

3. Зарождение неовитализма.

Проблема сведения жизни к физико-химическим законам. Проблема единства и целостности организма. Явление регенерации. Детерминизм и телеология в биологии. Энтелехия Дриша. доминанты Рейнке. Системы импульсов Икскуля, душа атомов Коха. Идеалистическая сущность витализма.

4. Односторонность механизма и слабость его позиции в борьбе с витализмом.

Недостаточность понятия «машина» для об'яснения жизненных явлений. Жизнь как новое качество и своеобразие его закономерностей. Невозможность об'яснения перехода от неживого к живому для механич. (метафиз.) материализма. Идеализм как неизбежное дополнение механического материализма.

5. Преодоление витализма и механизма диалектическим материализм.

Проблема сведения к ф.-хим. законам с точки зрения диалектического материализма. Тождество и различие живого и неживого. Анализ и синтез в биологии. Жизнь и сознание с точки зрения диалектического материализма (ошибка Коха, Дриша и др.). Ателеология жизненных явлений. Целепротивные регенерации; целепротивные жизненные явления в области патологии. Целесообразность реакции и органич. форм с точки зрения диалектического материализма.

Литература.

Дриш.—Витализм, его история и система. Б. Фишер.—Витализм и патология (Первые главы о витализме и патологии). Агол.—Неовитализм и марксизм (Сб. Витализм, механический материализм и марксизм, Гиз, 1928 г.). Слепков.—Биология и марксизм, гл. 3. Витализм и механизм Сборник «Сущность жизни» под ред. В. А. Фаусека, изд. Брокгауз и Эфрон. 1903 г.). Леб.—Организм как целое с физико-химической точки зрения. Леб.—Жизнь, статья в сб. «Философия науки» под редакцией Завадовского. Даннеман.—Краткий курс истории естествознания. Сборник «Новые идеи в биологии» сб. № 1.

ТЕМА III.

Эволюционные теории.

1. Развитие эволюционых идей до Ламарка и Дарвина.

Идеи трансформизма у греков (Анаксимандр, Эмпедокл, Лукреций, Аристотель).

Проблема классификации. Постоянство видов. Лестница видов (Аристотель, Линней, Кювье). Теории морского происхождения органического мира (Окен).

Теории типов, принцип соотношения частей (Кювье).

Этьен Жофруа-Сент-Иллер. Идеи единства плана строения животных.

Проблема метаморфоза (Гете).

Вопросы происхождения и развития индивида. Преформизм и эпигенез.

2. Ламаркизм и дарвинизм.

1. Факторы и принципы эволюции у Ламарка.
2. Изменчивость и наследственность как факторы эволюции у Дарвина; их характеристика и соотношение.
3. Естественный отбор как фактор эволюции.
4. Подтверждение эволюции с точки зрения эмбриологии, сравнительной анатомии и палеонтологии.
5. Окраска, мимикрия и инстинкт с точки зрения естественного отбора.
6. Проблема вида и классификации.

3. Методология ламаркизма и дарвинизма.

1. Проблема случайности и необходимости.
2. Понятия причинности в ламаркизме и дарвинизме.
3. Проблема телеологии.

4. Основные современные антидарвинистические течения.

1. Механоламаркизм, психоламаркизм.
2. Авто-орто-номогенез (Бер, Эймер, Кёлликер, Берг).

5. Эволюционые теории как идеологии.

1. Черты механического материализма в ламаркизме и механоламаркизме.
2. Идеализм в эволюционных теориях.
3. Дарвинизм и диалектический материализм.
4. Границы приложения дарвинизма как метода. Дарвинизм и исторический материализм.

Литература.

1. Энгельс.—Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. 2. К. Тимирязев—Чарльз Дарвин и его учение. 3. Комаров.—Ламарк. 4. Деборин.—Энгельс и диалектика в биологии,—«Под Знаменем Марксизма», №№ 1—2, 3, 1926 г. 5. Агол.—Диалектический метод и эволюционная теория, гл. 1, 2 и 4.

Для докладчика дополнительно.

1. Энгельс.—Диалектика природы. 2. Деборин.—Очерки по теории материалистической диалектики,—«Под Знаменем Марксизма», № 11 за 1926 г. 4. Филипченко.—Эволюционные идеи в биологии. 5. Козо-Полянский.—Послед-

нее слово антидарвинизма. 6. Холодковский. — Биологические очерки 7. Вейсман.—Лекции по эволюционной теории, гл. 5 и 8. 8. Слепков.—Биология и марксизм, гл. 1 и 2.

ТЕМА IV.

Теория преформизма и эпигенеза в биологии.

I. Историческая часть.

а) Преформизм и эпигенез как теории формообразовательного процесса в онтогенезе. Понятие эволюции, «преформации» и «префеленсации» в XVII и XVIII вв. (Мальпигий, Сваммердамм, Спалланцани и пр.).

б) Открытие сперматозоида и раскол преформистов: овисты и сперматисты-анималькулисты. Вырождение преформизма в скатулиционную теорию. Систематик преформизма Галлер и его теоретик Боннс.

в) Эпигенез как теория индивидуального развития, признающая новообразование. Эпигенетики, предшественники и современники Вольфа—Нитгем, Мопертюи и пр. Теоретики эпигенеза К. Ф. Вольф. «Существенная сила», ее характеристика. Воззрение Бюффона и французских материалистов. Значение эпигенеза XVIII века

г) Открытие клетки и его влияние на теории развития. Учение об оплодотворении. Основные теории развития XIX в. (Дарвин, Спенсер, Вейсман, Гааке). Законы Менделя и современная генетика. Природа наследственных факторов—генов. Соматическая параллельная индукция. Понятия «фенотип» и «генотип». Генетика и евгеника. Панмиксия, влияние условий. стерилизация отягощенных наследственностей. Новый смысл понятий преформизма и эпигенеза. Преформированный эпигенез как вывод, к которому стихийно приходит наука XIX в. (Оскар Гертвиг, Ру и др.).

II. Методологическая часть.

Преформизм и категория количества. Количественный рост и качественное многообразие. Статичность преформационных представлений. Отсутствие «становления» в преформизме.

Преформизм как механическая теория формообразовательного процесса. Недостаточность категории «сила», выдвинутой эпигенезом. Формальный характер категории «основания» и эпигенезе. Отсутствие проблем «осуществления» в теории развития XVII и XVIII веков. Абсолютный, метафизический характер этих теорий. Не дуализм, а единый принцип преформированного эпигенеза, требуемый диалектическим материализмом. Метафизическое представление о природе генов у современных генетиков (Морган, Филипченко) Биологии и общественные науки. Евгеника и задача пролетариата.

Литература обязательная.

1. Г. Ми. — Жизнь и ее проявления, Ломоносовск. библ., гл. XVI 2. Адольф Гейльборн.—История развития человека. изд. «Земля и Фабр.», 1925 г., гл. 1. 3. Э. Конклин.—Наследственность и среда, стр. 59—62, 75—104, 187—204, 221—224. 4. Агол.—Диалект. метод. и эволюц. теор., гл. IV и V. 5. М. Волоцкой.—Спорные вопросы евгеники,—«Вести. Комакад.» № 20.

Дополнительная для докладчика.

1. П. Новиков.—Теории эпигенеза в биологии, стр. 5—61. 2. В. Слепков.—Евгеника.

Содержание журнала „Под Знаменем Марксизма“ за 1928 год.

И. Агол.—Неовитализм и марксизм (№ 3, стр. 202)

И. Альтер.—Теория пролетарской революции Каутского (№ 4, стр. 30).

Его же.—Роза Люксембург о пролетарской революции (№ 7—8, стр. 172).

В. Асмус.—Памяти А. Я. Троицкого (№ 4, стр. 195).

Его же.—Л. И. Аксельрод и философия (№ 9—10, стр. 36).

Его же.—Общая и трансцендентальная логика Канта (№ 11, стр. 130).

З. Атлас.—Роль кредита и границы кредитной экспансии при капитализме (№ 2, стр. 118; № 3, стр. 127).

Его же.—Монополистический капитализм и политическая экономия (К вопросу об исторических корнях современной экономии) (№ 12, стр. 78).

Гр. Баммель.—Еще раз о последнем выступлении механистов (По поводу книги «Диалектика в природе», сб. 3. Изд. Гос. Тимирязевского Научно-Исследовательского Института, Вологда 1928) (№ 5, стр. 179).

Его же.—Памяти Иосифа Дицгена (К столетию со дня рождения) (№ 12, стр. 5).

Я. Берзтыс.—Очерки по теории советского хозяйства. Статья II. Диалектика развития производительных сил (№ 1, стр. 94).

Его же.—Очерки по теории советского хозяйства. Статья III. Стадии развития коммунизма (№ 7—8, стр. 64).

В. Богданов.—К вопросу о закономерности исторического развития капитализма (Критика теории больших циклов проф. Кондратьева) (№ 6, стр. 80).

Влад. Бонч-Бруевич.—Первые встречи с Г. В. Плехановым (№ 5 стр. 163).

В. Боровский.—О бихэвиоризме и материализме (№ 7—8, стр. 207).

Ф. Бородулин.—Кризис современной медицины (№ 7—8, стр. 217).

И. Бутаев.—Математика в диалектическом анализе в «Капитале» Маркса (Заметки) (№ 9—10, стр. 132).

Его же.—О методологии изучения мирового хозяйства (№ 12, стр. 137).

А. Воден.—Г. В. Плеханов как историк литературы (№ 5, стр. 129).

Рудольф Гаус.—Социал-демократия и военный вопрос (№ 3, стр. 167

Б. Гессен.—Механический материализм и современная физика (№ 7—[illegible] стр. 5).

С. Гиммельфарб.—К вопросу о месте денежного мате[illegible]ала в схема воспроизводства Маркса (№ 5, стр. 199).

В. Голосов.—Был ли Чернышевский социалистом-утопистом? (№ 1 стр. 75).

Н. Гредескул.—Быть ли естествознанию механическим или стать диале[illegible]тическим? (№ 1, стр. 173).

В. Гриб.—Диалектика и логика как научная методология (По пово[illegible] статьи тов. Перлина) (№ 6, стр. 183).

Г. Дашевский.—Номинализм и проблема ценности денег (№ 4, стр. 93).

А. Деборин.—Ревизионизм под маской ортодоксии (№ 1, стр. 5).

Гр. Деборин.—Плеханов как экономист (№ 5, стр. 103).

Г. Дмитриев.—Еще раз о парадоксе Зенона «Ахиллес и черепаха» и путанице В. Фридмана (№ 4, стр. 169).

И. Дукор.—Рефлексология и искусство (По поводу книги А. Иванова «Искусство. Опыт социально-рефлексологического анализа». Изд. Пролеткульта. 1927) (№ 6, стр. 171).

Л. Дунаевский.—Учение Маркса о ссудном капитале (№ 11, стр. 176).

Мих. Дынник.—Категория случайности в понимании Плеханова (№ 5, стр. 46).

В. Егоршин.—Диалектика у Ленина и народники (В свете современных споров вокруг диалектики) (№ 1, стр. 45)

Г. Зайдель.—К восьмидесятилетию «Коммунистического Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса (№ 2, стр. 5).

Я. Захер.—Жан Варле в эпоху термидорианской реакции (№ 6, стр. 157)

Его же.—Социальные взгляды «бешеных» (№ 9—10, стр. 151).

Его же.—Жак Ру до падения Жиронды (№ 12, стр. 160).

Н. Звенигородцев.—Гегель и современные неогегельянцы (№ 6, стр. 32).

Л. Зивельчинская.—Конгресс по эстетике и искусствознанию (Галле, 7—9 июня 1927 г.) (№ 2, стр. 162).

Ее же.—Социологическое обоснование эстетики (№ 4, стр. 115).

Ее же.—Эстетика Плеханова (№ 5. стр. 123).

Ее же.—Эстетическое воззрение Чернышевского (№ 11, стр. 113).

А. Зонин.—К вопросу о социальных мотивах творчества Л. Н. Толстого (№ 9—10, стр. 164).

Ник. Карев.—К итогам и перспективам споров с механистами (По поводу третьего сборника «Диалектика в природе») (№ 4, стр. 5).

Его же.—Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму (№ 9—10, стр. 16).

Д. Квитко.—Толстовство как мировоззрение (№ 9—10. стр. 187).

В. Кирпотин.—Тактика Плеханова в революции 1905 г. (№ 5, стр. 136).

Его же.—Публицистическая деятельность Антоновича до ареста Чернышевского (Из истории русской общественной мысли) (№ 7—8, стр. 192).

Его же.—Чернышевский и диалектика (№ 11, стр. 36).

Коренные вопросы диалектического материализма (Отчет о диспуте в театре им. Мейерхольда 19 декабря 1927 г.) (№ 1, стр. 207).

Ст. Кривцов.—Памяти А. А. Богданова (№ 4, стр. 179).

Его же.—И. И. Скворцов-Степанов (1870—1928) (№ 11, стр. 123).

М. Лахтин.—Новые пути в психопатологии (К истории развития души) (№ 1, стр. 153).

С. Легезо.—Количественная теория денег (Опыт методологической критики) (№ 6, стр. 99).

Ш. Лиф.—К спорам о характере сложного труда (№ 7—8, стр. 150).

И. Луппол.—Человек единой цели (№ 4, стр. 187).

Э. Лурье.—Младо-гегельянцы и Фейербах (№ 3, стр. 72).

Роза Люксембург.—Разбитые надежды (№ 2, стр. 57).

И. Марков.—Марксова теория кредита в «обработке» Гильфердинга (№ 9—10, стр. 101).

А. Михайлов.—К вопросу об эстетической теории Чернышевского (№ 11, стр. 103).

С. Моложавый.—Диалектика в педологии (№ 9—10, стр. 229).

А. Молок.—Андре Лео (Из истории революционно-социалистической публицистики Парижской Коммуны 1871 года) (№ 6, стр. 133).

А. Нифонтов.—К вопросу об исторических взглядах Н. Г. Чернышевского (№ 11, стр. 53).

М. Окунь.—Механистические комментарии к диалектической критике (№ 7—8, стр. 48).

И. Орлов.—Об об'ективном изучении синтетической деятельности мозга (№ 12, стр. 179).

А. Паннекук.—Философские основы ревизионизма (№ 2, стр. 65).

Его же.—Первый отпор ревизионизму (№ 2, стр. 81).

П. Панкевич.—Историко-социологические взгляды Н. А. Добролюбова (№ 12, стр. 54).

Г. В. Плеханов.—Гром не из тучи (Письмо в редакцию «(В)») (№ 5, стр. 5).

В. Позняков.—О законе ценности, хлебе и методологии (№ 1, стр. 131).

Его же.—О первоначальном накоплении (К вопросу о методологической постановке проблемы первоначального социалистического накопления). Статья вторая (№ 4, стр. 72).

И. Разумовский.—Г. В. Плеханов и исторический материализм (№ 5, стр. 26).

И. Рубин.—К вопросу об общественном и абстрактном труде (Ответ на критику С. Шабса) (№ 3, стр. 99).

А. Серебровский.—Проблема гена (№ 9—10, стр. 215).

М. Спектатор.—Теория кризисов Маркса (№ 2, стр. 91).

Л. Спокойный.—Проблема свободы и необходимости у Плеха (№ 5, стр. 72).

Ю. Стеклов.—Был ли Н. Г. Чернышевский утопистом? (№ 1, стр. № 2, стр. 39).

Его же.—Этическая система Чернышевского (№ 3, стр. 5).

Ю. Франкфурт.—Плеханов и классовая психология (№ 5, стр. 82).

Его же.—Учение Б. М. Бехтерева и марксизм (№ 6, стр. 48).

Ц. Фридлянд.—Два шага назад (О книге проф. Д. М. Петрушевс «Очерки из экономической истории средневековой Европы») (№ 2, стр. 147).

Его же.—Воинствующий историк-марксист (1866—К шестидесятилети дня рождения М. Н. Покровского—1928) (№ 9—10, стр. 5).

В. Фридман.—Ответ на «Несколько замечаний» по поводу книги Е Фридмана «Возможно ли движение?» в связи с апорией Зенона «Ахиллес и ч паха» (№ 4, стр. 164).

М. Фурщик.—Каутский и диалектический материализм (№ 9—10, стр.

Его же.—Об одной «защите» диалектического материализма (По по книги Л. И. Аксельрод-Ортодокс «В защиту диалектического материализма», издат, 1928 г.) (№ 12, стр. 26).

Р. Черановский.—Рефлексология или психология (№ 9—10, стр. 198

Н. Г. Чернышевский.—Возвышенное и комическое (неизданная ста с предисловием П. Е. Щеголева (№ 11, стр. 5).

З. Чучмарев.—Природа и пределы методики условных рефлексов (№ стр. 129).

С. Шабс.—Еще раз о проблеме общественного труда в экономической стеме Маркса (Ответ на антикритику И. Рубина) (№ 7—8, стр. 112).

Ф. Энгельс.—Истинный социализм (№ 6, стр. 5).

С. Яновская.—Категория количества у Гегеля и сущность матема (№ 3, стр. 30).

Критика и библиография.

Alfred Amonn.—Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Zweite, erweiterte, Auflage. Leipzig und Wien 1927. (№ 2—А. Реуэль).

A. Amonn.—Grundzüge der Volkswohlstandlehre. Jena 1929, S. 336 (№ 9—10—Л. Надеждин).

В. А. Артемов, Н. А. Бернштейн, Л. С. Выготский, Н. Ф. Добрынин, А. Р. Лурия.—Практикум по экспериментальной психологии. Под редакцией проф. К. Корнилова, Гиз, 1927 г., стр. 231 (№ 11—М. Байч).

Архив социальных наук и социальной политики (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik) за 1927 г. Журнал, основанный Вернером Зомбартом, Максом Вебером и Эдгаром Яффе и издаваемый Эмилем Ледерером в сотрудничестве с Иосифом Шумпетером и Альфредом Вебером. Тюбинген. 57 том, 1—3 вып. 58 том, 1—3 вып. (№ 6—Ф. Капелюш).

G. Balat.—L'éducation moral et sociale du prolétariat par la doctrine marxiste—«Revue de Métaphysique et de Morale» 1927, Juillet-September, p. 393—417 (№ 3).

Б. В. Беляев-Башкиров.—Статистический метод в психологии и педологии. Краткое руководство для психологов, педологов, педагогов и студентов педагогических вузов. РАНИОН, Институт экспериментальной психологии. Москва 1927 г., стр. 75 (№ 12—М. Байч).

Эдуард Бернштейн.—Детство и юность. 1850—1872. Перевод А. М. Гинзбурга, с предисловием А. Тальгеймера. «Московский Рабочий» (№ 4—Кунинский).

И. Г. Блюмин.—Суб'ективная школа в политической экономии. С предисловием М. Н. Смит. Том I. Австрийская и англо-американская школы, стр. 334. Том II. Математическая школа, стр. 352. Москва, изд. Комм. Академии, 1928 г. (№ 7—8—З. Атлас).

Э. Борель.—Основные идеи алгебры и анализа. Авторизованный перевод проф. Д. А. Крыжановского, Гиз, 1927 г., стр. 307 (№ 6—З. Цейтлин).

Э. Я. Брегель и Р. М. Кабо.—Основы политической экономии, изд. «Книга», стр. 496 (№ 1—С. Гурвич).

Friedrich Bülow.—«Johannes Volkelt und die Hegelsche Philosophie» in Zwischen Philosophie und Kunst. Johannes Volkelt zum 100. Lehrsemester. Eine Sammelschrift von F. Bülow, H. Drisch, E. Everth... Lpg. 1926, S. 1—8 (№ 3).

J. Wahl.—La place de l'idée du malheur de la conscience dans la formation des théories de Hegel,—Revue Philosophique de la France et de l'Etranger, № 11—12, 1926, p. 393—450, № 7—8, 1927, p. 103—147 (№ 3).

Его же.—Commentaire d'un passage de la «Phénoménologie de l'esprit» de Hegel,—«Revue de Metaphysique et de Morale» 1927, Oktobre—Décembre, p. 441—471 (№ 3).

Н. Ванаг и С. Томсинский.—Экономическое развитие России. Изд. 3-е, переработанное. Вып. 1: Эпоха промышленного капитала. Стр. 366, цена 3 руб. Вып. 2: Эпоха финансового капитала. Стр. 388, цена 2 руб. 75 коп. (№ 1—А. Р.).

А. Варьяш.—Диалектика у Ленина (Популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина), Гиз, 1928 г, Стр. 185 (№ 2—К.).

Проф. А. Вебер.—Депозитные и спекулятивные банки. Перевод с немецкого Б. Я. Жуховецкого. Под редакцией и с предисловием А. Е. Аксельрода. Гиз, 1928 г., стр. 306 (№ 4—З. Атлас).

Max Wertheimer.—Ueber Gestalttheorie,—«Symposion», Bd. I, S. 39—60 (№ 3).

В. П. Волгин.—Очерки по истории социализма. Издание третье, дополненное. Гос. Изд., Москва—Ленинград 1926 г., стр. 282 (№ 7—8—А. Воден)

Его же.—История социалистических идей. Часть первая. Гос. изд., Москва—Ленинград 1928 г., стр. 297 (№ 7—8—А. Воден).

А. Герценштейн.—Теория капиталистического рынка. Под редакцией и с предисловием А. Мендельсона. Изд. Комм. Академии, Москва 1928 г. (№ 2—3. Атлас).

Г. К. Гобсон.—Экспорт капитала. Перевод с английского И. Румера. Редакция, предисловие и дополнения М. Спектатора. Изд. Комм. Академия, Москва 1928 г. (№ 7—8—С. Выгодский).

Hiralal Holder, M. A. Ph. D., Professor of philosophy in the University of Calcutta.—Neo - Hegelianism. London, Heath Granton Ltd. 1927, p. VII + 493 (№ 3).

Sidney Hook.—«The philosophie of Dialectical Materialism» in the Journal of philosophy, vol. XXV, № 5 и № 6, 1928 (№ 9—10—В. Боровский).

Дж. Г. Джинс и А. Эддингтон.—Современное развитие космической физики. Перев. с английского С. И. Вавилова. Новейшие течения научной мысли. Гос. Изд., 1928 г., стр. 68 (№ 2—В. Егоршин).

A. Dies.—Le problème de l'un et du multiple avant Platon,—«Revue d'histoire de la philosophie» 1927, № 1 (№ 3).

Ежегодник политической экономии и статистики (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik) за 1927 г. Журнал, основанный Бруно Гильдебрандом и Иоганном Конрадом и издаваемый Людвигом Эльстером. Иена. Выпуски: январь—декабрь (№ 6—Ф. Капелюш).

Epicurus.—The extant Remains with short Critical Apparatus translation and Notes by Cyril Bailey, M. A. Fowett-Fellow and classical Tutor of Balliol Colleg Oxford. At the Clarendon Press. 1926, p. 432. 1926, p. 432 (№ 3).

W. Sombart.—Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus. Erste Halbband: Die Grundlagen—Der Aufbau; zweiter Halbband: Der Uebergang de Hochkapitalistischen Wirtschaft. Die Gesamtwirtschaft. Verlag von Duncker u. Hun boldt. Munchen—Leipzig 1927, стр. 1064 (№ 6—И. Альтер).

Л. Ивин.—Англо-французское соперничество 1919—1927 гг. С предисловием Е. Б. Пашуканиса, Госиздат. 1928 г., стр. 164 (№ 3—Ю. С.).

Der Kampf.—Sozialdemokratische Monatsschrift. Вена, январь—июнь 1928 г (№ 9—10— М. Лурье).

К. Каутский.—Сочинения, том I. Экономические работы, ч. 1. Институ К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз, 1928 г., стр. 393 (№ 11—А. Реуэль).

Prof. Korrad Knopp.—Mathematik und Kultur. Ein Vortrag. Preussisch Jahrbücher. März 1928. Band 211. Heft 3, S. 283—300 (№ 3).

Марк Косвен.—Происхождение обмена и меры ценности. История ра: вития общественных форм в отдельных очерках, под редакцией проф. В. К. Ни кольского и доц. В. Д. Преображенского. Изд. «Молодая Гвардия», Москва—Ленин град 1927 г. (№ 12—В. Позняков).

O. Kraus.—Ueber die Philosophie Spinosa's,—Euphorion, 28 Band, 1927, Prag 161—172 (№ 3).

«Die Kreditwirtschaft». Erster Teil. Vorträge von Fritz Beckmann Karl Diehle, Bruno Kuske, Alfred Müller, Joseph Schumpeter (№ 1—3. Атлас).

И. Лапидус и К. Островитянов.—Политическая экономия в связ с теорией советского хозяйства. Госиздат, 1928 г., стр. 413 (№ 1—С. Гурвич).

Michele Losacco.—Storia della dialettica, Parte prima, Periodo Greco Firenza 1922 (№ 3).

Роза Люксембург.—Избранные сочинения. Том I. «Против реформизма» часть 1, под редакцией и с введением Пауля Фрелиха. «Московский Рабочий» стр. 256 (№ 4—И. Альтер).

Rosa Luxemburg.—Redner der Revolution. Mit Einleitung von P. Frölich Berlin 1928. «Neuer Deutscher Verlag» (№ 6—И. А.).

Карл Маркс в личной жизни (по письмам и воспоминаниям). Книга первая. Материалы собраны и переведены с немецкого языка под редакцией С. Девдариани (Сана). Изд. «Шрома». Тифлис 1928 г., тираж 5.000, стр. III + 226 (№ 4—И. Браславский).

P. Masson-Oursel.—L'atomisme indien,—«Revue Philosophique de la France et de l'Etranger», № 5 et 6, Mai—Juin 1925, p. 342—368 (№ 3).

P. Masson-Oursel.—Histoire de la Philosophie Chinoise,—«Revue Philosophique», № 11 et 12, Nov.—Déc. 1927, p. 453—456 (№ 3).

Ф. И. Михалевский.—Политическая экономия. Изд. «Московский Рабочий», 1928 г., стр. 400 (№ 1—С. Гурвич).

J. H. Muirhead.—How Hegel came to England,—Mind, October 1927, p. 423—447 (№ 3).

О законе убывающей доходности.—Сборник статей английских, американских и немецких авторов. Перевел и составил Я. А. Мирошхин. С предисловием составителя. Изд. Кооп. издательства студентов Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. «Новый Агроном», Москва 1927 г. (№ 1 — В. Позняков).

М. Острогорский. — Демократия и политические партии. Том I. Англия. Перевод с французского А. М. Горовиц, под редакцией и с предисловием Е. Б. Пашуканиса. Научно-политической секцией Госуд. Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. Изд. Комм. Академии, 1927 г., стр. 281 (№ 4 — Б. Манелис).

Франц Петри.—Социальное содержание теории ценности Маркса. Перевод с немецкого Г. И. Дукора и А. И. Ноткина. Под редакцией и с пред. В. Н. Познякова. С приложением перевода Р. Гильфердинга. «Московский Рабочий», 1928, стр. 116 (№ 12—Гр. Деборин).

С. Пионтковский. — Очерки истории России XIX—XX ст. Лекции. Изд «Пролетарий», 1928 г., стр. 301 (№ 2—Ив. Лелечко).

Предшественники научного социализма в отрывках из их произведений. Часть первая. Составил В. П. Волгин. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз, Ленинград 1928 г., стр. 309 (№ 6—А. Воден).

Dr. Jur. A. Rappoport.—Die marxistische Rechtsauffassung. Riga 1927 (№ 7—8—Б. Манелис).

Ferd. Reinkemeyer.—Die Geistigkeit des marxistischen Sozialismus,—«Philosophie und Leben» 1927, S. 131—147 (№ 3).

М. Рейснер. — Идеология Востока. Очерки восточной теократии. Госиздат, 1927 г., стр. 344 (№ 2 — Ф. Капелюш).

Я. Розанов. — Библиография о Руссо (№ 7—8, стр. 242).

Его же. — Философско-социологическое мировоззрение Н. Г. Чернышевского (Библиография) (№ 11).

Д. Розенберг. — Программа по политической экономии. С комментариями, заданиями и указателем литературы. Гиз. 1928 г. (№ 3—В. Позняков).

L. Roth.—Spinoza in Recent English Thougth,—Mind, April 1927, № 142, 205 — 240 (№ 3).

И. И. Рубин. — Современные экономисты на Западе. Оппенгеймер, Штольцман, Амонн, Петри, Лифман. Критические очерки. Гиз, 1927 г., стр. 324 (№ 3—А. Реуэль).

Его же.—Очерки по теории стоимости Маркса. Третье издание, переработанное и дополненное. Гиз, 1928 г., стр. 371 (№ 11—Гр. Деборин).

Otto Rühle.—Karl Marx. Leden und Werk. Геллерау близ Дрездена, 1928 г. (№ 4 — А. Тальгеймер).

Проф. Н. Д. Силин. — Кредитная политика эмиссионного банка и устойчивая валюта. Изд. 2-е, исправленное и переработанное. Фин. изд. НКФ СССР, Москва 1928 г. (№ 7 — 8 — З. Атлас).

Проф. С. И. Солнцев. — Введение в политическую экономию. Предмет и метод. Третье просмотренное и переработанное издание. «Прибой», Ленинград, стр. 183 (№ 9 — 10 — А. Реуэль).

«Социологический Ежегодник». Основатель Эмиль Дюркгейм, т. I (L'année sociologique. Fondateur Emile Durkheim, Tome I) (1923—1924). Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris. Librairie Felix Alcan. 1925. 80 francs. 1012 pages (№ 2—Ф. Тележников).

М. Спектатор (М. Нахимсон). — Введение в изучение мирового хозяйства. (Опыт построения теории мирового хозяйства). Гиз, 1928 г., стр. 319 (№ 11 — Л. Надеждин).

А. Столяров. — Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия. 1928 г. «Прибой» (№ 7 — 8 — Г.).

А. Тальгеймер. — Теоретический кризис социал-демократии. Перевод под редакцией Т. А. Аксельрода. Госиздат, 1927 г., стр. 167 (№ 2 — И. Альтер).

Теория номогенеза (Новая фаза в развитии российского антидарвинизма). Сборник критических статей под ред. Б. М. Козо-Полянского. Изд. Гос. Тим. Научно-Исследовательского Института, Москва 1928 г. (№ 7—8— В. Слепков).

А. К. Топорков. —Элементы диалектической логики. «Работник Пр щения», Москва 1927 г., стр. 135 (№ 2 — Ник. Карев).

Dr. Eduard Färber.—Hegels Philosophie der Chemie, Heidelberg. Kan dien. Band XXX. Heft 1—2, S. 91—114 (№ 3).

Б. Фингерт и М. Ширвиндт. — Краткий учебник исторического риализма. Гиз, 1926 г., стр 241 (№ 11 — А. Чичикалов).

Ю. П. Фролов. — Учение об условиых рефлексах, как основа педаго «Работник Просвещения», Москва 1921 г., стр. 312 (№ 6—В. Боровский).

Kurt Zimmerman.— Das Krisenproblem in der neueren national-ök mishen Theorie. 1927 (№ 1—Ф. Капелюш).

Н. Г. Чернышевский. — «Литературное наследие». Том I. Из авт графии. Дневник 1848—1853 гг. Госиздат, Москва 1928 г., стр. IV+748 (N Ю. Стеклов).

Эдуард Шварц, президент Мюнхенской академии наук.—Историогр и история у греков. В журнале «Die Antike», Zeitschrift für Kunst und Kultu klassischen Altertums. Herausgegeben von Werner Jaeger. Band I — V, Heft I, S. 14—31 (№ 3).

Ф. И. Шмит.—Предмет и границы социологического искусствоведения нинград 1928 г., 2-е изд., стр. 146. Гос. Институт Истории Искусства (№ 12—А. хайлов).

Л. Шюккинг. — Социология литературного вкуса. С приложением ст «Шекспир как народный драматург», «Семья как фактор эволюции вкусов». I вод с немецкого Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского. Под редакцией и с пред: вием проф. В. М. Жирмунского. «Academia», Ленинград 1928 г. (№ Л. Зивельчинская).

Ф. Энгельс.—Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. ием Дюрингом. Под редакцией и с введением Д. Рязанова. Гиз, 1928. Инс Маркса и Энгельса (№ 12—А. Рубин).

Сообщения и заметки.

Анри Барбюс.—Мои друзьям в СССР (№ 7—8, стр. 286).

Г. Димитриев.—Письмо в редакцию (№ 7—8, стр. 285).

В. Миллер.—Письмо в редакцию (№ 3, стр. 263).

О созыве всесоюзной конференции историков-марксистов (№ 6, стр. 230).

От правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков (№ 12, стр. 216).

Прием аспирантов в институт экономики (№ 4, стр. 232).

Программы семинарских занятий кафедры истории и философии естествознания на физмате I МГУ (№ 12, стр. 223).

С. Раевич и Ф. Вольфсон.—В редакцию «Под Знаменем Марксизма» (№ 3, стр. 264).

И. Разумовский.—Вынужденный ответ (№ 3, стр. 264).

Содержание журнала «Под Знаменем Марксизма» за 1928 г. (№ 12, стр. 235).

Условия приема в Институт Красной Профессуры на 1928/29 учебный год на подготовительное отделение (№ 3, стр. 265).

Условия приема в Институт Красной Профессуры на 1928/29 учебный год на основные отделения (№ 4, стр. 223).

Устав Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) (№ 12, стр. 218).

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Следует читать:
№ 9—10.	
стр. 201—строка 3 сверху—	
Влияние непосредственной...	Влияние непространственной...
стр. 202—строка 8 снизу—	
...комплекса значений...	...комплекса знаний...
стр. 207—строка 8 сверху—	
В суждении круга...	В сужении круга...
стр. 211—строка 16 сн.—	
...уступает рефлексологии...	...уступает реактологии...

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.**